НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

NOMOTHETIKA:
Философия. Социология. Право
2020. Том 45, № 1

Ранее журнал издавался под названием «Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право».

Основан в 1995 г.

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Адрес редакции: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор
В.П. Римский, доктор философских наук, профессор Белгородского государственного института искусств и культуры

Заместители главного редактора:
В.П. Бабинцев, доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)
Е.Е. Тонков, доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Ведущий редактор
С.С. Почепцов, кандидат философских наук, доцент (НИУ «БелГУ»)

Ответственные секретари:
А.Е. Новикова
кандидат юридических наук, доцент (НИУ «БелГУ»)
С.А. Вангородская
кандидат социологических наук, доцент (НИУ «БелГУ»)

Члены редколлегии:
Беляева Г.С., доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)
Борисов С.Н., доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)
Петар Боянич, доктор философии, профессор (Белградский университет, Сербия)
Быкова М.Ф., доктор философских наук, профессор (Университет Северной Каролины, США)
Барков С.А., доктор социологических наук, профессор (МГУ)
Габов А.В., доктор юридических наук, член-корреспондент РАН (Институт государства и права РАН)
Драч Г.В., доктор философских наук, профессор (Южный федеральный университет)
Зубок Ю.А., доктор социологических наук, профессор (Институт социально-политических исследований РАН)
Власенко Н.А., доктор юридических наук, профессор (Российский университет дружбы народов)
Калинина Г.Н., доктор философских наук, профессор (Белгородский государственный института искусств и культуры)
Климова С.М., доктор философских наук, профессор (НИУ «Высшая школа экономики»)
Майданский А.Д., доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)
Назаров В.Н., доктор философских наук, профессор (Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого)
Никольский С.А., доктор философских наук, профессор (Института философии РАН)
Проказина Н.В., доктор социологических наук, профессор (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ)
Сивков Ц.Г., доктор юридических наук, профессор (Софийский университет имени Св. Климента Охридского, Болгария)
Старилов Ю.Н., доктор юридических наук, профессор (Воронежский государственный университет)
Туранин В.Ю., доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)
Шпопер Дариуш, доктор юридических наук, профессор (Поморская академия, Польша)
Куксин И.Н., доктор юридических наук, профессор (Московский городской педагогический университет)
Таболин В.В., доктор юридических наук, профессор (Государственный университет управления)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС 77-77840 от 31.01.2020. Выходит 4 раза в год.

Выпускающий редактор Л.П. Котенко. Корректура, компьютерная верстка и оригинал-макет О.Г. Томусяк. E-mail: goleusov@bsu.edu.ru. Гарнитура Times New Roman, Arial Narrow, Impact. Дата выхода 30.03.2020. Оригинал-макет подготовлен отделом объединенной редакции научных журналов НИУ «БелГУ». Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

5 **Реутин М.Ю.**
К вопросу о структуре религиозного сознания (на материале женской мистики позднего средневековья)

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

20 **Колесников С.А.**
Генезис экспериментального метода: аспекты гуманитарной археологии числа

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

31 **Кузьменков В.А.**
Аномия: основные подходы

42 **Лебедева Л.Г.**
Отношение разных поколений россиян к государству (социологический аспект)

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

51 **Лыткин В.В., Осипова А.В.**
Протопоп Аввакум: движение от художественного образа к человеку

59 **Швырков А.И., Кошлаков Д.М.**
Концепт: проблема перевода

69 **Штомпель Л.А., Штомпель О.М.** Аудиовизуальная среда городов Южного федерального округа как пространство репрезентации смыслов культуры

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

81 **Михальцов Н.Н.**
Христологическая аргументация прп. Иоанна Дамаскина в контексте философии иконопочитания

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

88 **Брисов Ю.В.**
Добросовестность в гражданском праве

98 **Мархгейм М.В., Черенкова А.И.**
Открытые партийные списки: народовластные ресурсы и сопряженные электоральные риски

103 **Пенской В.В., Пожарова Л.А., Туранин В.Ю.**
Долгий путь к «централизации»: раннемодерное русское государство и его особенности

113 **Жукова Н.А., Ярощук И.А.**
Экстремизм: понятие и генезис в контексте международной правовой науки

123 **Факеева Л.Е.**
К вопросу об участии судей в социальных сетях в рамках статуса судьи

133 **Чепунов О.И.**
Некоторые проблемы «регуляторной гильотины»

141 **Юсупов Р.З.**
О понятии налогового правонарушения

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

148 **Алехнович А.С.**
Проектирование человека: пределы возможного и невозможного

158 **Бараниченко Н.В.**
Философско-антропологический анализ перформанса в истории европейской цивилизации

164 **Гладков Д.И.**
Ценность индивидуального (к истолкованию феноменологии М. Вебера в трудах А.Я. Гуревича)

172 **Ольхов П.А., Гончаренко И.В.**
Концептуализация человека целостного в христианской философии: к размышлениям епископа Феофана (Говорова)

183 **Черкесова К.И., Шарабарин С.М.**
«Идеальная» библиотека». О сохранении знания сегодня

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ И КОММУНИКАЦИИ

189 **Габов А.В., Тонков Е.Е., Тычинин С.В., Туршук Л.Д**. Энергетическое право: модели и тенденции развития (обзор докладов Международной научно-практической конференции)

РЕЦЕНЗИИ

203 **Дунаев Р.А., Дунаева М.Б.** На весах «Горизонтали» и «Вертикали». Рецензия на монографию М.А. Игнатова «Сетевая парадигма в культуре и науке»

205 **Сведения об авторах**

SCIENTIFIC PEER-REVIEWED JOURNAL

NOMOTHETIKA:
Philosophy. Sociology. Law
2020. Volume 45, № 1

Previously, the magazine was published under the title "Belgorod State University Scientific Bulletin.. Philosophy. Sociology. Law series".

Founded in 1995
The Journal is included into the list of the leading peer-reviewed journals and publications coming out in the Russian Federation that are recommended for publishing key results of the theses for Doktor and Kandidat degree-seekers
Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod National Research University».
Address of editorial office: 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia.

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

Chief Editor
V.P. Rimskiy, Doctor of philosophy, professor (Belgorod state institute of arts and culture)

Deputies of chief editor
V.P. Babintsev, Doctor of philosophy, Professor (Belgorod State National Research University)
E.E. Tonkov, Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University)

Commissioning Editor
S.S. Pocheptsov, Candidate of philosophy (Belgorod National Research University)

Responsible Secretary
A.E. Novikova, Candidate of law (Belgorod State National Research University
S.A. Vangorodskaya, Candidate of sociology (Belgorod National Research University)

Members of editorial board:
G.S. Belyaeva, Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University)
S.N. Borisov, Doctor of philosophy, Professor (Belgorod National Research Univ Petar Bojanic, Doctor of philosophy, Professor (Belgrade University, Serbia)
Petar Bojanic, Doctor of philosophy, Professor (Belgrade University, Serbia)
M.F. Bykova, Doctor of philosophy, Professor (North Carolina State University, USA)
N.A. Vlasenko, Doctor of law, Professor (Peoples' Friendship University of Russia)
S.A. Barkov, Doctor of sociology, Professor (Moscow State University)
A.V. Gabov, doctor of law, corresponding member of the RAS, honored lawyer of the Russian Federation, chief researcher Of the Institute of state and law of the RAS
G.V. Drach, Doctor of philosophy, Professor (Southern Federal University)
Y.A. Zubok, Doctor of sociology, Professor (Institute of Social and Political Research, Russian Academy of Science)
G.N. Kalinina, Doctor of philosophy, Professor (Belgorod state institute of arts and culture)
S.M. Klimova, Doctor of philosophy, Professor (Higher School of Economics)
A.D. Maydanskiy, Doctor of philosophy, Professor (Belgorod National Research University)
V.N. Nazarov, Doctor of philosophy, Professor (Tula State Pedagogical University of L.N. Tolstoy
S.A. Nikolskiy, Doctor of philosophy, Professor (Institute of Philosophy, Russian Academy of Science)
N.V. Prokazina, Doctor of sociology, Professor (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)
C.G. Sivkov, Doctor of law, Professor (University of Sofia "St. Kliment Ohridski", Bulgaria)
Y.N. Starilov, Doctor of law, Professor (Voronezh State University)
V.Yu. Turanin, Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University
Dariusz Shpoper, Doctor of law, Professor (Akademia Pomorska, Poland)
I.N. Kuksin, Doctor of law, Professor (Moscow City University)
V.V. Tabolin, Doctor of law, Professor (the State University of Management)

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor). Mass media registration certificate ЭЛ № ФС 77-77840 dd 31.01.2020.. Publication frequency: 4 /year

Commissioning Editor *L.P. Kotenko.* Pag Proofreading, computer imposition *O.G. Tomusyak.* Dummy layout by *S.S. Pocheptsov.* E-mail: Rimskiy@bsu.edu.ru; pocheptsov@bsu.edu.ru. Typeface Georgia, Arial Narrow, Impact. Date of publishing 30.03.2020. The layout was prepared by the Department of the joint editorial Board of scientific journals of NRU "BelSU". Address: 85, Pobedy str., Belgorod, Russia, 308015.

CONTENTS

HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

5 **Reutin M.Ju.**
On the question about the structure of religious consciousness (on the material of the woman mysticism of the late middle)

LOGICS, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

20 **Kolesnikov S.A.**
The genesis of the experimental method: the humanitarian aspects of archaeology of number

SOCIOLOGY AND SOCIAL TECHNOLOGIES

31 **Kuzmenkov V.A.**
The anomie: basic theories

42 **Lebedeva L.G.**
The attitude of different generations of Russians to the state (sociological aspect)

HUMAN BEING. CULTURE. SOCIETY

51 **Lytkin V.V., Osipova A.V.**
Protopop Avvakum: the movement from the artistic image to the person

59 **Shvyrkov A.I., Koshlakov D.M.**
Concept: the problem of translation

69 **Shtompel L.A., Shtompel O.M.**
Audiovisual environment of the cities of the Southern Federal District as a representation space of cultural meanings

RELIGION STUDIES AND SOCIOLOGY OF CULTURE

81 **Mikhaltsov N.N.**
Christological argumentation of venerable John of Damascus in the context of philosophy of icon-worship

ACTUAL PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

88 **Brisov Y.V.**
Doctrine of good faith in civil law

98 **M.V. Markhgeym, A.I. CHerenkova**
Open party lists: people-power resources and associated electoral risks

103 **Penskoy V.V., Pozharova L.A., Turanin V.Yu.**
Long way to "centralization": early modern Russian state and its features

113 **Zhukova N.A., Yaroshchuk I.A.**
Extremism: concept and genesis in the context of international legal science

123 **Fakeeva I.E.**
The issue of participation of judges in social networks in the framework of the judge status

133 **Chepunov A.E.**
Some problems of the «regulatory guillotine»

141 **Yusupov R. Z.**
About the concept of tax law office

THESIS

148 **Alehnovich A.S.**
Human projection: the limits of possible and impossible

158 **Baranichenko N.V.**
Philosophical-anthropological analysis of performance in the history of European civilization

164 **Gladkov D.I.**
The value of the individuality (notes on the phenomenology of m. weber in the last book of Aron Y. Gurevich)

172 **Olkhov P.A., Goncharenko I.V.**
Conceptualization of a holistic man in christian philosophy (to the thoughts of bishop Theophanes (Govorov))

183 **Cherkesova K.I., Sharbarin S.M.**
"Perfect library". About keeping knowledge today

SCIENTIFIC LIFE AND COMMUNICATION

189 **Gabov A.V., Tonkov E.E., Tychinin S.V., Tursuk L.D.**
Energy law: models and trends of development (review of reports of the International scientific and practical conference)

REVIEW

203 **Dunaev R.A., Dunaeva M.B.**
On scales "horizontal" and "vertical". Review of the monograph by M.A. Ignatova "Network paradigm in culture and science"

205 **About authors**

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ
LOGICS, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

УДК 111:27
DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-1-5-19

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ЖЕНСКОЙ МИСТИКИ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ)

ON THE QUESTION ABOUT THE STRUCTURE OF RELIGIOUS CONSCIOUSNESS (ON THE MATERIAL OF THE WOMAN MYSTICISM OF THE LATE MIDDLE AGES)

М.Ю. Реутин
M.Ju. Reutin

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Россия, 119571, Москва, проспект Вернадского, 82

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
82 Vernadsky Avenue, Moscow, 119571, Russia

E-mail: mreutin@mail.ru

Аннотация
Статья посвящена двухчастному строению религиозного сознания и демонстрирует такое строение на материале письменности немецких доминиканок 1-й половины XIV века. В первой главе оно систематически описано так, как его осознавали сами монахини-доминиканки (мотив «интроекции»). Во второй главе предложено его стороннее описание в научных понятиях (теория «объективации). В статье делается попытка понять это строение исходя из самого религиозного опыта, а не создаваемых post factum религиозных доктрин, а также показать имманентную логику такого строения.

Abstract
This article is devoted to the 2-parts structure of the religious consciousness and demonstrates such a structure on the material of the writings, belonging to German women-Dominicans from the fourteenth century. The first chapter describes this mental structure as it was understood by the medieval nuns themselves (topic of the “introjection”). The second chapter gives an explanation for this phenomenon in scientific concepts and terms (theory of “objectification”). The research is aimed to find a common approach to the mentioned above 2-parts structure and to indicate its intrinsic logic without any attraction of religious teachings, created post factum.

Ключевые слова: мистика, схоластика, транскрипция опыта, внутренняя атрибутивная аналогия, субсистенция, мистическое единение с Богом.

Keywords: mysticism, scholasticism, transcription of the experience, intrinsic attributive analogy, subsistence, mystical unity with God.

I. Вводные замечания

На рубеже XIII и XIV вв. Центральную Европу – на сегодняшней карте: юг Германии, восток Швейцарии и север Франции – охватили массовые религиозные психозы, продолжавшиеся до середины XIV в. Разумеется, эти психозы не были институционально ограничены, затрагивали самые широкие слои позднесредневекового населения: от городского простонародья до городских патрициев и представителей высших эшелонов власти, однако культивировались они в рамках доминиканского ордена персонажами, вроде констанцского визионера Генриха Сузо (1295/1297–1366, беатификация 1831).

К счастью, эта эпоха религиозной истории Европы была превосходно задокументирована: 1) «монастырскими хрониками», составленными в конвентах Унтерлинден (Кольмар), Адельхаузен (Фрайбург в Брайсгау), Кирхберг (Зюльц), Готтесцелль (Ульм), Отенбах (Цюрих), Тёсс (Винтертур), Катаринеталь (Диссенхофен), Энгельталь (Нюрнберг), Вайлер (Штуттгарт); 2) откровениями Мехтхильды Магдебургской, Гертруды Хельфтской, Мехтхильды Хакеборнской, Кристины, Маргарет Эбнер, Элсбет фон Ойе (автограф Rh 159, Цюрих); 3) «благодатными житиями» Элсбет фон Ойе, Адельхайд Фрайбургской, Фридриха Зундера и Адельхайд Лангманн. Все эти опусы задумывались как документальные свидетельства, однако, будучи составляемы в прихрамовой среде с ее чрезвычайно активным мифотворчеством, строились на миметических принципах (художественного удвоения реальности) и становились de facto художественными произведениями, при этом продолжая функционировать, восприниматься в качестве достоверных образцов для подражания. Разводить подобные свидетельства и действительность (не отождествлять и не противопоставлять их) нам помогают 4) посторонние документы: путевые заметки (Фома Шантимпре), замечания инквизиторов (Давид Аугсбургский), инквизиционные акты (Альберт Великий) и пр., описывающие ту же реальность, что «хроники», откровения и «жития», однако составленные за пределами их компактной традиции.

Опираясь на перечисленные тексты, мы далее обратимся не к поведенческой (имитационная аскеза), но духовной, молитвенной практике, строившейся в пределах указанной традиции.

II. Психомифология

1. *Интроекция*

Одним из наиболее важных, если не самым важным, среди мотивов изучаемых нами произведений является мотив интроекции: объект созерцания, Христос, проникает в субъект созерцания – монахиню-харизматика (или наоборот), что приводит к корректировке, чаще же к полному стиранию субъектно-объектных отношений. Мотив интроекции задан большим количеством образов и вариантов. При его разработке учитываются, прежде всего, новозаветные стихи Ин. 14: 23 («Мы придем к нему и обитель у него сотворим») и Гал. 2: 20 («Уже не я живу, но живет во мне Христос»).

Самым частым образом, относящимся к интроекции, является благодатное светолучение. Христос источается в душу в облике света [Die Chronik…,1880, p. 185]. Одна из сестер обители Катаринеталь узрела в себе свет, а в нем опознала свою душу в обнимку с Младенцем [Das «St. Katharinentaler Schwesternbuch», 1995, p. 131]. Другая сестра монастыря Адельхаузен была залита и переполнена благодатью, выплескивавшейся у нее чрез уста, бывшей дивным Младенцем [Die Chronik…, 1880, p. 171–172].

Интроекция может также пониматься как результат, подлинное содержание таинства Евхаристии. В течение нескольких дней после причастия харизматик видит свою душу подобной кристаллу, внутри которого мерцает Иисус-огонек [Die Chronik…, 1880, p. 174]. Кристалл пронизан ярким, белоснежным светом; это дает о себе знать «божественность Христа», заключенная в кристалле в виде золотой сердцевины [Sanctæ Gertrudis…, 1875, p. 200]. После таинства образ кристалла изредка принимает не только душа, но и тело харизматика в целом; в теле созерцаются душа и Господь: сии «милуются друг с другом с

неизреченной нежностью» и обретаются «в единстве всяческой игривой радости» [Aufzeichnungen…, 1893, p. 135–136]. После того, как Фр. Зундер причастился, «Иисусик» молит свою «милую Маменьку» постелить ему и его «милой супружнице», душе капеллана, «чудную постельку», где бы они смогли «порезвиться» (vnser kurczwil habind); в «постельке» веселье и смех, объятия и поцелуи [Das Gnaden-Leben..., 1980, p. 415–416].

Однако возможна и противоположная пространственная конфигурация: не только Христос в душе, но и душа во Христе. Он входит в нее и облекается ею, впускает в себя и облекает собой [Mechthild von Magdeburg, 2003, p. 92]. Он является одеждой души, обряжает душу в свои одеяния, как это принято у друзей на земле [Sanctæ Gertrudis Magnæ…, 1875, p. 197], в себя самого [Sanctæ Mechtildis…, 1877, p. 330] и в свое Божество, делая из нее бога [Das Gnaden-Leben…, 1980, p. 423]. В результате не только Бог втекает в душу монахини, но и душа втекает в сущность Бога обратно [Leben und…, 2009, p. 435]. Господь втягивает душу в себя [Sanctæ Gertrudis Magnæ…, 1875, p. 336]. В нем, в «блаженнейшей Жизни», упокоение и кончина души [Gertrud von Helfta, 2001, p. 208]. Будучи прибежищем души, он дарует ей утешение; она должна только вложить руки в сердце ему [Sanctæ Gertrudis Magnæ…, 1875, p. 412] или укрыться в одной из его ран [Sanctæ Mechtildis…, 1877, p. 172]. Мехтхильда Хакеборнская созерцает в экстазе себя, гуляющей в сердце Христа, как по прекрасному винограднику [Sanctæ Mechtildis…, 1877, p. 79], и входящей через отворенную дверь его сердца в округлый дом, где перед нею предстает Иисус [Sanctæ Mechtildis…, 1877, p. 195]. Домом оказывается уже ее сердце; восседая в нем, Господь, озаряет его, как солнце освящает кристалл [Sanctæ Mechtildis…, 1877, p. 377].

Четкая конфигурация – сердце как внутренний мир харизматика, где совосседают Христос и душа – была задана уже в «Свято-Георгенских проповедях» [Die St. Georgener…, 2010, p. 186–187, 230] с опорой на метафорику Библии, прежде всего, Псалтири. То, что эта конфигурация была хорошо знакома доминиканкам 1-й половины XIV века, доказал Дж. Хамбургер, опубликовав их живописные миниатюры из Прусского культурного наследия Государственной библиотеки в Берлине (№ 417), Национальной и университетской библиотеки Страсбурга (Ms. 2929, f. 8^{v}) и другие [Hamburger, 1997, p. 141, 148].

Ср. у А. Лангманн: «Она посмотрела в сердце свое и узрела душу свою, восседающую напротив нашего Господа» [Штагель, 2019, с. 156]. Впрочем, следует иметь в виду, что четкость этой конфигурации обманчива, так как визуально-пространственные метафоры (свет, сердце, кристалл, брачное ложе, одежда, раны, дом, виноградник) используются в качестве заведомо недостаточных. Здесь даже «внутри» – это «снаружи», а движение «наружу» есть движение «внутрь». Метафоры применяются и тотчас разоблачаются, отбрасываются лишь как частично пригодные. И именно в качестве недостаточных они взаимозаменяемы. Но суть изображаемых ими процессов от того не меняется. А суть такова: чрезвычайно интенсивные, диффузные взаимоотношения между харизматиком и Христом – отношения, вовсе неизвестные евангельскому мифу, при том, что сами евангельские персонажи (Христос, дьявол, апостолы, Богородица) прекрасно известны, хотя и утрачивают свои четкие силуэты действующих лиц.

2. *Двухчастная конфигурация*

Внутренний мир харизматика разделен на две части. Между обеими: той, что от неё, «черствой», и той, что от Бога, «любящей», блаженная Анджела узрела как бы «дорогу» [Il libro della beata…, 1985, p. 300][1]. Однако вторая часть не только от Бога, но и сам Бог. Главный персонаж христианского нарратива, Христос, некогда ходивший дорогами

[1] «И вот я узрела две части в себе, как будто во мне была вымощена некая улица. И с одной стороны я увидела всякую любовь и всякую благостыню, каковая была от Бога, но не от меня; а с другой стороны увидала иссохшей себя, и что нет во мне ни малого блага. И тогда я уразумела, что то́ была не я, которая любила, хотя и была вся в любви, но что сие было только от Бога».

Галилеи в окружении учеников и народа, теперь становится «частью» (pars), а именно «лучшей частью» (pars optima), внутреннего мира монахини-харизматика [Gertrud von Helfta, 2001, p. 130][1]. Гертруда Великая говорит, обращаясь в молитве к Господу:

«Мне вовсе недостаточно Твоего благословения, если я не удержу Тебя Самого и не буду иметь моей лучшей частью, как всю мою надежду и упование» [Gertrud von Helfta, 2001, p. 158].

Что же это за части? Всё те же, знакомые нам, – душа и Христос, восседающие в сердце у харизматика.

Приведенная выше цитата указывает на соотношение двух частей внутреннего мира монахини: ее собственной души и Христа. Первая из них пуста и представляет собой совершенное «ничто», сама по себе убога и нища [Gertrud von Helfta, 2001, pp. 118, 218][2]; в ней многое несовершенно, бедно, безобразно, находится в небрежении [Sanctæ Mechtildis…, 1877, p. 221]. Вторая полна всяческих благ, избыточествует и преизобилует ими, ни в чем не испытывая недостатка [ES, pp. 134, 174][3]. Части противопоставлены друг другу. Всё, чего лишена (defecta) и в чем испытывает недостаток (deficere) первая, имеется в избытке (plenus) в другой. Каждая из недостач соотнесена с соответствующим избытком. Гертруда – к Христу:

«Ты – моя честь, Ты – моя радость, Ты – мое веселье, Ты – мое утешение, когда я печальна. Ты – мой совет, если я сомневаюсь. Ты – моя защита, если со мной поступают бесчестно, мое терпение, если я бедствую, мое богатство, когда я бедна, моя трапеза, когда я пощусь, мой сон, когда бодрствую, мое лекарство, когда я больна» [Gertrud von Helfta, 2001, p. 88].

3. *Восполнение*

При таком положении дел вполне логично возникает мысль о «восполнении» (suppletio), стремление «восполнить» (supplere) недостачи, имеющиеся в первой части, за счет части второй. Христос говорит той же Гертруде:

«Ныне выдохни из себя все ошибки и недостатки, каковые желаешь, чтобы они погибли в тебе, и втяни в себя из Моего духа всё, чем хочешь владеть из числа Моих добродетелей и совершенств. И знай несомненно, что добьешься избавления от всего, что выдыхаешь, и действия всего, что втягиваешь из Моего духа в себя» [Sanctæ Gertrudis Magnæ…, 1875, p. 371–372].

Мотив восполнения – один из частых и наиболее разработанных в рассматриваемых нами текстах. Он был введен некогда Бернардом, уверенным, что в «Слове» имеется лекарство для ран, поддержка в бедствиях, возмещение недостач и полнота успеха [Cantic. 2, p. 652]. Теперь же монахиня-харизматик накладывает длани на длани Христа, очи на очи, уши на уши, уста на уста, сердце на сердце и получает то, что он ими заработал при жизни взамен своих скверных действий этими членами [Sanctæ Mechtildis…, 1877, p. 8–9]. Не удивительно, что в представлениях харизматика вторая часть есть опора, «твердыня» для первой [LSG, p. 148], ведь всё, чего первой не хватает в себе, имеет она во второй [Sanctæ Gertrudis Magnæ…, 1875, p. 222]. «Моя душа – пишет Гертруда – ждет не дождется торгового дня, чтобы мои недобрые дела <...> Ты мне обменял на Твои добрые» [Gertrud von Helfta, 2001, p. 228]. Латинским терминам «supplere» (восполнять) и «emendo» (поправлять, искупать, замещать) соответствуют немецкоязычные термины «volbringen» и

[1] «<...> чтобы мне было дозволено <...> заранее отведать Тебя (Христа. – М.Р.), мою лучшую часть, с удовольствием».

[2] «В себе я совершенно пустое ничто» (in me sum tota nihilum et inane), «бедная и неимущая сама по себе».

[3] «Ты изобилуешь и неизъяснимо преизобилуешь в Самом Себе всякими благами», «Ты один достаточен для Себя, не имеющий в Себе никогда недостатка».

«sten für» [Штагель, 2019, с. 171, 203]. Телесно переживая такое восполнение, Гертруда из Энгельталя на протяжении всей своей жизни делает движения ртом, словно что-то сосет. Это, объясняют авторы ее жития, Бог ощутимо кормил своей сладостностью [Die Vita…, 1980, p. 446]. В указанном «восполнении», когда Бог становится «моей высочайшей надежностью» (min hoͤhste sicherheit) [Mechthild von Magdeburg, 2003, p. 38], – самая сердцевина и сущность мистического опыта доминиканок 1-й половины XIV века.

В рамках восполнения уясняются функции Христа: замещать собою любовника и ребенка, отсутствующих у монахини, на которых мы теперь подробно остановиться не можем. Заметим только, что в текстах традиции Христос предстает в цветении утонченного эротизма, в образах 16-летнего юноши [Sanctæ Gertrudis Magnæ…, 1875, p. 59] и 18- [Leben und…, 1872, p. 28; Mechthild von Magdeburg, 2003, p. 604; Штагель, 2019, с. 165, 188], а также молодого мужчины в возрасте 30-ти лет [Die Chronik…, 1880, p. 171; Das «St. Katharinentaler…, 1995, p. 131; Штагель, 2019, с. 139, 192]. При этом Гертруда характеризует 16-летнего: «…в том виде, как Им хотела бы тогда насладиться моя молодость телесными очами», а Магдебургская бегинка замечает по поводу 18-летнего: «…так образ Его девам всего милей, и Он всего прекрасней».

В текстах встречаются изображения coitus'a. Брачное соитие в Небесном Иерусалиме составляет кульминацию «Откровений» А. Лангманн [Штагель, 2019, с. 187]. Встречаются сцены разного рода извращений и педофилии, где задействован Младенец-Христос [Штагель, 2019, с. 434]. А. Бланнбекин сосет «крайнюю плоть» Иисуса [Штагель, 2019, с. 307]. Гертруда целует и ласкает всю ночь напролет положенное рядом с нею в постели распятие, пока не чувствует, как ее обнимает снятая с креста десница Распятого [Sanctæ Gertrudis Magnæ…, 1875, p. 212; ср.: Песн. 2: 6]. Что же касается младенца (ребенка) – Христа, то это один из наиболее распространенных образов нашей традиции. Он созерцался обыкновенно в период рождественских празднеств. Явившись со своей матерью монахине Ирмгард из обители Готтесцелль, он заставляет ее тосковать по себе долгие годы [Aufzeichnungen…, 1893, p. 145–146], обнаруживая тем самым свою компенсаторную функцию.

4. ***Реверсивная конструкция***

Итак, Христос – «часть» монахини-харизматика. Существенной особенностью этой части является то, что она либо полностью утрачивает, либо в большой мере восстанавливает свои очертания мифологического персонажа и, соответственно, находится с душой либо в диффузных отношениях, либо в отношениях взаимной дополнительности (любовник, ребенок), неизменно оставаясь при этом одной из двух составляющих внутреннего мира харизматика. Обе части этого мира – Христос и душа – представляют собой своего рода сообщающиеся сосуды, между которыми происходит обмен активностями.

Отношения между рассматриваемыми частями являются прямо пропорциональными. Прямая пропорциональность – такая зависимость двух величин, при которой увеличение или уменьшение одной из них ведет к увеличению или уменьшению другой. Эта зависимость была установлена самым определенным образом уже в основополагающем тексте традиции – «Проповедях» клервоского аббата:

«Душа не сомневается в том, что любима (amari), поскольку любит (amat). <...> Ка́к ты себя готовишь для Бога, та́к Он тебе явится» [Cantic. 2, p. 426].

Очевидно, что взаимоотношения между отдельными и самостоятельно действующими персонажами, харизматиком и Христом, какими они заданы у того же Г. Сузо, интериоризированы аббатом Клерво и заменены на закономерности внутренней, интеллектуальной динамики. И эта динамика нашла выражение в реверсивной конструкции: «Я Твоя, а Ты мой», «Ты во мне, я же в Тебе», «Иисусе, будь со мной всегда так, чтобы сердце мое оставалось с Тобой» [Gertrud von Helfta, 2001, pp. 66, 206, 250]. Прямая про-

порция задается образом зеркала (speculum), популярного у монахинь [Gertrud von Helfta, 2001, p. 130], и состоит во взаимном познании и созерцании обеих частей друг другом:

«Душа, созерцающая Бога, созерцает Его не иначе, как если бы единственная созерцалась Богом» [Cantic. 2, p. 428]. *«Возжигаешь в Себе (душу мою. – М.Р.), чтобы, как я была познана, я себя познáла в Тебе»* [Gertrud von Helfta, 2001, p. 182].

Такие взаимно-рефлексивные ходы предполагают пару обменивающихся действиями субъектов: кто возводит свой взор к Богу, тот созерцается Богом-Отцом [Sanctæ Gertrudis Magnæ…, 1875, p. 153], кто взирает на Распятого, на того взирает и Распятый, узревая в нем свое отражение [Sanctæ Gertrudis Magnæ…, 1875, p. 205]. И. Экхарт предельно заостряет мысль о взаимной рефлексии обеих частей (некогда самостоятельных персонажей) и видит в рефлексии не два встречных, но единое действие, взятое с разных сторон и с разных позиций:

«Глаз, которым я вижу Бога, – это тот самый глаз, которым Бог видит меня. Мой глаз и глаз Божий суть один глаз и одно зрение и одно познание и одна любовь» [Meister Eckhart, 2003, p. 201].

5. *Стратегии мистического единения*

Главным событием, происходящим в области психомифологии, является мистическое «единение» души с Богом-Христом. Речь идет именно о процессе, «единении» (*нем*. «einunge», «einung») [Mechthild von Magdeburg, 2003; p. 320; Штагель, 2019, с. 64, 192], *лат*. «unio» [Sanctæ Gertrudis Magnæ…, 1875, p. 108; Gertrud von Helfta, 2001, p. 114, Sanctæ Mechtildis…, 1877, p. 170, Штагель, 2019, с. 324], а не о достигнутом результате, «единстве» (*нем*. «einikeit») [Leben und…, 2009, p. 406]. Это весьма показательно, так как единство мыслится в становлении и достигается в постоянно возобновляемом усилии, в длящемся единении. В текстах изучаемой традиции описания мистического единения повторяются многократно. В соответствии с разыгрываемыми сценариями такие описания делятся на три больших группы: сораспятие [Штагель, 2019, с. 278], coitus или его эвфемистические замещения [Штагель, 2019, с. 434], беременность Младенцем [Штагель, 2019, с. 272, 332–333]. В содержательном же плане мистическое единение обыкновенно толкуется четырьмя способами: 1) как совпадение и равноправное сотрудничество воль харизматика и Христа, 2) беседа того и другого, 3) инспирация первого вторым и 4) как полное поглощение индивидуальности, души харизматика и ее растворение в Боге.

Уходя корнями в мистику Бернарда Клервоского (а через него в более дальний контекст), первое толкование, сотрудничество, выглядит следующим образом:

«Когда ясное солнце Божества просветило его (Павла. – М.Р.) душу, из светлой розы его духа излился поток любовного Божественного созерцания» [Meister Eckhart, 2003, p. 407].

Певцом такого единения была, несмотря на свою склонность к пантеизму, Элсбет фон Ойе: «Где кто-нибудь един друг с другом в великой любви, там должно быть всегда и действие по любви» [Leben und…, 2009, p. 426], «В Моем действии Я запечатлеваюсь глубже в тебе, чем в твоем действии ты сможешь запечатлеться во Мне» [Leben und…, 2009, p. 427].

Беседа. Воззрев себе в сердце, харизматик обнаруживает в нем свою душу, восседающую напротив Господа, обменивающуюся репликами [Штагель, 2019, с. 333] и оживленно беседующую с ним (ad invicem colloquentes) [Sanctæ Mechtildis…, 1877, p. 195]. Имеются изображения того, как это собеседование протекает:

«Подобно тому, как беседуют два человека и отвечают друг другу, так Бог весьма часто говорил в ее (Мехтхильды фон Вальдек. – М.Р.) душе, а ее душа с Богом» [Aufzeichnungen…, 1893, p. 119].

Такая беседа описывается с помощью взаимно-рефлексивной конструкции: «Ты – Мне, а Я – тебе, и мы друг с другом любовно беседуем» [Aufzeichnungen…, 1893, p. 118]. Но аналогия с беседой между людьми не может простираться слишком далеко, ведь «беседа» (gesprech), посредством которой Бог «присутствует» в душе, протекает «без телесных слов» [Sanctæ Mechtildis…, 1877, p. 241].

Что касается инспирации, то она состоит в том, что, оставаясь действующим лицом, харизматик обменивает свои свойства и действия на свойства и действия Бога, так что определяется Божьими свойствами и действует Божьими действиями, вернее же, Бог действует в нем и посредством него (in anima sine intermissione operaris) [Sanctæ Mechtildis…, 1877, p. 230], в нем собой услаждается [Leben und…, 2009, p. 429], даже если харизматик полагает, что делает то или другое сам. Как образец совершенной инспирации выбрана беременность Богородицы [Sanctæ Mechtildis…, 1877, p. 91][1]. Харизматик чувствует чувствами Бога:

«С этими словами Бог втянул ее (Мехтхильды Хакеборнской. – М.Р.) душу полностью в Себя Самого и объединился с нею – да так, что ей показалось, словно она видит очами Божьими, внемлет Его ушами и говорит Его устами. Она была также уверена, что обладает никаким иным сердцем, как только сердцем Божьим» [Sanctæ Mechtildis…, 1877, p. 179].

Харизматик подобен кузнечным мехам, имеющим воздух не в себе, но берущим его из окружающего пространства [Sanctæ Mechtildis…, 1877, p. 205–206]. Слабый сам по себе, он силен силою Божьей: «…когда Я вливаю в тебя Мое Божество, ты становишься сильной» [Штагель, 2019, с. 164].

Наконец, поглощение:

«Когда душа этого (единения. – М.Р.) достигает, она лишается своего имени, Бог ее поглощает, и она в ничто обращается, – как солнце поглощает зарю, так что она исчезает» [Экхарт, 2010, с. 80].

Редкая по сравнению с другими моделями, она поясняется посредством метафор плавления золота в горниле и растворения вина в воде, как это имеет место в «Струящемся свете» Мехтхильды[2]. На расплавленное золото, растворенное вино душа похожа и до своего создания, когда она, согласно проповеди 52 И. Экхарта [210, с. 178], еще покоилась в Боге, неразличимая с ним [Schneider-Lastin, 2000, p. 550].

Следует заметить, что за четырьмя перечисленными моделями с большой степенью вероятности находится единый мистический опыт, взятый и описанный с разных сторон. Сутью такого опыта, как заверяет Г. Сузо, является «деятельная восприимчивость» (uebige enpfintlichkeit), активные усилия по достижению полной пассивности [Сузо, 2014, с. 114, 495] и готовности беспрепятственно ознаменоваться отпечатками Божьими. При этом обе активности, как человека, так и Бога, прямо-пропорциональны, сам же процесс запечатления понимается как беседа «без слов». Подобная беседа представляет собой инспирацию. Инспирированная монахиня, обнаруживающая собой – и своим словом, и делом – Бога

[1] «И вот Преблаженная Троица втекла в нее в полноте Своего Божества и так пронзила ее, что она наполнилась Богом. Даже когда она полагала, что делает что-то сама, Бог Сам совершал сие в ней и исполнял посредством нее. Он видел ее очами, внимал ее ушами и устами ее возносил Себе Самому прекраснейшие и совершеннейшие песнопения, радуясь Себе и наслаждаясь Собой в сердце Девы, как в Своем собственном». Ср. также: «В ней (Деве Марии. – М.Р.) был Бог, над нею был Бог, вокруг нее всюду был Бог, и она из-за этого была изрядно просвещена истинным светом» [Die St. Georgener…, 2010, p. 71].

[2] «Оно (божественное Сердце. – М.Р.) подобно червонному золоту, которое пылает в великом огне горнила. Так Он принимает ее (душу. – М.Р.) в Свое пылающее Сердце. Когда высокий князь и малая дева так обнимаются и соединены, как вода и вино, то она обращается в ничто и исходит из себя» [Мехтильда Магдебургская, 2014, с. 24].

среди людей, есть «соработница» (mitwürckerin) Божья [Leben und…, 2009, p. 417]; тут в терминах внешнего ряда изображен всё тот же внутренний процесс восполнения недостаточной «части» за счет «части» избыточной.

6. *Деформация мифа*

Помимо изображенных процессов, связанных с мистическим единением, в рамках психомифологии происходят и другие изменения христианского мифа. Отмечается тенденция к отмене ангельской иерархии и установлению непосредственного общения Бога и человека без всякого посредничества:

«Господи, небеса для меня слишком ничтожны <...> утешение ангелов почитаю я за ничто <...>. Господи, если Ты хотя бы немного любишь и ценишь меня, тогда приди Сам и не присылай ко мне никакого посланника» [Штагель, 2019, с. 163].

Происходит взаимное противопоставление двух ипостасей Св. Троицы, Отца и Сына при изъятии третьей – Св. Духа. Отец либо вовсе остается за пределами психомифологии, и харизматик общается лишь с Сыном, представляющим Бога и Троицу, либо олицетворяет собой суровую и даже предельно враждебную стихию, от которой способен защитить только Сын. В «Книжице жизни и откровений» Элсбет фон Ойе Отец медлит с праведной местью падшему человечеству из-за того, что без остатка предан неизъяснимому удовольствию от созерцания кровавых мук своего распятого Сына. У Отца полностью ампутирована любовь к человеческому роду и передана Сыну.

Наконец, имеет место маргинализация святых. В той же «Книжице» Элсбет они (в том числе святой Иоанн Евангелист) интересны харизматику лишь как помощники в его мистическом единении и как образцы удачного опыта единения в прошлом.

7. *Заключительная интеграция*

Опять-таки новым является то, что в пределах психомифологии Христос – лучшая, изобильная и, казалось бы, самодостаточная «часть» внутреннего мира харизматика – не устает подчеркивать свою полную зависимость от другой «части» – души, убогой и скудной самой по себе:

«Она (душа капеллана Зундера. – М.Р.) сказала: «Господи, я не госпожа, а бедная служанка Божья». Тогда Господь наш сказал душе: "Вы – также госпожа (frou). Вы властны надо Мной (gewaltig), принуждаете Меня (zwingent mich) и привязываете Меня (bindent mich) к себе, так что Я вынужден делать (můß tůn) то, что вы пожелаете (wo^{e}lind)"» [Das Gnaden-Leben…, 1980, p. 422].

Особо силен этот лейтмотив отмены, полного упразднения божественной автаркии у М. Эбнер: Господь «изнывает по мне», «не может без меня обойтись» и «не хочет без меня обходиться» [Штагель, 2019, с. 239, 257, 258].

«Я не могу обойтись без тебя, и ты не можешь обойтись без Меня. Твоя радость – во мне, а Моя радость – в тебе» [Штагель, 2019, с. 280].

Будучи зависим от души, Господь заинтересован не меньше нее в том, чтобы обрести с ней единство, ведь не только она изнемогает от любви к нему, но и он изнемогает (minnesiech) от любви к ней [Mechthild von Magdeburg, 2003, p. 26]. При таком новом взгляде «от Бога» мистическое единение предстает в совершенно новом свете.

II. Проективный механизм

1. *Объективация*

А теперь самое главное. В выработанном им представлении о Боге харизматик повстречал сам себя, какой-то «неведомый ему самому осколок своей же души», но, обна-

ружив его и даже вступив во взаимоотношения с ним, не понял его существа [Beutin, 1999, p. 74]. Это довольно сильное утверждение, и оно нуждается в доказательствах.

Одно из многочисленных собеседований между двумя персонажами психомифологии – Господом и душой – содержится в главе 23 части I «Книги особой благодати» Мехтхильды Хакеборнской:

«Она услышала голос, обращавшийся к ней: "Слушай же, о душа Моя, разразись в восклицаниях, ибо Дух Святый наполняет всю землю, не останешься свободной и ты". Она стала размышлять о сказанном ей: может быть, сии слова не слова Бога, может быть, это всего лишь самоутешение твоей души? Но Господь отвечал: "Нет, все это Мои словеса, ведь и душа твоя тоже Моя, а Моя душа – твоя"» [Sanctæ Mechtildis…, 1877, p. 82].

Созерцаемый монахиней внутри себя образ Христа обладает совершенно особым статусом. То, что он переживается субъективно, совсем не означает, что субъективным является само его содержание. Нет, его содержание объективно, хотя реальность такого содержания не поддается описанию посредством предикатов бытия, предметного существования: веса, цвета, протяженности, времени и подобного. На языке латинского богословия такая реальность называлась «субсистенцией». Еще раз: объективная реальность образа Христа не сводится к субъективности воспринимающего его харизматика. Она не является продукцией этой субъективности, хотя имеется лишь в субъективном и сообщается только благодаря субъективным усилиям. Такова объективно-субъективная природа «внутреннего голоса» (vox interior), как он называется у А. Бланнбекин [Agnetis Blannbekin, p. 113], озвучивающего вечные, трансцендентные истины неповторимыми интонациями харизматика.

Это нетрудно понять, если основываться на современном авторском опыте. Можно создавать или не создавать литературный образ, но если образ создан, то, обладая собственным предметным содержанием, он мыслится как некое *само-по-себе*, навязывает себя как именно *такой образ*. С одной стороны, образ персонажа вполне ирреален, с другой стороны, он содержательно самостоятелен и недоступен мыслительному произволу с того самого момента, как задан. Образ обладает «объектным, интенциональным бытием» латинской схоластики. Примерно в таком смысле, хотя и с многократно бóльшим онтологическим углублением, следует понимать содержание приведенного выше изречения Христа. В плане переживания это содержание вполне субъективно, будучи не чем иным, как «самоутешением души» Мехтхильды. В плане значения оно вполне объективно, будучи раздающимися в Мехтхильде «словесами» Бога. Итак, есть объективное, и есть субъективное, а есть объективное в субъективном: такое объективное, которое не описывается предикатами бытия, потому что в противном случае (имея, например, вес, протяженность) оно не могло бы присутствовать в субъективном. Именно таков образ Божий, голос Бога, раздающийся в ушах харизматика: «Доброе, каковое задумывается, есть голос Божий, а не детище сердца» [Bernhard von Clairvaux, 1999, p. 508–510].

2. *Имяславие*

Наиболее ярко эта объективно-субъективная конфигурация проявляет себя, когда речь заходит об имени Бога. Тема имени Божьего – почитание, практика использования, теоретические размышления – одна из важнейших и наиболее развитых в пределах женской мистики 1-й половины XIV века. Особенно интересен вопрос, как имя (*нем*. name, *лат*. nomen) «Иисус Христос» (Jhesus Cristus) соотносилось в представлениях монахини-харизматика с носителем этого имени.

Уже Бернард, комментируя Песн. 2:16: «Возлюбленный мой принадлежит мне, а я Ему», заметил, что между душой и Словом имеется некая «благодатная близость» [Bernhard von Clairvaux, 1999, p. 426], и, проясняя такую «близость», указал на перформативный характер веры: «Верующие знают, что Христос вселяется в их сердца через веру»

[Bernhard von Clairvaux, 1999, p. 530] (ср.: Еф. 3: 17). Перформатив является речевым актом. Как раз таким актом, направленным на учреждение «лучшей части» души, психомифологического образа Бога (Христа), является «помышление» о Боге: «Бог, в силу помышлений [о Нем], пребывал в ее сердце» (Deus erat in corde per cogitationem) [Штагель, 2019, с. 383]. Иначе говоря, Бог вселяется в сердце благодаря помышлению о нем и посредством этого са́мого помышления. Если о Боге не помышлять, то он и не вселится в сердце. Все точки над «i» в этом вопросе расставляет А. Лангманн:

«Желаю начертать имя Мое в твоем сердце, чтобы ему никогда из него не стереться <...> Хочу глубоко погрузиться в сердце твое и хочу совершенно заполнить его Собою Самим» [Штагель, 2019, с. 160].

Тождество субъективного и объективного, называния и называемого, имени Бога и самого Бога – основная интуиция, раскрывающаяся в «Откровениях» М. Эбнер, этом «имяславческом» трактате par excellence. На многих страницах своих дневниковых записок Эбнер свидетельствует о «присутствии» Божьем (gegenwertikait gotes) в ее душе. Такое присутствие в большинстве случаев отождествляется с присутствием в душе имени «Иисус Христос» («Иисусе Христе») и обуславливается произнесением этого имени; оно «запечатлевается» и «втискивается» (ine gedrukket) в нее этим именем.

«Имя "Иисус Христос" было мощно запечатлено в моем сердце новой благодатью и с наисладчайшим восприятием Его присутствия, которое открывалось в этом имени и которое я затем долго чувствовала [Штагель, 2019, с. 277]. *Сладостное имя "Иисус Христос" имеет особое место в сердце моем. И Он его Сам приуготовляет во мне Своей благодатью, когда милосердно запечатлевается в сокровенном моего сердца»* [Штагель, 2019, с. 276].

Хочется спросить, не соответствует ли «место» (stat) М. Эбнер «части» (pars) Анджелы из Фолиньо и «лучшей части» (pars optima) Гертруды Великой? Разумеется, Христос христианского мифа отнюдь не тождествен своему имени – в отличие от Христа психомифологии (интериоризированного мифа), одной из двух составляющих внутреннего мира монахини-харизматика: «места» и «лучшей части» её «сердца». Этот Христос как раз тождествен своему имени, которым вселяется в «сердце». Объективное в таком имени – его содержание. Оно богаче собственно значения, так как пропитано энергетическим началом, «благодатью» (genade). Субъективное в таком имени – манипуляции с ним: продумывание, артикуляция и озвучивание-возглашение. Будучи «голосом Божьим», имя Божье – «не детище сердца».

3. *Проекция*

Указанное выше тождество – субъективного и объективного, переживания и переживаемого, называния и называемого, имени Бога и самого Бога – возникает в ходе действия проективного механизма и является главной чертой проективного образа. В мистическом переживании происходила встреча монахини-харизматика (вернее, ее представительницы – души) с проецированным из нее и отчужденным от нее содержанием, причем эта принадлежность должна была в порядке обязательного условия оставаться скрытой от самой монахини-харизматика. Выделенному содержанию усваивалось особое «место» во внутреннем мире, «сердце» монахини, и оно становилось одной из его, этого мира, «частей». Сам же внутренний мир получал обновленное строение, составляясь из «сверх-Я» и дефектного, привативного «Я», связанных между собой наподобие двух сообщающихся сосудов. Больше того: исходно субъективное «сверх-Я» претерпевало гипостазирование, возводилось в ранг самостоятельной сущности и агента своих действий и ассоциировалось с главным персонажем христианского мифа Иисусом Христом. Да, в качестве мифологического персонажа Христос был предзадан, но он конструировался монахиней заново и переопределялся ею в ходе «игры», инсценировки одного из нескольких расхожих сценариев.

Первоначально свобода подобного переопределения была чрезвычайно велика, вплоть до возможности coitus'a с Христом. Именно в свободе индивидуального переопределения образов церковного мифа был заложен потенциал развития традиции. Впоследствии, к середине XV века, эта свобода подверглась институциональному ограничению в рамках инквизиционной методики «различения духов». «Различение», которым занималась ранняя, до Я. Шпренгера и Г. Инститориса, немецкая инквизиция напоминает собой православное учение «О прелести» Игнатия Брянчанинова. После «Муравейника» И. Нидера (1437/1438) стало невозможно, по крайней мере легально, толковать евангельский образ Христа, святых, Богородицы самостоятельно – нет, но только так, как позволяла доминирующая Церковь. Однако эти предписания и запреты никак не коснулись самого проективного механизма. В пределах проективной техники Бог по-своему рационален и насквозь понятен. Он – не что иное, как совокупность компенсаций, претерпевшая гипостазирование. Смирение, одновременное полагание привативного «Я» и «сверх-Я» является рабочей установкой на то, чтобы этот двухкамерный механизм мог функционировать. Зародившись в силу имманентной, внутренней логики (перформативной практики, известной организации религиозного сознания), духовная практика харизматиков стала обосновывать себя посредством логики трансцендентной (созданных в связи с нею религиозных доктрин). Такое ложное, маскирующее обоснование post factum стало непременным условием успешного действия проективного механизма. Ве́домый Бог должен позиционироваться как Бог неве́домый, как «Deus absconditus», как объект апофатического описания.

Важно, что, согласно представлениям харизматика, его внутренний мир не является однородно-субъективным. Будучи интеллектуальной продукцией внутреннего мира, смыслы заданы, присутствуют в нем в виде объективных значений и, больше того, в качестве независимого от него действующего лица. Поэтому сновидения, воспоминания, зрительные, слуховые, вкусовые, тактильные, обонятельные и комбинированные галлюцинации в состоянии экстатического транса понимаются не как внутренний диалог с собой, но как разговор с лицом, онтологическая весомость которого многократно превосходит реальность окружающего харизматика предметного мира. К такому пониманию подталкивают сами характерные черты галлюцинации: четкость, интенсивность, определенность, убедительность, создающие ощущение сугубой реальности происходящего. Одиночество диалогично и чревато беседами с Философией, Премудростью Божьей, Господом Иисусом. Здесь уже имеются зачатки социальности.

4. *Структура фетиша*

Сказанное сохраняет свое значение также далеко за пределами изучаемой нами традиции. Проективный механизм составляет, в частности, суть основного действия карнавальных торжеств, именно ритуального заклания жертвенного животного (или же маски), его расчленения и потребления. В результате этого действия коллектив мистрантов переходит из состояния ритуального истощания (кеносиса) в состояние ритуальной полноты (плеромы). Описание жертвоприношения посредством формулы «спирального развития мифа» К. Леви-Стросса и П. Маранды [Реутин, 1996, с. 41–43], казалось бы, исчерпывающе объясняющее его технологию, недостаточно в том смысле, что не принимает в расчет субъективного фактора и по умолчанию исходит из наличия однородной смысловой среды, в которой это жертвоприношение «работает». Но будет ли оно работать, если в нем станут участвовать лица, не принадлежащие к этой однородной среде, прежде всего, в отношении самих этих лиц? И в чем конкретно такая принадлежность может выражаться?

На эти вопросы отвечает семиозис языческого ритуала. Он состоит в том, что, убивая, расчленяя и потребляя жертвенное животное (маску), коллектив причащается ровно тому, что в него закладывает, тем смыслам, которые предварительно полагает в этом животном (или маске). В Саксонии и Силезии таким животным был козел. «Мифологические представления о козле подчеркивают <...> его исключительную сексуальность (в сниженном виде – похотливость) и плодовитость» [Топоров, 1991, с. 663]. Таковы коллективные,

в конечном счете, субъективные смыслы. Они закреплены площадной традицией в животном, которое потребляют мистранты, тем самым усваивая их, – однако уже в качестве не субъективной, а объективированной, объективной, сообщаемой мистрантам в ранге дара харизмы. Работа проективного механизма, не маркированная, скрытая в контексте праздника; предельная смыслотворческая активность участников, сознаваемая ими самими как их предельная же пассивность; «деятельная восприимчивость» (uebige enpfintlichkeit), если воспользоваться словарем Г. Сузо; расчлененная и насквозь мертвая плоть, переливающаяся энергиями жизни; субъективный мир мистрантов, включающий в себя объективные смыслы-энергии, – не это ли мы наблюдаем в пределах аскетико-экстатических «игр» фанатичек причастия, южно-германских монахинь? Такова семиотическая природа той силы, которая называлась на средневерхненемецком языке «lust» (ср. древнерусское «съпоръ» и его однокоренные «переть», «споры», «σπέρμα» (семя), «σπείρω» (сею)) и благодаря которой коллектив переходил в состояние ритуальной полноты, «пира на весь мир».

Итак, Христос, vis-à-vis монахини-харизматика, присутствует в ее повседневной жизни в нескольких качествах. Он – распятый более тысячи лет назад, воссевший во вневременной славе герой евангельского повествования. Он – гостия, потребляемая ею в таинстве Евхаристии. Он – конструкт поверхностно знакомых ей богословских доктрин. Он – одна из двух составляющих ее внутреннего мира. Он был, есть и будет – повсюду, внутри и вовне: на стене в виде иконы и в сердце, ведь субсистенция, ментальный объект временных и пространственных оппозиций не знает.

5. *Дьявол*

Проективный механизм дал знать о себе и при переопределении (интериоризации) образа дьявола. Наиболее очевидно действие этого механизма в тех случаях, когда появление дьявола не внезапно, но обусловлено сюжетом, кризисным положением дел: попыткой оставить обитель, сильным искушением, болезнью, кончиной. При этом дьявол «извне» озвучивает соображения, злые намерения, принадлежащие самому харизматику и обсуждаемые им в качестве антитезиса в диалоге с собой. Случаи таких споров Бога и дьявола в сердце неоднократно описаны в произведениях Г. Сузо [2014, с. 14, 247]. Однако образ дьявола остался в традиции южно-немецких доминиканок 1-й половины XIV в. не прописан и не раскрыт, в отличие от традиции брабантских бегинок конца XII–XIII вв. Кажется, все вопросы, связанные с этиологией этого образа, как, впрочем, и образа Бога, снимает тот факт, что и дьявол, и Бог перестали являться Кристине из Штоммельн сразу после климакса, кровотечения, пережитого ею в 46 лет, и более ни разу ей не явились на протяжении 24 лет, вплоть до самой кончины. Но этот факт никак не умаляет содержательного богатства обоих образов, ведь одно дело их функционирование в качестве проективных при самотерапии, в налаживании внутреннего баланса сознания и совсем другое – их способность быть индивидуальным способом архивации унаследованных, коллективно создаваемых (начиная с Бернарда) содержаний. Вопрос о проективном образе дьявола может быть полноценно поставлен и решен на материале латинских житий ранних бегинок епископства Льеж.

III. Заключение

Итак, религиозные образы в некотором смысле – поскольку подверглись интериоризации и переопределению – представляют собой проецированную на внешний мир психологию. Именно это позволило немецкому философу и психоаналитику Вольфгангу Бойтину, автору известного 3-х томного сочинения «Anima. Исследования по женской мистике средних веков» опознать в метафизике «метапсихологию» и эту последнюю называть «инновационными способами терапии» (innovative Gesundheitswege) в переломный XIV в.,

когда обрядоверие начало сходить на нет [Beutin, 1999][1]. Это в полной мере соответствует нашему предположению о подмене коллективного ритуала древней, раннесредневековой Церкви индивидуальной перформативной практикой позднего Средневековья.

Религиозный опыт перестраивается. Идет непрестанный поиск и установление нового внутреннего баланса, достигаемого в диалоге и выяснении отношений собой. Такое «себя» теперь выстраивается как двухчастная конструкция: «Я»-привативное и сверх-«Я», между которыми, подобно паре сообщающихся сосудов, происходит обмен активностями: не только наполнение вторым первого, но и легитимация, оправдание первым необходимости существования второго. При этом сверх-«Я», будучи полноценным продуктом человеческой субъективности, позиционируется в ходе объективации как объективная величина, как Бог, оказавшийся внутри человека (только в этом контексте становится возможным говорить о «рождении Бога в душе», «искорке», имени Бога как Боге). На примере строения фетиша, находившегося в центре архаических обрядов жертвоприношения и причастия, показывается, что функция объективации, поставляющая человека через систему медиаторов (посредников) перед собою самим, возможно, является основной функцией религии.

Список литературы

1. Сузо Г. 2014. Exemplar. М., Ладомир, 599.

2. Экхарт И. 2010. Трактаты. Проповеди. М., Наука, 443.

3. Реутин М.Ю. 1996. Народная культура Германии: позднее Средневековье и Возрождение. М., РГГУ, 217.

4. Мехтильда Магдебургская. 2014. Струящийся свет Божества. Москва, Университет Дмитрия Пожарского, 424.

5. Топоров В.Н. 1991. Козел. В кн.: Мифы народов мира: в 2 т. Т.1. М., Советская энциклопедия: 663–664.

6. Элизабет Штагель. 2019. Житие сестер обители Тёсс. М., Ладомир, 600.

7. Agnetis Blannbekin, Ven. 1731. Quae sub Rudolpho Habspurgico et Alberto I. Viennae.

8. Die Chronik der Anna von Munzingen. 1880. Nach der ältesten Abschrift mit Einleitung und Beilagen. Hrsg. von J. König. In: Freiburger Diöcesan-Archiv. Bd. 13. Freiburg (im Br.), 129–236.

9. Il libro della beata Angela da Foligno. 1985. Eds. L. Thier O.F.M., A. Calufetti O.F.M. Grottaferrata (Romae).

10. Schneider-Lastin W. 2000. Von der Begine zur Chorschwester: Die Vita der Adelheit von Freiburg aus dem «Ötenbacher Schwesternbuch». Textkritische Edition mit Kommentar. In: Deutsche Mystik im abendländischen Zusammenhang. Kolloquium Kloster Fischingen 1998. Tübingen, 515–561.

11. Beutin W. 1999. Anima. Untersuchungen zur Frauenmystik des Mittelalters: in 3 Bd. Frankfurt (am M.); Brl.; Bern; N. Y.; P.; Wien.

12. Bernhard von Clairvaux. Cantic. 1990–1999. Sermones super Cantica Canticorum. In: Sämtliche Werke: in 10 Bd. Bd. 5–6. Innsbruck.

13. Leben und Gesichte der Christina Ebnerin, Klosterfrau zu Engelthal / Hrsg von G.W.K. Lochner. 1872. Nürnberg.

14. Meister Eckhart. 1936–2003. Die deutschen Werke: In 5 Bd. Stuttgart.

[1] Приведем некоторые, на наш взгляд, небезынтересные выкладки В. Бойтина. Чувственность в женских монастырях не исчезала. Выход был найден с появлением нуптиальной мистики. Таким выходом стал вывод сексуальных влечений в общение со сверхъестественными персонажами второго внешнего мира. Любовные переживания с ними перемежались с возвратами в первый внешний мир (реальность). В высокое и позднее Средневековье начала ослабевать вера в религиозные иллюзии. Поиск внутреннего баланса и интуитивная профилактика духовных заболеваний привела к открытию «инновационных способов терапии». При подобном прочтении религиозные образы понимаются как психология, проецированная на внешний мир. Сверхъестественная реальность толкуется как психология бессознательного. Метафизика обращается в психомифологию (= метапсихологию) [Beutin, 1999].

15. Leben und Offenbarungen der Elsbeth von Oye. Hrsg. von Schneider-Lastin W. 2009. In: Kulturtopographie des deutschsprachigen Südwestens. Brl.; N. Y., 395–448.

16. Gertrud von Helfta. 2001. Exercitia spiritualia / Hrsg. von S. Ringler. Hamburg.

17. Mechthild von Magdeburg. 2003. Das fliessende Licht der Gottheit / Hrsg. von G. Vollmann-Profe. Frankfurt (am M.).

18. Das Gnaden-Leben des Friedrich Sunder, Klosterkaplan zu Engelthal. 1980. In: Ringler S. Viten- und Offenbarungsliteratur in Frauenklöstern des Mittelalters. Quellen und Studien. Zürich; München, 391–444.

19. Die Vita der Schwester Gerdrut von Engelthal. 1980. In: Ringler S. Viten- und Offenbarungsliteratur in Frauenklöstern des Mittelalters. Quellen und Studien. Zürich; München, 445–447.

20. Aufzeichnungen über das mystische Leben der Nonnen von Kirchberg bei Sulz Predigerordens während des XIV. und XV. Jahrhunderts von F.W.E. Roth (Gotteszeller Schwesternbuch). 1893. In: Alemannia. Zeitschrift für Sprache, Kunst und Altertum besonders des alemannisch-schwäbischen Gebiets. Bd. XXI. Bonn, 123, 18–148, 13.

21. Hamburger J.F. 1997. Nuns as Artists. The Visual Culture of a Medieval Convent. Berkeley; Los Angeles; London, University of California Press, 318.

22. Aufzeichnungen über das mystische Leben der Nonnen von Kirchberg bei Sulz Predigerordens während des XIV. und XV. Jahrhunderts von F.W.E. Roth. 1893. In: Alemannia. Zeitschrift für Sprache, Kunst und Altertum besonders des alemannisch-schwäbischen Gebiets. Bd. XXI. Bonn, 103–123, 17

23. Das «St. Katharinentaler Schwesternbuch». 1995. Untersuchung, Edition und Kommentar von R. Meyer. Tübingen.

24. Sanctæ Gertrudis Magnæ virginis ordinis sancti Benedicti Legatus divinæ pietatis. 1875. In: Revelationes Gertrudianæ ac Mechtildianae: in 2 T. / Opus ad codicum fidem nunc primum integre editum solesmensium O.S.B. monachorum cura et opera. Pictavii; Parisiis, T. 1, 1–613.

25. Sanctæ Mechtildis Liber specialis gratiae. 1877. In: Revelationes Gertrudianæ ac Mechtildianae: in 2 T. / Opus ad codicum fidem nunc primum integre editum solesmensium O.S.B. monachorum cura et opera. Pictavii; Parisiis, T. 2, 1–421.

26. Sanctæ Mechtildis Liber specialis gratiae. 1877. In: Revelationes Gertrudianæ ac Mechtildianae: in 2 T. / Opus ad codicum fidem nunc primum integre editum solesmensium O.S.B. monachorum cura et opera. Pictavii; Parisiis, T. 2, 1–421.

27. Die St. Georgener Predigten / Hrsg. von R.D. Schiewer und K.O. 2010. Sedel. Brl.

References

1. Suso H. 2014. Exemplar. Moscow, Ladomir, 599. (in Russian)

2. Eckhart J. 2010. Traktaty. Propovedi [Treatises. Sermons]. Moscow, Nauka, 443.

3. Reutin M.Yu. 1996. Narodnaya kul'tura Germanii: pozdnee Srednevekov'e i Vozrozhdenie [Folk culture of Germany: the late Middle Ages and the Renaissance]. Moscow, RSHU, 217.

4. Mechthild of Magdeburg. 2014. Struyashchiysya svet Bozhestva [The Flowing Light of the God-head]. Moscow, Dm. Požarsky University, 424.

5. Toporov V.N. 1991. Goat. In: Myths of the peoples of the world: in 2 vols. Vol. 1. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya: 663–664.

6. Elizabet Shtagel'. 2019. Zhitie sester obiteli Tess [Sisters' life in the monastery Töss]. Moscow, Ladomir, 600.

7. Agnetis Blannbekin, Ven. 1731. Quae sub Rudolpho Habspurgico et Alberto I. Viennae.

8. Die Chronik der Anna von Munzingen. 1880. Nach der ältesten Abschrift mit Einleitung und Beilagen. Hrsg. von J. König. In: Freiburger Diöcesan-Archiv. Bd. 13. Freiburg (im Br.), 129–236.

9. Il libro della beata Angela da Foligno. 1985. Eds. L. Thier O.F.M., A. Calufetti O.F.M. Grottaferrata (Romae).

10. Schneider-Lastin W. 2000. Von der Begine zur Chorschwester: Die Vita der Adelheit von Freiburg aus dem «Ötenbacher Schwesternbuch». Textkritische Edition mit Kommentar. In: Deutsche Mystik im abendländischen Zusammenhang. Kolloquium Kloster Fischingen 1998. Tübingen, 515–561.

11. Beutin W. 1999. Anima. Untersuchungen zur Frauenmystik des Mittelalters: in 3 Bd. Frankfurt (am M.); Brl.; Bern; N. Y.; P.; Wien.

12. Bernhard von Clairvaux. Cantic. 1990–1999. Sermones super Cantica Canticorum. In: Sämtliche Werke: in 10 Bd. Bd. 5–6. Innsbruck.

13. Leben und Gesichte der Christina Ebnerin, Klosterfrau zu Engelthal / Hrsg von G.W.K. Lochner. 1872. Nürnberg.

14. Meister Eckhart. 1936–2003. Die deutschen Werke: In 5 Bd. Stuttgart.

15. Leben und Offenbarungen der Elsbeth von Oye. Hrsg. von Schneider-Lastin W. 2009. In: Kulturtopographie des deutschsprachigen Südwestens. Brl.; N. Y., 395–448.

16. Gertrud von Helfta. 2001. Exercitia spiritualia / Hrsg. von S. Ringler. Hamburg.

17. Mechthild von Magdeburg. 2003. Das fliessende Licht der Gottheit / Hrsg. von G. Vollmann-Profe. Frankfurt (am M.).

18. Das Gnaden-Leben des Friedrich Sunder, Klosterkaplan zu Engelthal. 1980. In: Ringler S. Viten- und Offenbarungsliteratur in Frauenklöstern des Mittelalters. Quellen und Studien. Zürich; München, 391–444.

19. Die Vita der Schwester Gerdrut von Engelthal. 1980. In: Ringler S. Viten- und Offenbarungsliteratur in Frauenklöstern des Mittelalters. Quellen und Studien. Zürich; München, 445–447.

20. Aufzeichnungen über das mystische Leben der Nonnen von Kirchberg bei Sulz Predigerordens während des XIV. und XV. Jahrhunderts von F.W.E. Roth (Gotteszeller Schwesternbuch). 1893. In: Alemannia. Zeitschrift für Sprache, Kunst und Altertum besonders des alemannisch-schwäbischen Gebiets. Bd. XXI. Bonn, 123, 18–148, 13.

21. Hamburger J.F. 1997. Nuns as Artists. The Visual Culture of a Medieval Convent. Berkeley; Los Angeles; London, University of California Press, 318.

22. Aufzeichnungen über das mystische Leben der Nonnen von Kirchberg bei Sulz Predigerordens während des XIV. und XV. Jahrhunderts von F.W.E. Roth. 1893. In: Alemannia. Zeitschrift für Sprache, Kunst und Altertum besonders des alemannisch-schwäbischen Gebiets. Bd. XXI. Bonn, 103–123, 17

23. Das «St. Katharinentaler Schwesternbuch». 1995. Untersuchung, Edition und Kommentar von R. Meyer. Tübingen.

24. Sanctæ Gertrudis Magnæ virginis ordinis sancti Benedicti Legatus divinæ pietatis. 1875. In: Revelationes Gertrudianæ ac Mechtildianae: in 2 T. / Opus ad codicum fidem nunc primum integre editum solesmensium O.S.B. monachorum cura et opera. Pictavii; Parisiis, T. 1, 1–613.

25. Sanctæ Mechtildis Liber specialis gratiae. 1877. In: Revelationes Gertrudianæ ac Mechtildianae: in 2 T. / Opus ad codicum fidem nunc primum integre editum solesmensium O.S.B. monachorum cura et opera. Pictavii; Parisiis, T. 2, 1–421.

26. Sanctæ Mechtildis Liber specialis gratiae. 1877. In: Revelationes Gertrudianæ ac Mechtildianae: in 2 T. / Opus ad codicum fidem nunc primum integre editum solesmensium O.S.B. monachorum cura et opera. Pictavii; Parisiis, T. 2, 1–421.

27. Die St. Georgener Predigten / Hrsg. von R.D. Schiewer und K.O. 2010. Sedel. Brl.

Ссылка для цитирования статьи
For citation

Реутин М.Ю. 2020. К вопросу о структуре религиозного сознания (на материале женской мистики позднего средневековья). NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 45 (1): 5–19. DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-1-5-19

Reutin M.Ju. 2020. On the question about the structure of religious consciousness (on the material of the woman mysticism of the late middle ages). NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 45 (1): 5–19. (in Russian). DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-1-5-19

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ
LOGICS, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

УДК 141.319.8
DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-1-20-30

ГЕНЕЗИС ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО МЕТОДА: АСПЕКТЫ ГУМАНИТАРНОЙ АРХЕОЛОГИИ ЧИСЛА

THE GENESIS OF THE EXPERIMENTAL METHOD: THE HUMANITARIAN ASPECTS OF ARCHAEOLOGY OF NUMBER

С.А. Колесников
S.A. Kolesnikov

Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина
308024 г. Белгород, ул. Горького, 71

Belgorod law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia I.D. Putilina
71 Gorky St, Belgorod, 308024, Russia

E-mail: skolesnikov2015@yandex.ru

Аннотация
Автор выделяет в качестве ключевых такие направления, характеризующие эксперимент на первоначальном этапе становления, как эмпиризм, рационализм, мистицизм. Выявлены основные этапы развития эксперимента, определена роль метафизических оснований эксперимента. Концептуальное значение приобретает метафизическое истолкование числа как результирующего итога всех экспериментальных исследований. В качестве методического принципа предложена гуманитарная археология числа, позволяющая обнаружить новые аспекты гуманитарного и культурологического значения числа, в мировоззренческом аспекте противопоставленного рациональному глобализму цифры. Признание метафизичности числа как действенного фактора числового мировосприятия способно вернуть экспериментально-математическому ресурсу духовный потенциал преображения мира. Число, позволяющее перейти на духовно-нравственный уровень, эксперимент, пронизанный метафизически-духовным призванием, – только таким образом возможно преодоление кризиса бездуховного состояния современного научного знания.

Abstract
The author identifies as key areas that characterize the experiment at the initial stage of formation, such as empiricism, rationalism, and mysticism. The main stages of the experiment development are revealed, and the role of the metaphysical bases of the experiment is determined. The metaphysical interpretation of the number as the final result of all experimental research acquires conceptual significance. As a methodological principle, we propose the humanitarian archaeology of numbers, which allows us to discover new aspects of the humanitarian and cultural significance of numbers, in the worldview aspect opposed to the rational globalism of numbers. Recognition of the metaphysical nature of numbers as an effective factor in the numerical perception of the world can return the spiritual potential of the world transformation to the experimental-mathematical resource. The number that allows you to move to the spiritual and moral level, an experiment permeated with a metaphysical and spiritual vocation – only in this way is it possible to overcome the crisis of the spiritless state of modern scientific knowledge.

Ключевые слова: метафизика числа, философия математики, моральная значимость науки, история эксперимента.
Key words: metaphysics of number, philosophy of mathematics, moral value of science, history of experiment.

Музыкальность, благодаря которой число обрело вселенскую значимость (неслучайно Филолай из Кротона встраивал числа в самую сердцевину пифагорейского мироздания: между космологией и психологией), способна придать числу синтезирующий ресурс, который А.Ф. Лосев в «Очерке о музыке» определял как «противоречие, данное, однако, как организм» [Лосев, 1995, с. 639]. Сама онтология числа обязана своим рождением благозвучию: музыкальный слух Пифагора, интуитивно распознавший «некое единое звучание» (Северин Боэций), предустановил число как основу мира в гармоничной пропорции – 1:2, 2:3, 3:4 – и тем самым сделал возможной всю мировую математику, – вплоть до современных решений теоремы Ферма и гипотезы Пуанкаре. Музыкальная гармония и число всегда сливались – в высших точках математического гения – в особую миропознавательную позицию, ресурсы которой не ограничивались утилитарным, рыночно-цифровым пониманием числа.

Музыка и астрономия, слитые пифагорейцами в мистико-математическое учение о гармонии, которую Платон называл «умозрением голосов», как раз и определяли неразрывную связь музыки, числа и души. Платон видел в музыкальном ладе один из эффективных способов воспитания, Аристотель в «Политике» давал детальную «воспитательно-душевную» классификацию музыкальных ладов [Волошинов, 2000]. Музыка в этом контексте предстает как духовно-математический эксперимент по преображению реальности (аналог теологической математики), а число выступает как определяющий фактор духовно-нравственного совершенствования.

Оркестровка числа – словосочетание, нашей современности кажущееся абсурдным, – для Пифагора являлась методической основой экспериментального выявления онтологическо-числовых закономерностей для формулировки основ теологической математики. От взвешивания кузнечных молотов он переходит (по крайней мере, согласно книге Ямвлиха [2002] и гораздо более поздним, поддерживающим визуально эту легенду, иллюстрациям в книге миланского ученого Франкино Гафурио «Теория музыки» (1492)) к измерению объемов колоколов, то есть к соотнесенности звука, пространства и числа. Затем Пифагор переключается на определение тональностей звучания сосудов с разным количеством воды, обнаруживая и там – в первостихии, по Фалесу, – открытые числовые закономерности. И другая первостихия, камень, становится для Пифагора подтверждением числовой метафизической незыблемости: вес камней, натягивающих струны экспериментального струнного инструмента, также соотносится с гармонией целых чисел. Логичным для Пифагора завершением доказательства идеи всепронизанности мира числом становится стихия воздуха, устремляющаяся в выверенные с математической точностью отверстия дудочек. Тем самым число соединяется буквально с духом человеческим, возвращаясь к своей музыкальной предзаданности. Этот круговорот – от музыкальности огнедышащего молота к музыке дышащего организма – и есть круговорот числа в мире, тот самый процесс, обозначенный позднее Филолаем как «περί φύσεως», как вопрос о природе числа и месте числа в природе.

При этом оркестровка числа напоминает нам, сегодняшним – отвыкшим слушать числа и только их пересчитывающим, – об особой экспериментальной методологии Пифагора (или, если шире, – о до-рациональной, теологической экспериментологии), которая принципиально отличается от методологии экспериментальной науки Нового времени. Ведь сам эксперимент как ведущий научный метод в исторических масштабах достаточно юн по сравнению с тысячелетней историей миропознания: принятие эксперимента в качестве главного вектора научного познания насчитывает всего около четырех столетий, начиная от научных парадигм Вильяма Гильберта (1554–1603) и Галилео Галилея (1564–1642).

Соположение только этих двух имен показывает насколько разнородным в самых глубинных основаниях – и одновременно симфоническим! – являлся эксперимент на заре своего становления. Так, В. Гильберт, автор трактата «О магните, магнитных телах и о

большом магните» (1600), ученый, пытавшийся сделать видимым – ощущаемым! – невидимый магнетизм, несомненно, отдавал предпочтение экспериментальным методам познания реальности, но при этом оставался эмпириком, подготовившем появление теоретических оснований экспериментальной методики.

Г. Галилей же – не менее своеобразный экспериментатор (визионер?) в области невидимого (можно говорить о визуально-медитативной специфике опытов Галилея: наблюдения за раскачивающейся люстрой, за уходящими в бездну шарами, медленно длящееся созерцание в созданный своими руками телескоп либрации Луны… Чем не «методичка» по медитации отрывок из трактата «Диалог о двух системах мира»: «Запаситесь мухами, бабочками и другими подобными мелкими летающими насекомыми; пусть будет у вас там также большой сосуд с водой и плавающими в нём маленькими рыбками; подвесьте, далее, наверху ведёрко, из которого вода будет падать капля за каплей в другой сосуд с узким горлышком, подставленный внизу. Пока корабль стоит неподвижно, наблюдайте прилежно, как мелкие летающие животные с одной и той же скоростью движутся во все стороны помещения; рыбы, как вы увидите, будут плавать безразлично во всех направлениях; все падающие капли попадут в подставленный сосуд…» [Галилей, 1948, с.147]), – в отличие от эмпирика Гильберта, оставался концептуальным рационалистом, отказывающимся признавать чувственное познание в качестве приоритетного, а потому выступающий как оппонент научной методологии, предложенной последователями эмпиризма.

Тем самым в «макромолекуле» эксперимента уже заложены как минимум два разнонаправленных исследовательских принципа – эмпиризм, настаивающий на приоритетности опыта, и рационализм, видящий разум в качестве высшего судьи опыта. А ведь нельзя забывать, что на начало XVII столетия приходится серьезное влияние и еще одного экспериментального направления – мистицизма, с которым связана, например, целая школа учеников того же Парацельса (автора таких алхимических трактатов с показательно экспериментальными названиями, как «Химическая псалтирь, или Философские правила о Камне Мудрых», «Азот, или О древесине и нити жизни», а также экспериментально-методических указаний по ятрохимии, и автора самого немецкого слова «опыт», Erfahrung [Пифагорейская гармония…, 2005, с. 188]). В современной огласовке – эхо оркестровки числа? – появляется даже понятие «мистический эксперимент» в разных терминологических ликах-личинах трансперсональности, нуминозности, нейротеологичности и пр., а премию имени Парацельса (!) вручают даже ныне живущим нобелевским лауреатам. Показательно, что уже само название ex-perimentum может быть переведено как «препоручение, передача», и эта преемственность различных мировоззренческих позиций, их синтез являются глубинным содержанием эксперимента, как и его числовая результативность.

Но даже если оставаться только в модусах рационального и эмпирического понимания эксперимента, то и тогда эксперимент приобретает более сложную генетическую конфигурацию – можно сказать, более сложный спектр тональностей, – где можно увидеть забытые и ждущие своего обнаружения горизонты и потенциалы экспериментаторства.

Эксперимент Нового времени поступательно «схлопывается», урезается в своих исследовательских координатах; познавательный фокус экспериментального исследования сужается, делая эпистемологические горизонты все более ограниченными. Провокативное заявление Галилея об отказе в ходе экспериментальных исследований от поисков сущностей («Поиск сущности я считаю занятием суетным и невозможным, а затраченные усилия – в равной мере тщетными как в случае с удалёнными небесными субстанциями, так и с ближайшими и элементарными; и мне кажется, что одинаково неведомы как субстанция Луны, так и Земли, как пятен на Солнце, так и обыкновенных облаков» [Антисери, 2002, с.150]) стало первым шагом к изоляции эксперимента от метафизики, к секуляризации эксперимента. Знаковым является название вышедшего в 1623 г. полемического трактата Галилея «Пробирных дел мастер», где звездные пространства, траектории комет, планетарная космогония переводятся в рамки пробирки, в границы вырезанного из реальности сектора, который отныне и призван изучать эксперимент. Галилей с полным правом

гениального исследователя отстаивает свое видение эксперимента, основанного на исследовании тончайших изменений – «с помощью особо чувствительных и точных весов будут взвешены доводы» [Галилей, 1987, с. 6] – но требование гения оказалось роковым для последующей судьбы эксперимента: на протяжении последующих столетий эксперимент так и обречен был быть загоняемым в «пробирку».

Конечно, данный научно-методологический «волюнтаризм» не мог не вызывать тревоги в глубоких интуициях исследователей, соизмеримых по своему масштабу с Г. Галилеем. Р. Декарт чутко уловил эту надвигающуюся на эксперимент опасность, а потому стремился сохранить органическую связь числа и метода с метафизическим простором, из которого изначально и возникает эксперимент. Экспериментальная физика Декарта искала именно запредельное, то, что расположено «по ту сторону» эксперимента, те самые «главные причины» рождения, движения и пр. При этом метод Декарта, как и его видение целей эксперимента, устремлены к самодостаточному Первоначалу, Первопричине. «Под субстанцией – утверждает Декарт, – мы можем разуметь лишь ту вещь, которая существует, совершенно не нуждаясь для своего бытия в другой вещи» [Греческая религия…, 2004, с. 334]. И подобная метафизическая последовательность, стремящаяся к преодолению препятствий, накладываемых «пробирочными» параметрами экспериментальной площадки или утилитарно понимаемой результативностью, опять возвращает нас к метафизике числа.

На математическом языке можно обозначить этот аспект методологии Декарта как «асимптотный», то есть стремящийся к бесконечной протяженности. Экспериментальная открытость бесконечности определяет и своеобразие исчисляемости «первой физики» – еще один трактат Декарта назывался «Размышление о первой физике» (1641). Эксперимент, соприкасающийся с бесконечностью, слышащий эхо бесконечности, не отгородившийся от бесконечности рамками секулярной исследовательской задачи, а, следовательно, и числовое исчисление процесса и результата такого эксперимента – такова метафизическая экспериментология Декарта.

Возможности разума и в версии Галилея, и в версии Декарта разворачивались в направлении познания бытия, пусть и разными векторами. Галилей соотносил человеческий разум с разумом Божественным, и эта соотнесенность придавала человеческому методу познания мира, в том числе и экспериментаторскому, – а, возможно, и в первую очередь экспериментаторскому! – достоверность, реалистичность. «Я утверждаю, – писал Галилей в "Диалоге о двух системах мира", – что человеческий разум познаёт некоторые истины столь совершенно и с такой абсолютной достоверностью, какую имеет сама природа; таковы чистые математические науки, геометрия и арифметика; хотя Божественный разум знает в них бесконечно больше истин… но в тех немногих, которые постиг человеческий разум, я думаю, его познание по объективной достоверности равно Божественному, ибо оно приходит к пониманию их необходимости, а высшей степени достоверности не существует» [Галилей, 1964, с. 201]. И если дальнейшие пути развития эксперимента пошли по пути изживания метафизичности из экспериментальных методик, то все-таки у самого Галилея как основателя экспериментального метода эти пропорции стремились к сохранению «золотых соотношений».

Характеризуя в целом ситуацию с экспериментальной методикой эпохи Декарта и Галилея, можно говорить об установлении своеобразного равновесия, о зависании чаш весов в выборе перспектив развития научных парадигм. Но здесь роковыми грузом, упавшим на весы и нарушившим равновесие, стал афоризм Ф. Бэкона «Знание – сила» (библейская эпистемологическая традиция воспринимала знание как непереносимую ответственность, тяжесть которой не каждый – случай ветхозаветного (общечеловеческого) Адама – способен вынести. Завуалированная дискуссия указанного тезиса Бэкона и цитат Экклезиаста «во многой мудрости много печали» и «кто умножает познания, умножает скорбь» – очевидна). Эта «сила» позднее, уже в Новое время, разделила имевшийся синтез в понимании целей эксперимента на научный и вне-научный регистры, проложив границу

между рациональным и иррациональным познанием эксперимента. Прошел этот дискриминационный рубеж – или вивисекторский разрез – и по «телу» числа.

Сопротивляясь навязываемой одномерности, эксперимент продолжает проявлять свою внутреннюю «многоструйность»: если Галилей и Декарт, определяя методику эксперимента, исходили из приоритета рационалистической установки, то Ф. Бэкон исходил из приоритета эмпирической основы экспериментального исследования. В 1605 г. Ф. Бэкон выпускает свой первый философский трактат «Две книги о возрождении наук», который стал основанием для основополагающего труда Бэкона о теории эксперимента «Новый Органон» (1620). Заглавные буквы в названии этого трактата весьма показательны: органичность эксперимента, его «био-логосность» выносятся как основное свойство экспериментального познания мира. Выращивание нового «тела» науки, нового организма науки, призванного, по мнению Бэкона, стать «потомком» «Органона» Аристотеля, как раз и осуществлялось посредством эксперимента, который выводился на передний край научного познания и создавал условия для последующей научной парадигмы.

Хотелось бы подчеркнуть, что эксперимент трактовался Бэконом как органическая, «живая» форма познания. Образ пути, преобладающий в методологических рассуждениях Бэкона («Два пути могут существовать для отыскания и открытия истины. Один воспаряет от ощущений и частностей к наиболее общим аксиомам и, идя от этих оснований и их непоколебимой истинности, обсуждает и открывает средние аксиомы. Этим путём и пользуются ныне. Другой же путь выводит аксиомы из ощущений и частностей, поднимаясь непрерывно и постепенно, пока наконец не приходит к наиболее общим аксиомам. Это путь истинный, но не испытанный. Оба эти пути исходят из ощущений и частностей и завершаются в высших общностях» [Бэкон, 1972, с. 38]), по сути уподоблен органическому росту, возрастанию. В определениях Бэкона даже в обращении к сугубо внеорганическим явлениям, например, таким как теплота, желтизна, тяжесть, ковкость, прочность и пр. постоянно присутствует биологическая тональность. Любая попытка «заморозить» органику научного эксперимента, стремление заключить экспериментальное исследование в рамки «охладительного агрегата» (охлаждение стало причиной смерти самого Бэкона) одной и только одной миропознавательной парадигмы ведут к выхолащиванию эксперимента, к оскудению его эпистемологических потенциалов.

Эстафета метафизической субстанциональности Декарта подхватывается И. Ньютоном: «Ньютоново понятие силы не является чисто функциональным, а остается, если так можно сказать, субстанциональным» [Гайденко, 2013, с. 10]. И такое понимание физической основы мира обосновывает экспериментальный метод Ньютона: достаточно вспомнить его знаменитый экспериментальный пример с вращающимся ведром воды, в котором раскрывается – буквально, в виде раскрывающейся воронки в центре ведра – абсолютное бытие.

Его эксперимент был в первую очередь методом философствования: «Лучшим и наиболее безопасным методом философствования, как мне кажется, должно быть сначала прилежное исследование свойств вещей и установление этих свойств с помощью экспериментов, а затем постепенное продвижение к гипотезам, объясняющим эти свойства» [Карцев, 1987, с. 160]. А само философствование становилось путем Богопознания, где мир обретал-врастал в свой метафизический масштаб. Современный исследователь «неизвестного» Ньютона И.С. Дмитриев пишет: «Ньютон жил и мыслил "в присутствии Творца", глубоко осознавая недостаточность чисто механической картины мира, понимая, что мир-механизм нецелостен (и уже только по одному этому нереален) и необходимо знать наличие дополнительных, не выводимых "из явлений" связей, обеспечивающих глубинное единства Универсума» [Дмитриев, 1999, с. 17]. Математические штудии, физические опыты, астрономические наблюдения, теологические размышления, алхимические изыскания – все это и было подлинным экспериментаторством сэра Ньютона.

Открытость эксперимента разным граням бытия, готовность с помощью экспериментальной установки познавать самые разные пласты реальности определяли вместе с

тем и способы исчисления результатов эксперимента. В свое время эпистолярный спор Р. Декарта и Г. Мора о «протяженности Бога» («Бог протяжен на свой манер» (Г. Мор); «Бог присутствует повсюду с точки зрения своего могущества, а с точки зрения своей сущности не имеет совершенно никакого отношения к месту» (Р. Декарт) [Гайденко, 2013, с. 13]) как раз и был, со всем прочим, дискуссией о способах расчета экспериментальных результатов, в сущности – спором об абсолютном числе, об абсолютных числовых координатах, в которых и можно было бы определить присутствие Божье.

Видение в эксперименте способа познания мира, в том числе и познания Бога, поразному представлена в экспериментальных установках гениальных ученых, стоящих у истоков современной науки: у Галилея – медитативно, у Декарта – субстанционально, у Бэкона – органистично, у Ньютона – теологично... Но это и есть подлинный «генетический код» эксперимента, определяющий продуктивную программу развития экспериментального познания мира.

Однако на рубеже XVII–XVIII веков происходит революционный (деградационный?) поворот к кардинально иному пониманию сути эксперимента – к его секуляризации, а следовательно, и секуляризации числа. Причины изменения, перехода к качественно иным параметрам оценки и исчисления результатов эксперимента, отказа от «горизонтально-вертикальных» координат эксперимента связаны с укреплением в XVIII столетии позиций де-религизации мира, расширением стремлений перевести в целом способ мировосприятия в «плоскостный» масштаб.

Сюда, конечно, следует добавить и повысившуюся результативность общественной соблазненности в XVIII столетии, причинами которой стали, с одной стороны, страх перед разворачивающимися просторами бытия, которые распахнулись в ходе экспериментальных исследований Декарта и Ньютона, а затем и пришедшая усталость от этого страха, вылившаяся в усталость перед подлинно новым знанием; а с другой – горделивая претензия на исключительное, вне-Божественное (а потом и вне-Божеское) право управлять тем плоскостно-механистическим мирком, который возникал как результат деистической алхимии.

В сфере числа этот соблазн приобрел особое звучание: вместо эпохи числа наступает эпоха соблазна цифрой. Число, утрачивающее интуицию нового, начинало омертвевать в цифру, подсчитывало только то, что уже «было», то, что уже перестало быть качественно новым и обретало исключительно количественные характеристики.

Оказалось, что хтонический ужас, столь остро ощущаемый античностью, «чудовищный ужас, который охватывает человека, когда он усомнится в формах познаваемых явлений» [Ницше, 2000, с. 54], таился и в четко выверенном, максимально упорядоченном числе. Оказалось, что число и прикрывало хаос, и одновременно несло в себе хаос. Стремление уйти от раскрывающегося через число ужаса породило некогда внутренний конфликт среди пифагорейцев: возникает, как минимум, согласно Ямвлиху [Ямвлих, 2002, с. 60], два направления – акусматики (ἀκούω – «слышать»), слушающие (а точнее, наверное, прислушивающиеся к тем прибоям, которые грохочут внутри сознания), возводящие свое математическое понимание мира именно к Гиппазию, и собственно математики (μαθεῖν – «изучить»), изучающие, стремящиеся выстроить между ужасом и сознанием стену знания-числа [Пифагорейская гармония…, 2005].

Но от пифагорейцев вернемся к методике эксперимента и числовой фиксации его результатов в эпоху Просвещения. Заключительная фаза эпохи Просвещения в области экспериментальной методологии проходила под знаком динамизма. Само сакральное происхождение движения, его Божественный генезис, составляющее основной стержень динамических концепций ярчайших ученых XVII века («Декарт утверждал, что движение обеспечивается "непрерывной рекреацией", т. е. постоянным поддержанием первоначального количества движения Богом… Лейбниц полагал, что мир движим "viribus vitalibus" монад в соответствии с "предустановленной гармонией"»… [Дмитриев, 1999, с. 215–216]), переставало быть актуальным: не понявшие своих гениальных учителей уче-

ники просто оставили эти сложные темы – до лучших времен? И если Ньютон «фактически "слил" воедино два разных пространства – физическое и геометрическое, пространство чувственных сущностей и пространство сущностей, доступных рассудку и воображению» [Никулин, 1993, с. 130], то последующие экспериментаторы поставили перед собой задачу «разделить» метафизическое и «практико»-физическое как в поле эксперимента, так и в понимании числа, а впоследствии вывести метафизическое за пределы экспериментаторской площадки, «защитить» эксперимент от метафизики…

Одним из таких знаковых «благодетелей», например, выступал Л. Эйлер (1707–1783), швейцарско-немецко-российский математик и естествоиспытатель, чье влияние на развитие математических знаний позволяло говорить о XVIII столетии как «веке Эйлера» [Юшкевич, 1988, с. 15–47]. Интерес к числам, по сути – жизнь с числами и в числах (известен афоризм Н. де Кондорсе о смерти Эйлера: «Он перестал вычислять и жить») составляли смысл всего существования Эйлера. Даже ослепнув, он воспринимал это событие как фактор, позволяющий не отвлекаться от математических исследований [Котек, 1961]. Но сама слепота и даже стремление к слепоте (когда Эйлеру была проведена операция по удалению катаракты, и он стал видеть, он тут же нарушает предписания врачей и доводит себя до окончательной слепоты), видимо, могут рассматриваться как важный экзистенциальный аспект мировидения Эйлера: реальный мир ему не так интересен, как мир числа, в котором он ощущает себя дома; в числовом мире Эйлер обретает особое зрение, лишить которого его не может никакой физический недуг.

Мир числа Эйлера существует только в числе, и это псевдо-метафизика числа: подлинная, Божественная, реальность пронизана числом, но не исчерпывается только числом. Бог больше числа – у Эйлера же число и есть Бог, ведь число в его мире способно на все: принести известность (великие императоры крупнейших европейских государств, Фридрих II и Екатерина II приглашали его ко дворам), богатство (Эйлер оценивал свой труд так высоко, как ни один академик российской академии наук), благодарность учеников... Но вместе с тем мир числа, который творит Эйлер, мир, в котором он выступает в роли творца, становится, по сути, альтернативой миру Божьему, закрывает глаза (в случае Эйлера буквально!) на мир Божий.

Итак – механика Эйлера. В ее основании лежит четко обозначенный принцип: «Мы должны рассматривать вещи в том виде, в каком они непосредственно воспринимаются нашими чувствами. В соответствии с этим мы о движении любого тела будем судить лишь на основании одного признака, а именно – относя его к другому телу, расположенному по соседству с ним; до тех пор, пока по отношению к последним тело сохраняет неизменным свое положение, мы обычно говорим, что это тело пребывает на одном и том же месте; а когда оно перешло в другое положение, мы говорим, что оно переменило свое место» [Эйлер, 1938, с. 267]. Взаимоотношение вещей в мире Эйлера самодостаточно, этот мир тотально овеществлен, сужен до рамок вещи. В этом мире существует только такое же зауженное число, которое вот-вот готово перейти в цифру, ведь количество вещей требует именно цифру, а не число.

В этой точке и начинается усечение, секуляризация эксперимента. Гораздо проще оказалось заменить метафизические основания эксперимента разработкой его методики. «Метафизика, – фиксирует данную ситуацию П. Гайденко, – в эпоху Просвещения превращается, таким образом, в методологию науки» [Гайденко, 2013, с. 19]. Методология как альтернатива метафизике становилась отражением глобальной секуляризации, то есть разрезания целостного мира и отбрасывания тех «фрагментов» бытия, которые не укладывались в прокрустово ложе рационализма. Так из «классического представления» об эксперименте, а следовательно, и из понятия числа, были выброшены все инородные рационализму составляющие – сенсуализм, эмпиризм и тем более мистицизм. После Л. Эйлера за пределами эксперимента оказываются практически все, кроме рационализма, направления: эмпирики (М. Монтень, Д. Юм и др.) сосредоточили свои интеллектуальные усилия

на философско-литературных изысканиях, спиритуалисты (Д. Беркли, М. де Биран (пишущий вообще «в стол»)) ушли в сферы психологии и оккультизма.

Эксперимент конца XVIII столетия – весьма ограниченное в методологическом плане явление. Парадоксально, но сосредоточение исключительно на методологических проблемах привело к противоположным результатам: методологически эксперимент оказывается во власти только одной, рационалистической, парадигмы, теряя генетический потенциал прошлого. Рамки эксперимента предстают чрезвычайно, сравнительно с предшествующими этапами, узкими. Именно в XVIII веке формируются жесткие категории логико-практических элементов экспериментальной процедуры: постановка вопроса и выдвижение предположительного ответа; создание экспериментальной установки, обеспечивающей необходимые исследователю условия взаимодействия изучаемого объекта; контролируемое видоизменение этих условий; фиксация следствий и установление причин; описание нового явления и его свойств. Уже на стадии создания экспериментальной установки (которая, несомненно, в значительной степени определяет и изначально формулируемый вопрос) начинается процесс «вырезания», «отделения», дискретизация сегмента мира от всех опосредованных связей. И дальнейшие этапы эксперимента – контроль, фиксация, описания – осуществляются уже в рамках ограниченного континуума, не предполагающего метафизического «осмоса» с внешним миром.

Но все же вряд ли необходимо расставлять знаки «плюс» или «минус» в оценках пост-эйлеровской парадигмы эксперимента. Скорее можно говорить о поступательной смене научных систем, как, например, в случае соотнесенности теории Ньютона с теорией Эйнштейна: «В той мере, в какой теория Ньютона была всегда подлинно научной теорией, опирающейся на обоснованные данные, она всё ещё остаётся таковой. Эйнштейн мог показать ошибочность только экстравагантных теоретических претензий – претензий, которые никогда не были собственно элементами науки. Очищенная от этих чисто человеческих экстравагантностей, ньютоновская теория никогда не могла быть оспорена и не будет оспариваться в дальнейшем» [Кун, 2003, с. 185]. Вместе с тем в понятие числа неминуемо будут включены «человеческие экстравагантности», как раз и определяющие специфические формы понимания содержания числа (квантовая теория с ее сложным взаимодействием наблюдающего и наблюдаемого может служить доказательной иллюстрацией возрастания-изменения роли «человеческой экстравагантности»). Число всегда останется «человеческим числом» в силу своей онто-экзистенциальной призванности, а подлинная человечность никогда не сможет реализовать себя в полноценном масштабе без простора метафизичности. Поэтому изменение представлений о числе вполне оправданы, однако можно фиксировать периоды с большей или меньшей степенью «метафизикализации» числа.

Методология эксперимента, разлетевшаяся в XVIII веке (подобно разбиваемым в веке XX частицам Гейзенберга, и как математическое «эхо» этих ударов – теорема Геделя «о неполноте») на рационализм, эмпиризм и мистицизм, сохранила в качестве ведущей траектории рацио-направление, которое в свою очередь привело в экстремуме к радикально-рациональному позитивизму (достаточно вспомнить вульгарный материализм Фохта, Бюхнера и Молешотта, а также их экспериментаторскую методологию и числовую фиксацию результатов «физиологической картины»). Тем самым, идея тотальной (точнее – вульгарной) рационализации эксперимента и числа, сознательно оторвавшаяся от органики развития эксперимента, дискредитировала себя на данном этапе, «забыв» [Кун, 2003, с. 250–252] о своих «единокровных» методологических собратьях.

Но даже во времена радикального рационализма метафизическая «генетика» эксперимента (числа) сохраняла свой, пусть очень тихий, голос. Эхо вне-рационалистической методики звучало в мысленном эксперименте, в приемах соположения идеальных объектов, что в той или иной степени свидетельствовало о сохранении жизненности метафизичности в экспериментаторских исследованиях. Музыка сфер, звучащая для Пифагора, не могла смолкнуть даже в вульгарном материализме, нуждавшемся, хотя и декларативно

отрицавшем это, в идеализации экспериментальной траектории. Благозвучие числа не могло быть заперто в камеру «бесконечно малого», «случайного», «дискретного», требовало выхода на метафизический простор, метафизической акустики, требовало выхода за пределы исключительно рационалистической методологии эксперимента. Обратный вектор определил утрату целеполагания у современного рацио-эксперимента: «…пока по-настоящему убедительная объединенная теория не сформулирована, никто не знает, какие эксперименты осуществлять» [Иэн, 2010, с. 5].

В качестве научно-методологического прогноза можно отметить, что современная ситуация с пониманием числа меняется вместе с изменением содержания рациональности. В.С. Степин, например, подчеркивает принципиальное создание нового, постнеклассического типа рациональности, который «расширяет поле рефлексии над деятельностью, учитывает соотнесенность получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с её ценностно-целевыми структурами» [Человек, наука…, 2004, с. 68]. Этот принцип соотнесенности можно рассматривать как синоним, или эвфемизм, принципа метафизичности, стремящегося именно к соотнесенности (сопряженности) с самыми разными векторами научного исследования.

Новое время в период своего интеллектуально-экспериментального рождения оперирует именно поливекторным пониманием эксперимента и числа: «Сам познающий ум Нового времени, – пишет И.В. Дмитриев, – образован в "точке" скрещения различных дискурсов – "коперниканского", герметического и схоластико-перипатетического» [Дмитриев, 1999, с. 202], тем самым, выделяя методологическую «открытость» экспериментального исследования. Следовательно, если «генетика» современного эксперимента представляет собой сложный, многовекторный синтез разных мировоззренческих позиций (у Т. Куна возникает понятие «неполноты логического контакта», определяющего точку смены научных парадигм), то возникает оправданная потребность в активации затушеванных ресурсов эксперимента, которую можно осуществить только на основе признания за числом права на метафизичность.

Признание метафизичности числа как действенного фактора числового мировосприятия способно вернуть математическому ресурсу изначальное качество – духовное преображение мира. Число, позволяющее перейти на духовно-нравственный уровень, эксперимент, пронизанный метафизически-духовным призванием, – только таким образом возможно преодоление энтропийной бездуховности, захлестывающей современность. И в рассвете метафизического числа, в теплоте животрепещущего числа, в пространстве совершенной квадратуры бытия (соединявшем воедино астрономию, музыку, арифметику и геометрию – это и была подлинная пифагорейская «математа΄», μαθηματά, верность которой и становилась главной добродетелью учеников Пифагора), в благозвучно-благодатной мелодии раскрывающегося числа совсем по-иному зазвучит древняя клятва пифагорейцев, обращенная к нам, забывшим о подлинном числе, – клятва, призывающая видеть в числе «источник и корни вечно цветущей природы» [Ямвлих, 2002, с. 106]. Научиться именно так видеть и так слышать число есть главная задача метафизической (или «жестче»: теологической) математики – важного и результативного раздела современной духовной науки.

Список литературы

1. Антисери Д., Реале Дж. 2002. Западная философия от истоков до наших дней. Т. II. СПб: Пневма, 880 с.
2. Бэкон Ф. 1972. Новый Органон, или Истинные указания для истолкования природы. М.: Мысль, 582 с.
3. Волошинов А.В. 2000. Математика и искусство. 2-е изд. М.: Наука, 404 с.
4. Гайденко П.П. 2013. Проблема времени у Исаака Ньютона. Метафизика, 5 (7): 8–20.
5. Галилей Г. 1987. Пробирных дел мастер. М: Наука, 272 с.
6. Галилей Г. 1948. Диалог о двух системах мира. М.-Л.: ГИТТЛ, 380 с.

7. Галилей Г. 1964. Избранные труды. В 2-х т. Т. I. М.: Наук, 571 с.
8. Гиндикин С. Г. 2001. Рассказы о физиках и математиках. М.: МЦНМО, 443 с.
9. Греческая религия: Архаика и классика. СПб.: Алетейя, 2004. 584 с.
10. Декарт Р. 1989. Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 654 с.
11. Дмитриев И.С. 1999. Неизвестный Ньютон. Силуэт на фоне эпохи. СПб.: Алетейя, 784 с.
12. Иэн Стюарт. 2010. Истина и красота. Всемирная история симметрии. М.: Астрель, Корпус, 461 с.
13. Карцев В.П. 1987. Ньютон. М.: Молодая гвардия, 416 с.
14. Котек В.В. 1961. Леонард Эйлер. М.: Учпедгиз, 106 с.
15. Кун Т. 2003. Структура научных революций. М.: АСТ, 605 с.
16. Лосев А.Ф. 1995. Форма. Стиль. Выражение. М.: Мысль, 940 с.
17. Никулин Д.В. 1993. Пространство и время в метафизике XVII века. Новосибирск: Наука, 258 с.
18. Ницше Ф. 2000. Собрание сочинений. СПб.: Азбука, 381 с.
19. Развитие идей Леонарда Эйлера и современная наука. Сб. статей. М.: Наука, 1988. 518 с.
20. Пифагорейская гармония: исследования и тексты. Новосибирск: АНТ, 2005. 96 с.
21. Свасьян К.А. 2002. Становление европейской науки. М.: Evidentis, 448 с.
22. Степанов А.И. Число и культура. М.: Языки славянской культуры, 2004. 829 с.
23. Человек, наука, цивилизация. М.: Канон +, 2004. 815 с.
24. Эйлер Л. Механика. Основы динамики точки. М.-Л.: Гостехиздат, 1938. 500 с.
25. Юшкевич А.П. 1988. Леонард Эйлер. Жизнь и творчество. В кн.: Развитие идей Леонарда Эйлера и современная наука. М., Наука: с. 15–47.
26. Ямвлих. 2002. О Пифагоровой жизни. М.: Алетейа, 192 с.

References

1. Antiseri D., Reale D. 2002. Zapadnaya filosofiya ot istokov do nashih dnej [Western philosophy from its origins to the present day]. Vol. II. St. Petersburg, Pnevma, 880 p.
2. Bekon F. 1972. Novyj Organon, ili Istinnye ukazaniya dlya istolkovaniya prirody [The New Organon, or True directions for the interpretation of nature]. Moscow, Mysl', 582 p.
3. Voloshinov A.V. 2000. Matematika i iskusstvo [Mathematics and art]. Moscow, Nauka, 404 p.
4. Gajdenko P.P. 2013. Problema vremeni u Isaaka N'yutona [The Problem of time in Isaac Newton]. Metafizika, 5 (7): 8–20.
5. Galilej G. 1987. Probirnyh del master [Assay master]. Moscow, Nauka, 272 p.
6. Galilej G. 1948. Dialog o dvuh sistemah mira [Dialogue concerning the two world systems]. Moscow-Leningrad. GITTL, 380 p.
7. Galilej G. 1964. Izbrannye trudy [Selected works]. Vol. I. Moscow, Nauka, 571 p.
8. Gindikin S.G. 2001. Rasskazy o fizikah i matematikah [Stories about physicists and mathematicians]. Moscow, MCNMO, 443 p.
9. Grecheskaya religiya: Arhaika i klassika. 2004. [Greek religion: Archaic and classical]. St. Petersburg. Aletejya, 584 p.
10. Dekart R. 1989. Sochineniya v 2 t. [Works in 2 vol.]. Vol. 1. Moscow, Mysl', 654 p.
11. Dmitriev I.S. 1999. Neizvestnyj N'yuton. Siluet na fone epohi [Unknown Newton. Silhouette on the background of the era]. St. Petersburg, Aletejya,784 p.
12. Ien Styuart. 2010. Istina i krasota. Vsemirnaya istoriya simmetrii [Truth and beauty. World history of symmetry]. Moscow, Astrel', Korpus, 461 p.
13. Karcev V.P. 1987. N'yuton [Newton]. Moscow, Molodaya gvardiya, 416 p.
14. Kotek V.V. 1961. Leonard Ejler [Leonhard Euler]. Moscow, Uchpedgiz, 416 p.
15. Kun T. 2003. Struktura nauchnyh revolyucij [The Structure of scientific revolutions]. Moscow, ACT, 605 p.

16. Losev A.F. 1995. Forma. Stil'. Vyrazhenie [Form. Style. Expression]. Moscow, Mysl', 940 p.

17. Nikulin D.V. 1993. Prostranstvo i vremya v metafizike XVII veka [Space and time in metaphysics of XVII century]. Novosibirsk, Nauka, 258 p.

18. Nietzsche F. 2000. Sobranie sochinenij [Collected works]. St. Petersburg, Azbuka, 381 p.

19. Razvitie idej Leonarda Ejlera i sovremennaya nauka. 1988. [The development of the ideas of Leonhard Euler and modern science]. Moscow, Nauka, 518 p.

20. Pifagorejskaya garmoniya: issledovaniya i teksty. 2005. [Pythagorean harmony: studies and texts]. Novosibirsk, ANT, 96 p.

21. Svas'yan K.A. 2002. Stanovlenie evropejskoj nauki [Formation of European science]. Moscow, Evidentis, 448 p.

22. Stepanov A.I. 2004. Chislo i kul'tura [the Number and culture]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury, 829 p.

23. Chelovek, nauka, civilizaciya. 2004. [Man, science, civilization. Collected papers]. Moscow. Kanon +, 815.

24. Ejler L. 1938. Mekhanika. Osnovy dinamiki tochki [Mechanics. Basics of point dynamics]. Moscow-Leningrad: Gostekhizdat, 500 p.

25. Iamblichus. 2002. O Pifagorovoj zhizni [About Pythagorean life]. Moscow, Aleteja, 192 p.

26. Yushkevich A.P. 1988. Leonard Ejler. ZHizn' i tvorchestvo. V kn.: Razvitie idej Leonarda Ejlera i sovremennaya nauka [Leonhard Euler. Life and work. In: Development of Leonard Euler's ideas and modern science]. Moscow, Nauka: 15–47.

Ссылка для цитирования статьи
For citation

Колесников С.А. 2020. Генезис экспериментального метода: аспекты гуманитарной археологии числа. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 45 (1): 20–30.
DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-1-20-30

Kolesnikov S.A. 2020. The genesis of the experimental method: the humanitarian aspects of archaeology of number. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 45 (1): 20–30. (in Russian).
DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-1-20-30

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
SOCIOLOGY AND SOCIAL TECHNOLOGIES

УДК 316.758
DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-1-31-41

АНОМИЯ: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ

THE ANOMIE: BASIC THEORIES

В.А. Кузьменков
V.A. Kuzmenkov

Орловский юридический институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.В. Лукьянова,
Россия, г. Орёл, 302027, ул. Игнатова, д. 2.

Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
named after V.V. Lukyanov,
2 Ignatov St, Oryol, 302027, Russia

E-mail: vakuzmenkov@gmail.com

Аннотация
Состояние потери нравственных ориентиров, ценностей и норм в обществе обозначают понятием аномия. В отечественной науке существует недостаток теоретического рассмотрения аномии, её ограниченность взглядами Э. Дюркгейма и Р. Мертона. При этом в науке сложился ряд подходов, существенно расширяющих возможности изучения аномии. Рассмотрены основные теории аномии, сложившиеся в социально-гуманитарных науках. Автором предпринята попытка систематизировать подходы к аномии. Выделены шесть групп теорий: структурно-функциональная, социокультурная, коммуникативно-информационная, криминологическая, психологическая и менеджериальная. Перечислены главные представители каждой группы и дана краткая характеристика их взглядов, также определён методологический потенциал основных подходов. Отмечено наличие противоречия между структурно-функциональной и герменевтической парадигмами: согласно первой точке зрения, аномия зарождается на уровне макросоциальных отношений и процессов, согласно второй – на уровне индивидуального сознания. Разрушение данного противоречия может быть направлением дальнейшего развития теории аномии.

Abstract
The state of loss of moral guidelines, values and norms in society is designated by the concept of anomie. In Russian science, there is a lack of theoretical consideration of anomie, its limited views of E. Durkheim and R. Merton. At the same time, science has developed a number of approaches that significantly expand the possibilities of studying anomie. The main theories of anomie that have developed in the social and humanitarian Sciences are considered. The author attempts to systematize approaches to anomie. Six groups of theories are identified: structural-functional, socio-cultural, communicative-informational, criminological, psychological, and managerial. The main representatives of each group are listed and a brief description of their views is given, as well as the methodological potential of the main approaches is defined. There is a contradiction between the structural-functional and hermeneutical paradigms: according to the first point of view, anomie originates at the level of macro – social relations and processes, according to the second-at the level of individual consciousness. The destruction of this contradiction may be the direction of further development of the theory of anomie.

Ключевые слова: аномия, криминология, культура, менеджмент, психология, структурный функционализм, ценности.
Key words: anomie, criminology, culture, management, psychology, structural functionalism, values.

Введение

В социально-гуманитарных науках существует несколько групп теорий аномии, своими корнями уходящих в две классические концепции, сформулированные Э. Дюркгеймом и Р. Мертоном. Согласно точке зрения французского учёного [Дюркгейм, 1990], аномия проявляется в виде ряда социальных деформаций: кризисе нормативного регулирования в переходных обществах, когда старая система норм и ценностей разрушена, а новая ещё не утвердилась; неэффективности социальных и моральных норм в качестве методов регуляции социального поведения; неопределённости ценностно-нормативных ориентаций, потере целей жизни; росте числа самоубийств, преступлений и т. д. Мертоновский подход [Мертон, 2006] исходит из противоречия между культурно заданными целями и социальными способами их достижения, при этом основным выражением аномии выступает рост преступности. На базе этих двух концепций сложился ряд теорий. Большинство из них могут быть объединены в шесть подходов: структурно-функциональный; социокультурный; коммуникативно-информационный; криминологический; психологический; менеджериальный.

В современной России тема аномии изучается преимущественно в рамках дюркгеймовской и мертоновской теорий, хотя имеется ряд исследований, преодолевающих такое ограничение. В целом интерес к теории аномии повышается, что связано с масштабными преобразованиями, последовавшими после краха коммунистических режимов в Восточной Европе и модернизации Китая и динамикой преступности в США. В ракурсе изучения оказываются как трансформации всего мирового сообщества, так и локальные вопросы.

В современной России тема аномии изучается преимущественно в рамках дюркгеймовской и мертоновской теорий, хотя имеется ряд исследований, преодолевающих такое ограничение. В целом интерес к теории аномии повышается, что связано с масштабными преобразованиями, последовавшими после краха коммунистических режимов в Европе, модернизации Китая и динамикой преступности в США. В ракурсе изучения оказываются как трансформации мирового сообщества, так и локальные вопросы. Тем не менее, теоретические исследования, обобщающие и систематизирующие основные теории аномии, а также раскрывающие их методологические особенности, отсутствуют. В связи с этим автором сделана попытка дать краткое рассмотрение существующих теорий аномии, их методологического потенциала и перспектив научного применения. Целью статьи выступает классификация существующих подходов к пониманию аномии, объект исследования – теории аномии в социальных науках, предмет исследования – идейные основания данных теорий. Используются сравнительный и описательный методы.

Социологические подходы

Почти все существующие теории аномии могут быть сведены в шесть групп, первые три из которых являются по своей идее социологическими. Рассмотрим их более подробно.

1. Структурно-функциональная группа. Именно со структурного функционализма берёт начало современное изучение аномии. Здесь акцентируется внимание на разрушении взаимосвязи социальных элементов и анализе последствий этого на жизнь индивидов. Основные представители – Э. Дюркгейм, Р. Мертон, Т. Парсонс, Р. Макайвер, в России – С.Г. Кара-Мурза и В.В. Кривошеев. [Дюркгейм, 1990; Мертон, 2006; Парсонс, 2000; Макайвер, 1950; Кара-Мурза, 2013; Кривошеев, 2009].

Изучение аномии начинается с французского философа Ж.-М. Гюйо, однако в полноценную теорию разворачивается у Э. Дюркгейма. Он рассматривает общество как систему, которая должна быть в состоянии контролировать свои компоненты. Эта функция осуществляется посредством механизма социальных норм. В определённых условиях этот механизм не способен работать эффективно, поэтому общество не может контролировать своих членов, и его существование находится под угрозой. Аномию ярко характеризует высказывание Э. Дюркгейма: «Никто не знает в точности, что возможно и что невозмож-

но, что справедливо и что несправедливо; нельзя указать границы между законными и чрезмерными требованиями и надеждами, а потому все считают себя вправе претендовать на всё. Как бы поверхностно ни было это общественное потрясение, всё равно, те принципы, на основании которых члены общества распределяются между различными функциями, оказываются поколебленными» [Дюркгейм, 1990, с. 126]. Отношения органов общества не регулируются, что приводит к экономическим кризисам, распаду семей, преступлениям, суицидам и пр.

Если Э. Дюркгейм был озабочен солидарностью и сплочённостью общества при переходе от традиционного общества к индустриальному, то основной целью американского социолога Р. Мертона было объяснение высокого уровня преступности в американском обществе во время и после Великой депрессии. Для него аномия – это выбор социально запрещённых методов достижения одобряемых целей. Р. Мертон характеризует аномию не как отсутствие социально ценных целей, но как невозможность регулирования этапов достижения цели без отсылки к её уместности. Концепция аномии Р. Мертона отличается от концепции Э. Дюркгейма, главным образом, в двух отношениях. Во-первых, он отказался от изучения быстрых социальных изменений и сосредоточил внимание на относительно стабильных социальных отношениях, которые были связаны с более высоким уровнем преступности. Во-вторых, Р. Мертон отверг идею о том, что девиации в конечном счёте уходят корнями в природу человека, и пришёл к выводу, что они в значительной степени являются социальными продуктами. Доктрина «первородного греха» была заменена доктриной «социально обусловленного греха». Причины преступности связаны с взаимодействием социальной и культурной сфер общества.

Девиантное поведение начинается тогда, когда группа или индивид не имеют возможности нормативного достижения цели или по какой-либо причине не желают ему следовать. Р. Мертон отмечает: «Именно когда система культурных ценностей превозносит до небес, ставит буквально выше всего некоторые общие цели успеха и навязывает их всему населению в целом, в то время как социальная структура жёстко ограничивает или полностью перекрывает для значительной части того же самого населения доступ к одобряемым способам достижения этих целей, – именно тогда принимает широкие масштабы девиантное поведение» [Мертон, 2006, с. 263].

Идеи Э. Дюркгейма и Р. Мертона оказались очень популярны в американской науке и получили развитие в социологии, психологии, криминологии и теории менеджмента. В нашей стране их развивает отечественный социолог В.В. Кривошеев, который говорит о двух отличительных особенностях российского общества: высокая криминализация и господство коротких жизненных проектов, множественность социальных жизней человека [Кривошеев, 2009]. Эти деструктивные процессы в первую очередь затрагивают молодёжь, лишающуюся стабильного будущего.

В целом, структурно-функциональная парадигма позволяет определить влияние институтов общества на рост девиантного поведения и формирование ценностей. Недостатком выступает недооценка человека как «культурного существа», социальное доминирует над культурным. Этот недостаток пытается устранить вторая группа теорий.

2. Социокультурная группа. Учёные этого направления концентрируются на проблемах кризисов идентичности и социальной солидарности, деградации культуры, различиях в мировоззрении и ценностях представителей различных культур и поколений. Основные представители – П.А. Сорокин, Э. Тирикьян, Дж. Александер, П. Штомпка, Ф. Фукуяма, Р. Инглхарт, в России – С.А. Кравченко, Н.Н. Мещерякова [Сорокин, 2006; Tiryakian, 1981; Александер, 2012; Штомпка, 2001; Фукуяма, 2004; Инглхарт, 2011; Кравченко, 2014; Тощенко, 2020; Мещерякова, 2015].

Российско-американский учёный П.А. Сорокин связывает нарастание безнормия с концом чувственной культуры и переходом к новому типу – идеалистической культуре. Ошибкой являются попытки сохранить умирающую чувственную культуру: «В этих условиях великая задача нашего и следующих поколений состоит не в безнадёжном воскрешении того, чего уже нет, а в решении других проблем: во-первых, сделать этот переходный

diesirae, diesilla как можно более безболезненным и, во-вторых, составить конструктивные планы для будущего общества и будущей культуры» [Сорокин, 2006, с. 790]. Войны, революции, идеологии, проекты социального переустройства – это всё одновременно и продукты распада, и попытки удержать чувственную культуру. Тем не менее, её крах неизбежен. Чувственная культура низвела человека до примитивного существа, движимого только властными, денежными и сексуальными потребностями. Новый человек как представитель идеалистической культуры должен научиться контролировать свои потребности и желания, ориентироваться на заботу о своих ближних, понимать и искать вечные ценности культуры и общества. С его становлением и связывается преодоление аномии.

Американский социолог Р. Инглхарт на базе многолетних эмпирических социологических исследований создал теорию «тихой революции». После Второй мировой войны произошёл переход от материалистических к постматериалистическим ценностям. В результате экономического роста в странах Запада на задний план отошли идеалы экономической и физиологической безопасности, и стали доминировать самовыражение и качество жизни. Следствием данного процесса является трансформация общественных структур, которая «характеризуется упадком иерархических институтов и жёстких социальных норм и расширением сферы индивидуального выбора и массового участия» [Инглхарт, 1997, с. 9]. Переход от материализма к постматериализму – процесс очень конфликтный и противоречивый, что и вызывает состояние безнормия. Исследования Р. Инглхарта позволяют раскрыть аномию в межпоколенческом и глобальном контекстах.

Американский политолог Ф. Фукуяма подверг анализу [2004a] большой пласт кризисных явлений современного общества, вызванных переходом от индустриального к информационному обществу. Этот так называемый великий разрыв начал проявляться с середины 1960-х годов в ряде негативных явлений: росте преступности и социальной дезинтеграции, упадке родственных связей как социального института, падении рождаемости и сокращении браков, увеличении числа разводов и внебрачных детей, падении доверия к общественно-политическим институтам, изменении характера участия людей в жизни друг друга (мимолётность социальных связей, сокращение межличностных обязательств) и многом другом. В другом труде Ф. Фукуяма рассматривает, каким образом биотехнологические практики приводят к обесцениванию человека как биосоциокультурного существа, что может привести к изменению всего человеческого общества [2004b].

Интересна теория швейцарского учёного Й. Галтунга, который основывает своё исследование на сочетании структурно-функциональной и социокультурной методологий. Он приходит к выводу, что большая часть обществ земного шара в конце XX в. находится в состоянии серьёзной социальной дезинтеграции. Причинами этого процесса являются деструктуризация и декультурация, ведущие к бесструктурности и бескультурности или, говоря иначе, к атомии (социальному распаду) и аномии (культурному кризису). Атомия – следствие усложнения человеческих обществ, роста их иерархичности, безличности и анонимности власти. Этот подход плодотворен тем, что позволяет разделить духовные и социально-структурные процессы. В качестве одной из главных причин кризиса Й. Галтунг видит постмодернистскую фазу развития мирового сообщества, которая сопровождается революцией в области коммуникаций и роботехники. Мир становится более технически развитым, но менее чувственно-эмоционально насыщенным, что отчуждает людей друг от друга [Galtung, 1996].

Разработки американского исследователя культуры Д. Александера [2012] и польского социолога П. Штомпки [2001] позволяют интерпретировать аномию в связи с культурной травмой, однако здесь нужно обозначить несводимость этих терминов друг к другу. Травма культурна и связана с психологически-болезненным переживанием исторически сложившихся проблем, тогда как аномия зарождается в ценностно-нормативных от-

ношениях и может существовать на относительно не опасном уровне. Общее содержание данного феномена можно описать следующим образом: «"Переживание травмы" можно понять как социологический процесс, который определяет болезненную рану, нанесенную сообществу, устанавливает жертву, возлагает ответственность и распределяет идеальные и материальные последствия» [Александер, 2012, с. 32].

Американский социолог Э. Тирикьян предложил говорить о «сексуальной аномии» как изменении гендерных ролей в современном мире, сексуальной революции, изменении половой идентичности и т. д. С одной стороны, аномия связана с расширением прав и свобод отдельных социальных групп, например, женщин, с другой – с изменением природы человека как биологического существа [Tiryakian, 1981].

Отечественный учёный С.А. Кравченко предлагает говорить о *«нормальной» аномии*. Общество перешло через определённый порог сложности, и традиционные методы поддержания порядка более не актуальны. В реальности доминируют короткоживущие референты. В этом смысле аномия сама стала нормой жизни. Нормальная аномия – это «расширяющаяся совокупность уязвимостей для социума в виде побочных эффектов инновационной, рационально-прагматической деятельности Человека» [Кравченко, 2014, с. 6]. С.А. Кравченко связывает изменение содержания аномии с влиянием ускорения и усложнения социокультурной динамики, становления сложного социума. Аномия выступает как конституирование так называемых не-мест, не-людей, не-вещей, не-еды, не-услуг, не-знания и не-событий, то есть возникновение «ничто» как стирание социальной и культурной специфики отношений и предметов. При этом, благодаря глокализации, сохраняется социокультурная определённость других объектов, и поэтому происходит столкновение «ничто» и «нечто» [Кравченко, 2014].

Социокультурные подходы позволяют рассмотреть аномию как продукт трансформации ценностей и норм общества, цивилизационного сдвига и изменения природы человека. Они концентрируются на глобальных процессах, поэтому для изучения аномии на мезо- и микроуровне их следует применять с осторожностью.

3. Коммуникативно-информационная группа собственно аномией интересуется слабо. В целом, аномия – это информационное искажение и возникшее в результате этого отклонение в поведении личности. Представители этого подхода (Х. Маклюэн, Ю. Хабермас, А. Хиршман, Б. Мадьяр, А.Ю. Карпова [Маклюэн, 2003; Хабермас, 2000; Карпова, 2017]) также обращаются к изучению влияния информационных аберраций на формирование демократии. Например, немецкий философ Ю. Хабермас [Хабермас, 2000]. говорит о важности коммуникативной рациональности для демократии. Российский социолог А.Ю. Карпова понимает аномию как разрушение коммуникативных каналов и транслируемых смыслов. Неправильная интерпретация информации приводит к социальной дезинтеграции [Карпова, 2017]. Развитие теории аномии в этом направлении выглядит достаточно перспективно.

4. Криминологическая группа возникла на базе теории Р. Мертона, и в западной науке аномия чаще всего интерпретируется в этом ключе. Как отмечали А. Коэн, Р. Кловард и Л. Олин [Cohen, 1955; Cloward, Ohlin, 2003] и другие учёные, развивавшие подход Р. Мертона, он не обратил внимание на одно из главных последствий «американской мечты» – формирование социальной дискриминации и, как результат, нарастание девиаций.

Наделённые властью группы способны отчуждать от социальных благ более низкие слои и тем самым косвенно способствовать росту преступности. Социальная депривация реализуется посредством ограничений при поступлении в учебные заведения, получении социальной помощи (пособий, пенсий), устройстве на работу и т. д. При этом общество рекламирует не столько идею материального успеха, сколько стратегию повышения социального статуса, ведь наличие денег без поднятия по социальной пирамиде не приносит удовлетворения. Не имея возможности легально достичь целей, индивиды вынуждены со-

вершать девиантные поступки. Их цель – не только преодолеть систематическую дискриминацию, но и компенсировать «фрустрацию статуса». В этом смысле девиации «встроены» в процесс социализации индивида низших социальных слоёв. Социализируемые индивиды изначально знают, что придётся прибегать к незаконным методам получения благ – коррупции в медицинских, образовательных или административных учреждениях, насилию в школе или армии, обману при устройстве на работу, мошенничеству или кражам на рабочем месте и пр. [Cohen, 1955, p. 28].

Нужно учитывать, что далеко не все представители низших слоёв общества идут на нарушение закона, а только те, кто имеет доступ к незаконным средствам для достижения материального успеха и высокого социального статуса. Преступления растут из-за большого числа возможностей обойти закон, а не из-за отсутствия легитимных способов достижения успеха [Cloward, Ohlin, 2003].

Интересный ракурс рассмотрения той же проблемы представила американский криминолог Ф. Адлер. При помощи аномии она объясняла рост женской преступности в индустриальном обществе. С одной стороны, формальное уравнение женщин в правах с мужчинами дало первым больше социальных возможностей. С другой стороны, консервативность общественного сознания по-прежнему мешала воспринимать женщин как равных, что и приводило к выбору ими незаконных способов достижения цели [Adler, 1975].

Сегодня очень популярна институциональная теория аномии С. Месснера и Р. Розенфельда [Messner, Rosenfeld, 2007]. Ключевым понятием данной теории является институциональный баланс власти по различным социальным институтам. Каждый социальный институт имеет собственную функцию в обществе, и их стабильное развитие помогает установить нормы, ценности, систему социальных ролей и даже верования в обществе. С. Месснер и Р. Розенфельд выделяют четыре главных института (экономика, семья, образование, государство) и предполагают, что в идеальном обществе между ними существует равновесие. В американском обществе такой баланс отсутствует, и экономика доминирует над другими институтами, которые сами начинают служить сугубо экономическим интересам. Такое общество вынуждает индивида к предпочтению экономического успеха над другими целями и одобряет любые средства достижения. Результатом является ограничение возможностей неэкономических институтов, нарушение их функциональности, включая функцию превенции преступлений [Baumer, Gustafson, 2007; Messner et al., 2008].

Аномия возрастает, когда, с одной стороны, экономические ценности и цели доминируют над неэкономическими ценностями, с другой стороны, ослаблены неэкономические институты, и они не в состоянии обеспечить законные пути достижения целей для общества. Отношения между различными институтами не являются статичными, сила их взаимодействий изменяется со временем. Таким образом, расширение влияния институтов семьи или государства может уравновесить доминирование экономических ценностей и уменьшить уровень аномии.

Криминологические теории имеют практическую направленность – прогнозирование и предотвращение преступности, особенно во время масштабных общественных трансформаций.

5. Психологическая группа. Здесь аномия понимается как определённые психологические состояния, препятствующие полноценному включению человека в общество. Ракурс рассмотрения переносится с макроуровня на внутренний мир личности.

Согласно австрийскому психиатру В. Франклу [Франкл, 1990, с. 308], источником аномии выступает утрата смысла жизни, причиной которой, в свою очередь, является «экзистенциальный вакуум». Он образуется в результате общественных (войны, политические перевороты и т. д.) и личных трагедий (болезни, смерть и пр.). «Этиология экзистенциального вакуума представляется мне вытекающей из следующих фактов. Во-первых,

человеку в отличие от животного никакие побуждения и инстинкты не говорят, что ему нужно делать. Во-вторых, в противоположность прошлым временам никакие условности, традиции и ценности не говорят, что ему должно делать. И часто он не знает даже, что он, по существу, хочет делать. Вместо этого он хочет делать то, что делают другие, или делает то, чего хотят от него другие. Он, так сказать, вносит свою лепту в конформизм и тоталитаризм; первый более характерен для Запада, второй – для Востока» [Франкл, 1990, с. 308]. Таким образом, он связывал аномию с формированием тоталитаризма, с одной стороны, и капитализма – с другой.

К идеям В. Франкла близки мысли Э. Фромма, который приходит к выводу о распространении социально-психологической болезни – равнодушии к другой личности. Формы её проявления – нарциссизм, некрофилия, садизм и мазохизм. Причины их существования скрыты в социокультурных условиях, например, в экономоцентризме и технократизме, производящих «больных людей». Индустриальная «мегамашина» подчиняет человека, отчего он становится склонен к девиациям [Фромм, 2004].

Л. Сроул понимал аномию как чувство личной бесперспективности и, чтобы подчеркнуть разницу между аномией как социальным процессом и личными проблемами, ввёл новое наименование – anomia, личностная или простая аномия (тогда как ранее использовался термин «anomie» – общественная или сложная аномия). Как альтернативу он предложил древнегреческое понятие «эвномия», описывающее чувство социально-психологической принадлежности, однако этот термин не закрепился. Особенность подхода Л. Сроула состояла в том, что он отождествлял аномию и отчуждение и, чтобы эмпирически обосновать свои выводы, разработал целую шкалу измерения [Srole, 1956, p. 712]. Однако она была раскритикована за нечёткость, так как неясно, что именно – отчуждение или аномию – она измеряет.

Более успешно эмпирический базис подвёл канадский психолог В. Джилек, установивший наличие прямой связи между аномией и распространённостью психических болезней у индейцев Британской Колумбии (Канада) и штата Вашингтон (США). По итогам исследования он предложил термин «аномическая депрессия», который обозначает последствия аномии на уровне личности, а именно чувства уныния, отчаянья, апатии, дезориентации, фрустрации, ощущение утраты жизненных целей, повышенную агрессивность и склонность к алкоголизму и суициду [Jilek, 1974].

Одиночество как фактор аномии изучили американские психологи У. Садлер и Т.Б. Джонсон. Они пришли к выводу, что возникновению аномии способствует переживание одиночества в нескольких сферах жизни человека [Садлер, Джонсон, 1984].

Индивидуальные особенности личности могут вызывать аномию независимо от социальных факторов, при этом общество за счёт нормативного и институционального контроля способно предотвратить рост безнормия [McCloskey, Schaar, 1965]. Для молодых людей основным фактором возникновения аномии могут стать (по отдельности или совместно) неудачи в спорте, непризнание со стороны представителей противоположного пола, плохая успеваемость в учёбе, отсутствие друзей, конфликты с родителями и пр. [Agnew, 1992].

Сила психологических подходов состоит в объяснении возникновения аномии на микроуровне, как распространения индивидуальных поведенческих патологий. Негативные общественные трансформации отражаются на индивидах, которые, в свою очередь, избирают ненормативные модели поведения и тем самым умножают аномию.

6. Менеджериальная группа теорий. Здесь изучаются проблема падения культуры труда, нарушение трудовой дисциплины, профессиональная деформация, экономическая (в том числе «беловоротничковая») преступность. Его представители – О. Грасски, Д. Коэн, Р. Ходсон, Ф. Мэнсфилд, Е. Цахуриди и другие. Благодаря их трудам появились термины «организационная аномия» и «корпоративная аномия», описывающие эффект

нарушения традиционных норм со стороны персонала производственной организации. Американский экономист П. Друкер утверждал, что чрезмерное «разделение труда препятствует возникновению соответствующих норм, и тогда начинает преобладать аномия» [Drucker et al., 1961]. Как чрезмерный, так и слишком слабый контроль на рабочем месте могут способствовать аномии, которая выражается в господстве субъективных правил труда [Hodson, 1999]. В целом эта группа теорий имеет исключительно прикладную направленность и может быть использована для исследования организационных патологий на микроуровне.

Выводы

Аномия – это комплекс социальных и культурных патологий, своего рода вирус, поражающий индивидов. При этом она может быть рассмотрена и как условно положительный феномен, так как имеет потенциал для конструктивного развития. Определённая доля аномии необходима для свободы в обществе, ведь если социальные нормы будут слишком жёсткими, индивидуальная свобода окажется ограниченной. Отсутствие жёсткой нормативной системы, допущение лёгких девиаций необходимо для развития самостоятельности индивидов. Однако эта «позитивная» аномия является контролируемой, она не выходит за рамки весьма низких пределов.

Систематизация подходов к изучению аномии позволила определить методологическую проблему. С одной стороны, общество и культура как реальности sui generis формируют индивидов, ограничивают их сознание и формы поведения. С другой стороны, из действий конкретных индивидов и вкладываемых в них смыслов складываются культурные и общественные отношения. Индивид и общество одновременно влияют друг на друга: общество и культура оказывают глубокое воздействие на индивида, но и он, в свою очередь, определяет социокультурные отношения своими действиями. Поэтому нет однозначного ответа на вопрос о том, зарождается ли аномия на уровне индивидуального сознания или на уровне макросоциальных отношений и процессов. Здесь есть напряжённость между структурно-функциональной и герменевтической парадигмами. С решением данной проблемы связано дальнейшее развитие теории аномии.

Список литературы

1. Александер Дж. 2012. Культурная травма и коллективная идентичность. Социологический журнал, 3: 6–40.

2. Дюркгейм Э. 1990. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., Наука: 575 с.

3. Инглхарт Р. 1997. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества. Политические исследования, 4: 3-9.

4. Кара-Мурза С.Г. 2013. Аномия в России: причины и проявления. Доклады Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. Вып. 4. М.: Научный эксперт. 56 с.

5. Карпова А.Ю. 2017. Информационная аномия в политической коммуникации: диссертация ... доктора социологических наук: 22.00.05. Москва, 445 с.

6. Кравченко С.А. 2014. Нормальная аномия: контуры концепции. Социологические исследования, 8: 3–10.

7. Кривошеев В.В. 2009. Короткие жизненные проекты: проявление аномии в современном обществе. Социологические исследования: 57-67.

8. Маклюэн Г.М. 2003. Понимание медиа: Внешние расширения человека. М.: Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле». 464 с.

9. Мертон Р. 2006. Социальная теория и социальная структура. М., АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ: 873 с.

10.Мещерякова Н.Н. 2015. Особенности аномии в современном российском обществе: синергетический подход: диссертация ... доктора социологических наук: 22.00.01. Москва. 311 с.

11. Парсонс Т. 2000 О структуре социального действия. М.: Академический Проект: 880 с.

12.Садлер У., Джонсон Т.Б. 1989. От одиночества к аномии. В кн.: Лабиринты одиночества. Составитель Н.Е. Покровский. М., Прогресс: 21–52.

13.Сорокин П.А. 2006. Социальная и культурная динамика. 2006. М., Астрель: 1176 с.

14.Тощенко Ж.Т. 2020. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М.: «Весь мир». 352 с.

15.Франкл В. 1990. Человек в поисках смысла. М., Прогресс: 368 с.

16.Фромм Э. 2004. Анатомия человеческой деструктивности. М.: АСТ: 635.

17.Фукуяма Ф. 2004. Великий разрыв. М., Издательство АСТ, ЗАО НПП «Ермак»: 474 с.

18.Фукуяма Ф. 2004. Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции. М., АСТ: 352 с.

19.Хабермас Ю. 2000. Моральное сознание и коммуникативное действие. М.: Наука. 380 с.

20. Хиршман А.О. 2010. Риторика реакции: извращение, тщетность, опасность. М.: Изд. дом ГУ – ВШЭ. 207 с.

21.Штомпка П. 2001.Социальное изменение как травма. Социологические исследования, 1: 6–16.

22. Adler F. 1975. Sisters in crime: The rise of the new female criminal. New York, McGraw-Hill: 287 p.

23. Agnew R. 1992. Foundation for a general strain theory of crime and delinquency. Criminology, Vol. 30, 1: 47–87.

24. Baumer E.P., Gustafson R. 2007. Social Organization and Instrumental Crime: Assessing the Empirical Validity of Classical and Contemporary Anomie Theories. Criminology, 45: 617–663.

25. Cloward R.A., Ohlin L.E. 2003. Delinquency and Opportunity. In: Criminological Theory: Past to Present, edited by Cullen F.T. and Agnew R. CA: Roxbury Publishing Company: 278–283.

26. Cohen A.K. 1955. Delinquent Boys: The Culture of the Gang. Glencoe, N.Y.: The Free Press: 202 p.

27. Drucker P.F., D'Antonio W.V., Ehrlich H.J. 1961.Power and democracy in America. Notre Dame: University of Notre Dame Press: 181 p.

28. Galtung J. 1996. On the Social Costs of Modernization. Social Disintegration, Atomie/Anomie and Social Development.Development and Change,Vol.27, Issue 2: 379–413.

29. Hodson R. 1999. Organizational Anomie and Worker Consent. Work and occupations, Vol. 26, 3: 292–323.

30. Jilek W.G. 1974. Salish Indian Mental Health and Culture Change: Psychohygienic and Therapeutic Aspects of the Guardian Spirit Ceremonial. Toronto: Holt, Rinehart & Winston: 131 p.

31. McCloskey H., Schaar J.H. 1965. Psychological Dimensions of Anomy.American Sociological Review, Vol. 30, № 1: 14–40.

32. MacIver R.M. 1950. The Ramparts We Guard. New York: The Macmillan Company. 152 p.

33. Messner S., Rosenfeld R. 2007. Crime and the American Dream. Belmont, CA: Wadsworth. 176 p.

34. Messner S., Thome H., Rosenfeld R. 2008. Clarifying and Elaborating Institutional Anomie Theory. International Journal of Conflict and Violence, 2: 163–181.

35. Srole L. 1956. Social integration and certain corollaries: an exploratory study. American Sociological Review, 21: 709–716.

36. Tiryakian E.A. 1981. Sexual Anomie, Social Structure, Societal Change. Social Forces, Vol. 59, 4: 1025–1053.

References

1. Aleksander Dzh. 2012. Kul'turnaya travma i kollektivnaya identichnost'[Cultural trauma and collective identity]. Sociological Journal, № 3: 6–40. (in Russian)

2. Dyurkgeym E. 1990. O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii. [The Division of Labour in Society. The Rules of Sociological Method]. M., Nauka: 575p. (in Russian)

3. Inglehart R. 1997. Postmodemity: Changing Values and Changing Societies.Polis. Political Studies, 4: p. 9. (in Russian)

4. Kara-Murza S.G. 2013. Anomiya v Rossii: prichiny i proyavleniya. Doklady Tsentra problemnogo analiza i gosudarstvenno-upravlencheskogo proektirovaniya. [Anomie in Russia: causes and manifestations. Reports of the Center for Problem Analysis and Public Administration Design] Vyp. 4. M.: Nauchnyy ekspert. 56 s. (in Russian)

5. Karpova A.Yu. 2017. Informatsionnaya anomiya v politicheskoy kommunikatsii [Information anomie in political communication]: dissertation ... doctors of sociological sciences: 22.00.05. Moscow: MGIMO: 445. (in Russian)

6. Kravchenko S.A. 2014. «A normal anomie»: contours of conception. Sociological Studies, 8: 3-10. (in Russian)

7. Krivosheev V.V. 2009. Korotkie zhiznennye proekty: proyavlenie anomii v sovremennom obshchestve [Short life projects: manifestation of anomie in modern society] // Sotsiologicheskie issledovaniya: 57-67. (in Russian)

8. McLuhan G.M. 2003. Ponimanie media: Vneshnie rasshireniya cheloveka [Understanding Media: Human External Extensions]. M.: Zhukovsky: «KANON-press-Ts», «Kuchkovo pole». 464 p.

9. Merton R. 2006. Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura [Social theory and social structure]. M., ACT, ACT MOSKVA, KhRANITEL": 873 p.

10. Meshcheryakova N.N. 2015. Osobennosti anomii v sovremennom rossiyskom obshchestve: sinergeticheskiy podkhod [Features of anomie in modern Russian society: a synergistic approach]: dissertation ... doctors of sociological sciences: 22.00.01. Moscow. 311 s.

11. Parsons T. 2000. O strukture sotsial'nogo deystviya [On the structure of social action]. M.: Akademicheskiy Proekt: 880 p.

12. Sadler U., Dzhonson T.B. 1989. Ot odinochestva k anomii [From loneliness to anomie]. V kn.: Labirinty odinochestva[In the book: Mazes of solitude]. Sostavitel', obshchaya redaktsiya i predislovie N.E. Pokrovskogo. M.: Progress: 21–52.

13.Sorokin P.A. 2006. Sotsial'naya i kul'turnaya dinamika [Social and cultural dynamics]. 2006. M., Astrel': 1176.

14.Toshchenko Zh.T. 2020. Obshchestvo travmy: mezhdu evolyutsiey i revolyutsiey (opyt teoreticheskogo i empiricheskogo analiza) [Trauma society: between evolution and revolution (experience of theoretical and empirical analysis)]. M.: «Ves' mir». 352 s.

15.Frankl V. 1990. Chelovek v poiskakh smysla [Man's Search for Meaning]. M., Progress: 368 p. (in Russian)

16.Fromm E. 2004. Anatomiia chelovecheskoi destruktivnosti [The Anatomy of Human Destructiveness]. M., AST: 635 p. (in Russian)

17.Fukuyama F. 2004. Velikii razryv [The Great Disruption: Human Nature and the Reconstitution of Social Order]. M., OOO «Izdatel'stvo ACT», ZAO NPP «Ermak»: 474 p. (in Russian)

18.Fukuyama F. 2004. Nashe postchelovecheskoe budushchee. Posledstviia biotekhnologicheskoi revoliutsii [Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution]. M., AST: 352 p. (in Russian)

19. Khabermas Iu. 2000. Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deistvie [Moral Consciousness and Communicative Action]. M.: Nauka. 380 s. (in Russian)

20.Khirshman A.O. 2010. Ritorika reaktsii: izvrashchenie, tshchetnost', opasnost' [Rhetoric of reaction: perversion, futility, danger]. M.: Izd. dom GU – VShE. 207 s. (in Russian)

21.Shtompka P. 2001. Sotsial'noe izmenenie kak travma [Social change as trauma]. Sociological Studies, 1: 6–16. (in Russian)

22. Adler F. 1975. Sisters in crime: The rise of the new female criminal. New York: McGraw-Hill: 287 p.

23. Agnew R. 1992. Foundation for a general strain theory of crime and delinquency. Criminology, Vol. 30, 1: 47–87.

24. Baumer E.P., Gustafson R. 2007. Social Organization and Instrumental Crime: Assessing the Empirical Validity of Classical and Contemporary Anomie Theories. Criminology, 45: 617–663.

25. Cloward R.A., Ohlin L.E. 2003. Delinquency and Opportunity. In: Criminological Theory: Past to Present, edited by Cullen F.T. and Agnew R. CA: Roxbury Publishing Company: 278–283.

26. Cohen A.K. 1955. Delinquent Boys: The Culture of the Gang. Glencoe, N.Y.: The Free Press: 202p.

27. Drucker P.F., D'Antonio W.V., Ehrlich H.J. 1961. Power and democracy in America. Notre Dame: University of Notre Dame Press: 181 p.

28. Galtung J. 1996. On the Social Costs of Modernization. Social Disintegration, Atomie/Anomie and Social Development. Development and Change,Vol.27, Issue 2: 379–413.

29. Hodson R. 1999. Organizational Anomie and Worker Consent. Work and occupations, Vol. 26, 3: 292–323.

30. Jilek W.G. 1974. Salish Indian Mental Health and Culture Change: Psychohygienic and Therapeutic Aspects of the Guardian Spirit Ceremonial. Toronto: Holt, Rinehart & Winston: 131 p.

31. McCloskey H., Schaar J.H. 1965. Psychological Dimensions of Anomy. American Sociological Review, Vol. 30, № 1: 14–40.

32. MacIver R.M. 1950. The Ramparts We Guard. New York: The Macmillan Company. 152 p.

33. Messner S., Rosenfeld R. 2007. Crime and the American Dream. Belmont, CA: Wadsworth. 176 p.

34. Messner S., Thome H., Rosenfeld R. 2008. Clarifying and Elaborating Institutional Anomie Theory. International Journal of Conflict and Violence, 2: 163–181.

35. Srole L. 1956. Social integration and certain corollaries: an exploratory study. American Sociological Review, 21: 709–716.

36. Tiryakian E.A. 1981. Sexual Anomie, Social Structure, Societal Change. Social Forces, Vol. 59, 4: 1025–1053.

Ссылка для цитирования статьи
For citation

Кузьменков В.А. 2020. Аномия: основные подходы. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 45 (1): 31–41. DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-1-31-41

Kuzmenkov V.A. 2020. The anomie: basic theories. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law.45 (1): 31–41 (in Russian). DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-1-31-41

УДК 316.3/4
DOI

ОТНОШЕНИЕ РАЗНЫХ ПОКОЛЕНИЙ РОССИЯН К ГОСУДАРСТВУ (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

THE ATTITUDE OF DIFFERENT GENERATIONS OF RUSSIANS TO THE STATE (SOCIOLOGICAL ASPECT)

Л.Г. Лебедева
L.G. Lebedeva

Самарский государственный экономический университет,
Россия, 443090, г. Самара, ул. Советской Армии, 141

Samara State University of Economics,
141 Sovetskoi armii St, Samara, 443090, Russia

E-mail: ludleb@mail.ru

Аннотация
Гармоничность отношений и взаимопонимание между разными поколениями предполагают достаточно высокую меру общности основных социальных ценностей, среди которых и государство, чьи интересы сограждане воспринимают как свои. Несмотря на многочисленные исследования взаимоотношений граждан и государства, эта проблема остается недостаточно изученной, в частности в поколенческом аспекте. Каково же реальное отношение россиян к государству? Интересы какого государства готовы отстаивать россияне разных поколений? Согласно данным проведенного автором социологического опроса готовность отстаивать интересы своего государства в большей мере признают представители младших возрастно-поколенческих групп («от 18 до 29 лет» и «от 30 до 44 лет»); в средней степени – представители группы «50 лет и старше» и в наименьшей степени – представители группы «от 45 до 49 лет». Наибольшую готовность отстаивать интересы своего государства проявляют те, кто считает, что России нужны «правовое государство, демократия» и «социальное государство, социальная защищённость». Наиболее последовательны в позиции «меня не касается» те, кто считает, что России нужны «либеральное государство, свобода рынка, свобода самовыражения». В последние годы в России практически застопорился рост экономики и благосостояния большинства населения, что обострило тягу масс к социальной защищённости. Таким образом, необходима более полная реализация на практике принципов социального государства. Соответственно, необходимо дальнейшее научное исследование основных направлений и механизмов эффективной реализации этих принципов.

Abstract
Harmony of relations and mutual understanding between different generations presupposes a fairly high degree of commonality of basic social values, including the state, whose interests are perceived by fellow citizens as their own. What is the real attitude of Russians to the state? Are Russians of different generations ready to protect the interests of their (existing) state? Despite numerous studies of the relationship between citizens and the state, in some aspects this problem remains insufficiently studied, in particular, in the generational aspect. With this in mind, the author of the article conducted a sociological study, which showed, in particular, the following. The willingness to defend the interests of their state is mostly recognized by representatives of younger age-generational groups ("18-29 years" and "30-44 years"); in the middle - by representatives of the group "50 years and older" and in the least - by representatives of the group "45-49 years". The greatest willingness to defend the interests of their state is shown by those who believe that Russia needs a "legal state, democracy" and a "social state, social security". And those who believe that Russia needs a "liberal state, freedom of the market, and freedom of expression" are the most consistent in the "it doesn't concern me" position. In recent years, the growth of the economy and

the welfare of the majority of the population has almost stalled in Russia, which has exacerbated the desire of the masses for social security. The development of the state in modern Russia is associated with a set of tasks, including social justice and democracy, social security and ensuring the rights of citizens. These tasks can also be considered as principles of the social state. Citizens of different generations consider it necessary to implement these principles more fully in practice. Accordingly, further scientific research is needed on the main directions and mechanisms for effective implementation of the principles of the social state.

Ключевые слова: поколения, государство, социальные ценности, социальное государство, правовое государство, либеральное государство, справедливость.
Key words: generations, state, social values, social state, lawful state, liberal state, justice.

Введение

В последние десятилетия в связи с процессами глобализации и социальной трансформации в России произошли изменения в структуре общественных и личных ценностей россиян и межличностных отношений в духе либеральных частнособственнических ценностей, что явилось причиной разногласий и нарушений межпоколенных взаимосвязей (конфликта поколений). Важную роль в изменении структуры общественных и личных ценностей играет также сама по себе смена поколений. Так, именно смена поколений оказала большое влияние на распространение материалистических и постматериалистических ценностей, как это показано, в частности, в работе П. Абрамсона и Р. Инглхарта [Abramson, Inglehart, 1992] и в работе Инглхарта Р. и Вельцеля К. [2011] на примере ряда стран.

Между тем гармоничность отношений и взаимопонимание между разными поколениями предполагают достаточно высокую меру общности основных социальных ценностей. Речь, в частности, и о государстве (его типе) как одной из важнейших социальных ценностей. В одной из статей В.В. Путин подчеркнул необходимость общественного диалога, обсуждения того, какой вектор экономического и социального развития предпочесть, как можно улучшить нашу жизнь, сделать более справедливым общественное устройство [Путин, 2012а].

Проблема справедливости (наряду с проблемой демократии) находится в центре внимания многих исследователей и научных школ, в том числе в западных странах. При этом один из дискуссионных вопросов – является ли демократия требованием справедливости или инструментом ее реализации – имеет несколько вариантов ответа, из которых наиболее аргументирована точка зрения Лауры Валентини [Valentini, 2013]: демократию мы можем ценить как инструмент, справедливость мы должны ценить как таковую; теории справедливости (как самоценности) должны быть в центре внимания вместе с демократией (как инструментом). Иначе говоря, демократия важна и полезна не сама по себе, а как инструмент в определении и осуществлении того, что требует справедливость. Вряд ли нужно спорить с такой позицией.

В современной России положение о социальном государстве (по сути как институциональном инструменте реализации на практике демократии и социальной справедливости) возведено в один из конституционных принципов – в частности, в статье 7 Конституции Российской Федерации. Убедительно аргументированной представляется оценка, например, Н.И. Лапина [2018], который убежден в том, что формирование социального государства является способом успешной эволюции общества. Но приходится признать, что многое в реальном положении дел, в практике государства в России вызывает весьма критические замечания. Однако это относится и к другим социальным государствам, например, к странам Европейского Союза, где проблему основных устоев, легитимности и будущности социального государства (государства благосостояния) продолжают активно и разносторонне исследовать [Chung et al., 2018]. Так, в последние годы социальные исследования в западноевропейских странах показали, что «социальные инвестиции» гораздо бо-

лее популярны в разных слоях общества по сравнению с «пассивными трансфертами» и «политикой оплаты труда» [Garritzmann et al., 2018]. Несомненно, что разработчики российской конституции учитывали имевшийся исторический опыт, в том числе, в странах Западной Европы. Этот опыт важно учитывать и сегодня в практике российского государства.

Актуальные аспекты проблемы социального государства отражены ранее в некоторых наших статьях [Лебедева, 2015a; 2015b; Лебедева, Орлова, 2018; 2019]. Данная статья по сути продолжает этот ряд исследований.

Каким же видится россиянам «более справедливое общественное устройство», желаемое и приемлемое для них государство, интересы которого воспринимаются как свои интересы? Соответственно, интересы какого государства (как справедливого) готовы отстаивать россияне разных поколений?

Объекты и методы исследования

Эмпирической базой при рассмотрении темы статьи явились, прежде всего, данные социологического опроса «"Отцы и дети": конфликт и сотрудничество, преемственность поколений 2018», организованного и проведённого под руководством Л.Г. Лебедевой в 2018 г. Анкетный опрос проводился в Самарской области. Выборочная совокупность была определена с учетом половозрастной и поселенческой структуры населения Самарской области. При расчётной выборочной совокупности респондентов, составившей 384 человека (предельная ошибка выборки 5 %), было опрошено 438 респондентов, представляющих разные возрастно-поколенческие группы в возрасте от 18 лет и старше.

Важной особенностью социологического исследования «"Отцы и дети": конфликт и сотрудничество, преемственность поколений 2018» является выделение целевых возрастно-поколенческих групп респондентов, которые определялись с учётом социально-исторических условий, в которых та или иная возрастно-поколенческая группа вступала в свою взрослую жизнь (примерно в 16–18 лет). Для группы в возрасте 50 лет и старше (124 респондента) вхождение во взрослую жизнь пришлось на период до «перестройки» (до 1985 г.) – это молодёжь ещё советской поры. Группа в возрасте от 45 до 49 лет (97 респондентов), наоборот, входила во взрослую жизнь именно с 1985 по 1991 гг. – это молодёжь периода перестройки. Для группы в возрасте от 30 до 44 лет (105 респондентов) время взросления пришлось на период социальной трансформации российского общества (с 1991–1992 гг. примерно по 2007 г.) – это молодёжь первого постсоветского периода. Группа в возрасте 18–29 лет (112 респондентов) гражданское и личностное становление прошла в течение одиннадцати лет до проведения опроса (с 2007–2008 гг. по 2018 г.) – это сегодняшняя молодёжь.

Материалы и результаты

В какой степени готовы отстаивать интересы существующего в России государства сограждане разных возрастно-поколенческих групп, можно судить по результатам опроса, представленным в табл. 1.

Основная масса ответов связана с двумя противоположными вариантами – «готов» отстаивать интересы своего государства и «меня не касается». Положительный ответ «готов» можно рассматривать как признак высокого уровня самоидентификации как гражданина российского государства. В наибольшей мере признают готовность отстаивать интересы своего государства представители младших возрастно-поколенческих групп – «от 18 до 29 лет» (50,0 %) и «от 30 до 44 лет» (52,4 %); в средней степени – представители группы «50 лет и старше» (42,8 %) и в наименьшей степени – представители группы «от 45 до 49 лет» (38,1 %).

Ответ «болен (стар)» выбрала четверть респондентов из возрастной группы «50 лет и старше» и одна двадцатая часть из возрастной группы «от 45 до 49 лет», что можно признать достаточно естественным (и уважительным) в силу зрелого возраста. А в младших возрастных группах («от 18 до 29 лет» и «от 30 до 44 лет») данный вариант ответа получил минимальную долю голосов (от 1,9 до 5,2 %), что вполне естественно.

Таблица 1
Table 1

Распределение ответов на вопрос «Вы готовы отстаивать интересы своего государства?» по возрастно-поколенческим группам, % от выборочной совокупности респондентов
Distribution of answers to the question "Are you ready to defend the interests of your state?" by age-generational groups, % of the sample of respondents

Возрастно-поколенческие группы	Выборочная совокупность, n	Ответы				Всего
		готов	болен (стар)	меня не касается	другое	
От 18 до 29 лет	112	50,0	2,7	36,6	10,7	100
От 30 до 44 лет	105	52,4	1,9	32,4	13,3	100
От 45 до 49 лет	97	38,1	5,2	46,4	10,3	100
50 лет и старше	124	42,8	26,6	26,6	4,0	100
Итого	438	45,9	9,8	34,9	9,4	100

Около одной десятой части респондентов, в среднем по всей выборочной совокупности, выбрали ответ «другое», который можно рассматривать как уклончивый по существу ответ в значении «трудно сказать». При этом наименьшая доля таких ответов (4,0 %) отмечена в самой старшей возрастной группе («50 лет и старше»).

Отрицательный ответ «меня не касается» можно рассматривать как признак либо слабой меры самоидентификации, либо полного отсутствия гражданской самоидентификации. Этот ответ преимущественно выбрали представители группы «от 45 до 49 лет» (46,4 %), то есть поколение периода перестройки, а наиболее редко его выбирали представители группы «50 лет и старше» (26,6 %), то есть поколение доперестроечного периода. Данный социологический факт демонстрирует, как существенно и глубоко отразилась перестройка на общественном сознании респондентов возрастно-поколенческой группы «от 45 до 49 лет», этап взросления которых пришёлся именно на переломный период советской истории.

В сумме ответы «меня не касается» и «другое» преимущественно выбрали представители группы «от 45 до 49 лет» (56,9 %). Это можно рассматривать как один из признаков сравнительно низкого уровня гражданской самоидентификации именно у представителей данной группы.

В сумме ответы «меня не касается» и «другое» наиболее редко выбирали представители группы «50 лет и старше» (30,6 %). Это можно рассматривать как один из признаков более высокого уровня гражданской самоидентификации именно у представителей старшей возрастно-поколенческой группы.

Но какое же по типу государство предпочитают россияне (табл. 2)?

Респонденты младшей (18–29 лет) возрастной группы и средних возрастных групп (30–44 лет и 45–49 лет) почти в одинаковой степени (примерно по две пятых части в каждой возрастной группе респондентов) высказались в пользу варианта «социальное государство, социальная защищённость». А респонденты старшей возрастной группы (50 лет и старше) на первое место выдвинули вариант «правовое государство, демократия» (также примерно две пятых части в этой группе респондентов).

В целом по всей выборочной совокупности две пятых части голосов (39,5 %) отдано варианту «социальное государство, социальная защищённость»; одна треть голосов (32,4%) – варианту «Правовое государство, демократия»; чуть менее одной пятой части голосов (18,3%) – варианту «Либеральное государство, свобода рынка, свобода самовыражения». И около одной десятой части голосов (9,8 %) по всей выборке отдано варианту «другое» (с которым может быть связано, например, «монархическое» или «социалистическое» государство). Интересы какого государства (типа государства) готовы или не готовы отстаивать россияне (табл. 3)?

Таблица 2
Table 2

Распределение ответов на вопрос «Какое государство нужно России?»
по возрастно-поколенческим группам, % от выборочной совокупности респондентов
Distribution of answers to the question "What state does Russia need?"
by age-generational groups, % of the sample of respondents

Возрастно-поколенческие группы	Выборочная совокупность, n	Ответы				Всего
		Правовое государство, демократия	Социальное государство, социальная защищённость	Либеральное государство, свобода рынка, свобода самовыражения	Другое	
От 18 до 29 лет	112	26,8	40,8	22,5	9,9	100
От 30 до 44 лет	105	31,0	46,4	13,1	9,5	100
От 45 до 49 лет	97	34,2	42,1	22,4	1,3	100
50 лет и старше	124	37,7	29,4	24,7	8,2	100
Итого	438	32,4	39,5	18,3	9,8	100

Таблица 3
Table 3

Парное распределение ответов на вопросы «Какое государство нужно России?» и «Вы готовы отстаивать интересы своего государства?», % от выборочной совокупности респондентов (N = 438)
Paired distribution of answers to the questions "What state does Russia need?" and "Are you ready to defend the interests of your state?", % of the sample of respondents (N = 438)

Какое государство нужно России?	Вы готовы отстаивать интересы своего государства?				Всего
	готов	болен (стар)	меня не касается	другое	
Правовое государство, демократия	19,4	3,0	5,9	4,1	32,4
Социальное государство, социальная защищённость	19,2	4,5	13,2	2,5	39,5
Либеральное государство, свобода рынка, свобода самовыражения	4,8	0,7	11,9	0,9	18,3
Другое	2,5	1,6	3,9	1,8	9,8
Итого	45,9	9,8	34,9	9,4	100

Наибольшую готовность «отстаивать интересы своего государства» проявляют те, кто выбрал ответ «правовое государство, демократия» – таковых 19,4 % по всей выборке, и те, кто выбрал ответ «социальное государство, социальная защищённость» – таковых 19,2 % по всей выборке.

Наименьшую готовность «отстаивать интересы своего государства» проявляют те, кто выбрал ответ «либеральное государство, свобода рынка, свобода самовыражения» – таковых 4,8 % по всей выборке, и те, кто выбрал ответ «другое» – таковых 2,5 % по всей выборке.

В то же время позицию «меня не касается» в наибольшей мере отметили те, кто выбрал ответ «социальное государство, социальная защищённость» – таковых 13,2 % по всей выборке, и те, кто выбрал ответ «либеральное государство, свобода рынка, свобода самовыражения» – таковых 11,9 % по всей выборке.

Позицию «меня не касается» в наименьшей мере отметили те, кто выбрал ответ «правовое государство, демократия» – таковых 5,9 % по всей выборке, и те, кто выбрал ответ «другое» – таковых 3,9 % по всей выборке.

Таким образом, наибольшую готовность «отстаивать интересы своего государства» проявляют те, кто выбрал ответы «правовое государство, демократия» и «социальное государство, социальная защищённость»; наиболее последовательны в позиции «меня не касается» те, кто выбрал ответ «либеральное государство, свобода рынка, свобода самовыражения».

Обсуждение и выводы

В общественном мнении россиян виднейшее место занимает социальная справедливость как ценность, как лозунг. Поэтому вполне естественно, что при ответах на вопросы о том, какое государство нужно России, и о готовности отстаивать интересы своего государства респонденты отдают предпочтение вариантам «правовое государство, демократия» и «социальное государство, социальная защищённость». В то же время, заметная часть респондентов отдаёт предпочтение варианту «либеральное государство, свобода рынка, свобода самовыражения». Таким образом подтверждаются результаты других социологических опросов, показывающие, что две трети россиян отвечают в консервативном ключе и треть – в либеральном [Бызов, 2016; Лебедева, Орлова, 2019]. Однако в разных возрастно-поколенческих группах те или иные тенденции (консервативные или либеральные) проявляются весьма неодинаково (см. табл. 2).

Поколенческий критерий «привития» и распространения важнейших социальных ценностей является универсальным. Так, на основе анализа британских социальных данных за 1985–2012 гг. М.Т. Грассо и её соавторы пришли к выводу, что в качестве наследия тэтчеризма явилось «долгосрочное формирование общественного мнения через политическую социализацию» [Grasso et al., 2019, p. 17]. Соответственно, воспитанное в обстановке тэтчеризма новое, молодое политическое поколение стало ещё в большей мере правым-авторитарным в сравнении со старшим (предыдущим) поколением. Таким образом, следует признать определённую динамику общественных ценностей в связи с социально-экономическим и социально-политическим состоянием общества в тот или иной период.

В условиях экономических трудностей и кризиса в стране естественна актуализация проблем материального характера (в том числе, проблемы социального неравенства и социальной защищённости уязвимых слоёв населения). В более благополучные периоды подъёма, роста экономики и благосостояния населения естественно обострение внимания к проблемам демократии и свободы самовыражения.

В 2000-е годы в России произошёл заметный рост экономики и укрепились демократические основы политической системы. При этом проявила себя закономерность – «опыт демократии в стране повышает ценности самовыражения» [Dahlum, Knutsen, 2016, p. 437]. Вместе с этим в последние годы практически застопорился рост экономики страны и благосостояния большинства населения, что обострило потребность граждан в социальной защищённости. Различные социологические исследования показывают массовый запрос россиян на содействие и поддержку со стороны государства; «только примерно шестая часть россиян заявляет, что им не нужно государственное содействие ни в какой форме» [Аникин, 2019, с. 352]

В.В. Путин отметил, что «эффективность социальной политики измеряется мнением людей – справедливо ли устроено общество, в котором мы живем» [Путин, 2012b]. В связи с этим он подчеркнул необходимость «завершить создание в России такой политической системы, такой структуры социальных гарантий и защиты граждан, такой модели экономики, которые вместе составят постоянно развивающийся и одновременно устойчивый, здоровый государственный организм» [Путин, 2012b].

Несомненно, что связь государства и населения (народа) взаимна. Государство действует для народа («за» народ) и народ действует для государства (и голосует «за» государство). Однако существуют проблемы как в отношении результатов деятельности государства, так и в отношении деятельности народа, его активных общественных сил.

В частности, существует серьёзная общественная проблема – слабый «мобилизационный потенциал запроса на социальную справедливость» [Петухов, 2011, с. 22]. Для решения назревших социальных проблем недостаточно одного желания, необходимо ещё наличие определённой воли и практической энергии масс, сопряжение стремления к справедливости «с солидарностью, готовностью за эту самую справедливость бороться» [Петухов, 2011, с. 22].

Необходима и соответствующая политика со стороны государства – более последовательная и энергичная, в духе утверждения современного социального государства, за которое массы могли бы стоять горой. В том числе «речь о таких реформах, которые ведут к установлению общих и справедливых правил игры ("fairplay"), выравнивают возможности для разных членов общества» и «тем самым добавляют обществу социальной динамики» [Гимпельсон, Монусова, 2014, с. 217]. Пока же, как показывают приведённые выше социологические данные (см. табл. 1, 3), лишь около половины (и менее) респондентов заявляют о своей готовности отстаивать интересы своего (сегодняшнего) государства. Почему? Прежде всего потому, видимо, что результаты деятельности государства не вполне удовлетворительны для населения. Иначе говоря, российское государство ещё не стало в достаточной мере отвечающим высоким критериям именно «социального государства». Основная масса населения, особенно менее обеспеченные слои, ожидают от государства объективно необходимых «социальных инвестиций», прежде всего, в сферы образования и здравоохранения, в преодоление массовой бедности.

Как показывают научные данные и аргументы, в современных условиях в России, по оценке, например, Н.И. Лапина, «социальное государство предстает как фундаментальный институциональный принцип, определяющий перспективу российской государственности» [Лапин, 2018, с. 6]. Вновь актуализируется диагноз, сделанный в своё время Карлом Манхеймом: «Мир жаждет новой модели общественного переустройства»; при этом происходящие перемены «могут развиться в тип общества, который мог бы интегрировать в новую модель преимущества планирования и свободу демократического строя» [Манхейм, 1994, с. 446, 447]. Думается, что именно с современным социальным государством можно связывать подобную тенденцию и перспективу.

Несомненно, что различные аспекты развития и деятельности государства в России связаны так или иначе с комплексом задач, среди которых – социальная справедливость и демократия, социальная защищённость и обеспечение прав граждан, которые правомерно рассматривать и как общие принципы социального государства. В решении этих задач совпадают интересы россиян и положения Конституции Российской Федерации о государстве, прежде всего, как демократическом, правовом и социальном государстве, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Выработка путей и механизмов практической реализации государственными и общественными структурами всех этих задач предполагает и соответствующие социологические исследования.

На современном этапе основная масса населения, особенно менее обеспеченные слои, ожидают от государства объективно необходимых «социальных инвестиций», прежде всего, в сферы образования и здравоохранения, в преодоление массовой бедности. Таким образом, необходима, в конечном счёте, более полная реализация на практике принципов социального государства, соответственно, и выяснение путей, этапов и механизмов эффективной реализации этих принципов.

Список литературы

1. Аникин В.А., Лежнина Ю.П., Мареева С.В., Слободенюк Е.Д. 2019. Запросы россиян на содействие государства: социальное инвестирование или социальная поддержка? Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены, 3: 345–366.

2. Бызов Л.Г. 2016. Ценностная трансформация российского общества на фоне социально-политического кризиса и посткрымского синдрома. Общественные науки и современность, 6: 5–20.

3. Гимпельсон В.Е., Монусова Г.А. 2014. Восприятие неравенства и социальная мобильность. Экономический журнал Высшей школы экономики, 18 (2): 216–248.

4. Горшков М.К. 2017. Российское общество в контексте новой реальности. Москва, Весь мир: 104 с.

5. Инглхарт Р., Вельцель К. 2011. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. Москва, Новое издательство: 464 с.

6. Лапин Н.И. 2018. Формирование социального государства – способ успешной эволюции общества. Социологические исследования, 8: 3–11. DOI: 10.31857 /S013216250000758-6

7. Лебедева Л.Г. 2015a. Преемственность поколений в дискурсе менеджмента проблем социального государства в России. Вестник Самарского муниципального института управления, 3: 132–138.

8. Лебедева Л.Г. 2015b. Социальное государство как императив гармоничной преемственности поколений в России. Вестник Самарского муниципального института управления, 2: 147–157.

9. Лебедева Л.Г., Орлова Л.В. 2018. Социальное государство в социологическом зеркале преемственной связи российских поколений. Вестник Самарского муниципального института управления, 4: 133–139.

10. Лебедева Л.Г., Орлова Л.В. 2019. Социальный выбор современных российских поколений (социологический аспект). Социально-экономические явления и процессы, 14(105): 5–12. DOI: 10.20310/1819-8813-2019-14-105-5-12

11. Манхейм К. 1994. Диагноз нашего времени. М., Юрист: 700 с.

12. Петухов В.В. 2011. Ценностная палитра современного российского общества: «идеологическая каша» или поиск новых смыслов? Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, 1: 6–23.

13. Путин В.В. 2012a. Россия сосредоточивается − вызовы, на которые мы должны ответить. URL: http://www.izvestia.ru/news/511884 (дата обращения 22.10.2019).

14. Путин В.В. 2012b. Строительство справедливости. Социальная политика для России. URL: http://www.rg.ru/2012/02/13/putin-statya.html (дата обращения 22.10.2019).

15. Abramson P. & Ingelhart R. 1992. Generational Replacement and Value Change in Eight West European Societies. British Journal of Political Science, 22. DOI: 10.1017 /S0007123400006335.

16. Chung H., Taylor Gooby P., Leruth B. 2018. Political legitimacy and welfare state futures: Introduction. Social Policy Administration, 52: 835–846. DOI: 10.1111/spol.12400

17. Dahlum S. & Knutsen C. 2017. Democracy by demand? Reinvestigating the effect of self-expression values on political regime type. British Journal of Political Science, 47(2): 437–461. DOI: 10.1017/S0007123412000294

18. Garritzmann Ju. & Busemeyer M. & Neimanns E. 2018. Public demand for social investment: new supporting coalitions for welfare state reform in Western Europe? Journal of European Public Policy, 25: 844–861. DOI: 10.1080/13501763.2017.1401107.

19. Grasso M., Farrall S., Gray E., Hay C., & Jennings W. 2019. Thatcher's Children, Blair's Babies, Political Socialization and Trickle-down Value Change: An Age, Period and Cohort Analysis. British Journal of Political Science, 49 (1): 17–36. DOI: 10.1017 /S0007123416000375

20. Valentini L. 2013. Justice, Disagreement and Democracy. British Journal of Political Science, 43 (1): 177–199. DOI: 10.1017/S0007123412000294

References

1. Anikin V.A., Lezhnina Y.P., Mareeva S.V., Slobodenyuk E.D. 2019. Zaprosy rossijan na sodejstvie gosudarstva: social'noe investirovanie ili social'naja podderzhka? [Russian Public Demand for State Assistance: Social Investment or Social Support?]. Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny, 3: 345–366.

2. Byzov L.G. 2016. Tsennostnaya transformatsiya rossijskogo obshchestva na fone sotsial'no-politicheskogo krizisa i postkrymskogo sindroma [Valuable transformation of the Russian society against the background of socio-political crisis and the post-Crimean syndrome]. Obshchestvennye nauki i sovremennost', 6: 5–20.

3. Gimpel'son V.E., Monusova G.A. 2014. Vosprijatie neravenstva i social'naja mobil'nost' [Perceptions of inequality and social mobility]. Jekonomicheskij zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki, 18 (2): 216–248.

4. Gorshkov M.K. 2017. Rossiyskoye obshchestvo v kontekste novoy real'nosti [Russian society in the context of a new reality]. Moskva. Ves' mir: 104 p.

5. Inglhart R., Vel'cel' K. 2011. Modernizacija, kul'turnye izmenenija i demokratija: posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitija [Modernization, cultural change and democracy: the sequence of human development]. Moskva, Novoe izdatel'stvo: 464 p.

6. Lapin N.I. 2018. Formirovanie social'nogo gosudarstva – sposob uspeshnoj jevoljucii obshhestvaь [Formation of a social state as a way of successful evolution of society]. Sociologicheskie issledovanija, 8: 3–11. DOI: 10.31857/S013216250000758-6

7. Lebedeva L.G. 2015a. Preemstvennost' pokolenij v diskurse menedzhmenta problem sotsial'nogo gosudarstva v Rossii [Continuity of generations in a discourse of management of problems of the social state in Russia]. Vestnik Samarskogo munitsipal'nogo instituta upravleniya, 3: 132–138.

8. Lebedeva L.G. 2015b. Social'noe gosudarstvo kak imperativ garmonichnoj preemstvennosti pokolenij v Rossii [Social state as an imperative of harmonious succession of generations in Russia]. Vestnik Samarskogo municipal'nogo instituta upravlenija, 2: 147–157.

9. Lebedeva L.G., Orlova L.V. 2018. Social'noe gosudarstvo v sociologicheskom zerkale preemstvennoj svjazi rossijskih pokolenij [The social state in the sociological mirror of the continuity of Russian generations]. Vestnik Samarskogo municipal'nogo instituta upravlenija, 4: 133–139.

10. Lebedeva L.G., Orlova L.V. 2019. Social'nyj vybor sovremennyh rossijskih pokolenij (sociologicheskij aspekt) [Social choice of modern Russian generations (sociological aspect)]. Social'no-jekonomicheskie javlenija i process, 14 (105): 5–12. DOI: 10.20310/1819-8813-2019-14-105-5-12

11. Manheim K. 1994. Diagnoz nashego vremeni [The diagnosis of our time]. M., Jurist: 700 p.

12. Petyhov V.V. 2011. Cennostnaja palitra sovremennogo rossijskogo obshhestva: «ideologicheskaja kasha» ili poisk novyh smyslov? [Valuable palette of modern Russian society: "ideological porridge" or search of new meanings?]. Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny, 1: 6–23.

13. Putin V.V. 2012a. Rossija sosredotochivaetsja − vyzovy, na kotorye my dolzhny otvetit' [Russia concentrates − calls which we have to answer]. Available at: http://www .izvestia.ru/news/511884 (accessed 22.10.2019).

14. Putin V.V. 2012b. Stroitel'stvo spravedlivosti. Social'naja politika dlja Rossii [Justice construction. Social policy for Russia]. Available at: http://www.rg.ru/2012/02/13/putin-statya.html (accessed 22.10.2019).

15. Abramson Paul & Ingelhart R. 1992. Generational Replacement and Value Change in Eight West European Societies. British Journal of Political Science, 22 (2), 183–228. DOI: 10.1017/S0007123400006335.

16. Chung H., Taylor Gooby P., Leruth B. 2018. Political legitimacy and welfare state futures: Introduction. Social Policy Administration, 52: 835–846. DOI: 10.1111/spol.12400

17. Dahlum S. & Knutsen C. 2017. Democracy by demand? Reinvestigating the effect of self-expression values on political regime type. British Journal of Political Science, 47(2): 437–461. DOI: 10.1017/S0007123412000294

18. Garritzmann Ju. & Busemeyer M. & Neimanns E. 2018. Public demand for social investment: new supporting coalitions for welfare state reform in Western Europe? Journal of European Public Policy, 25(6): 844–861. DOI: 10.1080/13501763.2017.1401107.

19. Grasso M., Farrall S., Gray E., Hay C., & Jennings W. 2019. Thatcher's Children, Blair's Babies, Political Socialization and Trickle-down Value Change: An Age, Period and Cohort Analysis. British Journal of Political Science, 49 (1): 17–36. DOI: 10.1017 /S0007123416000375

20. Valentini L. 2013. Justice, Disagreement and Democracy. British Journal of Political Science, 43 (1): 177–199. DOI: 10.1017/S0007123412000294

Ссылка для цитирования статьи
For citation

Лебедева Л.Г. 2020. Отношение разных поколений россиян к государству (социологический аспект). NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 45 (1): 42–50.
DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-1-42-50

Lebedeva L.G. 2020. The attitude of different generations of russians to the state (sociological aspect). NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 45 (1): 42–50 (in Russian).
DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-1-42-50

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО
HUMAN BEING. CULTURE. SOCIETY

УДК 1.091.470
DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-1-51-58

ПРОТОПОП АВВАКУМ: ДВИЖЕНИЕ ОТ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА К ЧЕЛОВЕКУ

PROTOPOP AVVAKUM: THE MOVEMENT FROM THE ARTISTIC IMAGE TO THE PERSON

В.В. Лыткин, А.В. Осипова
V.V. Lytkin, A.V. Osipova

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского,
Россия, Калуга, 248023, Степана Разина, 26

Tsiolkovsky`s Kaluga state University,
26 Stepan Razin St, 248033, Kaluga, Russia

E-mail: vlad-lytkin@yandex.ru; borovskold@yandex.ru

Аннотация
Образ протопопа Аввакума – духовного лидера старообрядческого движения России XVII века, исторического деятеля и писателя – всегда привлекал многочисленных исследователей самых разных научных дисциплин, однако в культурологическом аспекте практически не освещается. В связи с этим автором рассмотрен мифологический образ протопопа Аввакума, подвергшийся определенной семиотизации, который оказал немалое влияние на различные формы общественного сознания: политического, религиозного, философского и даже на искусство. Впервые показано участие самого протопопа Аввакума в создании своего образа, дальнейшее развитие мифологического образа в народной и интеллигентской среде и его демифологизация этого, растянувшаяся в различных социокультурных средах на полтора столетия – с конца XIX до начала XXI веков.

Abstract
Image of protopop Avvakum-the spiritual leader of the old believers ' movement in Russia XVII century, a historical figure and writer-has always attracted numerous researchers of various scientific disciplines, but in the cultural aspect is almost not covered. In this regard, the author considers the mythological image of the protopop Avvakum, which has undergone a certain semioticization, which has had a significant impact on various forms of public consciousness: political, religious, philosophical, and even art. For the first time shows the involvement of the Archpriest Avvakum in the creation of his image, the further development of the mythological image in popular and intellectual circles and his disappointment that sprawled in different cultural environments for half a century – from the late XIX to the early XXI centuries.

Ключевые слова: миф, философия мифа, мифотворчество, мифологизация, демифологизация, старообрядчество, протопоп Аввакум.
Keyword: Myth, philosophy of myth, mythmaking, mythology, the disappointment, the old believers, protopop Avvakum.

Введение

Проблема понимания личности в истории и ее социального влияния на общество актуальна и в настоящее время. Однозначного ответа на вопросы, связанные с ролью личности и возможностью ее как прямого, так и опосредованного влияния на общественное сознание не существует и, видимо, существовать не может. Тем не менее, в каждый кризисный период общество ищет ответы на подобные вопросы. Эти ответы могут дифференцироваться в зависимости от кризисных явлений, сопровождающих «период общественной усталости» [Веселовский, 1940, с.71].

Не менее интересно влияние образа, сложившегося в культуре, на сознание общества, встроенного в совершенно иную социально-культурную реальность, отличную от реальности, окружавшей реальную историческую личность. Использование образов, мифов и их социальное влияние на общество можно видеть в настоящее время: это может быть и целенаправленное влияние, и влияние неспециальное, но не менее действенное. Генезис образа протопопа Аввакума от человека к мифу нашел отражение в самых разных формах культурного бытия, став символом социальных и культурных процессов, свойственных этому времени. В то же время сам образ оказывал влияние на социокультурную действительность, в которой он был рожден.

Образ протопопа Аввакума – духовного лидера старообрядческого движения России XVII века – всегда привлекал многочисленных исследователей самых разных научных дисциплин: историков, философов и филологов. Однако в культурологическом аспекте его образ практически не освещается. В связи с этим в статье предпринята попытка рассмотреть два культурологических процесса – мифологизации и демифологизации – как существующих параллельно. При этом на примере протопопа Аввакума показано, что миф создается не в результате «забывания» первообраза, а при участии представителей изучаемой социокультурной реальности. Демифологизация же происходит в результате исторического процесса и имеет как сознательный, так и бессознательный (обывательский) уровни. Предполагается, что мифологический образ реального человека, обладающий значимыми для культуры и общества чертами, со временем имеет тенденцию к объективизации, в историческом процессе происходит обращение к первообразу.

В череде мероприятий 2020 года, посвященных 400-летию со дня рождения протопопа Аввакума, в тематике встреч и конференций очевидно, что празднуется юбилей не мифологического персонажа, а сильного духом человека, истинного носителя русской культуры, чье представление о русской национальной идее может быть востребовано и в настоящее время.

Образ Аввакума: средневековые способы мифологизации и научная объективность

В древнейших мифах невозможно определить и вычленить реальных людей, которые могли бы стать прообразами мифологических персонажей. Впрочем, если принимать во внимание размышления А.Ф. Лосева [1990], то даже возможность существования таких прообразов исключена, а мифологический персонаж реален именно в своей мифологической ипостаси. В средневековье мы сталкиваемся с ситуацией, когда реально существовавшая историческая личность еще при жизни обретает мифические черты, а вновь возникший образ отделяется от прототипа и начинает автономное существование. Поэтому очевидно, что различные формы социокультурной действительности определяют способы существования мифа и способы мифологизации реальности.

Осмысление процессов сакрализации и мифологизации исторических персонажей особенно актуально в переломные периоды развития, поскольку различие в самосознании, самопрезентации и последующих внешних трактовках личности требует повышенного внимания в моменты смены культурных и исторических парадигм. Современный русский философ В.П. Римский пишет о том, что проблемы соотношения религии и мифа, их про-

исхождения, эволюции, роли и места в социуме неизбежно оказываются «в центре полемики церковных теологов и светских мыслителей»: они являются центром духовной жизни общества, философии, политики [Римский, 2003]. В связи с этим тема личности в истории, ее роли в разного рода движениях и направлениях может быть названа непреходящей. В тоже время изучение проблемы старообрядчества, его места в истории и культуре России, его влияния на общество в настоящее время является одной из актуальных тем и активно исследуется.

В рамках этих двух проблем – роли личности в истории и современного взгляда на старообрядчество как на историко-культурное явление – происходит фокусировка на образе протопопа Аввакума как яркого представителя старообрядческого движения с одной стороны, и как человека, вышедшего за пределы усредненного образа средневекового человека.

Интерес общественного и научного сознания к проблематике мифологической и религиозной экзистенции, по мнению В.В. Лыткина, объясняется пристальным и устойчивым интересом человека к осознанию своего места в мире, к включению себя в единую систему взаимовлияния и взаимодействия человека, Земли и космоса [Лыткин В.В., 2012]. Неудивительно, что 400-летие со дня рождения протопопа Аввакума (2020 год) заставило активизироваться общественные и религиозные организации для подготовки ряда просветительских и торжественных мероприятий, приуроченных к юбилею одного из лидеров старообрядческого движения России XVII века.

Протопоп Аввакум: от мифа к человеку

Протопоп Аввакум интересен не только как выдающийся исторический деятель и писатель, яркий представитель своей эпохи, но и как образ, со временем приобретший символические черты. Несомненно и то, что этот образ, подвергшийся определенной семиотизации, оказал немалое влияние на различные формы общественного сознания: политического, религиозного, философского и даже на искусство. Образ протопопа Аввакума – это тот конструкт, который вырос на основе реальной исторической личности, обрел мифологические черты и даже стал основой для создания художественных и литературных образов.

Надо отметить, что мифологические черты образ протопопа Аввакума обрел еще при жизни, причем в его создании немаловажную роль сыграл сам «огнепальный», создав автобиографичное «Житие» и рассылая многочисленные послания своим духовным чадам. Послания распространялись в ближнем кругу учеников протопопа, и из их содержания, слога и, конечно, слова формировался образ проповедника Старой Веры. Даже первое иконописное изображение Аввакума создается в Керженских скитах в среде людей, лично знавших протопопа и имевших его «автопортрет» [Малышев, 1966].

Одной из причин знаковости образа протопопа Аввакума для общественного сознания стало написание необычного для XVII века литературного произведения, которое расценивалось как нарушение литературного этикета, выход за рамки привычного формата житийной литературы, своеобразный культурный вызов. В последующие два столетия образ развивался в рамках религиозно-идеологической борьбы, в результате которой общественно-религиозные группы оказали значительное влияние на создание противоположных мифологических образов Аввакума. Так как идеологическая борьба началась еще при жизни протопопа, уже в XVII веке произошло смещение внимания с оценки его религиозной деятельности на высказывания, имеющие политическую окраску. Поэтому, с одной стороны, он не только защитник Старой Веры, но и борец со светскими властями, с царем, народный заступник. С другой же – проявляется негативный образ «раскольнического» проповедника – фанатика, антагониста, хулителя царской власти.

О мифе пишет А.В. Гулыга, рассматривая его в рамках марксистской философии. Исходя из установки о невозможности цивилизованными народными массами стихийного

создания современных мифов, исследователь утверждает, что миф создается «полуинтеллегентами» и «недоучками» и затем внедряется в «массовое сознание» [Гулыга, 1978]. Как и Р. Барт, А.В. Гулыга полагает, что миф используется для манипуляций общественным сознанием, и, в то же время, выполняет психотерапевтическую функцию адаптации индивида в обществе. Р. Барт негативно оценивает роль мифа в современной действительности, считая его орудием идеологических манипуляций, которые действенны благодаря своей ориентированности на потребителя [Барт, 2008]. Таким образом, современное мифотворчество связано с социально-политической действительностью. Миф же рассматривается и как идеологическая конструкция, и как отражение исторической памяти, и как презентация архетипов, и как символ социальных и культурных процессов, свойственных тому или иному периоду времени. Открытие и публикация «Жития» в 1861 г. Н.С. Тихонравовым вызвало волну интереса к личности протопопа, положившую начало историческим исследованиям. Одновременно к образу Аввакума обращалась творческая общественность второй половины XIX века, пронесшая этот интерес через революционные потрясения в нашей стране в начале XX века вплоть до настоящего времени.

Научный подход к изучению личности протопопа Аввакума положил начало пути ремифологизации образа духовного лидера старообрядческого движения. Причем первые исторические исследования были не лишены идеологических предрассудков. Хотя в конце XIX века начали активизироваться ученые, которые пытались разогнать мифологический и романтический флер и дать всестороннюю и объективную оценку личности протопопа, события раскола оказались еще настолько морально свежи, что ученые продолжили двигаться по уже накатанным рельсам и не могли выйти за рамки убеждений «раскольник – не раскольник». Так, вместо изучения Аввакума как личности, исследователи продолжали, по сути, все тот же изначальный спор о том, кто прав, кто виноват. Только в XX веке попытки научного освещения исторической личности приобрели объективный характер в исследованиях филологов и историков.

Именно филологи создали самый объемный пласт исследований литературных произведений, созданных протопопом Аввакумом, которые стали не только источником знаний о языке XVII века, сугубо филологическими изысканиями, но и создали образ автора «Жития» через тексты, им написанные. Эти исследования многогранны, не ограничиваются только филологическими изысканиями, зачастую носят археографический характер, учитывают исторический контекст и тем самым погружают ученого и его читателя в мир «Жития», позволяя извлечь из него весь возможный материал.

Одним из первых таких исследователей был российский и советский литературовед Николай Каллиникович Гудзий (1887–1965), известный в первую очередь изысканиями в области древнерусской литературы. Академическое издание «Жития» в 1934 году, эталонное и для современного читателя, сопровождалось статьей Н.К. Гудзия «Протопоп Аввакум как писатель и как культурно-историческое явление» [Гудзий, 1934]. Своеобразие «Жития» привлекло внимание еще одного известнейшего филолога, фольклориста и историка Виктора Евгеньевича Гусева. Его так же озадачивает необычный формат привычного «Жития», которое и не житие вовсе в классическом смысле. Жанр известнейшего аввакумовского сочинения В.Е. Гусев определяет как произведение, тяготеющее к роману в начальный период его становления: «Житие многими своими элементами представляет собой яркое выражение эволюции русской средневековой религиозно-дидактической эпической литературы в жанр нравоучительного бытового романа» [Гусев, 1958, с. 202]. И все же Аввакум для исследователя остается типичным представителем своей эпохи и выразителем народных настроений одной из социальных групп своего времени [Гусев, 1957].

Вполне логично, что «Житие» протопопа Аввакума стало одним из центральных сюжетов в исследованиях Дмитрия Сергеевича Лихачева, посвященных средневековой литературе Руси. В статьях и монографиях выдающийся ученый не только дал характеристику произведениям Аввакума в целом, его языковым особенностям и стилю, но и воспроизвел образ протопопа в контексте его времени, эпохи [Лихачев, 1957; 1958; 1980;

1987]. Дмитрий Сергеевич показывает дуализм творчества Аввакума: «Все творчество Аввакума противоречиво колеблется между стариной и "новизнами", между догматическими и семейными вопросами, между молитвой и бранью... Он всецело находится еще в сфере символического церковного мировоззрения, но отвлеченная церковно-библейская символика становится у него конкретной, почти видимой и ощутимой» [Лихачев, 1987, с. 237]. Лихачев вступает в полемику с традиционными представлениями, распространенными в массовой литературе советского времени, об Аввакуме как о религиозном фанатике и выводит образ человека, пусть и неординарного, но принадлежащего своей эпохе.

Первые исторические исследования, целью которых было создание объективного взгляда на протопопа Аввакума, в полной мере ее выполнить не могли. Несмотря на декларируемую независимость взглядов, образ протопопа писался в русле тех или иных идейных воззрений автора исследования. И все же именно эти работы ввели в научный оборот обширную источниковую базу по биографии Аввакума. Таким биографическим сочинением стало произведение Александра Корнилиевича Бороздина «Протопоп Аввакум: Очерк из истории умственной жизни русского общества в XVII веке» [1900]. Кроме привлечения новых источников, А.К. Бороздин излагает биографию Аввакума в контексте исторических событий XVII века, в частности раскола Русской православной церкви. Русский историк Венедикт Александрович Мякотин так же рассматривает деятельность «апостола раскола» как представителя старообрядческого движения. Акцентируя внимание на личных качествах протопопа Аввакума, исследователь считает его одним «из ярких типов переходного времени, когда господствовавшая раньше в обществе система становилась достоянием оппозиционной партии… Как защитник националистического мировоззрения он принадлежит старому времени, как проповедник веротерпимости – новому» [Мякотин, 2002, с. 193].

Примечательным событием стало издание в 2011 году книги философа и историка Кирилла Яковлевича Кожурина «Протопоп Аввакум: Жизнь за веру», вышедшая в серии «Жизнь замечательных людей» [Кожурин, 2011]. С одной стороны, эта книга носит научно-популярный характер, с другой стороны, мы видим тот самый старообрядческий «взгляд изнутри» на личность в контексте событий раскола Русской церкви XVII века, что очень интересно с культурологической точки зрения. При этом автор отказывается от идеологических штампов, присущих текстам каждой из противоборствующих (в настоящее время на духовном уровне) сторон в конфликте «старообрядцы-новообрядцы»: протопоп Аввакум не фанатик, а человек, имеющий твердые убеждения, его психологический портрет позволяет проникнуть во внутренний мир героя повествования и понять мотивы его решений и поступков. Отчасти это сочинение затрагивает и философские вопросы о сути раскола, однако исключительно философско-антропологическим взглядом самого протопопа Аввакума посвящена одна монография. Это исследование «Протопоп Аввакум: жизнь, вера и учение» Романа Юрьевича Аторина [2011], в котором автор обращается к истокам религиозно-философских взглядов Аввакума, анализирует их генезис и влияние на формирование старообрядческой «идеологии». Р.Ю. Аторин делает вывод об отсутствии целостной завершенной системы философо-богословских взглядов у Аввакума на основании отсутствия у протопопа фундаментального богословского сочинения. И все же внимательное прочтение сочинений Аввакума дает возможность проанализировать и систематизировать его философские и религиозные взгляды, осмыслить их философско-методологическую основу: «…тип философствования протопопа Аввакума, способ выражения Предмета, им созерцаемого, несет в себе сочетание философского образа Сократа и Платона» [Аторин, 2011, с. 35].

И в тоже время Аввакум, по мнению Р.Ю. Аторина, остается на позициях синтеза древнерусского и раннехристианского миропредставления. Исследователь рассматривает догматические взгляды протопопа, его глубоко религиозную гносеологическую позицию с определенной целью: «…исследование мировоззрения протопопа Аввакума должно помочь более глубоко осознать истоки и первопричины трагического церковного раскола и

заложит необходимые предпосылки для сокращения той духовной черты, которая разделила русское общество на два непримиримых лагеря три с половиной века тому назад» [Аторин, 2011, с. 145].

Еще больший символизм и мифологические черты приобретает образ Аввакума в литературе XX века. Стихотворение В. Шаламова «Аввакум в Пустозерске» показывает нам практически революционера, в уста протопопа вкладываются слова, которые он вряд ли бы мог произнести в действительности. Удивительно то, что историк и знаток жизни Аввакума конечно обратит внимание на фактические неточности и несоответствия в стихотворении, но еще он удивится тому, насколько автор точно передал суть трагедии раскола для человека, жившего в эпоху, когда сознание практически всего общества было религиозным: «Нам рушили веру / В дела старины, / Без чести, без меры, / Без всякой вины. / Что в детстве любили, / Что славили мы, / Внезапно разбили / Служители тьмы» [Шаламов, 1988, с. 85].

Во второй половине XX века в творчестве Ю. Нагибина протопоп Аввакум также предстает в романтизированном образе революционера. В рассказе «Огненный протопоп» [Нагибин, 2004] выписан совершенно художественный образ, захватывающий эмоциональную сферу читателя, но существующий отдельно от своего прообраза из XVII века. Итак, можно утверждать, что в отечественной интеллигентской культуре образ протопопа романтизируется, становясь источником вдохновения и творчества, причем каждый писатель, художник и поэт трактует его, исходя из собственных интересов и соображений, мало соотносясь с исторической достоверностью.

Гораздо ближе к историческому Аввакуму другой советский и российский писатель – Д. Жуков. Его образ Аввакума из повести «Протопоп Аввакум» [Жуков Д.С., 2003] органичен, вписан в эпоху Московской Руси XVII века и лишен нарочитости. Можно увидеть стремление очистить образ Аввакума от литературной традиции вкладывать в уста и действия главного героя мысли, идеи, мировоззренческие установки автора. В жанре исторического романа написан и «Аввакум» В. Бахревского [Бахревский В.А., 2001], посвятившего «бунташному веку» пять романов. Примечательно, что именно эти художественные произведения легли в основу знакового телесериала «Раскол», вышедшего в 2011 году. А режиссёр сериала Николай Досталь в свою очередь был вдохновлен пламенным образом Аввакума, который был создан В. Шаламовым в стихотворении «Аввакум в Пустозерске».

Символичность и знаковость образа Аввакума, пройдя путь от образа борца за веру к образцу человеческой силы духа, в XXI веке ни у кого не вызывает сомнений.

Заключение

Таким образом, в конце XX – начале XXI вв. в народной отечественной культуре происходит демифологизация образа протопопа Аввакума: возрождение исторической памяти в большей степени стало происходить через книжность, что приводит к утрате характерной для устной традиции былинности.

Эволюция образа протопопа Аввакума от человека к мифу нашла отражение в самых разных формах культурного бытия, став символом социальных и культурных процессов, свойственных этому времени. В то же время сам образ оказывал влияние на социокультурную действительность, в которой он был рожден.

Демифологизация образа протопопа Аввакума, начавшаяся с переменным успехом в интеллигентской среде на рубеже XIX–XX вв., совершилась в народной культуре в конце XX века, но не под влиянием убеждения в необходимости этого процесса, а в результате хода исторического развития. Вообще же проблема понимания личности в истории и ее социального влияния на общество актуальна и в настоящее время. Однозначного ответа на вопросы, связанные с ролью личности и возможностью ее как прямого, так и опосредованного влияния на общественное сознание, не существует, и, видимо, суще-

ствовать не может. Тем не менее, в каждый кризисный период общество ищет ответы на подобные вопросы.

Список использованных источников

1. Веселовский А.Н. 1940. Историческая поэтика. Л-д., Художественная литература, 652 с.
2. Мякотин В.А. 2002. Протопоп Аввакум, его жизнь и деятельность: Биографический очерк. М., Захаров, 200 с.
3. Нагибин Ю. 2004. Огненный протопоп. М., АСТ, 704 с.
4. Шаламов В. 1988. Стихотворения. М., Советский писатель: с. 85–87.

Список литературы

1. Аторин Р.Ю. 2011. Протопоп Аввакум: жизнь, вера и учение. М., Археодоксия, 162 с.
2. Барт Р. 2008. Мифологии. М., Академический проект, 351 с.
3. Бахревский В.А. 2011. Аввакум. М., АЧТ Астрель, 603 с.
4. Бороздин А.К. 1900. Протопоп Аввакум: Очерк из истории умственной жизни русского общества в XVII веке. СПб., А.С. Суворин, 175 с.
5. Гудзий Н.К. 1934. Протопоп Аввакум как писатель и как культурно-историческое явление. В кн.: Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. М., Academia: с.7–59.
6. Гулыга А.В. 1978. Искусство в век науки. М., Наука, 183 с.
7. Гусев В.Е. 1957. «Житие» протопопа Аввакума – произведение демократической литературы XVII в.: (Постановка вопроса). В кн.: Труды Отдела древнерусской литературы. Т.13. М., Л-д.: 380–384.
8. Гусев В.Е. 1958. О жанре Жития протопопа Аввакума В кн.: Труды Отдела древнерусской литературы. Т.15. М., Л-д.: 191-202.
9. Жуков Д.С. 2003. Русские биографии. Т.1. М., Воскресенье, 688 с.
10. Кожурин К.Я. Протопоп Аввакум: Жизнь за веру. (ЖЗЛ) М., Молодая Гвардия, 2011, 394 с.
11. Лихачев Д.С. 1987. Великое наследие. В кн.: Лихачев Д.С. Избранные работы. В 3 томах. Том 2. Л., Художественная литература, 16–72.
12. Лихачев Д.С. 1957. Заседание, посвящённое творчеству протопопа Аввакума, [состоявшееся 26 апр. в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР]. Вестник АН СССР, 1957: с. 113–114.
13. Лихачев Д.С. 1958. Человек в литературе Древней Руси. М., Л., Изд-во АН СССР, 186 с.
14.Лыткин В.В. 2012. Космические альтернативы человечества: социально-философские, антропологические и религиозные проблемы русского космизма. Спб., Книжный дом, 208 с.
15. Малышев В.И. 1966. История «иконного» изображения протопопа Аввакума. В кн.: Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 22. М., Л-д.: 382–401.
16. Римский В.П. 2003. Миф и религия: к проблеме культурно-исторической специфики архаических религий. Белгород, Крестьянское дело, 184 с.

References

1. Atorin R. Yu. 2011. Protopop Avvakum: zhizn', vera i uchenie [Archpriest Avvakum: the life, faith, and doctrine]. M., Arkheodoksiya, 162 p.
2. Bart R. 2008. Mifologii [Mythologies]. M., Akademicheskii proekt, 351 p.
3. Bahrewski V.A. 2011. Avvakum. M., ASTREL, 603 p.
4. Borozdin A.K. 1900. Protopop Avvakum: Ocherk iz istorii umstvennoi zhizni russkogo obshchestva v XVII veke [Archpriest Avvakum: an Essay on the history of the intellectual life of Russian society in the XVII century]. SPb., A. S. Suvorin, 175 p.
5. Gudzy N. K. 1934. Protopop Avvakum kak pisatel' i kak kul'turno-istoricheskoe yavlenie [Protopop Avvakum as a writer and as a cultural and historical phenomenon]. V kn.: Zhitie protopopa Avvakuma im samim napisannoe i drugie ego sochineniya [Life of protopop Avvakum written by himself and his other works]. M., Academia: 7–59.
6. Gulyga A.V. 1978. Iskusstvo v vek nauki [Art in the age of science]. M., Nauka, 183 p.

7. Gusev V.E. 1957. «Zhitie» protopopa Avvakuma – proizvedenie demokraticheskoi literatury XVII v.: (Postanovka voprosa) ["Life" of protopop Avvakum - a work of democratic literature of the XVII century.: (Statement of the question)]. In: Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. T. 10 [Works of the Department of ancient Russian literature. Vol. 13]. M., L-d.: pp. 380–384.

8. Gusev V.E. 1958. O zhanre Zhitiya protopopa Avvakuma [On the genre of the Life of protopop Avvakum] In: Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. T. 15 [Works of the Department of ancient Russian literature. Vol. 15]. M., L-d.: pp. 191–202.

9. Zhukov D.S. 2003. Russkie biografii. T.1 [Russian biographies. Vol. 1]. Moscow, Voskresenie, 688 p.

10. Kozhurin K.Y. 2011. Protopop Avvakum: Zhizn' za veru (ZhZL) [Archpriest Avvakum: the Life of faith (ZHZL)] M., Molodaya Gvardiya, 394 p.

11. Likhachev D.S. 1987. Velikoe nasledie [Great heritage]. In: Likhachev D.S. Izbrannye raboty. V 3 tomakh. Tom 2 [Selected works in three volumes. Volume 2]. L-d., Khudozhestvennaya literatura, 16–72.

12. Likhachev D.S. 1957. Zasedanie, posvyashchennoe tvorchestvu protopopa Avvakuma, (sostoyavsheesya 26 apr. v Institute russkoi literatury (Pushkinskii Dom) Akademii nauk SSSR) [Meeting dedicated to the work of Archpriest Avvakum, (held 26 APR. in the Institute of Russian literature (Pushkin House) Of the Academy of Sciences of the USSR)]. In: AN SSSR [Bulletin of the USSR Academy of Sciences]. M., 113–114.

13. Likhachev D. S. 1958. Chelovek v literature Drevnei Rusi [Man in the literature of Ancient Russia]. M., L., Izd-vo AN SSSR, 186 p.

14. Lytkin V.V. 2012. Kosmicheskie al'ternativy chelovechestva: sotsial'no-filosofskie, antropologicheskie i religioznye problemy russkogo kosmizma [Space alternatives of mankind: social-philosophical, anthropological and religious problems of Russian cosmism]. SPb., LLC "Knizhnyi dom", 208 p.

15. Malyshev V.I. 1966. Istoriya «ikonnogo» izobrazheniya protopopa Avvakuma. [History of the "icon" image of the protopop Avvakum]. In: Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. [Works of the Department of ancient Russian literature. Vol. 22 M., L-d.: 382–401.

16. Rimsky V.P. 2003. Mif i religiya: k probleme kul'turno-istoricheskoi spetsifiki arkhaicheskikh religii [Myth and religion: on the problem of cultural and historical specificity of archaic religions]. Belgorod, Krest'yanskoe delo, 184 p.

Ссылка для цитирования статьи
For citation

Лыткин В.В., Осипова А.В. 2020. Протопоп Аввакум: движение от художественного образа к человеку. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 45 (1): 51–58.
DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-1-51-58

Lytkin V.V., Osipova A.V. 2020. Protopop Avvakum: the movement from the artistic image to the person. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 45 (1): 51–58 (in Russian).
DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-1-51-58

УДК 165
DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-1-59-68

КОНЦЕПТ И ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА

CONCEPT AND THE PROBLEM OF TRANSLATION

А.И. Швырков[1], Д.М. Кошлаков[1,2]
A.I. Shvyrkov[1], D.M. Koshlakov[1,2]

Брянский государственный технический университет[1],
Россия, 241035, г. Брянск, б-р 50 лет Октября, 7;
Институт философии РАН[2],
Россия, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Bryansk State Technical University[1],
7, 50 let Oktyabrya Boulevard, Bryansk, 241035, Russia;
RAS Institute of Philosophy[2],
12, str. 1 Goncharnaya St, Moscow, 109240, Russia

E-mail: aishvyrkov@rambler.ru; dmkosh2012@yandex.ru

Аннотация
Дан анализ некоего механизма мышления, приходящего в действие в случае заимствования иностранных научных (философских) терминов. Поскольку практически любое иностранное слово заучивается не с одним основным значением, а с несколькими близкими, то данное слово оказывается не просто одним из нескольких синонимов, а как бы вбирает в себя смысл их всех. В результате часто смысл слова в той литературе, для которой оно является заимствованным, оказывается отличным от смысла этого слова в литературе на том языке, из которого оно было заимствовано. Данный механизм, однако, далеко не всегда является проблемой – наоборот, часто его действие позволяет обогатить аппарат науки и философии. Но в этом случае возникает необходимость в «обратном переводе» заимствованного термина – переводе, который бы позволил донести до иностранного читателя те смыслы, которые в «родных» для данного термина языках либо остаются не актуализированными, четко не артикулированными, либо не связываются со специальным термином. На данную проблематику авторы вышли в результате анализа термина «концепт», сравнительно недавно вошедшего в российский научный и философский оборот. Поэтому в статье также рассматривается история использования понятия концепта от Средневековья до наших дней, анализируются различные значения, в которых соответствующий термин употребляется в философии и науке. Делается попытка показать, что в отечественной литературе понятие концепта часто может приобретать несколько иной смысл, чем он имеет в европейской (в том числе и благодаря действию описанного механизма).

Summary
The article analyzes a certain mechanism of thinking that comes into effect in the case of borrowing foreign scientific (philosophical) terms. The essence of this mechanism is follows. Almost every foreign word is memorized not with one basic meaning but with several close ones. Due to this, this word is not just one of several synonyms. It absorbs all them. The result can often be that the meaning of a word in the literature for which it is borrowed turns out to be different from the meaning of the word in literature in the language from which it was borrowed. This mechanism, however, is far from always being a problem. On the contrary, its action often allows us to enrich the apparatus of science and philosophy. Though in this case it is probably necessary to make a “reverse translation” of the loaned term, i.e. a translation which allows conveying to foreign readers meanings which in the “native” for the term languages are either not clearly articulated not associated with a special term. The authors came to this issue as a result of the analysis of the term “concept” which recently entered Russian scientific and philosophical circulation. That’s why the article also examines the history of the use of the term from the Middle Ages to the present day, analyzes various meanings in which the corresponding term is used in

philosophy and science. An attempt is made to show that in Russian literature the term can often acquire a slightly different meaning than it has in European literature (partly due to the action of the mechanism described).

Ключевые слова: концепт, концептуализм, обратный перевод, смысл, термин.
Keywords: concept, conceptualism, reverse translation, meaning, term.

Введение

Значительное количество специальных терминов, используемых в научных и философских трудах, написанных на русском языке, имеют иностранное происхождение. Хотя в русском языке чаще всего существуют аналоги этих терминов, мы, тем не менее, предпочитаем им «оригиналы». Почему? Только ли потому, что так «удобнее»? Или потому что таким образом нам проще интегрироваться в мировое «информационное пространство»? Отчасти. Однако не только поэтому.

Анализ способов использования (прежде всего в русскоязычной литературе) термина «концепт» позволил нам предположить, что наша склонность пользоваться терминами, заимствованными из иностранных языков, коренится в неком механизме работы мышления. Описать этот механизм – основная цель данной статьи.

Употребление термина «концепт» в русскоязычной научной и философской литературе также вывело нас на другую важную проблему, суть которой состоит в следующем: использование в том или ином научном сообществе иностранных терминов может приводить к тому, что с этими терминами начинают связывать значения, которые в «родной» для них, этих терминов, среде с ними не связывались. Данная коллизия чаще всего возникает в результате действия упомянутого выше механизма.

Речь пойдет также о том, как термин «концепт» прижился на российской почве, и о том, каким образом он стал пониматься так, как понимается сегодня в отечественной философии и науке. Рассмотрение это позволит определить и способы решения обозначенной проблемы, и прояснить некоторые из тех общих принципов, в соответствии с которыми происходит заимствование иностранных терминов.

Концепт в истории. Концепт в философии и науке

Понятие концепта имеет многовековую историю [Демьянков, 2001; Демьянков, 2007]. Одно из ранних его появлений связано со средневековой полемикой об *универсалиях* (общих понятиях).

Средневековые схоласты восприняли от философов античности проблему, суть которой состояла в том, *что* считать истинной реальностью – общую идею вещи или саму вещь. *Реалисты* полагали, что первичны общие идеи, а не конкретные вещи; *номиналисты* – что и род, и виды – просто слова, реальны же только обозначаемые ими конкретные вещи. Что касается третьего направления этого спора – *концептуализма*, то устами своего провозвестника П. Абеляра оно утверждало, что универсалии (то есть общие понятия) действительно существуют, но только в уме (душе) человека [Неретина, 1994]. Причем именно как *концепты*. Так, в разуме может существовать концепт (идея) дерева, соотнося вещь с которым разум решает, является ли она деревом. С одной стороны, дерево – это нечто большее, чем просто слово, звук с совершенно произвольным значением (как у номиналистов), а с другой – она не имеет иной реальности, кроме как через связь с конкретными вещами. То есть ее реальность чисто абстрактная, то есть *концептуальная*.

Как известно, и судьба самого П. Абеляра, и судьба его идей сложились печально. Он был осужден двумя церковными соборами, его имя и труды были преданы забвению.

В Новое время интерес к концепту как к некому объекту, схожему с понятием, но ему не тождественному, если и возникал, то эпизодически. Как указывают С.С. Неретина и

А.П. Огурцов [2011], еще И. Канту было свойственно различение понятий и концептов, однако уже в посткантианской философии это различение все более и более стирается.

Ситуация начинает меняться в конце XIX – начале XX вв., когда термин «концепт» все более активно входит в философский оборот. Одним из первых, кто в XX в. заговорил о концепте, был русский религиозный философ С.А. Аскольдов (настоящая фамилия – Алексеев). По С.А. Аскольдову, концепт – это «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [Аскольдов, 1928, с. 31]. Метафорически концепты были обозначены С.А. Аскольдовым как «почки сложнейших соцветий мысленных конкретностей» [Аскольдов, 1928, с. 34]. Концепты диалогичны, предполагают наличие связи между коммуникантами, порождают бесконечное разнообразие индивидуальных способов восприятия действительности и вследствие этого – бесконечное разнообразие вариантов смыслов [Олизько, 2014]. К сожалению, идеи С.А. Аскольдова на несколько десятилетий были забыты. В научный оборот их уже в постсоветское время ввел (точнее вернул) Д.С. Лихачев [Лихачев, 2015].

Оживлению внимания к феномену концепта в отечественной философии также способствовали попытки реконструкции концепта в его средневековом понимании. Лидером этого процесса следует считать С.С. Неретину.

С опорой на средневековые тексты С.С. Неретина предприняла попытку обосновать *эквивокалистскую* трактовку концепта. Согласно этой трактовке, концепт носит эквивокальный (двуосмысленный) характер, поскольку способен одновременно *схватывать* смысловую и словесную природы, связь вещи и речи, обращен как к человеку, так и к Богу [Неретина, 1994]. При этом концепт связывается с решением не только историко-философских, но и эпистемологических задач.

Другая российская исследовательница Л.А. Микешина приходит к выводу, что гуманитарные науки в силу их нарративистского характера оперируют не столько понятиями, сколько именно концептами [Микешина, 2002]. При этом под концептами понимаются «словообразы», которые не были доведены до кондиции абстрактных понятий и в силу того сохранили в себе многообразие смыслов и способность более полно, чем абстрактные понятия, отражать многообразие реальности.

Обратились к понятию концепта логика и аналитическая философия прежде всего в связи с такими значимыми для них проблемами, как концептуальный анализ и проблема концептуальных каркасов [Филатов, Михайловский и др., 2009, с. 161].

Важное направление актуализации понятия концепта связано с исследованиями, находящимися на границе философии и лингвокультурологии. Одним из идеологов этого направления был Ю.С. Степанов. Его понимание отношений между понятием и концептом состояло в том, что в то время как понятия *мыслятся* (являются объектами мышления), концепты не только мыслятся, но и *переживаются* [Степанов, 2010]. Трактовка концепта, предложенная Ю.С. Степановым, безусловно, эмотивистская [Неретина, Огурцов, 2011], однако сфера ее применимости не ограничивается лингвокультурологией, но распространяется и на эпистемологию. Любое знание предполагает некоторое переживание, некий эмоциональный компонент. Мысль способна порождать эмоцию, а эмоция способна служить импульсом к генерированию нового знания. В этом плане трактовка концепта, предложенная Ю.С. Степановым, может использоваться для решения именно эпистемологических задач.

Посструктуралистская философия объяснила понятие «концепт» иначе. Сошлемся в этой связи на книгу Ж. Делеза и Ф. Гваттари «Что такое философия?» [2009], один из наиболее явных посылов которой состоял в том, что философия есть *творчество концептов*. Менее явный, вытекающий из контекста и прямо не сформулированный (но, пожалуй, не менее важный, чем первый) посыл состоял в том, что концепты – это не *вполне понятия* (или не вполне *традиционные* понятия). Именно поэтому русский переводчик и перевел французское «le concept» как концепт, а не как понятие [Зенкин, 2009; Неретина, Огурцов 2011, 183].

Обращение к концептам произошло не только в философии, но и в конкретных науках. Ни в коей мере не претендуя на полноту, попробуем в самых общих чертах обозреть трактовки концепта в тех науках, в которых такое использование приобрело довольно устойчивый характер. Вместе с тем будем учитывать, что в научном знании разброс значений термина «концепт», пожалуй, еще более значителен, чем в философии, что, разумеется, не может не проблематизировать такой обзор.

Частично в обзоре мы будем следовать статье В.А. Ефремова [2009].

В когнитивных науках концепт понимается как базовая единица ментальных или вообще психических ресурсов сознания, связанных с познавательными процессами в широком их понимании. В когнитивных науках концепт стал своего рода «метапонятием» для самых разных когнитивных объектов, включая слова, образы, схемы и т.п.

Эпистемологический смысл когнитивистского понимания концептов обусловлен тем, что мышление и творчество следует рассматривать не как «простое оперирование абстрактными категориями (понятиями)», а как нечто, задействующее «более широкий спектр когнитивных возможностей человека», включая дорефлексивный опыт, религиозные представления, интуицию, предрассудки и т.п. [Филатова, 2007, с. 13].

Психолингвистика трактует концепт как базовое перцептивно-когнитивно-аффективное образование, динамика которого обусловлена закономерностями психической реальности человека. Концепт в такой трактовке не сводится к лингвистическому измерению, но, например, включает в себя и то, что связано со зрительными, слуховыми, вкусовыми и прочими квалитативными элементами человеческой психики (то есть элементами, в полной мере в языке невыразимыми).

В лингвистических исследованиях концепт уподобляют представлению, наивному понятию, хотя и не отождествляют с ними, в том числе полагая, что концепт в существенной мере репрезентирует ассоциативное поле связываемого с ним слова. Довольно удачно концепт в подобном его понимании может быть смоделирован с помощью «полевой модели», предполагающей наличие у концепта как некоторого семантического поля своеобразных ядра и нескольких поясов периферии [Масалова, 2007]. Соответствующая такому пониманию «полевая модель» в той или иной мере отвечает трактовке концепта как нечеткого и текучего семантического объекта.

На стыке лингвистики и культурологии возникло лингвокультурологическое понимание концепта. Выступая в роли «базовой эвристической единицы» лингвокультурологии [Воркачев, 2012, 4], концепт среди прочего позволяет обращаться к осмыслению этнических и национальных культур, субкультур и т.п. В этой связи используется «слоевая модель» концепта, в рамках которой разные слои концепта являются конденсатом культурной жизни разных эпох [Масалова, 2007, с. 23].

С.Г. Воркачев отмечает: «Концепт – синтезирующее лингвоментальное образование, методологически пришедшее на смену представлению (образу), понятию и значению и включившее их в себя в "снятом", редуцированном виде – своего рода "гипероним" последних. В качестве "законного наследника" этих семиотических категорий лингвоконцепт характеризуется гетерогенностью и многопризнаковостью, принимая от понятия дискурсивность представления смысла, от образа – метафоричность и эмотивность этого представления, а от значения – включенность его имени в лексическую систему языка» [Лингвокультурный концепт…, 2007, с. 5].

Концепт как бы оказывается синтетическим и вместе с тем «семейным» понятием; его многоликость превращает его в некое общее ментальное образование, обращение к которому позволяет решать определенный круг проблем, возникающих в пределах различных отраслей научного знания. Недаром С.Г. Воркачев отмечает, что «концепт – это "многомерное идеализированное формообразование"…, однако единства мнений относительно числа семантических параметров, по которым может вестись его изучение, у концептологов нет: сюда включаются как понятийное, так и образное, ценностное, поведенческое,

этимологическое и культурное "измерения"…, из которых почти каждое может иметь приоритетный статус в исследовании» [Воркачев, 2004, с. 6].

В политологии возникло направление, получившее название политической концептологии. Среди ее задач – метатеоретический анализ ключевых политических концептов (таких как политика, власть, свобода, государство, суверенитет, республика, демократия, революция и т.п.) [Макаренко, 2009]. Концепт при этом рассматривается как «продукт возвышенного ума (духа), который способен творчески воспроизводить и собирать смыслы» [Макаренко, 2009, с. 84]. Концепт – это в каком-то смысле прообраз понятия, его зачаток [Демьянков, 2007; Макаренко, 2009; Филатов, Михайловский, Никифоров, Игнатенко 2009]; в отличие от понятия концепт не *ограничивает* разнообразные смыслы, а напротив, *концентрирует* их в себе.

В социологии концепт используется при построении программы социологических исследований. Существенное внимание при этом отводится процедурам интерпретации и операционализации концептов социологического исследования. Благодаря этому на уровне методологического блока программы исследования обеспечивается взаимоувязка качественной и количественной тактик видения социальной действительности, а также реалистической и номиналистической познавательных установок.

Необходимость в такой взаимоувязке возникает в связи с тем, что социолога интересует объективное, эмпирически обоснованное и количественно определенное знание, тогда как лежащие в основаниях любого нетривиального социологического исследования концепты напрямую, как правило, неизмеримы.

Как видим, понятие концепта сегодня широко распространено в современной отечественной философии и науке. Вместе с тем это не означает, что использование этого понятия не таит под собой определенных проблем. К обсуждению одной из таких проблем теперь и переходим. Маскируясь под проблему чисто лингвистическую, она на самом деле является методологической.

Проблема перевода

В современной западной (в основном – англоязычной, но также и на других европейских языках) философской и научной литературе аналог нашего термина «понятия» – это «concept»[1]. Синонимичный ему «notion» используется гораздо реже, причем скорее в значении идеи, представления, чем собственно логического понятия.

В связи с этим возникают следующие вопросы.

Не является ли видение феномена концепта, которое так или иначе «навязывается» приведенным выше обзором, неким чисто *русским* видением (соответственно, обзор этот – слишком тенденциозным)? То есть не вкладываем ли мы, русскоязычные, в нашу трактовку концепта – в связи с анализом западных философских текстов – тот смысл, которого там изначально не было?[2] Можно ли тогда говорить, что в западной философской традиции существует артикуляция той проблематики, которую мы рассматриваем в этой статье? Наконец, учитывая все вышесказанное, можно ли приведенный обзор вообще *воспринимать всерьез*?

Возможно, что все те смыслы, которыми мы «нагружаем» понятие концепта, переводя западные источники или устраивая их разбор, на самом деле изначально (то есть, в текстах англоязычных и других иноязычных авторов) либо в нем вообще отсутствуют, либо входят как оттенки, не конденсируясь в отдельное понятие (то есть, тогда как мы можем разводить разные смыслы по отдельным понятиям, закреплять их с помощью разных тер-

[1] См. обзор в [Демьянков 2001].

[2] «Пика употребительности в русском языке концепт достиг, когда этот термин начали употреблять в значении ином, чем просто "понятие", особенно в гуманитарных науках» [Демьянков 2007: 616].

минов – понятие и концепт – в западной литературе эти смыслы прекрасно «уживаются» под «крышей» одного – концепта).

Иначе говоря, не является ли проблема концепта (как она здесь формулируется) *чисто русской проблемой*? Не в том плане, что ни для кого больше она не может стать актуальной или хотя бы *понятной*, а в том, что впервые она в более или менее четком виде формулируется именно в России, русскоязычными философами и учеными (а потом задним числом приписывается западным источникам)?

Мы видим решение этой проблемы, которую условно можно назвать *проблемой перевода*, следующими путями.

Самый простой путь – приведенные сомнения можно просто отмести на том основании, что если показана актуальность некой философской проблемы, если показано, что такая проблема действительно существует, то не имеет никакого значения, как философ, ее сформулировавший, на нее вышел. Пусть даже это произошло в результате недоразумения или недостаточного владения иностранными языками. Естественно, если мы здесь имеем именно этот случай, то, вероятно, следует признать, что приведенный выше обзор не имеет особого смысла – хотя основная проблема данной статьи, пожалуй, смысл все-таки при этом сохранит.

Однако, как нам кажется, прибегать к столь радикальному варианту нет необходимости, ибо существует еще один путь, путь достаточно часто используемый и обычно рассматриваемый как вполне легитимный. Мы, разумеется, говорим об *учете контекста*. Да, в текстах, написанных на многих европейских языках, термины «понятие» и «концепт» не разводятся так, как это сделано в данной статье и во многих других русскоязычных работах, однако характер проблем, рассматриваемых в этих текстах, контекст, в котором употребляется термин «концепт», позволяют заключить, что такое разведение можно было бы считать уместным[1].

На этом, пожалуй, можно было бы пока остановиться, однако мы сочли возможным пойти несколько дальше. А именно – мы хотим рассмотреть некий механизм функционирования сознания, важный, на наш взгляд, для понимания того, что произошло с термином «концепт» в России. Рассмотрение это, возможно, также будет способствовать выработке нового *философского метода*.

Итак, почему мы склонны использовать иностранные слова? Отчасти, видимо, чтобы продемонстрировать, что мы их *знаем*. Но не только. Гораздо интереснее другая причина. Она состоит в том, что в иностранные слова мы неосознанно вкладываем больше смысла, содержания, чем в их аналоги из собственного языка. Механизм тут довольно прост.

Когда мы изучаем иностранные слова, нам обычно предоставляется не одно значение этого слова, а несколько синонимичных. Например, как в случае с термином «понятие». Русско-английский словарь нам предложит не один английский его вариант, например, «concept», но и «notion», и «idea», и много еще. Аналогично в англо-русском словаре термину «concept» будет соответствовать и «понятие», и «концепт», и «идея», и «мысль» и прочее. Таким образом в нашем сознании одно иностранное слово будет ассоциироваться с несколькими «нашими» словами-синонимами (а может, и не совсем синонимами – ведь,

[1] Напомним, что термин «concept» имеет латинское происхождение, а не древнегреческое (хотя тот же Абеляр выводит свой концепт, анализируя труды Аристотеля), и что он появляется в Средние века. Хотя мы в конце концов и стали переводить его чаще всего как «понятие», то есть, точно так же, как древнегреческие термины, использовавшиеся Платоном и Аристотелем при сходных, как нам кажется, обстоятельствах, это вовсе не означает, что средневековый «concept» можно возводить к этим терминам, что он значит примерно то же самое, что и они, и что он, этот средневековый «concept» – это наше сегодняшнее «понятие» или даже «concept» современной англоязычной литературы.

по большому счету, «идея» и «понятие» – это далеко не одно и тоже). И вот здесь-то и начинается самое интересное.

Часто бывает так, что для того, чтобы выразить ту или иную мысль, нам необходимо несколько сходных по значению слов (например, для характеристики чего-то нам бы хотелось использовать и слово «идея», и «понятие», и «мысль», и «представление» – просто потому, что мы чувствуем, что с помощью только одного из этих слов все оттенки нашей мысли не передать). Но перечислять все эти слова долго. К тому же, даже перечислив их, мы, возможно, будем чувствовать, что всего таким образом все равно не сказали. И тут у нас в памяти всплывает иностранное слово, которое, как мы помним из словаря, может переводиться и как «идея», и как «мысль», и как «представление» и *как много что еще из той же области* (это «много что еще» особенно важно, поскольку позволяет помыслить в этом слове даже то, для чего у нас слов *вообще нет*). Его-то, это иностранное слово, мы и используем, чтобы передать нашу мысль – причем во всей ее, как нам кажется, полноте. То есть, можно сказать, что использование иностранных слов – это, с одной стороны, вопрос *экономии* (например, средств выражения), а с другой – средство передачи того, что иным способом вообще нельзя было бы передать.

Естественно, так, то есть «во всей полноте» – это чаще только наше, субъективное, ощущение. Другие – прежде всего иностранцы, для которых это слово родное, – так могут и не чувствовать, ведь у них оно, скорее всего, имеет только *одно* основное значение (по крайней мере, *не столько* значений, сколько с ним ассоциируется у нас).

Думается, приведенное только что рассуждение может снять многие проблемы, в том числе связанные с толкованием таких понятий, как *логос* или *эйдос*.

Однако что же оно, это рассуждение, дает для нашей темы? Очевидно, многое. Ведь поскольку термин «концепт» для нас не «родной», мы, в соответствии с описанным механизмом, во многих случаях вполне можем связывать с ним гораздо больше смысла, значений, нюансов и прочего, чем те ученые и философы, для которых это слово – слово родного им языка.

Поскольку речь идет о философии, то есть той сфере, где многозначность, неопределенность, многосмысленность – дело совершенно обычное, мы оказываемся в более выгодной ситуации, чем, к примеру, англичане, поскольку мы с помощью слова «концепт» можем выразить гораздо больше, чем они – правда это «гораздо больше» будет только *для нас*. Для них, скорее всего, придется делать, так сказать, «обратный перевод» соответствующего термина – перевод, в который понадобится «втиснуть» все те значения, которые мы придали этому термину по собственному почину (или, несколько иначе, переопределить *удельный вес* смыслов, связываемых с этим словом в том языке, из которого это слово пришло)[1].

Резюме

Выше мы кратко рассмотрели историю использования понятия концепта в философской и научной литературе от времен Средневековья до наших дней.

Мы предположили, что в отечественной русскоязычной литературе данное понятие может иметь несколько иной смысл, чем в иностранной литературе на тех европейских языках, из которых оно было заимствовано (причем этот смысл, как правило, выявляется через противопоставление концепта *понятию*).

Данная ситуация обусловлена действием некоего психологического механизма, активизирующегося тогда, когда мы имеем дело с *иностранными словами.* Не вдаваясь в детали, суть его действия состоит в том, что практически любое иностранное слово, когда мы его заучиваем, заучивается не с одним основным значением, а с *несколькими близкими*. Например, «concept» – это и «понятие», и «идея», и «представление», и много что еще.

[1] В иностранной литературе термином «concept» обычно просто пользуются, в нашей же – его еще и *толкуют*.

При этом в странах, для языков которых данное слово является «родным», оно чаще всего имеет как раз только *одно* основное значение.

Поскольку это слово для нас не «родное», мы чувствуем меньшее давление традиции, употребляя его. Если сюда еще приплюсовать обилие синонимов (или даже «квази-синонимов»), с которыми оно у нас ассоциируется, то результатом часто будет то, что смысл этого слова в нашей литературе будет существенно отличаться от смысла этого слова в литературе на том языке, из которого оно было заимствовано.

По-другому: иностранное слово выступает не просто в качестве аналога (перевода) слова, имеющего ряд синонимов (или просто в чем-то близких слов) в родном нам языке, то есть тоже в качестве чего-то вроде их синонима, а в качестве слова-заменителя *всех этих слов*. В понятие, обозначенное иностранным словом, мы таким образом вкладываем все те смыслы, которые мы связываем со всеми этими словами. То есть, по сути, создаем принципиально новое понятие, которого не было ни в родном нам, ни в иностранном языке.

Этот механизм совсем не обязательно должен рассматриваться как проблема. Наоборот, осознание его существования и действия позволяет обогатить аппарат науки и философии. Правда в этом случае, вероятно, понадобится делать «обратный перевод» терминов, подвергшихся действию данного механизма, перевод, который бы позволил донести до иностранного читателя те смыслы, которые либо остаются неактуализированными, четко не артикулированными, либо не связываются со специальным термином в «родной» (для термина) литературе.

Список литературы

1. Аскольдов С.А. 1928. Концепт и слово. В кн.: Русская речь. Вып. II. Ленинград: Academia: 28–44.

2. Воркачев С.Г. 2004. Счастье как лингвокультурный концепт. М., ИТДГК «Гнозис», 192 с.

3. Воркачев С.Г. 2012. Anglica selecta: избранные работы по лингвоконцептологии. Волгоград, Парадигма, 205 с.

4. Делез Ж., Гваттари Ф. 2009. Что такое философия? М., Академический Проект, 261 с. (Deleuze G., Guattari F. Qu'est-ce que la philosophie? Paris, Minuit, coll. «Critique», 1991, 206.).

5. Демьянков В.З. 2001. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке. Вопросы филологии, 1: 35–47.

6. Демьянков В.З. 2007. Термин «концепт» как элемент терминологической культуры. В кн.: Язык как материя смысла. Сборник статей в честь академика Н.Ю. Шведовой. М., Азбуковник: 606–622.

7. Ефремов В.А. 2009. Теория концепта и концептуальное пространство. Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 104: 96–106.

8. Зенкин С. 2009. Послесловие переводчика. В кн.: Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М., Академический Проект: 254–260.

9. Лингвокультурный концепт: Типология и области бытования. 2007. Волгоград, ВолГУ, 400 с.

10. Лихачев Д.С. 2015. Концептосфера русского языка. В кн.: Лихачев Д.С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб., СПбГУП: 240–251.

11. Макаренко В.П. 2009. Политическая концептология: первые итоги разработки. Политическая концептология, 1: 79–116.

12. Масалова С.И. 2007. Философские концепты как регулятивы гибкой рациональности: Трансформация от античности до Нового времени. Автореф. дис. … д-ра филос. наук. Ростов-на-Дону, 47.

13. Микешина Л.А. 2002. Философия познания. Полемические главы. М., Прогресс-Традиция, 624 с.

14. Неретина С.С. 1994. Слово и текст в средневековой культуре. Концептуализм Абеляра. М., Гнозис, 216 с.

15. Неретина С.С., Огурцов А.П. 2011. Концепты политической культуры. М., ИФРАН, 279 с.

16. Олизько Н.С. 2014. Концептуальное фрактальное моделирование. Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Филология. Искусствоведение», 335 (6), 158–161.

17. Петруня О.Э. 2012. Сергей Алексеевич Аскольдов: Несостоявшаяся революция в теории познания. В кн.: Аскольдов С.А. Гносеология. Статьи. М., Изд-во Московской Патриархии Русской Православной Церкви: 3–37.

18. Степанов Ю.С. 2010. Мыслящий тростник. Книга о «Воображаемой словесности». Калуга, Эйдос, 168 с.

19. Филатов В.П., Михайловский А.В., Никифоров А.Л., Игнатенко А.С. 2009. Обсуждаем статью «Концепт». Эпистемология & философия науки, 22 (4): 161–170.

20. Филатова А.А. 2007. Концепт как конституирующий элемент культуры (когнитивный подход). Автореф. дис. … канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 27 с.

Reference

1. Askol'dov S.A. 1928. Koncept i slovo. In: Russkaja rech' [Russian speech]. Vyp. II. Leningrad: Academia: 28–44.

2. Vorkachev S.G. 2004. Schast'e kak lingvokul'turnyj concept [Happiness as a linguistic and cultural concept]. M., ITDGK «Gnozis», 192 c.

3. Vorkachev S.G. 2012. Anglica selecta: izbrannye raboty po lingvokonceptologii [Anglica selecta: Selected works on linguoconceptology]. Volgograd, Paradigma, 205 p.

4. Delez Zh., Gvattari F. 2009. Chto takoe filosofija? [What is philosophy?] M.: Akademicheskij Proekt: 261 p. (Deleuze G., Guattari F. Qu'est-ce que la philosophie? Paris, Minuit, coll. «Critique», 1991, 206 p.).

5. Dem'jankov V.Z. 2001. Ponjatie i koncept v hudozhestvennoj literature i v nauchnom jazyke. [Concept and concept in fiction and in scientific language]. Voprosy filologii, 1: 35–47.

6. Dem'jankov V.Z. 2007. Termin «koncept» kak jelement terminologicheskoj kul'tury. [The term "concept" as an element of terminological culture]. In: Jazyk kak materija smysla: sbornik statej v chest' akademika N.Ju. Shvedovoj. [Language as the matter of meaning. Collection of articles in honor of academician N. Yu. Shvedova]. M., Azbukovnik: 606–622.

7. Efremov V.A. 2009. Teorija koncepta i konceptual'noe prostranstvo. [The theory of the concept and conceptual space]. Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena, 104: 96–106.

8. Zenkin S. 2009. Posleslovie perevodchika. In: Delez Zh., Gvattari F. Chto takoe filosofija? [Qu'est-ce que la philosophie?] M., Akademicheskij Proekt: 254–260.

9. Lingvokul'turnyj koncept: Tipologija i oblasti bytovanija [Linguocultural concept: typologies and areas of life]. Volgograd, VolGU, 400 p.

10. Lihachev D.S. 2015. Konceptosfera russkogo jazyka. In: Lihachev D.S. Izbrannye trudy po russkoj i mirovoj kul'ture [Selected Works on Russian and World Culture]. SPb., SPbGUP: 240–251.

11. Makarenko V.P. Politicheskaja konceptologija: pervye itogi razrabotki. [Political conceptology: first results of development]. Politicheskaja konceptologija, 1: 79–116.

12. Masalova S.I. 2007. Filosofskie koncepty kak reguljativy gibkoj racional'nosti: Transformacija ot antichnosti do Novogo vremeni [Philosophical Concepts as Regulators of Flexible Rationality: Transformation from Antiquity to the New Age]. Abstract. dis. ... d-ra filos. nauk. Rostov-na-Donu, 47 p.

13. Mikeshina L.A. 2002. Filosofija poznanija. Polemicheskie glavy [The philosophy of knowledge. Polemic chapters]. M., Progress-Tradicija, 624 p.

14. Neretina S.S. 1994. Slovo i tekst v srednevekovoj kul'ture. Konceptualizm Abeljara [Word and text in medieval culture. Abelard Conceptualism]. M., Gnozis, 216 p.

15. Neretina S.S., Ogurcov A.P. 2011. Koncepty politicheskoj kul'tury [Political Culture Concepts]. M., IFRAN, 279 p.

16. Oliz'ko N.S. 2014. Konceptual'noe fraktal'noe modelirovanie. [Conceptual fractal modeling]. Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Filologija. Iskusstvovedenie», 335 (6): 158–161.

17. Petrunja O.Je. 2012. Sergej Alekseevich Askol'dov: Nesostojavshajasja revoljucija v teorii poznanija. [Sergey Askold: the Failed revolution in the theory of knowledge]. In: Askol'dov

S.A. Gnoseologija. Stat'I [Epistemology. Articles]. – M., Izd-vo Moskovskoj Patriarhii Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi: 3–37.

18. Stepanov Ju.S. 2010. Mysljashhij trostnik. Kniga o «Voobrazhaemoj slovesnosti» [Thinking reed. Book of «Imaginary Literature»]. Kaluga, Jejdos, 168 p. (in Russian)

19. Filatov V.P., Mihajlovskij A.V., Nikiforov A.L., Ignatenko A.S. 2009. Obsuzhdaem stat'ju «Koncept». [Discussing the article "Concept"]. Jepistemologija & filosofija nauki, 22 (4): 161–170.

20. Filatova A.A. 2007. Koncept kak konstituirujushhij jelement kul'tury (kognitivnyj podhod) [Concept as a constitutive element of culture (cognitive approach)]. Abstract. dis. ... kand. filos. nauk. Rostov-na-Donu, 27 p.

Ссылка для цитирования статьи
For citation

Швырков А.И., Кошлаков Д.М. 2020. Концепт и проблема перевода. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 45 (1): 59–68. DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-1-59-68

Shvyrkov A.I., Koshlakov D.M. 2020. Concept and the problem of translation. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law.45 (1): 59–68. (in Russian).

DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-1-59-68

УДК 304.2
DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-1-69-80

АУДИОВИЗУАЛЬНАЯ СРЕДА ГОРОДОВ ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА КАК ПРОСТРАНСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СМЫСЛОВ КУЛЬТУРЫ

AUDIOVISUAL ENVIRONMENT OF THE CITIES OF THE SOUTHERN FEDERAL DISTRICT AS A REPRESENTATION SPACE OF CULTURAL MEANINGS

Л.А. Штомпель, О.М. Штомпель
L.A. Shtompel, O.M. Shtompel

Южный федеральный университет,
Россия, 344006, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42

Southern Federal University
105/42 Bol'shaya Sadovaya St, Rostov-on-Don, 344006, Russia

E-mail: lashtompel@gmail.com, omshtompel@donpac.ru

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 18-011-00841 по теме «Развитие аудиовизуальной среды современного российского города в контексте сохранения и трансляции этических ценностей российской культуры»).

Аннотация
Осознание и переоткрытие роли культуры в регулировании всех областей общественной жизни, начавшееся в 90-х годах прошедшего столетия, обусловило необходимость изучения тех значений, которые люди придают отдельным аспектам окружающего их мира. В условиях современной урбанизации необходимо понимание тех смыслов и ценностей культуры, с которыми связываются в сознании горожан отдельные элементы городской среды и вся городская среда в целом. Мультисенсорный характер городской среды и её содержательно-ценностное наполнение в городах Южного федерального округа ещё не становились предметом специального анализа. В связи с этим авторами представлены результаты социологического исследования городов Южного федерального округа, проведённого с целью определения степени репрезентации смыслов и ценностей культуры в аудиовизуальной городской среде. Выявлено, что ценность города в первую очередь определяется не его эстетическим уровнем и уютом, а теми человеческими связями, которые в нём установлены, а также возможностями, которые он предоставляет для работы или отдыха. Подтверждена отрицательная оценка аудиовизуальной среды городов в депрессивных субъектах Южного федерального округа. Зафиксированы засоренность аудиальной среды южнороссийских городов ненормативной лексикой (за исключением Калмыкии), снижение ценности грамотной литературной речи и высокий уровень шума. Результаты исследования открывают перспективу всестороннего изучения влияния городской среды на культуру горожан и могут быть положены в основу программ, реализующих Стратегию государственной культурной политики.

Abstract
The knowing and rediscovery of the role of culture in the regulation of all areas of public life, which began in the 90-s of the last century, necessitated the study of the meanings that people impart to certain aspects of the world around them. Under the conditions of modern urbanization, the most relevant is the understanding of the meanings and values of culture with which individual elements of the urban environment and the entire urban environment as a whole are associated in the minds of citizens. A comparative analysis of assessments by town dwellers of those elements of the audiovisual environment of the cities of the Southern Federal District, which are projected onto the meaning sphere of culture, has been carried out. The analysis is based on the results of a sociological study of the cities in the Southern Federal District, conducted by the authors in 2018. The assessments of the urban

environment by the people who inhabit the city are interesting in so far as we can judge on this base about the emerging culture, about the implicit, but already real meanings, as opposed to the officially supported and proclaimed. There is an imbalance between the various subjects of the Southern Federal District and between the cities within these subjects themselves regarding the positive assessment of their cities by the inhabitants. It has been revealed that the value of a city is determined not only by the aesthetic characteristics of the urban environment, but by those human connections that are established in it due to the fact of birth and long-term residence in it, as well as the opportunities which city provides for work or leisure. In depressed subjects of the Southern Federal District, the audiovisual environment of the city is assessed in a largely negative way. It was recorded that the sound environment of the South-Russian cities is littered with obscene language (with the exception of Kalmykia). At the same time, this profanity does not offend more than a third of the respondents, but is rather habitual (with the exception of residents of Kalmykia and Adygea). Thus, the value of literate literary speech is reduced. The audio component of the urban space of the Southern Federal District is also distinguished by a high level of noise. This study opens up the prospect of a comprehensive study of the influence of the urban environment on the culture of town dwellers.

Ключевые слова: город, аудиовизуальная среда, смысл культуры, ценность, визуальный, аудиальный, звуковой ландшафт, горожанин.
Key words: city, audiovisual environment, essence of culture, value, visual, audial, sound landscape, town dweller.

Введение

В настоящее время Российская Федерация является одной из высокоурбанизированных стран в мире. При этом российские города, как и многие города мира, сталкиваются с рядом проблем (развитие социальной и транспортной инфраструктуры, обеспечение населения рабочими местами, экологическая обстановка и т.д.), среди которых – сохранение и развитие культуры. Решение этой проблемы «по умолчанию» признаётся только за соответствующими учреждениями культуры или за конкретными «точечными» проектами и событиями. Однако культура тотальна: её присутствие (равно как и присутствие антикультуры) повсеместно. Из всего разнообразия проявлений культуры как «совокупности искусственных порядков и объектов, созданных людьми в дополнение к природным» [Флиер, 2000, с.119] мир «возделанной» среды обитания людей, в данном случае – городской среды, представляет наибольший интерес, так как предметно-пространственная среда городов, с одной стороны, является результатом человеческих усилий, специфически человеческих способов деятельности, а с другой стороны, выступает условием разворачивания повседневных практик и взаимодействий людей и одновременно индикатором развитости их культуры (культуры поведения, общения и т.д.). Таким образом, вырисовывается проблема взаимного влияния городской среды и культуры горожан. Это влияние не всегда очевидно. Люди ходят по одним и тем же улицам, смотрят на одни и те же дома, воспринимают одни и те же звуки, но при этом видят и слышат разное (что хорошо выражается в языке: «смотреть» и «видеть», «слушать» и «слышать»). Поэтому в одном и том же городе при всём разнообразии его предметно-пространственной среды интерпретация, оценка, «считывание» её будет различной.

Город в этой связи может быть рассмотрен как средство воздействия на человека, ведь город – это не только материально-вещественное образование (то есть не только совокупность зданий, сооружений и т.п.), но и пространство практик разнообразных человеческих взаимодействий, сгустков человеческих энергий, взглядов, помыслов и т.д. Город воздействует на человека, впитывая в себя и одновременно отдавая вовне заложенные и закодированные в нём смыслы и значения культуры. Ведь именно культура связана с производством значений и смыслов, через неё осуществляется обмен этими значениями [Hall, 1997]. Как же воздействует на человека городская среда, понимаемая как «предметно-пространственное окружение, которое взаимодействует с субъектом и актуализируется

его поведением» [Иконников, 2006, с. 93]? Насколько полно представлены в городской среде смыслы и значения культуры?

Изучение визуальной репрезентации значений и норм культуры в городе и в архитектуре в целом, а также обоснование методов семиотического исследования города имеют солидную традицию как в западной [Линч, 1982; Лотман, 2001; Эко, 2004; Штомпка, 2007; Лоу, 2016], так и в отечественной гуманитаристике [Добрицына, 2004; Иконников, 2006; Ярская-Смирнова, Романов, 2009; Аванесов, 2016; Касаткина, 2018]. Однако в перечисленных работах не рассматривается проблема того, как сами горожане оценивают визуальные и аудиальные характеристики городской среды, репрезентирующие смыслы и значения культуры.

Целью данной статьи является выявление степени представленности смыслов культуры в городской аудиовизуальной среде субъектов (регионов) Южного федерального округа и характер их восприятия горожанами.

Теоретико-методологический аппарат исследования

Сформулируем несколько положений, которые создадут общий каркас исследования городской среды как способа репрезентации смыслов культуры.

Первое. Изменение онтологического статуса современной культуры ведёт к обновлению методов анализа города как социокультурного целого и городской среды в том числе. «В основе этой урбанистики повседневного лежит ощущение необходимости уловить феноменальность, которую невозможно постичь сугубо теоретически, одними лишь умственными усилиями» [Амин, Трифт, 2017, с. 18]. Э. Амин и Н. Трифт, характеризуя состояние современный урбанистики, утверждают, что возникает новый подход, связанный с феноменологическим и культуросообразным изучением городской среды, предполагающим исследование феноменальной, структурно-образной значимости города и городской среды, а, следовательно, обращение к мнению и оценкам тех, кто живёт в условиях современного города.

Второе. Городская среда мультисенсорна: её воздействие осуществляется через все известные каналы восприятия. Конечно, визуальный канал является преобладающим, но его доминирование не является абсолютным. Э. Амин и Н. Трифт, рассматривая возможности и способы ускользания от властных институтов, отмечают: «...визуальный регистр является, несомненно, главным регистром, через который реализуется управление городом. Но придавать чрезмерное значение этому нам не следует. ...Визуальный регистр нелегко отделить от других сенсорных регистров: визуальная идентификация – это почти всегда идентификация и в других сенсорных регистрах тоже» [Амин, Трифт, 2017, с. 141]. Примерами аудиального регистра выступают звуки разговоров, ссор, музыки, транспортного и строительного шума; ольфакторного – инженерия запахов в магазинах и клубах; тактильного – разметка тротуаров для слабовидящих, нажатие кнопок в лифтах или на переходах, «сухие» фонтаны и т.д. Таким образом, мультисенсорность городской среды обязывает учитывать не только визуальные, но и все другие, в том числе, аудиальные её характеристики. При этом «"звуковые ландшафты" городов часто ускользают от визуальной репрезентации. <...> Звук становится одним из новых ландшафтов, входящих в сферу городского управления, всё более обработанным и запрограммированным» [Амин, Трифт, 2017, с. 142].

Э. Амин и Н. Трифт рассуждают о преднамеренном использовании визуального и аудиального регистров со стороны власти (или о преднамеренном ускользании от неё). Мы же обращаемся не только к тому, что сознательно конструируется в пространстве города, но и к тому, что спонтанно сопровождает все виды человеческой активности в нём, репрезентируя, тем не менее, определённую культуру своих носителей.

Третье. Осознание мультисенсорности городской среды стало возможным не только благодаря очевидности этого явления, но и на основе переноса акцентов в социоанализе на культуру. Это произошло, как показала Д. Бахманн-Медик, благодаря интерпретативно-

му повороту, который «задался целью вернуть собственно культурное измерение на место преобладавшей фиксированности на структурах» [Бахманн-Медик, 2017, с. 72]. Мы опираемся, в первую очередь, на идеи К. Гирца о том, что анализ культуры – это прежде всего «поиск значений» [Гирц, 2004, с.11]. Значения, смыслы и ценности культуры воплощаются и считываются различными образом. Нас интересует не только то, какие ценности и смыслы сознательно «закладывались» в городскую среду теми, кто её создавал, но и то, насколько они проявлены, востребованы и вообще значимы для наших современников.

Совокупность ценностей, целей и мотивов, направляющих человеческие усилия, составляет смысл культуры. Смыслы культуры выкристаллизовываются в результате обобщения типичных ситуаций, с которыми обществу и человечеству пришлось сталкиваться в истории, поэтому система смысловых универсалий может уточняться и даже наполняться новым содержанием по мере изменения человеческого опыта. Другими словами, любые изменения смысла связаны с реальным изменением отношений человека с миром. В соответствии с таким пониманием смысла культуры нами была составлена анкета, позволяющая выявить отношение горожан к городской среде, в которой они живут – то отношение, которое проецируется на сферу смыслов культуры.

Четвёртое. Оценки горожан состояния городской среды есть описания «непосредственных» телесных переживаний индивидов. Но город дан не только в непосредственном чувственном опыте: он существует «в денежных потоках, в институциональных структурах, в сетях социальных связей, в воображаемом пересечении которых формируются ресурсы власти» [Хассе, 2018, с.411]. Но эти «анестетические зоны», при всей их важности, не могут заслонить непосредственного «телесного» общения индивида с городской средой. Для анализа результатов этого «телесного» общения индивида с городской средой нами и было предпринято исследование оценок горожан городской среды с помощью анкетирования.

Выборка исследования многоступенчатая: выделено 8 субъектов Южного федерального округа (Адыгея, Калмыкия, Краснодарский край, Астраханская, Волгоградская, Ростовская области, Республика Крым и город федерального значения Севастополь); выбраны 5 типов городов (крупнейший, крупный, большой, средний, малый); внутри каждого типа сами города определялись случайным образом (путём жеребьёвки). Общий объём выборочной совокупности составил 1 532 человека.

Архитуктурно-эстетическая привлекательность

Анализ ответов респондентов обнажил дисбаланс между различными субъектами Южного федерального округа (ЮФО) и городами внутри самих этих субъектов относительно оценки развитости аудиовизуальной среды городов и восприятия её жителями. Так, например, судя по ответам горожан на вопрос «Нравится ли вам ваш город?», Ростовская, Волгоградская и Астраханская области явно отстают от Краснодарского края, Калмыкии, Адыгеи и Крыма. На этот вопрос отвечают положительно 78,0 % респондентов из Ростовской области, 74,5 % из Волгоградской, 77,5 % из Астраханской, в то время как 95,0 % опрошенных из Краснодарского края, 92,0 % из Калмыкии, 89,8 % из Адыгеи и 87,3 % из Крыма заявляют о том, что им нравится их город.

При этом возникает существенный разрыв между ответом на этот вопрос и ответом на вопрос «Считаете ли вы, что ваш город уютный и привлекательный?»: положительно отвечают на этот вопрос только 65,6 % респондентов из Ростовской области, 57,7 % из Волгоградской, 60,6 % из Астраханской. В то же время уютным и привлекательным свой город считают 89,4 % респондентов из Краснодарского края, 86,7 % из Адыгеи, 79,8 % из Крыма, 72,0 % из Калмыкии. Это может означать, что ценность города в первую очередь определяется не его эстетическим уровнем и уютом, а другими факторами (например, возможностями, которые он предоставляет для работы или для отдыха, или человеческими связями, которые он олицетворяет).

Примечательно, что и внутри самих регионов складывается противоречивая картина: если в самой столице Ростовской области 83,2 % респондентов утверждают, что им нравится их город, и при этом 72,6 % считают, что он уютный и привлекательный, то, например, в Гуково количество жителей, отвечавших положительно на первый вопрос, – уже 40,0 % а на второй вопрос – только 5,0 %. Данное противоречие, в первую очередь, связано с тем, что именно в депрессивных городах люди настроены более пессимистически, и аудиовизуальную среду города оценивают в значительной степени отрицательным образом. Так, среди городов юга России в ответе на вопрос «Представьте, что вы мэр города и у вас есть бюджет в 1 млрд рублей, которые вы можете распределить между несколькими статьями. Выберите наиболее важные из них (но не более трёх)» респонденты из Гуково лидируют в выборе следующих вариантов: «сделать город более чистым, взять на работу больше дворников, закупить новые подметально-уборочные машины» (70 %). Интересно, что с ними солидарны жители Таганрога (71,7 %), тогда как в Ростове таковых набралось только 46,7 %. В Краснодарском же крае такого разрыва у некоторых городов нет: в самом Краснодаре вариант ответа «сделать город более чистым, взять на работу больше дворников» выбрали 18,3 % опрошенных, в Новокубанске – 13,3 %, в Абинске – 17,2 % опрошенных (в Горячем Ключе – 36,7 % респондентов).

Оценка уровня привлекательности городской среды во многом зависит от архитектурно-планировочного решения, в соответствии с которым создавался город. Так, исторически сложилось, что шахтерские города Гуково и Новошахтинск строились мозаичным образом: в виде поселков вокруг шахт. В результате целостного образа города не складывается, возникают проблемы с транспортом, с медицинским и социальным обслуживанием. Угольная промышленность в Ростовской области постепенно сворачивалась, в результате чего возникли проблемы экономического и социального характера.

В подтверждение тезиса о важности архитектурно-планировочных решений для города и представления о привлекательности своего города можно привести следующие факты: 84,2 % респондентов из Гуково и 79,2 % из Новошахтинска считают, что архитектурно-планировочное решение их городов является неудачным, в то время как в Азове количество жителей, отвечающих отрицательно на данный вопрос, только 18,2 %, в Севастополе – 20,6 % .

В Азове 91,2 % респондентов считают, что их город является уютным и привлекательным, в отличие от Гуково, где таковых только 5,0 %. Отметим, что в ответе на вопрос «Есть ли в вашем городе здания, отражающие национальный или региональный колорит?» лидируют с положительным ответом, как и следовало ожидать, жители Адыгеи – 83,2 % опрошенных, жители Калмыкии – 96,0 % и Крыма – 84,8 %. Менее всего наличие такого рода зданий отмечено в малых моногородах, находящихся или переживших кризисные ситуации: Нариманов (Астраханская область) – 21,4 %, Гуково (Ростовская область) – 20,0 %, Новошахтинск (Ростовская область) – 29,2 %.

Таким образом, нами были получены результаты, свидетельствующие о противоречивом характере развития городской среды в различных областях и городах ЮФО.

Звуковой ландшафт города

Система звуковых элементов, которая возникает в городской среде, весьма разнообразна: она включает в себя как природные звуки (шум деревьев и дождя, крики птиц и т.д.), так и искусственные, то есть создаваемые людьми и технологиями (взвизги тормозов, шум строительной техники, сирены машин экстренной помощи и т.п.). Набор средств, позволяющих минимизировать нежелательные звуки, узок и сводится в основном к шумоизоляционным экранам, применяемым для уменьшения шумового воздействия на жилую застройку со стороны объектов транспортной инфраструктуры и промышленности, и к Федеральному закону № 52 «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», включающем в себя раздел о тишине, в котором ограничивается допустимый уровень шу-

ма в разное время суток. Сам факт введения в действие этого закона (и особенно практика его применения) подтверждают наличие проблемы в регулировании аудиального пространства города.

О неблагополучии в сфере формирования звукового образа города свидетельствуют следующие данные, полученные в ходе социологического опроса. В ответе на вопрос «Какая музыка звучит в маршрутках и доносится из автомобилей в вашем городе?» (отметить следовало не более двух вариантов ответа) 48,0 % респондентов из Калмыкии и 70,4 % из Адыгеи выделили «национальную музыку республики», хотя на 1-ом месте в Калмыкии оказались «зарубежные эстрадные песни, зарубежные музыкальные хиты» (72,0 % респондентов).

Во всех обследованных городах отмечается достаточно насыщенный уровень музыкального фона на открытых публичных пространствах. Мы видим, что многим людям звучащая музыка не доставляет удовольствия. К их числу относятся 88,9 % респондентов из Краснодарского края, 88,0 % из Калмыкии, 87,5 % из Адыгеи, а во всех остальных областях и в Крыму таких людей значительно больше половины. Отметим, что может не нравиться как репертуар, так и уровень громкости.

Зарубежные эстрадные песни, зарубежные музыкальные хиты отметили 62,2 % респондентов из Ростовской области, 71,1 % из Краснодарского края и Крыма, 65,0 % из Волгоградской области, 71,2 % из Астраханской области, 72,0 % из Калмыкии и меньше всего из Адыгеи – 51,9 %. На 2-ом месте – песенный жанр, воспевающий быт и нравы уголовной среды. Подобные песни отметили везде, но в Калмыкии значительно меньше, чем в других регионах, – 28,0 %; почти столько же в Краснодарском крае – 27,7 %, а в Адыгее – лишь 10,2 % респондентов. Сравним: в Ростовской области так называемый русский шансон отметили 42,7 % опрошенных, в Крыму – 41,6 %, в Волгоградской области – 47,0 %, в Астраханской области – 47,9 %. Явно проигрывает здесь классическая музыка, русские народные песни и русские романсы. Что интересно, последний вид музыкального искусства предпочитают слушать более всего в Калмыкии – 36,0 % опрошенных отметили именно этот музыкальный жанр как наиболее часто звучащий в городе.

Примечательно, что люди соскучились по «живой» музыке. Так, на вопрос «Хотели бы вы, чтобы в парках по воскресеньям играл духовой оркестр или звучала другая живая музыка?» все опрошенные из Калмыкии, 85,3 % респондентов из Адыгеи, 84,5 % из Астраханской области, 74,9 % опрошенных из Ростовской области, 69,6 % из Краснодарского края и 71,2 % респондентов из Крыма ответили положительно. Вероятно, городским властям следовало бы учесть это желание горожан.

Но важна именно музыка, а не музыкальный шум и грохот. Мы видим, что репертуарная политика и уровень громкости не удовлетворяют многих горожан.

Звуковая среда города часто засоряется тогда, когда прохожие используют ненормативную лексику. Этот факт отметили 60,9 % опрошенных жителей Ростовской области, 65,4 % – Волгоградской области, 69,9 % опрошенных из Астраханской области. Ответы на контрольный вопрос «Используют ли в вашем присутствии прохожие ненормативную лексику?» показали, что аудиальная среда городов засорена ненормативной лексикой ещё больше. Так, 88,5 % респондентов из Ростовской области, 90,1 % из Волгоградской области, 93,2 % опрошенных из Астраханской области и более половины опрошенных из других областей (за исключением Калмыкии) положительно ответили на этот вопрос.

По-видимому, настолько частое звучание ненормативной лексики во многом связано с тем, что более трети респондентов она не оскорбляет, является скорее привычной (за исключением жителей Калмыкии и Адыгеи): 35,9 % из Ростовской области, 53,3 % из Волгоградской, более 40 % опрошенных из Крыма, Астраханской области, Краснодарского края не чувствуют себя оскорблёнными, когда слышат ненормативную лексику.

Практически во всех субъектах ЮФО подавляющее большинство граждан хотели бы, чтобы музыка в общественных пространствах «звучала как фон, не мешающий разговору» (68,5 % респондентов в Ростовской области, 73,3 % в Краснодарском крае, 57,1 % в

Крыму, 57,2 % в Волгоградской области, 73,6 % в Астраханской области, 68,0 % в Калмыкии, 75,0 % в Адыгее). Муниципальным властям стоит взять на заметку тот факт, что слишком громкая музыка, как правило, звучащая на открытых городских пространствах во время праздников, вызывает раздражение и сводит на нет намерения организаторов создать праздничную атмосферу в городе.

В звуковом ландшафте городской среды на открытых пространствах доминирует общий шум: звуки общественного транспорта, строительных работ, шум от проезжающих автомобилей, снегоуборочной техники и так далее. Отмечена существенная разница в оценке горожанами шумового фона: так, например, 60,8 % респондентов из Волгоградской области считают свой город шумным, в то время как в Крыму такого же мнения придерживаются лишь 47,4 % опрошенных, в Ростовской области – 40,9 %, в Краснодарском крае – 37,1 %, примерно столько же в Астраханской области – 36,1 %, а в Калмыкии и Адыгее – 8,0 и 5,8 % соответственно.

Неудовлетворённость аудиальной составляющей городской среды (прежде всего – высоким уровнем шума) представляет опасность для психического здоровья горожан: они становятся более раздражительными и агрессивными.

Город как малая родина

Горожанам задавались вопросы: «Что связывает вас с этим городом?» и «Чем привлекателен для вас этот город? Почему вы живете в нём?». Эти вопросы являются взаимно контрольными.

Почти во всех субъектах ЮФО, отвечая на вопросы «Чем привлекателен для Вас этот город? Почему Вы живете в нём?», респонденты выбирали в качестве приоритетных следующие позиции: «Я родился в этом городе и мне не хочется переезжать» (везде, кроме Волгоградской и Астраханской областей, выше 30 % респондентов выбрали эту позицию); «наличие работы» (отмечено везде, кроме Волгоградской и Астраханской областей, а также в Адыгеи, следовательно, с работой в этих регионах есть проблемы); «наличие квартиры» (значимо везде, а в Калмыкии наиболее – 44,0 %), «у меня здесь сложился хороший круг общения: друзья и родственники» (значимо везде, причём в Калмыкии почти в два раза больше, чем в Краснодарском крае или Адыгее) (табл. 1).

«Чистоту и высокий уровень благоустройства» в качестве привлекательной характеристики отметили горожане из Краснодарского края (22,7 %) и Адыгеи (23,9 %). В Ростовской области этот параметр отметили лишь 4,3 %, а в Астраханской области – 1,4 % опрошенных.

Зато респонденты из Волгоградской области оценили то, что в их городе «можно вести свободный, анонимный образ жизни, без оглядки на мнение знакомых» (16,3 %), в отличие от жителей Астрахани, Калмыкии, Адыгеи, где таковых нашлось всего 5,5, 4,0 и 0,9 % соответственно (см. табл. 1).

Ответы на контрольный вопрос «Что связывает вас с этим городом?» частично подтвердил ответы, данные на вопросы «Чем привлекателен для вас этот город? Почему вы живете в нём?». Так, самым важным мотивом связи с городом, в котором человек живёт, оказался факт рождения («Здесь я родился и вырос») для жителей Калмыкии (60,0 %), Ростовской, Волгоградской и Астраханской областей (42,5, 51,4 и 50,7 % респондентов соответственно). Для жителей Краснодарского края на 1-ом месте оказались родственники (42,2 %), для крымчан – друзья (43,1 %), для жителей Адыгеи – и друзья, и родственники (по 46,7 %).

Наличие хорошей работы оказалось значимым лишь для 4,3 % жителей Волгоградской области и 8,2 % Астраханской области, тогда как в Краснодарском крае эту позицию отметили 29,5 % респондентов, в Крыму – 30,3 %, а в Калмыкии – 32,0 %.

Ценят возможности, которые предоставляет город для досуга, в основном респонденты из Краснодарского края (24,5 %) и Крыма (23,1 %).

Таблица 1
Table 1

Распределение ответов на вопросы
«Чем привлекателен для вас этот город? Почему вы живете в нём?»
Distribution of answers to the question
"How attractive is this city for you? Why do you live in it?"

Ответы	Ростовская область	Краснодарский край	Крым	Волгоградская область	Астраханская область	Калмыкия	Адыгея
я родился в этом городе и мне не хочется переезжать	30,1 %	34,3 %	37,9 %	29,9 %	19,2 %	60,0 %	33,9 %
наличием работы	25,6 %	35,1 %	34,3 %	5,4 %	8,2 %	52,0 %	12,8 %
наличием квартиры	31,9 %	24,4 %	33,8 %	28,8 %	32,9 %	44,0 %	32,1%
чистотой и высоким уровнем благоустройства	4,3 %	22,7 %	11,1 %	7,1 %	1,4 %	8,0 %	23,9 %
безопасностью	6,7 %	12,4 %	10,6 %	3,8 %	5,5 %	28,0 %	20,2 %
тишиной и спокойствием	23,2 %	31,4 %	15,7 %	12,5 %	15,1%	56,0 %	45,0 %
тёплым климатом	29,3 %	57,0 %	53,0 %	21,7 %	20,5 %	16,0 %	52,3 %
перспективами карьерного роста	6,7 %	9,9 %	7,1 %	10,9 %	2,7 %	4,0 %	0,9 %
возможностью вести свободный, анонимный образ жизни, без оглядки на мнение знакомых	9,8 %	6,2 %	10,1 %	16,3 %	5,5 %	4,0 %	0,9 %
разнообразием досуга	9,1 %	8,7 %	10,6 %	12,0 %	5,5 %	0,0 %	3,7 %
у меня здесь сложился хороший круг общения: друзья и родственники	38,0 %	28,1 %	40,4 %	43,5 %	46,6 %	64,0 %	34,9 %
экологической чистотой	3,9 %	17,8 %	8,6 %	2,7 %	1,4 %	8,0 %	18,3 %
наличием хороших образовательных учреждений для детей	5,9 %	6,6 %	6,1 %	8,2 %	2,7 %	4,0 %	3,7 %
ничем, живу по привычке	18,6 %	12,4 %	16,7 %	21,2 %	26,0 %	20,0 %	9,2 %
наличием вблизи города природных объектов (реки, озера, леса, пляжа и т.д.)	17,6 %	25,6 %	25,3 %	17,4 %	21,9 %	0,0%	24,8 %
наличием кафе, баров, ресторанов высокого уровня	5,4 %	5,8 %	7,1%	7,1 %	1,4 %	4,0 %	2,8 %
наличием предприятий бытового обслуживания хорошего качества	3,5 %	0,8 %	1,5 %	1,1 %	0,0%	4,0 %	0,9 %
наличием интересных музеев и выставок	9,1 %	4,5 %	9,6 %	7,6 %	9,6 %	0,0 %	2,8 %
дискотеками и ночными клубами	2,0 %	1,2 %	5,1 %	1,6 %	1,4 %	4,0 %	0,0 %
красивой архитектурой	10,0 %	9,1 %	14,6 %	7,1 %	13,7 %	0,0 %	4,6 %
наличием мест, где можно посидеть и пообщаться с друзьями	18,0 %	13,2 %	10,1 %	25,0 %	17,8 %	0,0 %	9,2 %
другое	8,7 %	2,1 %	4,5 %	8,2 %	21,9 %	0,0 %	9,2 %

Интересно самоощущение горожан. Больше всего ощущают себя жителями своего города, респонденты из Краснодарского края (74,8 %) и Волгоградской области (73,5 %), из Адыгеи и Крыма – 69,7 и 65,0 % соответственно; с жителями области идентифицируют себя респонденты из Крыма (26,9 %), Астраханской и Ростовской областей (34,2 и 26,8 % соответственно) и Калмыкии (48,0 %).

Где бы люди хотели жить? Большинство респондентов из всех субъектов ЮФО, кроме жителей Астраханской области, Калмыкии и Адыгеи, хотели бы жить «в крупном городе нашей страны». Однако, если для респондентов из Калмыкии и Адыгеи более предпочтительной альтернативой выступает «малый город нашей страны» (64,0 и 49,0 % соответственно), то для респондентов из Астраханской области наиболее предпочтительной представляется жизнь за границей (48,6 %). О жизни «где-нибудь за рубежом» мечтают также 22,3 % респондентов из Крыма и 33,1 % опрошенных из Волгоградской области. Обратим внимание также на то, что мнение опрошенных из Краснодарского края разделилось примерно поровну между альтернативами жизни в крупном и малом городами (табл. 2).

Таблица 2
Table 2

Распределение ответов по субъектам ЮФО на вопрос «Где бы Вы хотели жить?»
Distribution of answers by subjects of the Southern Federal District
to the question "Where would you like to live?"

Ответы	Ростовская область	Краснодарский край	Крым	Волгоградская область	Астраханская область	Калмыкия	Адыгея
В крупном городе нашей страны	43,2 %	39,7 %	50,0 %	50,6 %	33,3 %	8,0 %	25,5 %
В малом городе нашей страны	29,9 %	38,9 %	22,9 %	12,9 %	13,9 %	64,0 %	49,0 %
В сельской местности нашей страны	8,2 %	4,2 %	4,8 %	3,4 %	4,2 %	16,0 %	8,8 %
Где-нибудь за рубежом	18,7 %	17,2 %	22,3 %	33,1 %	48,6 %	12,0 %	16,7 %

Заключение

Таким образом, проведённый сравнительный анализ оценок горожанами отдельных элементов аудиовизуальной среды городов позволил выявить определённые точки напряжения в представленности смыслов культуры.

Во-первых, зафиксированы разные уровни развития городской среды в различных областях и городах ЮФО. Вызывает тревогу дисбаланс между различными субъектами ЮФО и городами внутри этих субъектов, обнаружившийся в процессе оценки жителями своих городов. Так, судя по ответам на вопрос «Нравится ли Вам Ваш город?», города Ростовской, Волгоградской и Астраханской областей явно отстают от городов Краснодарского края, Калмыкии, Адыгеи и Крыма.

Во-вторых, было выявлено, что ценность города в первую очередь определяется не только эстетическими характеристиками, но и другими факторами (например, возможностями, которые он предоставляет для работы или для отдыха, или человеческими связями, которые он олицетворяет). При этом в депрессивных городах ЮФО люди настроены бо-

лее пессимистически и аудиовизуальную среду города оценивают в значительной степени отрицательно.

В-третьих, зафиксировано, что звуковая среда южно-российских городов засорена ненормативной лексикой (за исключением Калмыкии). При этом более трети респондентов эта ненормативная лексика уже не оскорбляет, а является для них привычной (за исключением жителей Калмыкии и Адыгеи). Таким образом, ценность грамотной литературной речи снижена.

Аудиальная составляющая городского пространства ЮФО отличается высоким уровнем громкости. Причём этот высокий уровень шума создаётся не только транспортом и ремонтными работами, но и слишком громкой, по мнению респондентов, музыкой: практически во всех субъектах ЮФО подавляющее большинство граждан хотят, чтобы музыка в общественных пространствах «звучала бы как фон, не мешающий разговору». На это раздражающее горожан обстоятельство, а также на преобладание в звуковом ландшафте песен, воспевающих быт и нравы уголовной среды, и зарубежных хитов муниципальным властям необходимо обратить особое внимание.

В-четвёртых, проведённое исследование открывает перспективу комплексного изучения влияния городской среды на культуру горожан. Полученные результаты и исследовательские подходы могут быть положены в основу программ, реализующих Стратегию национальной безопасности Российской Федерации и Стратегию государственной культурной политики на период до 2030 года.

Список литературы

1. Аванесов С.С. 2016. Визуальная семиотика города: перспектива исследования городских текстов. ПРАΞНМА, 4 (10): 9–22.

2. Амин Э., Трифт Н. 2017. Города: переосмысляя городское. Н. Новгород, Красная ласточка, 224 с. (Amin A., Thrift N. 2002. Cities: Reimagining the Urban. London, Publ. Polity Press, 192 p.).

3. Бахманн-Медик Д. 2017. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. М., Новое литературное обозрение, 504 с. (Bachmann-Medick D. 2006. Cultural Turns: Neuorientierungen in den Kulturwissenschaften. Hamburg, Rowohlt Verlag GmbH, 418 p.).

4. Гирц К. 2004. Интерпретация культур. М., Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 560 с. (Geertz C. 1973. The Interpretation of Cultures: Selected Essays. New York, Basic Books, Inc., Publishers, 470 p.).

5. Добрицына И.А. 2004. От постмодернизма – к нелинейной архитектуре: Архитектура в контексте современной философии и науки. М., Прогресс-Традиция, 416 с.

6. Иконников А.В. 2006. Пространство и форма в архитектуре и градостроительстве. М., КомКнига, 352 с.

7. Касаткина С.С. 2018. Урбосфера: практики осмысления городского пространства. Череповец, Череп. гос. ун-т: 160 с.

8. Линч К. 1982. Образ города. Пер. с англ. М., Стройиздат, 328 с. (Lynch Kevin. 1960. The Image of the City. The M.I.T.Press, 195 p.).

9. Лотман Ю.М. 2001. Символика Петербурга. В кн.: Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., «Искусство-СПБ»: 320–334.

10. Лотман Ю.М. 2001. Архитектура в контексте культуры. В кн. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., «Искусство-СПБ»: 676-683.

11. Лоу С.М. 2016. Пласа: политика общественного пространства и культуры. Пер. с англ. М., Strelka Press, 352 с. (Low Setha M. 2000. On the Plaza: The Politics of Public Space and Culture. Publisher: University of Texas Press, 296 p.).

12. Флиер А.Я. 2000. Культурология для культурологов. М., Академический проект, 496 с.

13. Хассе Ю. 2018. “Город" – плавающий термин. В кн.: Собственная логика городов: Новые подходы в урбанистике. Под отв. ред. Х. Беркинга и М. Лёв. М., Новое литературное обозрение: 395–421.

14. Штомпка П. 2007. Визуальная социология. Фотография как метод исследования. Пер. с польск. М., Логос. 168 с. (Sztompka Piotr. 2005. Socjologia wizualna. Fotografia jako metoda badawcza. Wydawnictwo Naukowe PWN, 150 p.).

15. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. Пер. с ит. СПб., Symposium, 2004. 544 с. (Eco Umberto. 1968. La struttura assente. Introduzione alla ricerca semiologica. Milan, Publ. BOMPIANI, 482 p.).

16. Ярская-Смирнова Е., Романов П. 2009. Взгляды и образы: методология, анализ, практика. В кн.: Визуальная антропология: настройка оптики. М., ООО "Вариант", ЦСПГИ, 2009. С. 7–16.

17. Hall S. 1997. Introduction. In: Representation: Cultural Representations and Signifying Practices. Hall S. (ed.). London: Sage: 1–12.

References

1. Avanesov S.S. 2016. Vizual'naya semiotika goroda: perspektiva issledovaniya gorodskikh tekstov. [Visual semiotics of the city: the perspective of the study of urban texts]. Praksima, 4 (10): 9–22.

2. Amin Je., Trift N. 2017. Goroda: pereosmysljaja gorodskoe [Cities: Reimagining the Urban]. N. Novgorod, Publ. Krasnaja lastochka, 224 p. (Amin A., Thrift N. 2002. Cities: Reimagining the Urban. London, Publ. Polity Press, 192 p.).

3. Bahmann-Medik D. 2017. Kul'turnye povoroty. Novye orientiry v naukah o kul'ture [Cultural turns. New benchmarks in the sciences of culture]. Moscow, Publ. Novoe literaturnoe obozrenie, 504 p. (Bachmann-Medick D. 2006. Cultural Turns: Neuorientierungen in den Kulturwissenschaften. Hamburg, Rowohlt Verlag GmbH, 418 p.).

4. Girc K. 2004. Interpretacija kul'tur. [The Interpretation of Cultures]. M., Publ. Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 560 p. (Geertz C. 1973. The Interpretation of Cultures: Selected Essays. New York, Basic Books, Inc., Publishers, 470 p.).

5. Dobritsyna I.A. 2004. Ot postmodernizma – k nelineynoy arkhitekture: Arkhitektura v kontekste sovremennoy filosofii i nauki. [From postmodernism to non-linear architecture: Architecture in the context of modern philosophy and science]. Moscow, Publ. Progress-Traditsiya, 416 p.

6. Ikonnikov A.V. 2006. Prostranstvo i forma v arhitekture i gradostroitel'stve [Space and form in architecture and urban planning]. Moscow, Publ. KomKniga, 352 p.

7. Kasatkina S.S. 2018. Urbosfera: praktiki osmysleniya gorodskogo prostranstva [Urbosphere: practices of understanding urban space]. CHerepovec, Publ. CHerep. gos.un-t: 160 p.

8. Linch K. 1982. Obraz goroda [The image of the city]. Moscow, Publ. Strojizdat, 328 p. (Lynch Kevin. 1960. The Image of the City. The M.I.T.Press, 195 p.).

9. Lotman Yu.M. 2001. Simvolika Peterburga (Symbols of St. Petersburg). V kn.: Lotman Yu.M. Semiosfera. [Semiosphere]. St. Petersburg, Publ. «Iskusstvo-SPB»: 320–334.

10. Lotman Yu.M. 2001. Arkhitektura v kontekste kul'tury. V kn. Lotman Yu.M. Semiosfera. [Semiosphere]. St. Petersburg, Publ. «Iskusstvo-SPB»: 676–683.

11. Lou S.M. 2016. Plasa: politika obshchestvennogo prostranstva i kul'tury [Plaza: politics of public space and culture]. Moscow, Publ. Strelka Press, 352 p. (Low Setha M. 2000. On the Plaza: The Politics of Public Space and Culture. Publisher: University of Texas Press, 296 p.).

12. Flier A.Ja. 2000. Kul'turologija dlja kul'turologov [Culturology for culture researchers]. Moscow, Publ. Akademicheskij proekt, 496 p.

13. Hasse Ju. 2018. "Gorod" – plavajushhij termin. V kn.: Sobstvennaja logika gorodov: Novye podhody v urbanistike ["City" – a floating term. In: Own logic of cities: New approaches in urban planning]. M., Publ. Novoe literaturnoe obozrenie: 395–421. (Die Elgenlogic der Städte. Neue Wege für die Stadtforschung. Berking H., Löv M. eds. Frankfurt/New York, Publ. Campus Verlag, 2008. 335 p.).

14. Shtompka P. 2007. Vizual'naya sotsiologiya. Fotografiya kak metod issledovaniya. [Visual sociology. Photography as a research method]. Moscow, Publ. Logos, 168 p. (Sztompka Piotr. 2005. Socjologia wizualna. Fotografia jako metoda badawcza. Wydawnictwo Naukowe PWN, 150 p.).

15. Eko U. 2004. Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu. [The missing structure. Introduction to SemiologySt. Petersburg, Publ. Symposium, 544 p. (Eco Umberto. 1968. La struttura assente. Introduzione alla ricerca semiologica. Milan, Publ. BOMPIANI, 482 p.).

16. Yarskaya-Smirnova E., Romanov P. 2009. Vzglyady i obrazy: metodologiya, analiz, praktika [Views and images: methodology, analysis, practice]. V kn.: Vizual'naya antropologiya: nastroyka optiki. [Visual Anthropology: Optics Tuning]. M., Publ. OOO "Variant", TsSPG: 7–16.

17. Hall S. 1997. Introduction. In: Representation: Cultural Representations and Signifying Practices. Hall S. (ed.). London: Publ. Sage: 1–12.

Ссылка для цитирования статьи
For citation

Штомпель Л.А., Штомпель О.М. 2020. Аудиовизуальная среда городов южного федерального округа как пространство репрезентации смыслов культуры. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 45 (1): 69–80. DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-1-69-80

Shtompel L.A., Shtompel O.M. 2020. Audiovisual environment of the cities of the southern federal district as a representation space of cultural meanings. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law.45 (1): 69–80 (in Russian). DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-1-69-80

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ
RELIGION STUDIES AND SOCIOLOGY OF CULTURE

УДК 246.3
DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-1-81-87

ХРИСТОЛОГИЧЕСКАЯ АРГУМЕНТАЦИЯ ПРП. ИОАННА ДАМАСКИНА В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ ИКОНОПОЧИТАНИЯ

CHRISTOLOGICAL ARGUMENTATION OF VENERABLE JOHN OF DAMASCUS IN THE CONTEXT OF PHILOSOPHY OF ICON-WORSHIP

Н.Н. Михальцов
N.N. Mikhaltsov

Белгородская Православная Духовная семинария (с миссионерской направленностью),
Россия, 308000, г. Белгород, Белгородский пр-т, 75

Belgorod Orthodox Theological seminary (with missionary orientation),
75 Belgorodsky av., Belgorod, 308000, Russia

E-mail: mnn-st@mail.ru

Аннотация
VIII век в истории византийской философии является весьма насыщенным спорами между представителями различных философских систем. Так, в этом периоде мы можем отметить противостояние между традиционной христианской мыслью и крайними взглядами на иконы, материю и формы поклонения. Известно множество подходов к философскому обоснованию иконоборчества, но большинство из них сформулированы в отрыве от теологического и церковно-исторического контекстов, не имеют конкретной текстологической базы в трудах иконоборцев и иконопочитателей. В связи с этим необходимо дополнительно изучить источники и внести ясность в означенный вопрос. Автор рассматривает различные взгляды исследователей относительно причин возникновения иконоборческого движения в Византии в контексте традиционной христологии. Труды прп. Иоанна Дамаскина (2-я пол. VII в. – до 754 г.), самого яркого полемиста с иконоборцами в период начала смуты, проливают свет на причины возникновения движения против святых икон, а также вскрывают богословские и философские корни иконоборческой ереси. В результате исследования сделан вывод, что корни иконоборческого движения находятся в искажённом понимании философии Боговоплощения и в отвержении иконоборцами традиционной философско-теологической парадигмы. Таким образом, автором конкретизирован философско-теологический контекст иконоборческих споров начального периода иконоборчества, что открывает перспективу исследований христологии иконоборческого движения в целом и философии иконопочитания прп. Иоанна Дамаскина в частности.

Abstract
The VIII century is a period of Byzantine philosophie`s history rather filled with disputes between spokesmen of different philosophical systems. We can note a confrontation between traditional Christian thought and radical notions on icons, matter and forms of worship in that period. There are many slants on the philosophical underpinning of iconoclastic ideology. But most of them are formulated in isolation from the theological and church-historical contexts, do not have a specific textual base in the writings of iconoclasts and icon worshipers. This gap in the studies of the Byzantine philosophy of the iconoclastic

period gives rise to an additional study of the sources in this work and to clarify the question. The article observes different opinions among researchers about the causes of the iconoclastic movement in Byzantium in the context of traditional Christology. Works of Venerable John of Damascus (2nd half of the 7th century – before 754), the brightest polemicist with iconoclasts in the period of the beginning of the Troubles, make clear the causes of the movement against holy icons, and also uncover theological and philosophical roots of the iconoclastic heresy. As a result of this research we`ve come to conclusion that roots of iconoclastic movement are caused by iconoclasts` distorted understanding of philosophy of God's Incarnation and in rejection of traditional philosophical and theological paradigm. Thus, this article concretizes the philosophical and theological context of the iconoclastic controversy of the initial period of iconoclasm, thereby opening up the prospect of studies of the christology of the iconoclastic movement - in general, and the philosophy of icon veneration John of Damascus in particular.

Ключевые слова: философия иконопочитания, богословие, преподобный Иоанн Дамаскин, Лев III, иконоборческие споры, материя.
Key words: philosophy of icon-worship, theology, Venerable John of Damascus, Leo the III-rd, iconoclastic disputes, matter.

Введение

Изучение историографии иконоборческих споров, а также исследований, посвящённых философии иконопочитателей и иконоборцев не дают однозначного ответа на вопрос, в чём состоит главная причина иконоборчества и какова основополагающая доминанта в философии иконопочитания. Вследствие весьма скудной текстологической базы в исследованиях, посвященных указанному вопросу, практически не уделяется внимание анализу первоисточников. Вместе с тем стоит отметить, что если аутентичных тестов представителей иконоборческого движения начального периода практически не сохранилось, то текстовая база иконопочитателей имеет достаточный объём для проведения исследований.

Таким образом, именно на основе текстов сторонников иконопочитания открывается перспектива реконструкции философских и теологических взглядов представителей иконоборческой партии.

В данной статье автор проанализирует тексты прп. Иоанна Дамаскина для выявления философской составляющей иконоборчества и вместе с тем производет анализ аргументационной базы самого прп. Иоанна.

Гипотезой настоящего исследования является утверждение, что христологическая аргументация является ключевой в контексте философии иконопочитания; именно искажения в области учения о Христе послужили важнейшей причиной к возникновению иконоборчества.

1. К вопросу о причинах иконоборческих споров

В настоящее время существует несколько взглядов на причины возникновения иконоборческого движения в Византийской империи в VIII в. Некоторые учёные склонны утверждать, что главная причина иконоборческих споров лежит в области богословия, в частности в противоборстве православной и монофизитской христологии [Острогорский, 2011; Alexander, 1958]. Существует также мнение, что иконоборчество Льва III – жесткий ответ императора на суеверное использование икон необразованным народом; в этом контексте был также поднят вопрос о возможности почитания материи как таковой [Николай (Сахаров), 2001]. Некоторые исследователи говорят о влиянии на Льва III монтанизма. Шварцлозе вслед за Гарнаком напоминают, что Лев III был στρατη ς ἀνατο κ ς в двух провинциях Фригии, где было много монтанистов [Болотов, 1994].

Прот. Г. Флоровский, А. Гриллмайер, Н. Озолин причиной иконоборчества видят оригенизм [Сидоров, 1991]. Другие рассматривают влияние ислама как катализатор иконоборчества, ибо иконопочитание могло послужить политической дискредитации христианства [Ladner, 1940]. Среди прочего не исключается и влияние иудаизма [Barnard, 1977; Bryer, Haldon, 2001] на том основании, что, согласно Феофану, при дворе Льва III был некий сириец-иудей Бесер (Βησὴρ), который мог повлиять на взгляды императора.

Однако наиболее веской причиной возникновения иконоборчества, на наш взгляд, являются догматические искажения, корнями уходящие в искажения христологии [Острогорский, 1927; Сидоров, 1991]. Хотя, если следовать общепринятой периодизации иконоборческих споров, христологическим именуется лишь второй период иконоборчества (с начала правления Константина V, ок. 741 г. до VII Вселенского Собора, 787 г.). Такая периодизация приводится, в частности, в Православной энциклопедии [Баранов, 2009]. Этот факт подразумевает, что по крайней мере в первой фазе иконоборческих споров христологическая аргументация не выступала в качестве основной (Николай (Сахаров)).

Если рассмотреть более детально труды самого яркого православного полемиста первого периода иконоборческих споров преподобного Иоанна Дамаскина, то в его творениях христологическая аргументация выступает в полемике с иконоборцами именно в качестве основной [Иоанн Дамаскин, 2002]. Необходимо отметить, что христологическая аргументация, которую использовали обе стороны в полемике об иконах, имела разный характер. Наиболее явно такого рода аргументы представлены во второй и третьей фазах иконоборческих споров, когда ставились вопросы о допустимости изображения человеческой природы Христа. Что же касается аргументации иконоборцев в первый период споров – в настоящий момент не представляется возможным сделать такую реконструкцию, поскольку перед исследователями существует ряд текстологических проблем [Bryer, Haldon, 2001]. Отчасти говорить о взглядах иконоборцев первого периода мы можем лишь по иконоборческой надписи, сделанной над Бронзовыми воротами в Константинополе [Баранов, 2019]. Прп. Иоанн Дамаскин в своих трудах полемизирует с некоторыми тезисами, изложенными в этой надписи.

2. Боговоплощение и иконопочитание по прп. Иоанну Дамаскину

Прп. Иоанн Дамаскин напрямую связывает возможность изображения на иконах Спасителя с фактом Боговоплощения. Эта связь выражается в том числе и через применение христологической аргументации в полемических трактатах против иконоборцев.

Христологическая аргументация, используемая прп. Иоанном Дамаскиным, представляется в его творениях в двух видах.

Прп. Иоанн Дамаскин наиболее часто использует аргумент, основывающийся на факте Боговоплощения, то есть рождения по плоти Бога Слова. Мы покланяемся, по мысли Дамаскина, «багрянице тела», потому что через соединение с божеством она стала тем, «что есть и освятившее», причём без всякого изменения, через единение «со Словом по ипостаси» (*греч.:* καθ΄ ὑπόσταση) [Иоанн Дамаскин, 1993, с. 4] По сути, этот аргумент прп. Иоанн Дамаскин основывает на учении о взаимообмене свойств (*греч.:* τρόπος τῆς ἀντιδόσεως), взаимопроникновении (*греч.:* περιχώρησις) естеств, один из пунктов которого гласит, что человеческая природа во Христе приобщается божественной энергии. Указанное учение весьма распространено в святоотеческой традиции [Lampe, 1968] и имеет своё основание, скорее всего, в стоической философии, преломлённой сквозь призму неоплатонизма [Cross, 2000].

По мысли прп. Иоанна, невозможно изобразить невидимое. Однако если Бог сделался видимым, принял человеческую плоть, соединился с материей, стал описуем через категории размера, формы и цвета, – то мы можем не только Его изображать на иконах

[Иоанн Дамаскин, 1993], но и поклоняться Его изображениям: «Не поклоняюсь твари вместо Творца, но поклоняюсь Создателю, подобно мне сделавшемуся сотворенным» [Иоанн Дамаскин, 1993, с. 90]. При этом на иконах мы не пытаемся изобразить божество, что невозможно, но делаем «изображение человеческого Его вида» (*греч.:* τῆς ἀνθρωπίνης μορφῆς τ ἐκτύπωμα) [Иоанн Дамаскин, 1993, с. 93].

Такой вид христологической аргументации вытекает из учения об обожении (θέωσ ς) как теснейшем единении божественной и человеческой природ во Христе, началом которого и является Боговоплощение.

Воплощение Логоса для Дамаскина – важнейший аспект обожения человека, ибо Христос «представил Себя путём, образцом и примером, чтобы и мы, пойдя по Его стопам, стали по усыновлению тем, что Он есть по природе: сынами и наследниками Божиими, и сонаследниками Его» [Иоанн Дамаскин, 2002, с. 301]. Боговоплощение – это начало пути нашего спасения и обожения.

Обожение как богословско-философская категория, указывающая на энергийное соединение человека с Богом, святыми отцами напрямую связано с воплощением Слова. Так, свт. Ириней Лионский выражает эту мысль весьма лаконично: «Слово Божие [соделалось] человеком, и Сын Божий – Сыном человеческим, чтобы [человек] сделался сыном Божиим» [Ириней Лионский, 1996, с. 240]; «[Слово Божие] сделалось тем, что и мы, дабы нас сделать тем, что есть Он» [Ириней Лионский, 1996, с. 446]. Иными словами можно сказать, что Бог через воплощение соединяется с материей – освящает материю для того, чтобы материальный мир через человека возрастал в сопричастии Богу. Эта идея обожения всего бытия, проходящая красной нитью через богословие прп. Максима Исповедника, является ярким свидетельством того, что святоотеческая мысль не только не порицала материальную природу, но видела в материи заданность к динамичному сопричащению Богу.

Показательно, что прп. Иоанн Дамаскин всю последующую апологию иконопочитания выстраивает именно на аргументе от Боговоплощения.

Так, иконоборцы, порицая материю, тем самым пренебрегают фактом, что Бог соединился с материей, обожив её. А если такое соединение стало возможно – нет основания презирать материю, ибо достоин презрения только грех [Иоанн Дамаскин, 1993, с. 13]. В силу сопричастности домостроительству спасения, по мысли Дамаскина, и возможно почитание (*греч.:* προσκύνησ ς) Креста, Голгофы, Гроба Господня, [Иоанн Дамаскин, 1993]. Также и святым иконам, освящаемым Божиим именем, следует воздавать почитание (*греч.:* τὴν προσκύνησ ν) [Иоанн Дамаскин, 1993].

Кроме того, икона служит воспоминанием событий из священной истории, имеющей свое центральное начало в Богоявлении, то есть в вещественном рождении ипостаси Богочеловека. Отсюда и изображение Богородицы «как Матери Сына Божия», и изображение святых, подражавших Христу излиянием крови за Него, пролившего «за них Свою собственную кровь», воспоминанием «начертанных подвигов и страданий их» [Иоанн Дамаскин, 1993, с. 17].

Не должно, нарушая ветхозаветный запрет идолопоклонства, изображать несуществующих богов, поклоняться творению, а не Творцу. С другой стороны, мы можем и должны создавать изображения Создателя, Явившегося людям в новозаветные времена [Иоанн Дамаскин, 1993].

3. Аргумент «от Боговоплощения» в контексте философии иконопочитателей

В творениях церковных писателей, предшествовавших прп. Иоанну Дамаскину, аргумент «от Боговоплощения» в контексте иконопочитания если иногда и использовался, то весьма сжато.

В «Деяниях VII Вселенского Собора» мы находим несколько отрывков из сочинений иконопочитателей, в которых используется аргумент «от Боговоплощения». Так, Леонтий, епископ Неаполя Кипрского (нач. VII в.), иконы представляет как орудия воспоминания, прежде всего – воспоминания искупительного подвига Христа, чтобы «непрестанно видеть их [страдания Христа. – иер. Н. М.], помнить их, а не позабывать» [Деяния, 1996, с. 131].

Папа Григорий в послании Герману Константинопольскому замечает, что «если Господь не воплотился, то пусть и не изображают святого образа Его в человеческом виде»[1]. Григорий противопоставляет иконы как образы Бога, реальных людей и событий и идолы как изображения вымышленных существ.

В слове Иоанна, еп. Солунского, говорится, что мы изображаем Христа «так, как Он был видим на земле и обращался между людьми, а не так, как мы представляем Его в божественном естестве»[2].

Свт. Герман Константинопольский выстраивает следующую логику иконопочитания: так как Сын сделался человеком, то мы можем изображать икону «Его образа и человеческого вида Его по плоти», показывая тем самым, «что Он не фантастично и не призрачно соединился с нашим естеством». Через это мы приходим и к «воспоминанию… о вочеловечении Его» [Деяния, 1996, с. 157]. На таком же основании святителем Германом строится концепция почитания икон Богоматери и святых.

Указания на аргумент «от Боговоплощения» мы видим в определении VII Вселенского Собора, где говорится, что освобождение от идольского заблуждения даровал нам «вочеловечившийся Бог» [Деяния, 1996, с. 171]. Принимать иконы Христа следует «поелику Он соделался совершенным человеком» [Деяния, 1996, с. 296]. Также и защитники иконопочитания последующего периода, прп. Феодор Студит и свт. Никифор Константинопольский, развивали свою аргументацию в защиту икон на основе мысли прп. Иоанна Дамаскина.

Заключение

Основываясь на творениях прп. Иоанна Дамаскина, мы можем говорить о том, что христологическая аргументация была ключевой при защите им иконопочитания. Если вопрос о возможности изображать на иконе плоть Христа носил узкую направленность, являлся основой для последующей христологической аргументации иконопочитателей, то апеллирование к факту Боговоплощения являлось универсальным аргументом, позволявшим выстраивать любую линию апологии святых икон. Последним и объясняется широкое использование прп. Иоанном Дамаскиным аргумента «от Боговоплощения» в иконоборческой полемике в то время, когда споры по сути ещё не велись в области христологии. Прп. Иоанн Дамаскин явился по сути новатором в широком использовании христологической аргументации в полемике с иконоборцами и заложил твердую основу защиты иконописных образов, на которую опирались последующие защитники Православия. Мы можем утверждать, что на всем своём протяжении иконоборческие споры имели под собой в конечном счёте христологическую основу.

Список литературы

1. Баранов В.А. 2004. Богословская интерпретация иконоборческой надписи в Халки. В кн.: История и теория культуры в вузовском образовании: межвузовский сборник научных трудов. Новосибирск: 181–186.

2. Баранов В.А. 2009. Иконоборчество. Православная Энциклопедия. Т. 22. М.: 31–44.

3. Болотов В.В. 1994. Лекции по истории Древней Церкви. Т. 4. – репр. изд. 1917 г. М., 599 с.

[1] Деяния Вселенских Соборов. Т. VII. – репр. изд. 1909 г. СПб., 1996. С. 154

[2] Деяния Вселенских Соборов. Т. VII. – репр. изд. 1909 г. СПб., 1996. С. 188.

4. Иоанн Дамаскин. 2002. Источник знания. М.: Индрик (Православный Свято-Тихоновский Богословский институт. Святоотеческое наследие. Т. 5): 418 с.

5. Иоанн Дамаскин. 1993. Три защитительных слова против порицающих святые иконы или изображения. Репринт 1893 г. СТСЛ: 168 с.

6. Ириней Лионский. 1996. Против ересей. В кн.: Творения. – репр. изд. 1900 г. М.: 639 с.

7. Николай (Сахаров). О причинах иконоборческих споров согласно трактату преподобного Иоанна Дамаскина «Первое защитительное слово против отвергающих святые иконы». Альфа и Омега. 2001, 4 (30): 67–81.

8. Острогорский Г.А. 2011. История Византийского государства. М., Сибирская благозвонница, 895 с.

9. Острогорский Г.А. 1927. Соединение вопроса о святых иконах с христологической догматикой в сочинениях православных апологетов раннего периода иконоборчества. Seminarium Kondakovianum. Vol. I. Prague: 38–48.

10. Сидоров А.И. 1991. Послание Евсевия Кесарийского к Констанции (к вопросу об идейных истоках иконоборчества). Византийский временник. Т. 51. 58–73.

11. A Patristic Greek Lexicon. 1968.Ed. by G.W.H. Lampe. Oxford: The Clarendon Press, 1568 p.

12. Alexander P.J. 1958. The Patriarch Nicephorus of Constantinople Ecclesiastical Policy and Image Worship in the Byzantine Empire. Oxford, 287 p.

13. Barnard L. 1977. The Theology of Images. Iconoclasm. Ed. by A. Bryer and J. Herrin. Centre for Byzantine Studies University of Birmingham. Birmangham, 196 p.

14. Bryer A., Haldon J. 2001.Byzantium in the Iconiclast Era (680-850). The Sources: Annotated Survey. Birmingham Byzantine and Ottoman monographs. Vol. 7. Bodmin, 324 p.

15. Cross R. 2000. Perichoresis, Deification, and Christological predication in John of Damascis. Mediaeval Studies. Vol. 62: 69–124.

16. Ladner G. 1940. B. Origin and Significance of the Byzantine Iconoclastic Controversy. Medieval Studies. N. Y., Vol. 2: 127–149.

References

1. Baranov V.A. Bogoslovskaja interpretacija ikonoborcheskoj nadpisi v Halki [Theological interpretation of the iconoclastic inscription in Halki]. V kn.: Istoriya i teoriya kul'tury v vuzovskom obrazovanii: mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov. [History and theory of culture in higher education]. Novosibirsk: 181–186.

2. Baranov V.A. 2009. Ikonoborchestvo [Iconoclasm]. Pravoslavnaja Jenciklopedija. T. 22. M.: 31–44.

3. Bolotov V.V. 1994. Lekcii po istorii Drevnej Cerkvi [Lectures on the history of the Ancient Church]. Vol. 4. Reprint edition. 1917. M., 599 p.

4. Ioann Damaskin, prp. 2002. Istochnik znanija [Source of knowledge]. Vol. 5. M., Indrik, (Pravoslavnyj Svjato-Tihonovskij Bogoslovskij institut. Svjatootecheskoe nasledie): 418 p.

5. Ioann Damaskin, prp. 1993. Tri zashhititel'nyh slova protiv poricajushhih svjatye ikony ili izobrazhenija [Three protective words against censuring holy icons or images], reprint edition. 1893. STSL: 168 p.

6. Irinej Lionskij, svt. 1996. Protiv eresej [Against heresies]. In: Tvorenija. Repr. edition 1900. M., 639 p.

7. Nikolaj (Saharov), ierod. 2001. O prichinah ikonoborcheskih sporov soglasno traktatu prepodobnogo Ioanna Damaskina «Pervoe zashhititel'noe slovo protiv otvergajushhih svjatye ikony» [About the causes of iconoclastic disputes according to the treatise of St. John of Damascus "The first protective word against those who reject the holy icons"]. Al'fa i Omega, 4 (30): 67–81.

8. Ostrogorskij G.A. 2011. Istorija Vizantijskogo gosudarstva [History of the Byzantine state]. M., Sibirskaya blagozvonnica, 895 p.

9. Sidorov A.I. 1991. Poslanie Evsevija Kesarijskogo k Konstancii (k voprosu ob idejnyh istokah ikonoborchestva) [The Epistle of Eusebius of Caesarea to Constance (to the Question of the Ideological Sources of Iconoclasm)]. Vizantijskij vremennik. Vol. 51: 58–73.

10. Ostrogorskij G.A. 1927. Soedinenie voprosa o svjatyh ikonah s hristologicheskoj dogmatikoj v sochinenijah pravoslavnyh apologetov rannego perioda ikonoborchestva [Combining the issue of holy icons with Christological dogma in the writings of Orthodox apologists of the early period of iconoclasm] Seminarium Kondakovianum. Vol. I. Prague: 38–48.

11. A Patristic Greek Lexicon. 1968. Ed. by G.W.H. Lampe. Oxford: The Clarendon Press, 1568 p.

12. Alexander P. J. 1958. The Patriarch Nicephorus of Constantinople Ecclesiastical Policy and Image Worship in the Byzantine Empire. Oxford, 287 p.

13. Barnard L. 1977. The Theology of Images. Iconoclasm. Ed. by A. Bryer and J. Herrin. Centre for Byzantine Studies University of Birmingham. Birmangham, 196 p.

14. Bryer A., Haldon J. 2001.Byzantium in the Iconiclast Era (680-850). The Sources: Annotated Survey. In: Birmingham Byzantine and Ottoman monographs. Vol. 7. Bodmin, 324 p.

15. Cross R. 2000. Perichoresis, Deification, and Christological predication in John of Damascis. Mediaeval Studies. Vol. 62: 69–124.

16. Ladner G. 1940. B. Origin and Significance of the Byzantine Iconoclastic Controversy. In: Medieval Studies. N. Y., Vol. 2: 127–149.

Ссылка для цитирования статьи
For citation

Михальцов Н.Н. 2020. Христологическая аргументация прп. Иоанна Дамаскина в контексте философии иконопочитания. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 45 (1): 81–87. DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-1-81-87

Mikhaltsov N.N. 2020. Christological argumentation of venerable Ioanna Damaskina in the context of philosophy of icon-worship. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law.45 (1): 81–87. (in Russian). DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-1-81-87

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

ACTUAL PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

УДК 347.1
DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-1-88-97

ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

DOCTRINE OF GOOD FAITH IN CIVIL LAW

Ю.В. Брисов
Y.V. Brisov

Российский государственный университет правосудия,
Россия, 117418, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69

Russian State University of Justice,
69 Novocheremushinskaya St, Moscow, 117418, Russia

E-mail: ceo@lfcs.pro

Аннотация
Отсылки к добросовестности содержатся в большом количестве статей Гражданского кодекса Российской Федерации и специальных законах. Однако из анализа положений гражданского законодательства и правоприменительной практики следует вывод о том, что в каждом отдельном случае термин «добросовестность» следует понимать по-разному. Для того, чтобы разобраться в специфике и множественности проявлений добросовестности, следует изучить ее в историческом развитии и сравнительно-правовом контексте. Изучение добросовестности в динамике позволяет выработать адекватные способы правоприменения добросовестности как системы.

Abstract
The doctrine of good faith is widely spread in Russian Civil Code and other legislative acts of Russian private law. However, a thorough analysis of Russian Civil law shows that good faith is understood and usually applied differently in many different cases. This research shows that doctrines like estoppel in its many forms (venire contra factum proprium); clean hands doctrine (ex dolo malo non oritur action), utmost good faith (uberrima fides) and so on are usually confused with good faith. Civil law also implies precontractual duty of good faith, however it is still staying unclear whether this form of duty is closer to the German concept of culpa in contrahendo or agreement to negotiate as oppose to agreement to agree in the US law. To understand the duty of good faith in all its multiple legal substances this article follows the evolution of good faith doctrine from the roman legal maxims through its development in both Civil law and Common law legal systems. Further the author compares the provisions of Russian Civil law with the existing legal doctrines of Good faith in the UK, the USA, Germany, Italy, France, Switzerland. The aim is to distinguish these doctrines whether they are being applied in Russian Civil law already, or some of the doctrines should only find their way to Russian legislation in the future, some may further be modified. The article also gives an overview of the related doctrines such as reasonableness and equity that are usually being mixed or included within the doctrine of Good faith in Russian Civil law.

Ключевые слова: добросовестность, разумность, справедливость, эстоппель, наивысшая добросовестность, преддоговорная ответственность, недобросовестность.
Keywords: good faith, reasonableness, equity, estoppel, utmost good faith, precontractual liability, unconscionability.

Введение

Первая статья Гражданского кодекса Российской Федерации (далее ГК РФ) посвящена основным началам гражданского законодательства, в числе которых прямо названы следующие: неприкосновенность собственности, принцип равенства, автономии воли, свободы вступать в договорные отношения, права на судебную защиту[1]. Далее данная статья содержит отсылку на то, что при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей, то есть в рамках гражданских правоотношений, участники правоотношений должны действовать добросовестно. Следующая часть статьи содержит аналогичное предписание, однако формирует его несколько иначе: «Никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения».

Ряд других статей Гражданского кодекса прямо, например, статьи 234, 302 ГК РФ или имплицитно, например, статьи 166, 431 ГК РФ ссылаются на стандарты добросовестности или доктрины, реализующиеся через институты, схожие с доброй совестью. Такое многообразие наполнение норм гражданского законодательства положениями о доброй совести объясняется тем, что ряд норм были, очевидно, сформулированы под влиянием континентальных доктрин, ряд других норм получил влияние системы общего права и Lex mercatoria.

Следует рассмотреть развитие доктрины доброй совести в континентальную и англосаксонскую систему. Наиболее важным кажется проанализировать конкуренцию договорной доктрины bona fides и сопоставимых доктрин права справедливости (equity). Подобное комплексное решение не проводилось российскими учеными. Сформировалась представление о том, что добросовестность отсутствует в системе общего права, а следовательно, влияние общего права на закрепление положений о доброй совести в современном российском гражданском законодательстве может быть недооценено. Данная проблема требует фундаментального исследования, основные направления которого указывает данная работа.

Основная часть

Постараемся разобраться в той особой роли, которую гражданское право отводит добросовестности, рассмотрев раскрытие этой доктрины в положениях гражданского законодательства, исследованиях российских и иностранных ученых, правоприменительной практике.

Упоминание о добросовестности открыто или имплицитно содержится в 35 статьях ГК РФ. При этом ряд статей устанавливают границы действия для участников гражданских правоотношений. В них требование добросовестности носит скорее объективный характер, так как распространяется на всех участников гражданских правоотношений[2]. Немецкой доктрине гражданского права такое проявление добросовестности, или скорее недобросовестности, известно, как «шикана» [Покровский 2001, с. 125]. Шикана разделяет поведение на очевидно «добросовестное» и «недобросовестное», выполняя демаркационную функцию. Данное применение добросовестности позволяет избежать противоречия между довольно «абстрактной отсылкой к добросовестности» [Кулаков 2016, с. 57] в ст. 1 ГК РФ и «достаточно четким определением состава соответствующего правонарушения – умышленного злоупотребления правом» [Кулаков 2016, с. 57] в ст. 10 ГК РФ.

Ряд статей, также содержащих отсылку к добросовестности, вводят специальный состав, требующий специального пояснения, как например, ст. 234 ГК РФ, которая ис-

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 1) от 26.01.1996 №51-ФЗ в ред. от 03.08.2018. Здесь и далее все ссылки на нормативно-правовые акты и судебную практику приводятся по СПС «Консультант Плюс». Консультант Плюс. Дата обращения 28 января, 2019. http://www.consultant.ru

[2] Перечень позиций высших судов к ст. 10 ГК РФ

пользует понятие «добросовестный давностный приобретатель». Участники таких правоотношений должны выполнить ряд активных действий или воздержаться от таковых. Здесь выражается конкретное требование к исполнению обязательств по составу участников правоотношений [Агарков, 1940, с. 60].

Некоторые статьи не содержат прямой отсылки к добросовестности, имплицитное содержание которой в норме раскрывается в разъяснениях Высших судебных инстанций[1] и анализа судебной практики[2] с отсылкой к принципам международного права[3] и доктрине гражданского права [Bradley 2008, с. 213].

Содержание статей 302 ГК РФ и 454 ГК РФ раскрывается через установление баланса[4] между доктринами «Caveat Emptor» [Hamilton 1931, с. 1164] и «Добросовестный приобретатель» [Будылин 2017, с. 87], что также требует актуализаци этих доктрин исследователями права и судебной практикой.

Для правильного понимания добросовестности в статьях 434.1 ГК РФ и 993 ГК РФ также необходимо раскрытие через вспомогательную доктрину должной осмотрительности[5] или due diligence [Янковский 2017, с. 24].

Стандарт добросовестности, применяемый в статье 930 ГК РФ, в англо-саксонской традиции определяется как наивысший [uberrimae fidei]: «…страхователь должен сообщить [даже если страховщик не задает конкретных вопросов] все известные ему факты, которые могут повлиять на принятие разумным страховщиком решения о размере премии и принятии риска. Возникает вопрос, обязан ли каждый директор сообщать об известных ему фактах при заключении договора» [Голева 2015, с. 81]. Очевидно, что подобный стандарт добросовестности должен отличаться от описанного выше общего стандарта добросовестности или стандарта, существующего между покупателем и продавцом, арендатором и арендодателем. Однако ни в законе, ни в Пленумах ВАС и ВС подобное уточнение не делается[6].

Также, на наш взгляд, принцип наивысшего доверия (uberrimae fidei) сторон по любому договору не имеет ничего общего с личностно-доверительными (фидуциарными) обязательствами» [Белых 2017, с. 102]. Для определения соответствия требованию к добросовестному осуществлению прав на использование объектов интеллектуальной собственности в статьях 1466, 1538 ГК РФ предполагается проведение профильной экспертизы[7], аналогичную позицию мы можем найти при отсылке к иностранным законодательству[8] и судебной практике[9], установившим «тест» на добросовестное использование объектов интеллектуальных прав.

---

[1] О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25

[2] О свободе договора и ее пределах: Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 №16

[3] Принципы международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА) (1994 год)

[4] По делу о проверке конституционности положения пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Н. Дубовца: Постановление Конституционного Суда РФ от 22.06.2017 №16-П

[5] Определение Верховного Суда РФ от 29.11.2016 N 305-КГ16-10399 по делу № А40-71125/2015, Постановления ФАС ЦО от 24.04.2012 № А08-1426/2011, от 24.12.2012 № А08-352/2012, Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 17.11.2004 № 85

[6] О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества граждан: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 20

[7] О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.04.2007 № 14

[8] The Anticybersquatting Consumer Protection Act. Accessed August 5, 1999. https: //www.govinfo.gov/content/pkg /CRPT-106srpt140/html/CRPT-106srpt140.htm

[9] Virtual Works, Inc. v Volkswagen of America, Inc. http://michaelrisch.com/tiki /Virtual+Works,+Inc.+v+Volkswagen+of+America,+Inc.

Таким образом, перед исследователем проблемы добросовестности встает массив отсылок к доктрине Германии, Франции, Англии, США. Выстроить весь этот объем различных степеней добросовестности в четкую иерархию от наименьшего к наибольшему проявлению представляется достаточно сложной задачей. В связи с этим скорее следует говорить о различных аспектах проявления добросовестности в гражданских правоотношениях, рассматривая добросовестность не как принцип, а как совокупность различных доктрин (специальных проявлений добросовестности), которые развивались на протяжении сотен лет в различных правопорядках, имеют различные определения, могут вовсе не быть связаны этимологически со словом «добросовестность» в своем языке, однако по своей сути опираться на добрую совесть.

Добросовестность настолько не чужда человеческой природе, близка ей и логична для восприятия общественным сознанием, что ее различные проявления можно найти в древнейших правовых системах человечества, например, законах Торы, квиритском праве Рима. Последний пример являет собой бесценное поле для анализа, поскольку уровень правовой сознательности древних римлян до сих пор можно считать эталонным [Дождев 2018, с. 11].

Именно в общественные отношения Древнего Рима можно и нужно заглянуть настолько пристально, насколько возможно, потому что практически вся Континентальная Европа восприняла в своем развитии идеи римского права [Zimmermann 2000, p. 88]. Заглянуть в самые истоки принципов римского общества – значит понять философию права внушительной части цивилизованного мира, к которому принадлежит и наше государство. Именно право Древнего Рима стало первым примером взаимосвязанной системы норм, которые ставили своей целью достижение относительной справедливости среди всех участников общественных отношений [Zimmermann 2000, с. 65].

В классическую эпоху идею доброй совести развивали Помпоний (живший во II веке н.э.) и Ульпиан (период жизни 170–228 г. н.э.). Стандартная сделка купли-продажи могла быть совершена по факту передачи вещи покупателю и без уплаты им цены в то же самое время. Основанием произведенной передачи могло стать доверие, оказываемое контрагенту, в том, что последний исполнит свою меру обязательств позже [Кофанов 2003, с. 569], сегодня мы бы сказали – исполнит обязательство добросовестно [ст. 307 ГК РФ]. Ульпиан также утверждает, что в римском обществе оказываемое партнеру доверие без вмешательства поручителей считалось обыкновенной практикой [Кофанов 2003, с. 571].

Европейский континент XIV века на основе единой христианской культурной парадигмы развивался в своем многообразии национальных правовых систем относительно однородно [Stein 1999, p. 74]. Средневековый мыслитель Фома Аквинский предложил разделять правовую природу договоров на «акты щедрости и благородства» и «коммутативные соглашения». По первым актам лица могли делать пожертвования, дарить подарки, безвозмездно передавать какие-либо материальные объекты своим партнерам. Второй вид договоров предполагал определенную равномерность производимого обмена: оба контрагента действовали в едином ключе взаимной выгоды, что соответствовало интересам обоих и, несомненно, было выгодно всем лицам [Gordley, 1991].

По мнению другого средневекового исследователя права – Бальда, истинный коммутативный договор не мог привести к обогащению одного человека и обнищанию другого – нарушалась сама суть коммутативности, а значит договор был противоправным [Gordley 1991, p. 112]. Принципы христианской морали, составлявшей основу континентального церковного (канонического) права, особенно настойчиво имплементировалась в английское общее право в период правления короля Генриха II (годы жизни: 1133–1189) [O'Connor, 1990, p. 2]. В рассмотрение дел и их исход вмешивались нормы христианской веры [Barbour, 1914, p. 158].

Конфликт между принципами общего права и права, вводимого судом Лорда-канцлера, права справедливости, становился все более выраженным. В хрестоматийном деле XIV в. Le Walays v. Melsamby судья Берефорд, председательствовавший на процессе,

был поправлен адвокатом, который напомнил судье, что по нормам общего права у буквы закона есть примат над совестью [Baker, 2005, p. 123].

Объединение двух прецедентных систем (общего права и канцлерского права справедливости), существовавших веками, хоть и искусственное, было произведено во время мероприятий 1873–1875 годов, направленных на реформирование судебного процесса. Приоритет при наличии двух аналогичных прецедентов остался за правом справедливости как системой норм, наиболее приближенной к естественно-правовой концепции и общечеловеческим принципам честности, ответственности и разумности.

Инструменты судов справедливости, такие как эстоппель (запрет противоречивого поведения) или «Clean hands doctrine» (ссылаться на несправедливость может только сторона, действовавшая добросовестно), reasonable man standard (средний, разумный представитель общества), реализовывали в комплексе то, что на континенте называлось и называется добросовестностью, при этом напрямую английские судья отрицают презумпцию добросовестности (good faith) в английском праве [Брисов 2016, с. 180].

В отличие от Великобритании в Соединенных Штатах Америки нормотворчество во многом более развито, что объясняется различием прецедентного права на уровне отдельных штатов и потребностью в унификации права на федеральном уровне, соответственно добросовестность имеет распространение на всей территории США. [Брисов 2017, с. 48]. Принцип добросовестности в правовой системе США является смыслообразующим фундаментом в трудовых отношениях. Обязанность вступать в трудовые отношения с сотрудниками на принципах порядочности, доброй воли и прозрачности декларируется как прямое руководство к действию для любого должностного лица, представляющего государственный орган[1].

Еще одним источником права, который последовательно проводит идею доброй воли, является Единообразный торговый Кодекс (ЕТК) США. Данный документ содержит большое количество отсылок к доброй совести («good faith», «fair dealing», «reasonably fair») [Farnsworth 1963, с. 671]. Поскольку ЕТК (UCC) был принят во всех 50 штатах США, можно говорить, что добросовестность является одним из начал и американского частного права.

Однако, если говорить об институте преддоговорной ответственности (ст. 434.1 ГК РФ) или ответственности после прекращения обязательств (ст. 307 ГК РФ), такие формы ответственности допускаются американским правом очень ограниченно по сравнению с современным российским правом.

Западная Европа также является в некотором роде антиподом англосаксонской системы права в рассмотрении добросовестности в практическом срезе. Бесспорно, прослеживается значительная роль государственно-властного аппарата, который осуществляет контроль (policing) над содержимым контрактов. Тенденция защищать максимальную свободу договора должна быть сильна в Великобритании, чтобы законодателю было позволено так значительно вмешиваться в деловой оборот, как это делается, например, в Германии. Параграф 157 Германского гражданского уложения (ГГУ) декларирует, что толкование договоров производится сторонами с позиций здравой логики и доброй воли (guter Glaube). Параграф 242 Закона признает только такую реализацию соглашения, которая произведена в соответствии (непротиворечии) с общественным порядком, деловыми традициями, честностью и порядочностью сторон (Treu und Glauben). Ответственность, возлагаемая на лица в рамках этих параграфов, включает в себя подход к своим обязательствам с позиции должной заботливости и попечения [Шапп 1996]. Несложно заметить, что категории добрых нравов и доброй воли (соответственно gute Sitten и guter

[1] U.S. Code Government organization and employees. Accessed September 06, 1966. https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/USCODE-2015-title5/pdf/USCODE-2015-title5-partIII-subpartFchap71-subchapII-sec7117.pdf

Glaube) относятся к личностной характеристике лица, являются составными элементами его мировоззрения и ощущения себя в социуме.

Немецкие правоведы раскрывают содержание термина Guter Glaube с двух позиций:

1) знание лица о правомерности своих действий, приходящее от сопоставления своих поступков и мотивов с законодательными предписаниями и общественными нормами;

2) извинительное незнание лица об обстоятельствах, делающих сделку незаконной и бросающих тень на его доброе имя [Цвайгерт 2000]. Решение Имперского суда (Reichsgericht) 1923 г. пояснило, что добросовестность (§ 242 ГГУ) имеет преемственное положение над специальным законом [Нам, 2019].

Во Франции добросовестность укоренилась как устойчивая форма социально приемлемого поведения благодаря трудам теоретиков-правоведов, проводников идей естественно-научной школы юриспруденции: Жана Дома (1625–1696) [Domat, 1776] и Робера Потье (1699–1772) [Pothier, 1818]. Как категория, произошедшая из римского права, добросовестность оказалась устойчивой идеей даже при ее испытании логикой естественного права. У каждого человека от рождения есть неотъемлемые потребности и права, реализация которых может удовлетворить эти потребности. При таком взгляде добросовестность представляется практичной категорией, которая помогает договорам поддерживать необходимую морально-нравственную планку. Во французской правовой науке положение о добросовестности считается общей оговоркой, которая не предполагает различий в статусе лиц, стиле и цели соглашения для ее применения [Beale, 2002].

Добросовестное ведение деловой деятельности также принято в Швейцарии[1] и Италии[2]. Являясь частью единого евроинтегрированного пространства, Франция и Германия участвуют в разработке единого Европейского гражданского кодекса, который базируется на Принципах договорного права Европы[3].

Ряд государств общей системы права сопротивляется универсальности bona fides отчасти потому, что в этих странах добросовестность в ее специальных проявлениях имеет аналогичные инструменты из права справедливости. Однако именно универсальность добросовестности, по мнению ряда западноевропейских ученых, является неотъемлемой ее частью – это ее универсальность [Meyer 1994]. Ценность добросовестности есть словесное выражение идеала цивилизованности стран и их населения [Cheng 1987].

Отголоски bona fides прослеживаются также в акте, предшествовавшем Своду законов, а именно – проекту Гражданского Уложения[4] (годы разработки 1809–1814). Добросовестность индивида утверждалась через отрицание его осведомленности [Шершеневич 1995]. В то же время ряд русских правоведов считали, что более весомым подтверждением наличия у лица добросовестности является поведение человека, который высоко ценит добрые нравы [Мейер 2000]. Нормы, существовавшие в императорской России, содержали достаточно мягкий подход. По данной причине положения о добросовестности подвергались справедливой критике современников [Покровский 2001].

В российской науке гражданского права на сегодняшний день нет единого взгляда на то, чем является добросовестность. Так, добросовестность рассматривается как принцип [Кулаков, 2015], презумпция [Суханов, 2017], категория [Иванов, 2017], оценочная категория [Рясина, 2014], принцип и оценочная категория одновременно [Витрянский, 2016], требование [Мазур, 2016]. Ряд исследователей небезосновательно отмечают схожесть и близость в понятиях «разумность» и «добросовестность» применительно к гражданскому праву [Кулаков, 2016] или подчеркивают оценочность в применении обоих понятий [Шиткина, 2015]. Некоторые ученые разделяют добросовестность на объективную и

[1] Ст. 2 Швейцарского гражданского уложения.

[2] Ст. 1337, 1366 и 1375 Итальянского гражданского Кодекса.

[3] Принципы Европейского договорного права 2002. http://www.internationalcontracts.net/international-law-documents/Principles-of-European-Contract-Law.pdf

[4] Проект Гражданского уложения Российской империи. СПб., 1814.

субъективную [Новицкий, 2006], не объединяя эти явления в общее понятие, другие – не ставят задачу выявления общих признаков, а разбирают случаи применения по отдельности [Юмашев, 2015] или рассматривают добросовестность как требования, определенные родовым признаком по субъектному составу правоотношения [Белов, 2015].

В.П. Грибанов в своих теоретических рассуждениях считает, что принцип по своему значению «поглощает» требование, так как наделен со стороны государства обязательностью, которая в крайних случаях гарантируется государственно-властным принуждением [Грибанов 2001].

Если оценивать добросовестность в соответствии с линейным течением времени, то лицу следует и приобретать права в соответствии с началами доброй совести (избегая обмана, принуждения, укрывательства фактов, подлога), и реализовывать их, и защищать в рамках предусмотренных законом способов (в области гражданских прав – в соответствии со ст. 12 ГК РФ), и прекращать свои правомочия, законно передавая их другому лицу, или путем соблюдения предусмотренных процедур выходить из правоотношений [Белов, 1998].

Заключение

Таким образом, в силу специфики параллельного развития добросовестности в разных системах права и взаимопроникновения различных институтов права между системами права, добросовестность, содержащаяся в институте эстоппель, традиционном институте английского права справедливости (equity law), может проникнуть на континент, следовательно континентальные правоведы, изучая новый институт, должны будут отдельно изучать входящий в него элемент добросовестности с учетом специфики англо-американского права, прибегая к попыткам адаптации наполняющей этот институт добросовестности к реалиям континентального права. Или, наоборот, англо-саксонские правоведы должны адаптировать немецкое представление о Treu und Glaube, исследуя институт Culpa in contrahendo в традициях англо-американского договорного права (contract law).

Добросовестность – явление многоаспектное, поэтому работа исследователей права, изучающих различные проявления добросовестности, осуществляющих попытки классифицировать и упорядочить ее разнообразные проявления так важны для современного российского гражданского права.

Список литературы

1. Агарков М.М. 1940. Обязательство по советскому гражданскому праву. М., Юридическое издательство НКЮ СССР, 192 с.

2. Белов В.А. 1998. Добросовестность, разумность, справедливость как принципы гражданского права. Законодательство, 8: 49–52.

3. Белов В.А. 2015. Кодекс европейского договорного права – European Contract Code: общий и сравнительно-правовой комментарий: в 2 кн. М., Юрайт, 312 с.

4. Белых В.С. 2017. Договорное право Англии: сравнительно-правовое исследование М., Проспект, 208 с.

5. Брисов Ю.В. 2017. Реализация принципа добросовестности в гражданском праве. М., Директ-Медиа, 182 с.

6. Брисов Ю.В. 2016. Реализация принципа добросовестности в странах обычного права. Образование и право, 7: 180–183.

7. Будылин С.Л. 2017. Заверения и гарантии. Компаративное исследование. М., Инфотропик Медиа, 160 с.

8. Витрянский В.В. 2016. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М., Статут, 431 с.

9. Голева Е.В. 2015. Договор страхования ответственности директоров и менеджеров хозяйственных обществ в праве Англии и России: сравнительный анализ. М., Проспект, 297 с.

10. Грибанов В.П. 2001. Осуществление и защита гражданских прав. М., Статут, 411 с.

11. Дождев Д.В. 2018. Римское частное право. М., Норма, 784 с.

12. Иванов А.А. 2017. Проблемы публичного права России: взгляд со стороны. Вестник экономического правосудия Российской Федерации, 2: 46–59.

13. Кофанов Л.Л. 2003. Дигесты Юстиниана [перевод с латинского]. Т. III. М., Статут, 780 с.

14. Кулаков В.В. 2015. Прекращение обязательств по гражданскому законодательству России. М., РГУП, 144 с.

15. Кулаков В.В. 2016. Обязательственное право. М., РГУП, 144 с.

16. Нам К.В. 2019. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики. М., Статут, 278 с.

17. Мазур О.В. 2016. Немотивированный отказ от договора в контексте требования о добросовестности. Вестник Арбитражного суда Московского округа, 3: 35–44.

18. Мейер Д.И. 2000. Русское гражданское право. М., Статут, 831 с.

19. Покровский И.А. 2001. Основные проблемы гражданского права. М., Статут, 354 с.

20. Рясина А.С. 2014. Понятие и сущность оценочных категорий в российском праве. Современное общество и власть, 2: 40–45.

21. Суханов Е.А. 2017. Вещное право: научно-познавательный очерк. М., Статут, 560 с.

22. Цвайгерт К., Кетц Х. 2000. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. Т. II. М., Международные отношения, 480 с.

23. Шапп Я. 1996. Основы гражданского права Германии. М., БЕК, 283 р.

24. Шершеневич Г.Ф. 1995. Учебник русского гражданского права. М., СПАРК, 556 с.

25. Шиткина И.С. 2015. Имущественная ответственность в корпоративных правоотношениях. Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес», 2: 2–26.

26. Юмашев Н.С., Юмашев А.Н., Солопов Н.С. 2015. О принципе добросовестности, обходе закона и запрете злоупотребления правом в нормах гражданского и уголовно-процессуального законодательства. Российский следователь,15: 34–40.

27. Янковский Р.М. 2017. Организационно-правовые формы венчурного инвестирования [часть 3]: проблема организационно-правовой формы проектной компании. Право и экономика, 9: 22–29.

28. Baker J. 2005. An Introduction to English Legal History. Oxford, Oxford University press, 704 p.

29. Barbour W.T. 1914. The History of Contract in Early English Equity. Oxford, At The Clarendon Press, 237 p.

30. Beale H. 2002. Cases, materials and Text on contract law. Oxford, Hart Publishing. 509 p.

31. Bradley L.D. 2008. Contra Applicantem or Contra Proferentem Applicatio: The need for Clarification of the Doctrine of Contra Proferentem in the Context of Insured-Created Ambiguities in Insurance Application. Brigham Young University Law Review, 1: 211–225.

32. Brisov Y.V. 2018. How the courts exorcize demons from the legal body or a new standard for a bona fide purchaser in Russia. Scientific achievements of the third millennium Collection of scientific papers on materials VIII International Scientific Conference, Los Angeles, 8: 48–53.

33. Cheng B. 1987. General Principles of Law as Applied by International Courts and Tribunals. Cambridge: Cambridge University Press. Available at: https://www.trans-lex.org/101100/_/cheng-bin-general-principles-of-law-as-applied-by-international-courts-and-tribunals-reprinted-cambridge-1987/ (accessed 28 January 2019).

34. Domat J. 1776. Les lois civiles dans leur ordre naturel. Paris: Chez LE CLERC. Available at: https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k3103451/f10.image (accessed 28 January 2019).

35. Farnsworth A.E. 1963. Good Faith Performance and Commercial Reasonableness Under the Uniform Commercial Code. University of Chicago Law Review, 30: 666–679.

36. Gordley J. 1991. The Philosophical Origins of Modern Contract Doctrine. New York: Oxford University Press, 272 p.

37. Hamilton W.H. 1931. The Ancient Maxim Caveat Emptor. Yale Law Journal, 8: 1133–1187.

38. Meyer R. 1994. Bona fides und lex mercatoria in der europaischen Rechtstradition. Göttingen: Wallstein, 168 p.

39. O'Connor J.F. 1990. Good Faith in English Law. Dartmouth.London: Dartmouth Pub Co, 148 p.

40. Pothier R.J. 1818. Pandectae Justinianae in novum ordinem digestae. Paris: Apud Lefevre Bibliopolam. Vol. 3, 695 p.

41. Stein P. 1999. Roman Law in European History. Cambridge: Cambridge University Press. 148 p.

42. Zimmermann R., Whittaker S. 2000. Good Faith in European Contract Law. Cambridge. Cambridge University Press, 756 p.

References

1. Agarkov M.M. 1940. Obyazatel'stvo po sovetskomu grazhdanskomu pravu [Obligations in Russian civil law]. Moscow: Yuridicheskoe izdatel'stvo NKYu SSSR, 192 p.

2. Belov V.A. 1998. Dobrosovestnost', razumnost', spravedlivost' kak printsipy grazhdanskogo prava [Good faith, Reasonableness, Fairness as the civil law principals]. Zakonodatel'stvo, 8: 49–52.

3. Belov, V.A. 2015. Kodeks evropeyskogo dogovornogo prava – European Contract Code: obshchiy i sravnitel'no-pravovoy kommentariy. In 2 vol. [European Contract Code: general and comparative legal commentary] Moscow: Yurayt, 312 p.

4. Belykh V.S. 2017. Dogovornoe pravo Anglii: sravnitel'no-pravovoe issledovanie [Contract law of England comparative legal research]. Moscow, Prospekt, 208 p.

5. Brisov Y.V. 2017. Realizatsiya printsipa dobrosovestnosti v grazhdanskom prave [Development of the princioal of Good faith in civil law]. Moscow, Direkt-Media, 182 p.

6. Brisov Y.V. 2016. Realizatsiya printsipa dobrosovestnosti v stranakh obychnogo prava [Development of the principal of Good faith in Common law countries]. Moscow, Obrazovanie i pravo (7): 180–183.

7. Budylin, S.L. 2017. Zavereniya i garantii. Komparativnoe issledovanie [Warranties and Representations. Comparative legal research]. Moscow, Infotropik Media, 160 p.

8. Vitryanskiy V.V. 2016. Reforma rossiyskogo grazhdanskogo zakonodatel'stva: promezhutochnye itogi [Russian civil law legislative reform. Preliminary results]. Moscow, Statut, 431 c.

9. Goleva E.V. 2015. Dogovor strakhovaniya otvetstvennosti direktorov i menedzherov khozyaystvennykh obshchestv v prave Anglii i Rossii: sravnitel'nyy analiz [Directors' and managers' liability insurance contract in English and Russian law: comparative analysis]. Moscow, Prospekt, 297 p.

10. Gribanov V.P. 2001. Osushchestvlenie i zashchita grazhdanskikh prav [Apprehension and protection of civil rights]. Moscow, Statut, 411 p.

11. Dozhdev D.V. 2018. Rimskoe chastnoe parvo [Roman private law]. Moscow, Norma, 784 p.

12. Ivanov A.A. 2017. Problemy publichnogo prava Rossii: vzglyad so storony [Problems of the Russian public law: the observation from the outside]. Herald of the Economic Justice of the Russian Federation. 2: 46–59.

13. Kofanov L.L. 2003. Digesty Yustiniana [The Digest of Justinian. Translation from Latin]. Vol. III. Moscow, Statut, 780 c.

14. Kulakov V.V. 2015. Prekrashchenie obyazatel'stv po grazhdanskomu zakonodatel'stvu Rossii [Termination of obligations in the Russian civil law]. Moscow, RGUP, 144 p.

15. Kulakov V.V. 2016. Obyazatel'stvennoe pravo. [The law of obligations]. Moscow: RGUP, 144 p.

16. Nam K.V. 2019. Princip dobrosovestnosi: rzvitie, Sistema, problemy teorii i praktiki [The principal of good faith: development, system, practical and theoretical issues]. Moscow, Statut, 278 p.

17. Mazur O.V. 2016. Nemotivirovannyy otkaz ot dogovora v kontekste trebovaniya o dobrosovestnosti [Anticipatory repudiation in context of the requirement of Good faith]. Herald of the Russian Commercial Court of Moscow region, 3: 35–44.

18. Meyer D.I. 2000. Russkoe grazhdanskoe parvo [Russian civil law]. Moscow, Statut, 831 p.

19. Pokrovskii I.A. 2001. Osnovnye problemy grazhdanskogo prava [The essential issues of Civil law]. Moscow, Statut, 354 p.

20. Ryasina A.S. 2014. Ponyatie i sushchnost' otsenochnykh kategoriy v rossiyskom prave. [The terms and context of virtuous categories in the Russian law]. Sovremennoie obschestvo I vlast', 2: 40–45.

21. Sukhanov E.A. 2017. Veshchnoe pravo: nauchno-poznavatel'nyy ocherk [Property law: scientific and educational report]. Moscow, Statut, 560 p.

22. Tsvaygert K., Ketts K. 2000. Vvedenie v sravnitel'noe pravovedenie v sfere chastnogo prava [Introduction to comparative law in private law]. V. II. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya [International relations], 480 p.

23. Shapp Y. 1996. Osnovy grazhdanskogo prava Germanii [The essential issues of German civil law]. Moscow, BEK, 283 p.

24. Shershenevich G.F. 1995. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava [Russian civil law study book]. Moscow, SPARK, 556 p.

25. Shitkina I.S. 2015. Imushchestvennaya otvetstvennost' v korporativnykh pravootnosheniyakh. [Civil liability in corporate relations]. Moscow: Business law. Pravo I Biznes, 2: 2–26.

26. Yumashev N.S., Yumashev A.N., Solopov N.S. 2015. O printsipe dobrosovestnosti, obkhode zakona i zaprete zloupotrebleniya pravom v normakh grazhdanskogo i ugolovno-protsessual'nogo zakonodatel'stva [The principal of Good faith, misappropriation of law, and abuse of rights in the Codes of civil and criminal procedures]. Rossiyskiy sledovatel', 15: 34–40.

27. Yankovskiy R.M. 2017. Organizatsionno-pravovye formy venchurnogo investirovaniya [chast' 3]: problema organizatsionno-pravovoy formy proektnoy kompanii [Legal Forms of Venture Investment (part 3): Startups]. Pravo i ekonomika, (9): 22–29.

28. Baker J. 2005. An Introduction to English Legal History. Oxford, Oxford University press, 704 p.

29. Barbour W.T. 1914. The History of Contract in Early English Equity. Oxford, At The Clarendon Press, 237 p.

30. Beale H. 2002. Cases, materials and Text on contract law. Oxford, Hart Publishing. 509 p.

31. Bradley L.D. 2008. Contra Applicantem or Contra Proferentem Applicatio: The need for Clarification of the Doctrine of Contra Proferentem in the Context of Insured-Created Ambiguities in Insurance Application. Brigham Young University Law Review, 1: 211–225.

32. Brisov Y.V. 2018. How the courts exorcize demons from the legal body or a new standard for a bona fide purchaser in Russia. Scientific achievements of the third millennium Collection of scientific papers on materials VIII International Scientific Conference, Los Angeles, 8: 48–53.

33. Cheng B. 1987. General Principles of Law as Applied by International Courts and Tribunals. Cambridge: Cambridge University Press. Available at: https://www.trans-lex.org/101100/_/cheng-bin-general-principles-of-law-as-applied-by-international-courts-and-tribunals-reprinted-cambridge-1987/ (accessed 28 January 2019).

34. Domat J. 1776. Les lois civiles dans leur ordre naturel. Paris: Chez LE CLERC. Available at: https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k3103451/f10.image (accessed 28 January 2019).

35. Farnsworth A.E. 1963. Good Faith Performance and Commercial Reasonableness Under the Uniform Commercial Code. University of Chicago Law Review, 30: 666–679.

36. Gordley J. 1991. The Philosophical Origins of Modern Contract Doctrine. New York: Oxford University Press, 272 p.

37. Hamilton W.H. 1931. The Ancient Maxim Caveat Emptor. Yale Law Journal, 8: 1133–1187.

38. Meyer R. 1994. Bona fides und lex mercatoria in der europaischen Rechtstradition. Göttingen: Wallstein, 168 p.

39. O'Connor J.F. 1990. Good Faith in English Law. Dartmouth.London: Dartmouth Pub Co, 148 p.

40. Pothier R.J. 1818. Pandectae Justinianae in novum ordinem digestae. Paris: Apud Lefevre Bibliopolam. Vol. 3, 695 p.

41. Stein P. 1999. Roman Law in European History. Cambridge: Cambridge University Press. 148 p.

42. Zimmermann R., Whittaker S. 2000. Good Faith in European Contract Law. Cambridge. Cambridge University Press, 756 p.

Ссылка для цитирования статьи
For citation

Брисов Ю.В. 2020. Добросовестность в гражданском праве. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 45 (1): 88–97. DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-1-88-97

Brisov Y.V. 2020. Doctrine of good faith in civil law. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 45 (1): 88–97. (in Russian). DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-1-88-97

УДК 342.8
DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-1-98-102

ОТКРЫТЫЕ ПАРТИЙНЫЕ СПИСКИ: НАРОДОВЛАСТНЫЕ РЕСУРСЫ И СОПРЯЖЕННЫЕ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ РИСКИ

OPEN PARTY LISTS: PEOPLE-POWER RESOURCES AND ASSOCIATED ELECTORAL RISKS

М.В. Мархгейм, А.И. Черенкова

M.V. Markhgeym, A.I. CHerenkova

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod National Research University,
85 Pobedy St, Belgorod, 308015

E-mail: markheim@bsu.edu.ru, pozharova@bsu.edu.ru

Аннотация
Авторы, ведомые идеей необходимости формирования в России такого электорального пространства, где реально учитываются голоса избирателей и с их помощью складываются авторитетные и профессиональные представительные органы, разбирают достоинства и недостатки наличествующей в зарубежных государствах практики открытых партийных списков, применяемых в пропорциональных системах, оценивают целесообразность ее введения в нашей стране. Такой подход создает для избирателя возможность заявить свой голос и за партию, участвующую в выборах, и за конкретных ее представляющих лиц; формирует условия для артикуляции партийных и персональных предпочтений, расширяя тем самым политические права российских граждан; способствует повышению конкуренции кандидатов, формированию их электорального рейтинга.

Abstract
The article is influenced by the demand for the formation in Russian Federation of a democratic electoral space, where it really counted the votes and with their help, develop a credible and professional representative bodies are considered the advantages and disadvantages existing in foreign countries practice open party lists used in the proportional systems, to assess the feasibility of its introduction in our country. Using the system of open party lists will allow for more subtle consideration of the interests of voters who support even a few parties. It minimizes the risk of getting into Parliament in a way other than voter support. The use of open lists for voting contributes to the formation of the rating of both the party and its members who are applying for a seat in Parliament. Such a system increases the likelihood of reputational, professional, people's power, and guarantee increments in the quality characteristics of the Parliament and the electoral rights of citizens.

Ключевые слова: открытые партийные списки, выборы, избиратель, пропорциональная избирательная система, права граждан

Key words: open party lists, elections, voters, proportional electoral system, citizens ' rights

Введение

В настоящее время Россия последовательно придерживается курса на дальнейшую демократизацию избирательного законодательства, способствующего гарантированию

реализации гражданами всего спектра избирательных и в целом политических прав. В этой связи исследуются, помимо прочего, ценностные основания всеобщего избирательного права [Арановский, 2010], народовластные аспекты отзыва депутатов [Мархгейм, Никонова, Минасян, 2019], проблемы кодификации избирательного законодательства [Босова, 2019], вопросы цифровизации избирательного процесса [Худолей, 2019] и эволюции избирательных систем [Авакьян, 2015] в России. Каждая из версий – вклад в демократизацию российских выборов и реализацию избирательных прав. Однако приведенной совокупностью не исчерпывается весь спектр возможностей продуктивного использования голоса избирателя.

Представляется перспективным в данном смысле переход от существующего в нашей стране закрытого формата голосования по партийным спискам к открытому. Такой проект модернизации избирательной системы дискутируется, получая диаметральные оценки: от полного одобрения до абсолютной уверенности в проблематичности такого нововведения [Тхабисимова, 2019]. Рассмотрим народовластные ресурсы и риски реализации избирательных прав граждан при введении технологии открытых партийных списков, которая сопряжена с разновидностью пропорциональной избирательной системы.

Открытые партийные списки: народовластные преимущества и тонкости технологии

Суть открытых или свободных партийных списков состоит в том, что избирателю предоставляется право отдавать свой голос не только за партию, участвующую в выборах, но и за конкретных лиц, ее представляющих.

Поскольку в России явочный ценз для признания выборов состоявшимися перестал иметь значение, избиратель перешел из разряда «электорально-арифметической» в содержательную единицу. Именно открытые списки позволят избирателю при голосовании артикулировать свои и партийные, и персональные предпочтения. В этом состоит первое преимущество исследуемого нами электорального феномена – расширение политических прав граждан при проведении выборов. Есть основания полагать, что введение технологии открытых списков позволит преодолеть наличествующий эффект недоверия, возникающий в связи с тем, что избиратели не могут влиять на персональный состав избираемых представителей партии. Одновременно сама партия будет заинтересована во включении наиболее достойных по делам их представителей для привлечения голосов избирателей. Однако здесь необходимо подчеркнуть, что если «в списке кандидатов первыми стоят видные руководители, спортсмены или артисты, которых, кстати, мало соблазняет выборный мандат, то выборы выглядят неубедительно, раз для хорошей явки и для избрания нужна внешняя сила "паровоза", авторитетной персоны» [Арановский, 2010, с. 70].

Возможность отдать голос за лучшего, по мнению избирателя, представителя партии, включенного в избирательный бюллетень, способна позитивно повлиять на формирование наиболее авторитетного состава парламента или его избираемой палаты. Это, в свою очередь, внесет вклад в повышение и степени доверия к данному органу, и ёмкости отражения представительной природы законодательного органа.

Помимо этого, ведение открытых партийный списков станет фактором конкурирования кандидатов. Абсолютно разные электоральные группы населения получат возможность поддержать своих представителей, способствуя тем самым обеспечению реализации демократических принципов избрания законодательного органа. Отметим, что кандидат, будучи «привязанным» не только к партии, но и к округу, на котором он избирается [Веденеев, 2006], не сможет игнорировать чаяния граждан, его избравших, поскольку его деятельность в регионе пропорционально отобразится на результатах следующих выборов. Одновременно сформируется так называемый рейтинг кандидатов,

включенных в партийный список, но пока не ставших депутатами. При таком подходе в случае досрочного выбытия депутата партии будет сложнее осуществить замещение вакантного мандата вне очереди.

Есть основания расценивать открытые партийные списки в качестве эффективного механизма борьбы с коррупционными проявлениями при отборе лиц, включаемых в партийный список, для «особого» представления интересов партии в парламенте. Тем самым появляется возможность избавить представительный орган власти от лиц, не только не поддержанных избирателями, но и не вызывающих у них доверия.

Обоснованию электоральных (и не только) нововведений верно служит сравнительно-правовой метод. В частности, выяснение того, как «у них» обстоят дела с использованием открытых партийных списков, и как «у нас» это может быть полезно применено, предполагает обращение к опыту зарубежных стран. Например, в Бельгии «избиратель имеет возможность ставить крестик напротив фамилий кандидатов, которых он хотел бы видеть в стенах парламента. В Италии имена таких кандидатов требуется вписать в бюллетень» [Таагепера, Шугарт, 1997, с. 15]. Отданный за конкретное лицо голос автоматически засчитывается и за партию, при этом учитывается и приоритет указанного лица. Таким образом, избиратель высказывает своё мнение по поводу несогласия с вхождением в партию иных представленных субъектов. Следовательно, мандат может получить и тот кандидат, которому партия отвела в своём списке последнее место, но избиратели придерживаются противоположной точки зрения.

В Финляндии законодательно введена иная система голосования по открытым спискам [Чернышов, 2012]. В бюллетень избираемые лица внесены в алфавитном порядке и с указанием партии, членами которой они являются. Подсчет голосов идёт аналогично подсчету в ранее упомянутых государствах. Однако присутствуют и нюансы. Так, внутри партии избиратель может отдать голос лишь за одного кандидата. Затем от партии входит в орган власти определенное количество лиц соразмерно полученным в ходе выборов голосам. Субъектами, представляющими партию, становятся исходя из пропорционального распределения проголосовавших за них граждан.

Достаточно интересная схема реализации голосования по открытым спискам законодательно учреждена в Швейцарии [Таагепера, Шугарт, 1997]. Общие правила идентичны предыдущим примерам, но избиратель имеет право голосовать за такое количество кандидатов, какое количество мандатов замещается в конкретном многомандатном округе. При чем не обязательно распределять их в полном объеме: за предпочтительного кандидата можно отдать как один, так и все свои голоса. Помимо этого, в Швейцарии реализуется система «панаширования», выражающаяся в праве избирателя голосовать за представителей разных партийных списков. Такая форма избирательного доверия, с одной стороны, оттеняет демократизм избирательного процесса, с другой – может обернуться манипуляциями.

В Австралии и Ирландии избиратель наделен правом указать не только предпочтительного кандидата, внесенного в партийный список, но и тех, кому бы он желал транслировать свой голос, если первый потерпит неудачу на выборах. Такой подход способствует формированию у избирателя устойчивого ощущения, что его голос исключительно значим, и формированию рейтинга кандидатов из партийного списка.

Наряду с приведенными аргументами в поддержку системы открытых или свободных партийных списков наличествуют и риски. Так, при открытых партийных списках парламент может наполниться множеством мелких партий, что осложнит формирование коалиций. Такой исход будет мешать проведению реформ, если избранные партии будут еще и представлять противоположные идеологические программы развития государства. В числе существенных рисков – проблема информирования электората о сущности пропорциональ-

ного распределения мандатов согласно открытым партийным спискам. Нельзя также не учитывать усложненный порядок подсчета голосов при подведении итогов выборов, что требует высокой профессиональной подготовки членов избирательных комиссий.

Заключение

Подытоживая, отметим, что вероятные «минусы» голосования по системе открытых партийных списков перекрываются реальными народовластными «плюсами». Несмотря на то, что прозрачность, открытость, честность проведения выборов может быть обеспечена и в иных случаях, причастность избирателей к формированию персонального состава парламента от партий возможна только при использовании системы открытых партийных списков. Не факт, что это будет наилучший депутатский состав, но он будет сформирован по воле избирателей, что станет в России воплощением конституционной нормы, согласно которой свободные выборы – разновидность высшего непосредственного выражения власти народа (ч. 3 ст. 3).

Применение системы открытых партийных списков позволит более тонко учитывать интересы избирателей, поддерживающих и немногочисленные партии.

Посредством данной системы минимизируется возможность попадания в парламент иным, путем – без поддержки избирателей, поскольку лица, включенные от партии в избирательный бюллетень, известны изначально.

Использование при голосовании открытых партийных списков способствует формированию рейтинга не только партии, но и ее членов, претендующих на место в парламенте. В данном случае вероятны и репутационные, и профессиональные приращения качественных характеристик парламента.

Изложенное дает основания утверждать, что открытые партийные списки – ступень к совершенствованию избирательного законодательства Российской Федерации, приращению его народовластного ресурса и реализации избирательных прав граждан.

Список литературы

1. Авакьян С.А. 2015. Выборы в России: эволюция избирательных систем, современные проблемы. Вестник Московского университета. Серия 11: Право. № 5. С. 23–39.

2. Арановский К.В. 2010. Всеобщее избирательное право в его ценностных основаниях и издержках. Российский юридический журнал. № 4 (73). С. 67–75.

3. Босова Е.Н. 2019. Избирательный Кодекс Российской Федерации: резервы и риски систематизации. Избирательное законодательство и практика. № 2. С. 8–14.

4. Веденеев Ю.А. 2006. Развитие избирательной системы Российской Федерации: проблемы правовой институционализации. Журнал российского права. № 6. С. 47–57.

5. Мархгейм М.В., Никонова Л.И., Минасян А.А. 2019. Отзовемся об отзыве: дискуссия об институте отзыва депутата федерального и регионального парламентов. Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. № 6 (109). С. 65–69.

6. Таагепера Р., Шугарт М.С. 1997. Описание избирательных систем. Полис. № 3. С. 114–136.

7. Тхабисимова Л.А. 2019. Совершенствование избирательного законодательства Российской Федерации и ее субъектов. Избирательное законодательство и практика. № 1. С. 21–23.

8. Худолей Д.М. 2019. Электронное голосование – необходимость для цифровизации избирательного процесса Российской Федерации. Пермский юридический альманах. № 2. С. 163–170.

9. Чернышов С.И. 2012. Партийная система Финляндии. Вопросы политологии. № 2 (6). С. 115–127.

References

1. Avak'yan S.A. 2015. Vybory v Rossii: evolyuciya izbiratel'nyh sistem, sovremennye problemy [Elections in Russia: evolution of electoral systems, modern problems]. Vestnik Moskovskogo universiteta [Bulletin of the Moscow University]. Seriya 11: Pravo. № 5. Pp. 23–39.

2. Aranovskij K.V. 2010. Vseobshchee izbiratel'noe pravo v ego cennostnyh osnovaniyah i izderzhkah [Universal suffrage in its value basis and the costs]. Rossijskij yuridicheskij zhurnal [The Russian legal magazine]. № 4 (73). Pp. 67–75.

3. Bosova E.N. 2019. Izbiratel'nyj Kodeks Rossijskoj Federacii: rezervy i riski sistematizacii [Electoral Code of the Russian Federation: reserves and risks of systematization]. Izbiratel'noe zakonodatel'stvo i praktika [Electoral legislation and practice]. № 2. Pp. 8–14.

4. Vedeneev YU.A. 2006. Razvitie izbiratel'noj sistemy Rossijskoj Federacii: problemy pravovoj institucionalizacii [Development of the electoral system of the Russian Federation: problems of legal institutionalization]. ZHurnal rossijskogo prava. [Journal of Russian law]. № 6. Pp. 47–54.

5. Markhgeym M.V., Nikonova L.I., Minasyan A.A. 2019. Otzovemsya ob otz ve: diskussiya ob institute otzyva deputata federal'nogo i regional'nogo parlamentov [Let's Respond to the recall: discussion about the Institute of recall of a Deputy of the Federal and regional parliaments]. Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie [Science and education: economy and economy; entrepreneurship; law and management]. № 6 (109). Pp. 65–69.

6. Taagepera R., SHugart M.S. 1997. Opisanie izbiratel'nyh sistem [Description of electoral systems]. Polis [Polis]. № 3. Pp. 114–136.

7. Thabisimova L.A. 2019. Sovershenstvovanie izbiratel'nogo zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii i ee sub"ektov [Improvement of the electoral legislation of the Russian Federation and its subjects]. Izbiratel'noe zakonodatel'stvo i praktika [Electoral legislation and practice]. № 1. Pp. 21–23.

8. Hudolej D.M. 2019. Elektronnoe golosovanie – neobhodimost' dlya cifrovizacii izbiratel'nogo processa Rossijskoj Federacii [Electronic voting – the need for digitalization of the electoral process of the Russian Federation]. Permskij yuridicheskij al'manah [Perm legal almanac]. № 2. Pp. 163–170.

9. CHernyshov, S.I. 2012. Partijnaya sistema Finlyandii [Party system of Finland]. Voprosy politologii [Questions of political science]. № 2 (6). Pp. 115–127.

Ссылка для цитирования статьи
For citation

Мархгейм М.В., Черенкова А.И. 2020. Открытые партийные списки: народовластные ресурсы и сопряженные электоральные риски. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 45 (1): 98–102. DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-1-98-102

Markhgeym M.V., CHerenkova A.I. 2020. Open party lists: people-power resources and associated electoral risks. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 45 (1): 98–102. (in Russian). DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-1-98-102

УДК 94(47).04
DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-1-103-112

ДОЛГИЙ ПУТЬ К «ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ»: РАННЕМОДЕРНОЕ РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО И ЕГО ОСОБЕННОСТИ

LONG WAY TO "CENTRALIZATION": EARLY MODERN RUSSIAN STATE AND ITS FEATURES

В.В. Пенской, Л.А. Пожарова, В.Ю. Туранин
V.V. Penskoy, L.A. Pozharova, V.Yu. Turanin

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: penskoy@bsu.edu.ru, pozharova@bsu.edu.ru, turanin@bsu.edu.ru

Аннотация
Проблемы, связанные с особенностями протекания процесса «централизации» и формирования властных институтов и структур в России раннего Нового времени (2-я половина XV – начало XVII вв.), являются предметом оживленных дискуссий между историками. Во 2-й половине минувшего столетия окончательно сформировалась историографическая традиция, исходившая из того, что раннемодерное Российское государство являлось «централизованным», унифицированным в административном и правовом отношениях, с сильной властью монарха. Однако в последнее время эта концепция подвергается критике и постепенно размывается. Авторы, опираясь на последние наработки в российской и зарубежной историографии, предлагают взглянуть на сущность раннемодерного Российского государства «изнутри». По мнению авторов, Российское государство этого времени отличалось от своих предшественников большей внутренней консолидацией, однако все же не может быть названо действительно «централизованным». Развиваясь эволюционным путем, опираясь на «старину», оно сохраняло множество пережитков прошлого в политической, правовой, административной и иных сферах. Эти пережитки налагали определенные серьезные ограничения на верховную власть и препятствовали быстрому совершенствованию и наращиванию властной инфраструктуры. Слабое институционально, раннемодерное Российское государство было вынуждено опираться на поддержку общества, «земли», согласовывать свои действия и желания с его интересами. В результате к исходу раннего Нового времени процессы «централизации» в России еще были далеки от завершения.

Abstract
The features of the processes of “centralization” and the formation of power institutions and structures in Russia of the early New Age (2nd half of the 15th - beginning of the 17th centuries) have long been the subject of lively discussions between historians. In the 2nd half of the last century, a stable historiographic tradition was finally formed. It proceeds from the fact that the early-modern Russian state was "centralized", unified in administrative and legal relations, with the strong power of the monarch. Recently, however, this concept has been criticized and gradually eroded. In the article, the authors, relying on the latest developments in Russian and foreign historiography, propose to look at the essence of the early-modern Russian state from the inside. According to the authors, the Russian state of this time was distinguished from its predecessors by greater internal consolidation. However, it cannot be called truly "centralized." It developed in an evolutionary way, based on tradition and custom. As a result, the Russian state retained many remnants of the past in the political, legal, administrative and other fields. These remnants imposed certain serious restrictions on the supreme power and prevented the rapid improvement and expansion of the power infrastructure. Weak institutionally, early modern Russian state

was forced to rely on the support of society and coordinate its actions and desires with its interests. According to the authors, by the end of the early New Age, the processes of “centralization” in Russia were still far from complete.

Ключевые слова: раннее Новое время, политический режим, «композитное» государство, централизация, самодержавие, бюрократия, Русское государство, Иван Грозный.
Keywords: Early Modern, political regime, “composite” state, centralization, autocracy, bureaucracy, Russian state, Ivan the Terrible.

Введение

С середины минувшего столетия в отечественной исторической науке устоялось (и продолжает господствовать) мнение о Российском государстве раннего Нового времени как о «централизованном». Этому вопросу посвящена обширнейшая историография, и даже простое перечисление работ, в которых так или иначе она затрагивается, занял бы не один десяток страниц. Ограниченный объем этой статьи не позволяет нам остановиться подробнее на анализе данной проблемы, дадим лишь отсылку к классическим исследованиям на эту тему – например, к «Образованию Русского централизованного государства в XIV – XV веках» Л.В. Черепнина [1960], или «России на рубеже XV–XVI столетий» А.А. Зимина [1982], или сборникам статей [Россия…, 1982]. Для того, чтобы кратко сформулировать сущность этого «централизованного» государства в рамках традиционной концепции, обратимся к определению российского историка А.И. Филюшкина, пожалуй, лучшему из всех. По его мнению, под «централизованным государством» «понималось прежде всего государство, **унифицированное в административном и институциональном плане** (выделено нами – *авт.*)» [Филюшкин, 2009, с. 5].

Исходя из этого определения, можно с уверенностью сказать, что «классическое» «централизованное» государство раннего Нового времени является единым, внутренне консолидированным политическим образованием, унифицированным в административном, институциональном, правовом (как минимум, поскольку можно без особого труда вывести и иные уровни централизации) отношении. Тем самым оно выгодно отличается от рыхлых средневековых политий с их характерным признаком – «рассеянным» суверенитетом. Отражая господствующее мнение, школьные и университетские учебники приписывают честь создания этого государства могущественному Ивану III, а завершение этого процесса относят ко временам его внука Ивана IV, вошедшего в историю под прозвищем Грозный. Последний, если верить немецкому авантюристу Генриху Штадену, «добился того, так как по всей Русской земле, то есть под его державой, единая вера, единый вес, единая мера, что он один и правит (ein glaub, ein gewichte eine masse ist das her auch alleine Regirett), что все, что он велит, должно свершиться, а от всего, что он запретит, следует отказаться» [Штаден, 2008, с. 203, с. 205].

Стоит, однако, отметить, что далеко не все специалисты по истории Русского государства раннего Нового времени полностью разделяют эту точку зрения – есть сомневающиеся в том, что раннемодерное Московское царство было действительно «централизованным» в той степени, в какой его принято описывать согласно устоявшейся традиции. К числу таких «инакомыслящих» можно отнести российского историка С.О. Шмидта. Еще в 1973 г., характеризуя особенности развития Российского государства в московский период его истории, он указывал на то, что «в России XVI–XVII вв. имела место не столько централизация, сколько бюрократизация управления, унификация правовых норм, финансовой системы, военнослужебных отношений» [Шмидт, 1973, с. 310].

Трудно, на первый взгляд, оспорить мнение известного специалиста по раннемодерной русской истории. В самом деле, с принятием двух судебников 1497 и 1550 гг. судебные процедуры на всей территории Русского государства действительно постепенно унифицировались; финансовая реформа «правительства» Елены Глинской, «регентши»

при малолетнем Иване IV, привела в соответствие новгородскую и московскую денежные системы; в рамках программы «реформ» конца 40-х – 50-х гг. XVI в. (мы не случайно взяли в кавычки термин «реформы», поскольку есть и иные мнения на этот счет [Krom, 2009]), осуществленных пресловутой «Избранной радой», была сделана попытка «стандартизировать», привести к единому образцу порядок несения государевой службы детьми боярскими – вотчинниками и помещиками; к более или менее единому «стандарту» были приведены усилиями митрополита Макария и его единомышленников (при активном участи и поддержке верховной власти) порядки внутри русской церкви. И, естественно, никак нельзя пройти мимо формирования приказной системы, пришедшейся на время правления Ивана Грозного.

Однако стоит ли так прямолинейно, как это делает С.О. Шмидт, противопоставлять или же «выпячивать» на первый план «бюрократизацию» взамен «централизации»? Или все же стоит вести речь о внутренней «институционализации» Русского государства, составными частями которой были и «централизация», и «бюрократизация», и «унификация»? Попробуем разобраться в этом.

Основная часть

На протяжении долгого времени, анализируя процессы политогенеза, историки обращали внимание в первую очередь на внешние проявления этого процесса, на его форму, но не на внутреннее содержание. Однако если заглянуть в «закулисье», сосредоточиться на изучении содержания политической кухни, рассматривать государство и его эволюцию как институциональное образование, то ситуация меняется. Как отмечал российский историк К.В. Петров, анализируя особенности «содержания» Российского государства в раннее Новое время, «государство XVI–XVII вв. слабый социальный институт по сравнению с современным государством». Как результат, продолжал историк свою мысль, «слабой была не власть Ивана III или Василия III над своими боярами, относительно слабым было государство в возможности осуществлять меры принуждения в отношении населения», и по этой причине «государство, будучи не в состоянии своими силами обеспечить соблюдение правопорядка (и не только его одного – *Авт.*) на территории страны, для решения указанной задачи привлекало само общество…» [Петров, 2008, с. 375, с. 376]. На это обстоятельство, кстати, обращал внимание еще в 1991 г. Н.Н. Покровский. Во введении к исследованию Ю.Г. Алексеева об Иване III он писал, что «власть эта (великого князя – *Авт.*) была не так уж и сильна, что местные особенности и различия очень долго давали себя знать в едином государстве… Система власти базировалась не на единственном понятии "государство", а на двух понятиях – "государство" и "общество", на продуманной системе не только прямых, но и обратных связей между ними… Центральная государственная власть того времени не была в состоянии доходить до каждой отдельной личности; исполняя свои функции, она должна была опираться на эти первичные социальные общности (крестьянские и городские "миры", служилые корпорации-города и пр. – *Авт.*). Но это автоматически означало **серьезные права таких организмов, их немалую роль в политической системе всей страны** (выделено нами – *Авт.*) …» [Алексеев, 1991, с. 5–6].

Любопытно сравнить эти слова с наблюдениями, которые сделала, к примеру, К. Барки применительно к Османской империи раннего Нового времени. Она указывала на то, что имперские власти, стремясь сохранить управляемость своими владениями, вынуждены были «разделять контроль со множеством промежуточных структур и с местными элитами, религиозными и местными структурами и многочисленными иными привилегированными институциями» [Barkey, 2008, p. 10]. По сути, здесь сказано тоже, что и в предыдущей цитате, только несколько иными словами. И ведь можно привести и другие примеры – не только Российское государство или Османская империя в раннее Новое время были институционально слабыми государствами (при том, что, подчеркнем, отдельно взятые монархи могли обладать немалой властью).

Развивая этот тезис, отметим, что, на наш взгляд, эти наблюдения могут быть вполне соотнесены и с другими современными России и Турции государствами Европы – хотя бы с той же Францией, страной, как принято считать, рано вступившей на путь политической централизации и ставшей во 2-й половине XVII в. страной классического же абсолютизма. Между тем, как отмечала С. Кэрролл, в раннее Новое время (а по существу до самого конца пресловутого Ancien Régime) «Франция была "составным" государством, государством, которое так и не сумело прочно соединить в одно целое области с характерными для них отличительными чертами и идентичностями» [Carroll, 2006, p. 331], страной, в которой, как показал Н. Хеншелл, «французские короли не управляли национальным государством, и при этом "нация" еще не являлась значимым феноменом. "Нация" в политическом, расовом или лингвистическом смысле была слишком туманным понятием, чтобы стать основой лояльности – ключевого элемента в это время. Люди были лояльны к своей семье, своему сеньору, своему городу, своей области, своему классу, своей религии или своему королю. Намного реже они были лояльны к своей стране... Без связующего начала реально существующего национального чувства административное и юридическое единство отсутствовало…» [Henshall, 1992, p. 8].

В подобного рода государственных образованиях раннего Нового времени, которые Дж. Эллиотт метко назвал «составными монархиями» (composite monarchies) [Elliott, 1992], процессы пресловутой «централизации» были весьма и весьма далеки от завершения, ибо верховная власть, не обладая необходимыми ресурсами (административными, финансовыми и людскими) и влиянием, была вынуждена идти на компромиссы, договариваться с местными элитами, соглашаться на сохранение традиционных «свобод» и привилегий, то есть «старины», в обмен на лояльность новых подданных. Естественно, что это вело к тому, что в рамках «старины» сохранялась масса пережитков прежнего политического, административного, правового устройства, явно несовместимых с самой сущностью понятия «централизация».

Вместе с тем нетрудно заметить, что постепенно, шаг за шагом, **эволюционным путем** верховная власть расширяла сферу своего влияния, наращивала то, что Дж. Брюэр именовал «жилами власти» («sinews of power») [Brewer, 1989], а мы предлагаем использовать несколько иной термин – «мускулатура власти» или, что еще лучше, на наш взгляд, отражает сущность этого явления, «инфраструктура власти».

Что представляла собой эта «инфраструктура» – лучшую ее характеристику, краткую, лаконичную, но вместе с тем достаточно емкую, дала Н. Коллманн. Историк отмечала, что она представляла собой «новые налоги и бюрократические структуры для управления территориями, сбора податей и мобилизации людских и материальных ресурсов», которые подкреплялись и узаконивались «новыми кодификациями права и новыми централизованными юридическими системами», а также соответствующей конфессиональной политикой и созданием тесно связанной с последней и опиравшейся на нее новой политической идеологией [Kollmann, 2012, c. 1].

При этом, осознавая слабость, верховная власть в своих «ползучих» преобразованиях должна была действовать осторожно, не торопясь, сообразуя те или иные шаги с мнением и интересами «политического народа», тех самых «местных элит, религиозных и провинциальных властных структур и многочисленных иных привилегированных институций», без поддержки и лояльности со стороны которых действия «правительства» были обречены на неудачу. Для России это было тем более важно, что, по замечанию Н. Коллманн, «в раннемодерной России у государства было слишком мало чиновников для обширной и малонаселенной территории с тем, чтобы они могли более или менее эффективно управляли ею, не прибегая к помощи и поддержке местных жителей» [Kollmann, 2012, c. 425].

Итак, общий «тренд» в развитии европейских государств раннего Нового времени заключался в развитии бюрократических структур, способных мобилизовать ресурсы, необходимые для реализации активной экспансионистской политики (а XVI век, составивший важнейшую часть интересующего нас периода, по меткому замечанию Р. МакКенни,

был веком экспансии [MacKenney, 2002]); совершенствовании фискальной системы; активной кодификационной деятельности верховной власти, закреплявшей и узаконивавшей тем самым результаты своей деятельности; религиозной «унификации» и создании новой идеологии.

Можно ли выделить эти направления в деятельности русского «правительства» в эпоху правления последних Рюриковичей? Вне всякого сомнения. За немногим более чем столетие – со времени вокняжения Ивана III в 1462 г. до начала 80-х гг. следующего столетия, к моменту завершения правления внука Ивана III Ивана Грозного – Российское государство, сохраняя внешнюю форму, внутри подверглось серьезным переменам. Наиболее значимой из них, на наш взгляд, была бюрократическая «реформа» (если так ее можно назвать – мы исходим из того, что московское общество того времени, будучи «холодным» и чрезвычайно консервативным, противилось резким переменам).

Если кратко, то суть этой важнейшей реформы заключалась прежде всего в формировании приказной системы со всеми присущими ей особенностями, внешними и внутренними. Историография вопроса насчитывает не одну сотню работ, больших и малых, и не один десяток лет всестороннего изучения [Лисейцев, Рогожин, Эскин, 2015]. Для нас же важнее другое – найти ответ на вопрос, была ли приказная «реформа» одномоментным актом, «триумфом воли», или же приказы как органы центральной администрации медленно «прорастали» через толщу «старины»?

Ответ на этот вопрос может быть только один – приказы не возникли из ниоткуда, враз и уже в готовом виде. Нет, они стали результатом долгой эволюции государевой дворцовой администрации, которая складывалась при первых московских князьях в 1-й половине XIV в. (впрочем, этого и следовало ожидать, так как, на наш взгляд, развитие основных государственных институтов и в России, и в других государствах Европы в раннее Новое время шло преимущественно эволюционным путем). В свою завершающую стадию этот процесс вступил при Иване Грозном, когда приказная система приняла в основном завершенный вид, и более она уже не изменялась радикально – вплоть до эпохи Петра I. К концу его правления насчитывалось примерно полтора десятка приказов (без учета приказов митрополичих и дворовых), установился порядок приказного делопроизводства (с одновременным существенным ростом «бумажной» производительности приказов [Кром, 2010]), сфера их компетенции и юрисдикции и пр.

Однако, пожалуй, даже не это представляется важным во всей истории с приказами. М.М. Кром отмечал в последней своей работе, что характерной чертой формирования новой «вертикали» власти стала ее деперсонализация, нарастающая концентрация реальной власти в руках приказных людей [Кром, 2010]. «Делегирование властных полномочий государя его советникам и постепенная бюрократизация управления заметны в Московском государстве уже со второй половины XV столетия», – отмечает он, подчеркивая, что эта «родовая» черта характерна для любого модерного государства – и для Франции, и для Османской империи, и для России [Кром, 2018, с. 18]. В самом деле – бояре приходили и уходили, а вот дьяки и в особенности подьячие в приказах оставались, и от них в первую очередь зависела бесперебойная и эффективная работа приказов. Косвенным симптомом роста влияния дьяков и их политической значимости стало введение их в состав Боярской думы (через учреждение чина думного дьяка). Любопытно заметить в этой связи, что это усиление позиций приказных чинов в правящей элите Российского государства в ущерб интересам старой аристократии было подмечено князем А.М. Курбским и его конфидентом – беглым стрелецким головой, монахом-расстригой Т. Тетериным. Они в резкой форме критиковали Ивана Грозного за то предпочтение, которое он оказывает приказным перед старыми, «дородными» фамилиями.

И нельзя пройти мимо еще одного аспекта приказной службы, на который обратил внимание К.В. Петров. Он отмечал, что «принципы функционирования системы центрального (приказного) управления России XVI–XVII вв. в большей степени сближают ее с современным пониманием принципов государственной службы, нежели развитие госу-

дарственного механизма европейских стран указанного времени» [Петров, 2011, 177]. В этом смысле Россия во многом опережала ту же Францию с ее архаичной практикой продажи должностей.

Активная внешняя политика была невозможна не только без создания соответствующей бюрократической машины и административного аппарата, способного мобилизовать ресурсы страны для успешной внешней экспансии. В этой связи нельзя не отметить, что, несмотря на свою малочисленность, профессионализм и эффективность приказного аппарата оказался достаточным для того, чтобы сделать возможной существенное расширение Российского государства и превращение его во 2-й половине XVI в. в подлинную империю. Финансы играли в решении этой проблемы далеко не последнюю роль. Чтобы не вдаваться глубоко в подробности финансовой политики последних Рюриковичей [Каштанов, 1988], отметим лишь два едва ли не самых важных, на наш взгляд, ее аспекта. Первый – это становление практики регулярных земельных описаний и составления фиксирующих их результаты писцовых книг. Надежно фиксируемое в источниках начало этой практики относится к концу XV в. (хотя можно предположить, что писцовые книги и (или) их аналоги появились существенно раньше), а спустя сто лет их составление стало обыденным делом.

Другой аспект финансовой политики московского «правительства» в эти десятилетия – унификация денежной системы в правление матери Ивана IV Елены Глинской и начавшийся процесс коммутации натуральных повинностей в денежные (который набирает обороты со времен казанских походов Ивана Грозного [Каштанов, 1988]). Впрочем, в силу отмеченного выше эволюционного характера развития государственных институтов, полной унификации и «стандартизации» выплат и повинностей в пользу казны добиться в русский «долгий XVI век» не удалось – этому препятствовало сохранение значительного числа жалованных верховной властью иммунитетных грамот [Каштанов, 1988]. И хотя верховная власть и пыталась неоднократно разрешить эту проблему, все же до конца справиться с нею так и не удалось.

Укреплению власти государя и расширению сферы его компетенции способствовала, естественно, и активная кодификационная политика. Правда, и здесь стоит отметить постепенность, эволюционность перемен. Знаменитый Судебник Ивана III, обнародованный в 1497 г., судя по всему, имел малое хождение и если и потеснил местный правовой обычай, то лишь частично [Петров, 2005]. Однако он заложил традицию, которая получит дальнейшее развитие и в немалой степени будет способствовать развитию процессов «централизации» в Российском государстве раннего Нового времени. Речь идет об унификации судебных процедур на всей территории Российского государства [Клосс Б.М., Назаров В.Д., 2000]. Как отмечала Н. Коллманн, «Судебник 1497 г. был прежде всего руководством для судей, определяя плату за услуги и описывая судебные процедуры», но при этом он «устанавливал высшую меру наказания для наиболее опасных преступлений (кража церковного имущества, измена, поджог, похищения и повторные преступления) и телесные наказания для менее опасных преступлений, равно как и штрафов-компенсаций за нанесение телесных повреждений» [Kollmann, 2012].

Царский Судебник, одобренный в 1550 г., продолжил эту линию, сосредоточившись на дальнейшем регулировании судебных процедур. Однако вместе с тем он расширил и сферу компетенции царского суда. В частности, в этом правовом кодексе более основательно и подробно был расписан порядок наказания превысивших свои полномочия должностных лиц (очевидно, что это нововведение было обусловлено последствиями бурных событий в Москве летом 1547 г. [Пенской, 2019]). И если оба этих судебника касались вопросов светского права, то постановления так называемого Стоглавого собора («Стоглав»), принятого тогда же, – проблем, связанных с унификацией норм канонического права на всей территории Российского государства. Отметим в этой связи, что Стоглавый собор сыграл чрезвычайно важную роль в стандартизации норм и правил, определявших внутреннюю жизнь Русской церкви в «долгий XVI век», и в этом смысле вполне

укладывался в генеральную линию правительственной политики при последних Рюриковичах, нацеленной на достижение той самой пресловутой «централизации» через равно «собирание земель» (завершенное в общем и целом в начале XVI в.) и «собирание власти» (а вот этот процесс затянулся и даже во 2-й половине XVI в. был далек от завершения).

Кстати о «централизации» и «собирании власти». Нам представляется, что второй термин более емко и верно отражает сущность тех политических процессов и той политики, которую проводило «правительство» Ивана III, его сына и внука. В свое время великокняжеская власть явочным порядком (в рамках «семейного права», «corpus fratrum» Рюриковичей) оказалась рассеяна между множеством удельных князей, и великий князь был господином лишь в своем «домене». Теперь же московские государи, апеллируя к «старине», медленно, постепенно, шаг за шагом «собирали» власть в своих руках. «Единодержавие и самодержавие московских государей явилось итогом собирания раздробленной власти над территорией Великороссии и ее населением», – отмечал А.Е. Пресняков [Пресняков, 1918, с. 409]. И это собирание власти осуществлялось в первую очередь в тех самых формах, о которых шла речь выше, – создание административно-бюрократического аппарата, унификация судебных процедур и расширение сферы великокняжеской юрисдикции, совершенствование фискальной системы и пр. Но вместе с тем трудно не заметить, что, говоря обо всем этом, мы так или иначе говорим и о «централизации». Можно ли сказать в таком случае, что «централизация» – составная часть процесса «собирания власти»? В известном смысле, пожалуй, что можно, – с той лишь поправкой, что «централизация» включает в себя также и процесс «собирания земель» под властью московских государей. В некотором роде оба этих термина, «централизация» и «собирание власти», таким образом дополняют и перекрывают, но никак не заменяют друг друга, являясь частью одного и того же процесса формирования раннемодерного Российского государства. «Бюрократизация» же, отмеченная С.О. Шмидтом, на наш взгляд, является не более чем частью процесса «собирания власти», частью важной, однако не единственной.

Подведем общий итог всему вышесказанному. Несомненно, что Российское государство, возникшее в конце XV в. в результате последовательной объединительной политики московских великих князей, со времен Ивана Калиты (1325–1341 гг.) собиравших и земли, и власть в свои руки, отличалось от рыхлых, неконсолидированных, обладавших «рассеянным» среди множества удельных князей суверенитетом средневековых русских княжеств, – того же Великого Владимирского княжества, к примеру. Можно ли назвать это образовавшееся в исторически очень короткий срок государство «централизованным»? В определенном смысле – да. Однако не стоит одновременно преувеличивать степень его внутренней консолидации и «централизованности». Мы исходим из того, что сама по себе «централизация» – процесс многоплановый, многоуровневый, и на каждом его уровне он проходил с разной скоростью. В военной и политической сферах «централизация» была достигнута раньше, чем, скажем, в правовой области, и связано это было, несомненно, с теми процессами «накачивания» властной инфраструктуры, о которых говорилось прежде.

Вместе с тем, несмотря на определенные успехи в «собирании власти» последними Рюриковичами, считать их действительно подлинными автократорами-самодержцами, было бы, на наш взгляд, несколько преждевременно. Да, Иван III, Василий III и Иван IV были сильными монархами, яркими личностями, волевыми, авторитетными, харизматичными, обладавшими значительной властью (что так поражало иностранных наблюдателей – того же имперского дипломата С. Герберштейна). Но обладало ли государство само по себе силой, необходимой для того, чтобы навязать обществу, «земле» свою волю? Пожалуй, что еще нет. И стоит, на наш взгляд, согласиться с мнением К.В. Петрова, подчеркивавшего институциональную слабость раннемодерного Российского государства [Петров, 2008].

Эта слабость, в свою очередь, была следствием незавершенности процессов «собирания власти» и «централизации». Эта же незавершенность обуславливалась эволюционным путем развития русской государственности – «новизна» в нем медленно «прораста-

ла» сквозь «старину», обретая тем самым необходимую для ее восприятия обществом легитимность (а вместе с тем еще и бедностью русского государства и общества). Тем не менее, подвижки, на первый взгляд незаметные, по прошествии нескольких десятков лет были – и значительные. Уже в малолетство Ивана IV, в эпоху «боярского» правления, степень деперсонализации власти была достаточно велика для того, чтобы растущий бюрократический аппарат сумел взять на себя немалую долю повседневной административной рутины и не допустить остановки работы государственной машины в условиях раздрая и хаоса в верхних эшелонах власти. Запас прочности центральных властных структур оказался достаточно велик и для того, чтобы позволить Ивану Грозному осуществить рискованный эксперимент с опричниной и не опрокинуть страну в очередную смуту, подобную той, что имела место в конце 30-х – первой половине 40-х гг. XVI в., в эпоху пресловутого «боярского правления». Подчеркнем – все это стало возможным во многом благодаря той самой «бюрократизации» (впрочем, она не была не только единственным, но даже и доминирующим фактором в этих процессах).

Заключение

Однако, завершая статью, еще раз подчеркнем – не стоит преувеличивать успехи верховной власти в деле «собирания власти» и «централизации» в «долгий XVI век». Начало XVII в, эпоха великой Смуты, едва не положившей конец Российскому государству как политическому субъекту, показала, что само по себе государство оказалось неспособным справиться с системным политическим и структурным кризисом. И здесь на помощь ему пришло земское самоуправление, окончательно конституированное при Иване Грозном и превратившееся пусть и в младшего, ведомого, но все же партнера верховной власти в деле управления государством. Это самоуправление, олицетворявшее собой «старину» (и опиравшееся на традицию), лишь в эпоху Петра Великого превратилось в подчиненного, зависимого, лишенного собственной воли и политической субъектности участника властных отношений. Свою роль, и немалую, в этом сыграла бюрократизация управления Московским государством – те тенденции, которые наметились при последних Рюриковичах, при первых Романовых набрали обороты и в конечном итоге позволили Петру I сделать решительный шаг на пути преобразования монархии земско-самодержавной в монархию бюрократически-самодержавную. Но это, подчеркнем, уже XVIII век, иная эпоха.

Список литературы

1. Алексеев Ю.Г. 1991. Государь всея Руси. Новосибирск, Наука: 239 с.

2. Зимин А.А. 1982. Россия на рубеже XV–XVI столетий (очерки социально-политической истории). М., Мысль: 333 с.

3. Каштанов С.М. 1988. Финансы средневековой Руси. М., Наука: 248 с.

4. Клосс Б.М., Назаров В.Д. 2000. Судебник 1497 г.: рукопись и текст. В кн.: Судебник 1497 г. в контексте истории российского и зарубежного права XI–XIX вв. М., Парад: 53–75.

5. Кром М.М. 2010. Вдовствующее царство: политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М., Новое литературное обозрение: 888 с.

6. Кром М.М. 2018. Рождение государства: Московская Русь XV–XVI веков. М., Новое литературное обозрение: 256 с.

7. Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М. 2015. Приказы Московского государства XVI–XVII вв. М.-СПб., Центр гуманитарных дисциплин: 303 с.

8. Пенской В.В. 2019. Московский пожар 1547 г. и его политические последствия: опыт реинтерпретации. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология, 46 (3): 479–489. DOI 10.18413/2075-4458-2019-46-3-479-489

9. Петров К.В. 2005. Значение «закона» в средневековом праве. Cahiers du monde russe, 46 (1/2): 167–174.

10. Петров К.В. 2008. Имел ли Судебник 1497 г. значение закона в его современном понимании? (По поводу статьи С.Н. Кистерева «Великокняжеский Судебник 1497 г. и судебная

практика первой половины XVI в.»). В кн.: Очерки феодальной России. Вып. 12. СПб., Альянс-Архео: 365–382.

11. Петров К.В. 2011. Принципы функционирования системы центрального управления в России конца XV–XVII вв. в европейском контексте. Ленинградский юридический журнал, 3 (25): 176–178.

12. Пресняков А.Е. 1918. Образование Великорусского государства. Очерки по истории XIII–XV столетий. Петроград, Типография Я. Башмаков и К°: 458 с.

13. Россия на путях централизации. 1982. М., Наука: 296 с.

14. Филюшкин А.И. 2009. Московская неонатальная империя: к вопросу о категориях политической практики. Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. Вып. 2: 5–20.

15. Черепнин Л.В. 1960. Образование русского централизованного государства в XIV–XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории. М., Изд-во социально-экономической литературы: 899 с.

16. Шмидт С.О. 1973. Становление российского самодержавства. Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., Мысль: 359 с.

17. Штаден Г. 2008. Записки о Московии. Т. 1. Публикация. М, Древлехранилище: 582 с.

18. Krom M. 2009. Les Réformes Russes du XVIe Siècle: Un Mythe Historiographique? Annales. Histoire, Sciences Sociales, 3: 561–578.

19. Barkey K. 2008. Empire of Difference. The Ottomans in Comparative Perspective. Cambridge, Cambridge University Press: 342 p.

20. Brewer J. 1989. The sinews of power. War, money and the English state, 1688–1783. London, Unwin Hyman: 253 p.

21. Carroll S. 2006. Blood and Violence in Early Modern France. Oxford, Oxford University Press: 369 p.

22. Elliott J. H. 1992. A Europe of Composite Monarchies. In: Past & Present. Number 137. The Cultural and Political Construction of Europe: 48–71.

23. Henshall N. 1992. The Myth of Absolutism: Change & Continuity in Early Modern European Monarchy. London & New York, Longman: 245 p.

24. Kollmann N.S. 2012. Crime and Punishment in Early Modern Russia. Cambridge, Cambridge University Press: 504 p.

25. MacKenney R. 2002. Sixteenth Century Europe. Expansion and Conflict. London, Palgrave Macmillane: 425 p.

References

1. Alekseev Yu.G. 1991. Gosudar` vseya Rusi [Sovereign of All Russia]. Novosibirsk, Publ. Nauka: 239 p.

2. Zimin A.A. 1982. Rossiya na rubezhe XV–XVI stoletij (ocherki social`nopoliticheskoj istorii) [Russia at the turn of the XV–XVI centuries (essays on socio-political history)]. M., Publ. My`sl`: 333 p.

3. Kashtanov S.M. 1988. Finansy` srednevekovoj Rusi [Finances of medieval Russia]. M., Publ. Nauka: 248 p.

4. Kloss B.M., Nazarov V.D. 2000. Sudebnik 1497 g.: rukopis` i tekst [Judicial Code of 1497: manuscript and text]. In: Sudebnik 1497 g. v kontekste istorii rossijskogo i zarubezhnogo prava XI–XIX vv. [Judicial Code of 1497 in the context of the history of Russian and foreign law of the XI-XIX centuries]. M.: Publ. Parad: 53–75.

5. Krom M.M. 2010. Vdovstvuyushhee czarstvo: politicheskij krizis v Rossii 30–40-x godov XVI veka [The Dowager Kingdom: The Political Crisis in Russia of the 30–40 of the 16th Century]. M., Publ. Novoe literaturnoe obozrenie: 888 p.

6. Krom M.M. 2018. Rozhdenie gosudarstva: Moskovskaya Rus` XV–XVI vekov [Birth of the state: Moscow Russia XV–XVI centuries]. M., Publ. Novoe literaturnoe obozrenie: 256 p.

7. Lisejcev D.V., Rogozhin N.M., E`skin Yu.M. 2015. Prikazy` Moskovskogo gosudarstva XVI–XVII vv. [Orders of the Moscow state of the XVI–XVII centuries]. M.-SPb., Publ. Centr gumanitarny`x discipline: 303 p.

8. Penskoj V.V. 2019. The moscow fire of 1547 and its political consequences: the experience of reinterpretation Belgorod State University Scientific Bulletin. History. Political science. 46 (3): 479–489 (in Russian) DOI 10.18413/2075-4458-2019-46-3-479-489.

9. Petrov K.V. 2005. Znachenie «zakona» v srednevekovom prave [The Meaning of the “Law” in Medieval Law]. Cahiers du monde russe, 46 (1/2): 167–174.

10. Petrov K.V. 2008. Imel li Sudebnik 1497 g. znachenie zakona v ego sovremennom ponimanii? (Po povodu stat`i S.N. Kistereva «Velikoknyazheskij Sudebnik 1497 g. i sudebnaya praktika pervoj poloviny` XVI v.») [Did Sudebnik, in 1497, have the meaning of law in its modern sense? (Concerning the article by S. N. Kisterev “The Grand Duke's Judicial Code of 1497 and Judicial Practice of the First Half of the 16th Century”)]. In: Ocherki feodal`noj Rossii [Essays on feudal Russia]. Release 12. SPb., Publ. Al`yans-Arxeo: 365–382.

11. Petrov K.V. 2011. Principy` funkcionirovaniya sistemy` central`nogo upravleniya v Rossii koncza XV–XVII vv. v evropejskom kontekste [The principles of the functioning of the central management system in Russia at the end of the XV–XVII centuries. in the European context]. Leningradskij yuridicheskij zhurnal, 3 (25): 176–178.

12. Presnyakov A.E. 1918. Obrazovanie Velikorusskogo gosudarstva. Ocherki po istorii XIII–XV stoletij [The formation of the Great Russian state. Essays on the history of the XIII–XV centuries]. Petrograd, Publ. Tipografiya Ya. Bashmakov i Ko: 458 p.

13. Rossiya na putyax centralizacii [Russia on the paths of centralization]. 1982. M., Publ. Nauka: 296 p.

14. Filyushkin A.I. 2009. Moskovskaya neonatal`naya imperiya: k voprosu o kategoriyax politicheskoj praktiki [Moscow neonatal empire: on the issue of the categories of political practice]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 2. Istoriya. Release 2: 5–20.

15. Cherepnin L.V. 1960. Obrazovanie russkogo centralizovannogo gosudarstva v XIV–XV vekax. Ocherki social`no-e`konomicheskoj i politicheskoj istorii [The formation of the Russian centralized state in the XIV–XV centuries. Essays on socio-economic and political history]. M., Izd-vo social`no-e`konomicheskoj literatury` [Publishing house of socio-economic literature]: 899 p.

16. Shmidt S.O. 1973. Stanovlenie rossijskogo samoderzhavstva. Issledovanie social`no-politicheskoj istorii vremeni Ivana Groznogo [. Formation of the Russian autocracy. A study of the socio-political history of the time of Ivan the Terrible]. M., Publ. My`sl`: 359 p.

17. Shtaden G. 2008. Zapiski o Moskovii [Notes on Muscovy]. Voi. 1. Publikaciya. M, Publ. Drevlexranilishhe: 582 p.

18. Krom M. 2009. Les Réformes Russes du XVIe Siècle: Un Mythe Historiographique? Annales. Histoire, Sciences Sociales, 3: 561–578.

19. Barkey K. 2008. Empire of Difference. The Ottomans in Comparative Perspective. Cambridge, Cambridge University Press: 342 p.

20. Brewer J. 1989. The sinews of power. War, money and the English state, 1688–1783. London, Unwin Hyman: 253 p.

21. Carroll S. 2006. Blood and Violence in Early Modern France. Oxford, Oxford University Press: 369 p.

22. Elliott J. H. 1992. A Europe of Composite Monarchies. In: Past & Present. Number 137. The Cultural and Political Construction of Europe: 48–71.

23. Henshall N. 1992. The Myth of Absolutism: Change & Continuity in Early Modern European Monarchy. London & New York, Longman: 245 p.

24. Kollmann N.S. 2012. Crime and Punishment in Early Modern Russia. Cambridge, Cambridge University Press: 504 p.

25. MacKenney R. 2002. Sixteenth Century Europe. Expansion and Conflict. London, Palgrave Macmillane: 425 p.

Ссылка для цитирования статьи
For citation

Пенской В.В., Пожарова Л.А., Туранин В.Ю. 2020. Долгий путь к «централизации»: раннемодерное Русское государство и его особенности. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 45 (1): 103–112. DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-1-103-112

Penskoy V.V., Pozharova L.A., Turanin V.Yu. 2020. Long way to "centralization": early modern Russian state and its features. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law. 45 (1): 103–112. (in Russian). DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-1-103-112

УДК 341.1/8
DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-1-113-122

ЭКСТРЕМИЗМ: ПОНЯТИЕ И ГЕНЕЗИС В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАВОВОЙ НАУКИ

EXTREMISM: CONCEPT AND GENESIS IN THE CONTEXT OF INTERNATIONAL LEGAL SCIENCE

Н.А. Жукова, И.А. Ярощук
N.A. Zhukova, I.A. Yaroshchuk

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod State University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: zhukova_n@bsu.edu.ru, yaroshchuk@bsu.edu.ru

Аннотация
В представленной статье рассматривается одно из самых сложных и дискуссионных социально-правовых явлений – экстремизм. В рамках международной правовой науки пристальное внимание исследователей ориентировано на изучение данного явления. Это обусловлено тем, что как в отдельных государствах, так и на международной арене наблюдается рост противоречий национальной, политической и религиозной направленности. В научной литературе отсутствует чёткое понимание и толкование данного социально-правового явления, имеется целый ряд отличий сущностной дефиниции экстремизма, представленной в международно-правовых источниках, а также понимание экстремизма в свете отдельного национального законодательства обладает собственной национальной спецификой, обусловленной особенностями исторического, социального, политического и экономического развития данного государства.

Abstract
The article considers one of the most complex and ambiguous social and legal phenomena - extremism. Within the framework of international legal science, researchers focus on the study of this phenomenon. This is due to the fact that there is an increase in national, political and religious contradictions both in individual States and in the international arena. At the same time, the problem of extremism itself remains far from clarified, as there is no clear understanding and interpretation of this social and legal phenomenon in the scientific literature, there are a number of differences in the essential definition of extremism presented in international legal sources, as well as an understanding of extremism in the light of separate national legislation has its own national specificity, due to the peculiarities of the historical, social, political and economic development of the State. Therefore, in the modern world, in the absence of a clear definition of "extremism", not many States advocate the unification of approaches to the phenomenon under study, based on universally recognized principles and norms of international law.

Ключевые слова: экстремизм, радикализм, девиантность, международное право, международно-правовые акты, национальные и политические противоречия.
Keywords: extremism, radicalism, deviance, international law, international legal acts, national and political contradictions.

Актуальность темы статьи обусловлена общественными процессами, особо обострившимися с наступлением XXI столетия, когда как на внутригосударственном уровне, так и на международном, происходит усиление противоречий и рост конкуренции, в ре-

зультате чего существующие политические, экономические и другие системы оказываются неспособными к оперативному и эффективному искоренению проблем, что, в свою очередь, является активатором недовольств отдельных субъектов, социальных групп и народов в целом, выражающихся в быстром росте популизма, радикализма и экстремизма.

Исследование такого многогранного социально-правового явления, как экстремизм, на наш взгляд, необходимо начинать с установления этимологии данного термина, определения его сущности с точки зрения эволюционных характеристик.

Слово «экстремизм» восходит к франц. «extremisme, от extrême «крайний», далее из лат. extremus «крайний; конечный», превосх. ст. от exter «наружный, внешний», сравн. ст. о тех «из, вне», из праиндоевр.*eghs «вне»» [Фасмер, 2009]. Измышления относительно крайних мировоззренческих позиций и действий, проецирующих потерю стабильных нравственных идеалов социума, и их сравнение с умеренной позицией ещё в период Античности излагал в своих трудах Аристотель.

В Толковом словаре иноязычных слов Л. П. Крысина [1998] представлено следующее определение исследуемого явления:

Экстремизм, а, *мн.* нет, *м*. [фр. extrémisme< лат. extrēmus крайний]. Приверженность к крайним взглядам и мерам (обычно в политике)[Крысин, 1998].

В Оксфордском английском словаре[2005] дано понятие «экстремист» (*exteremist*) и его следующее толкование:

*Extremist*n. (alsoattrib.) a person who holds extreme or fanatical political or religious views andesp. resorts to or advocates extreme action [Oxford English Dictionary, 2005]. (*Экстремист* – это лицо, которое придерживается крайних политических и религиозных взглядов)[Большой оксфордский толковый словарь английского языка, 2005].

Представленные определения репрезентируют различный подход к пониманию анализируемого социально-политического явления. В русском толковом словаре иноязычных слов экстремизм характеризуется как явление, в то время как в Оксфордском толковом словаре [2005] представлена дефиниция не самого явления, а субъекта как носителя крайних взглядов не только политических, но и религиозных.

Первые использования понятия «экстремизм» в политическом дискурсе относятся к трудам французского философа эпохи Просвещения, правоведа Шарля Монтескье [1955]. Своими научными изысканиями мыслитель раскрывает и исследует понятие деспотии с позиций системы правления. Шарль Монтескье представил описание положения так называемого «крайнего равенства», которое функционирует в научных трудах учёного как «деспотия одиночек», являющаяся угрозой для всего социума» [Montesquieu, 1977].

Временная отнесённость появления термина «экстремизм» на страницах юридической литературы определяется началом XX столетия и тесным образом связано с именем французского юриста М. Лероя [Leroy, 1926], который данный термин впервые и употребил. Как главные отличительные признаки политических течений, являющихся следствием данного явления, М. Лерой называет «настоятельный призыв к своим приверженцам об абсолютной вере в политические идеалы, исповедуемые этими течениями» [Дворянов, 2002, с. 47].

Экстремизм как сложное социально-правовое явление с начала прошлого столетия привлекает пристальное внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей. Так, например, к проблеме субкультурного конфликта, насилия и жестокости в своих трудах обращались А. Коэн [Cohen, 1955], Р. Мертон [Merton, 1992], Р. Кловард и Л. Олин [Cloward, Ohlin, 1960]. Указанные вопросы исследовались учёными в свете одного из направлений теории девиации. Была проанализирована взаимосвязь антиобщественного, противоправного поведения человека с социально-экономической, социокультурной и политической ситуацией данного общества. Причина подобного делинквентного поведения, согласно результатам исследований, обусловливалась нежеланием определённой части социума соответствовать предписанным данным обществом правилам и норам, в отсут-

ствии способностей и возможностей приобретать их законными средствами, в результате чего и порождались недовольства и обострённые социальные настроения [Мертон, 1992].

Приобретение экстремизмом статуса научной проблемы ориентирует нас к середине прошлого века, а именно к американскому учёному, социологу Даниэл Белл [Bell, 1955], который в своей работе «Новое американское право» представил описание частных политических организаций экстремистской направленности, указав при этом методологические приёмы изучения такого социально-правового явления, как экстремизм в целом. Так, согласно исследователю, сама суть экстремизма коренится, прежде всего, в отстранении и отказе от основных, традиционных ценностей, в частности, это нетерпимость к противоположным мировоззренческим позициям, что находит своё проявление в противоправной деятельности в виде насилия. А в качестве основной цели экстремизма Даниэл Белл выделяет дискредитацию настоящего политического строя и его свержение [Bell, 1990].

Экстремизм с его характерными чертами находит свои общественные истоки ещё в Древние времена. В основе развития экстремизма как социально-правового явления, согласно мнению ряда исследователей, оказываются ключевые исторические события и факты, а также складывающиеся различного рода взаимоотношения и взаимодействия между социальными, религиозными и политических группами и организациями. В социуме в те или иные временные отрезки возникает кризисное положение правовой системы ввиду динамичности развития различных социальных, политических течений. В подобные кризисные времена своей ведущей силы оказываются лишённы существующие социально-правовые устои, в то время как новые находятся только на пути своего становления и развития и ещё не приобрели необходимое регулирующее значение относительно системы социальных, политических и религиозных взаимоотношений и взаимодействий [Dyurkgejm, 1995].

В. Н. Томалинцев [2000] определяет экстремизм и его различные проявления в качестве составляющих каждого исторического периода и эпохи. Ярким примером этого, согласно исследователю, являются описания жизни и деятельности древнеримских правителей. Учёный также делает отсылки и к средневековью, к истории инквизиции, а далее – к особенностям развития капитализма [Томалинцев, 2000, с. 16].

Экстремизм как явление несовместимое с социальными и правовыми нормами создает опасность для существования всех сфер и форм деятельности человека и государства. Его структурные элементы в своем разнообразии продуцируют построение различных форм.

Не соглашаясь с подобной теорией, В. В. Лунеев [2009] представляет экстремизм линейным понятием, не поддающимся широкому толкованию.

Если данные крайности имеют отношение к таким сферам, как литература, спорт, наука, искусство, то здесь будут наблюдаться позитивные результаты в качестве новаторских идей, направлений, школ и т.д. В связи с чем узконаправленность в понимании экстремизма (примером является современная Россия) может привести к ошибочным правовым результатам [Лунеев, 2009, с. 29].

В.С. Овчинский обращал внимание в своих исследованиях на широчайший спектр проявлений экстремизма - «от человеконенавистнических до клубов защиты животных и экологии» [Овчинский, 2009, с. 35]. «Сооружение памятников из черепов убитых во времена Чингисхана и Тамерлана, опричнина Ивана Грозного, инквизиционные казни в средневековой Испании, избиение гугенотов во Франции, газовые камеры в фашистской Германии, атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, уничтожение зданий Всемирного торгового центра в США» [Овчинский, 2009, с. 34].

Несмотря на весьма распространённый широкий подход к пониманию экстремизма, представляется возможным констатировать, что большинству современных исследователей присуще более узкое толкование и понимание анализируемого социально-правового явления.

Ю. М. Антонян [2008] обращает внимание на то, что «экстремизм может быть результатом различных социальных и религиозных явлений, имеющих национально-культурные особенности того государства, в рамках которого он возникает и функционирует»[Антонян, 2008, с. 246]. «Экстремизм – всегда есть продукт разобщённости общества, которое не обрело или утратило общую идеологию, единые ценности и цели. Он может иметь место в странах, где есть значительные социальные группы людей, весьма недовольных своим экономическим, социальным и духовным положением, считающих себя притеснёнными и униженными. Он может строиться на межрасовых отношениях (как, например, в США), или этнорелигиозных (например, в России и Франции) или социальных, порождающих состояния подавленности, ненужности, грубообозначенного неравенства» [Антонян, 2008, с. 246]. Согласно мнению учёному, негативную реакцию в виде экстремизма со стороны общественных настроений провоцируют неблагополучные социально-экономические факторы общественного строя, низкий уровень качества жизни [Антонян, 2008, с. 247].

Из перечисленных выше определений можно сделать вывод, что экстремизм – это явление негативное, это модель агрессивного социально-политического, религиозного взаимодействия, в основе которого противопоставление интересов неравных сторон по различным мотивам. Следовательно, эскалация проявлений экстремизма в социуме характерна для периодов обострения социально-политических и социально-экономических явлений.

Нельзя не согласиться с мнением большинства учёных, что истоки экстремизма коренятся в религиозной почве. Этот факт и обусловливает его как основу большинства религиозных войн, в то время как деятельность одних религиозных объединений заключалась в навязывании своих мировоззренческих идеалов другим, исповедовавшим иные культы.

Сам термин «экстремизм» вошёл в сферу активного употребления в целях определения противостояния крайних, противоборствующих политических сил, что относится к годам Первой мировой войны (1914-1918).

Исторически экстремизм формировался в качестве концепта идеологического толка, контаминируя характерные признаки «радикализма», «фашизма», «авторитаризма» и «тоталитаризма».

В середине прошлого века слово «экстремизм» употреблялось учёными в качестве синонимичного понятию «радикализм», что, в свою очередь, и определяет на современном этапе признание многими исследователями тесной связи между политическим экстремизмом и радикализмом.

С точки зрения В. В. Водовозова [1899], радикализм зарождается в XVIII в. в Англии в виде идей и действий социально-политической направленности, целью которых являлось тотальное изменение политического режима. Приверженцы преобразований выступали за радикальные изменения, основываясь на критике существующего государственного строя, используя при этом крайне радикальные средства и способы достижения поставленных целей [Водовозов,1899, с. 74].

С точки зрения сравнительного анализа к определению терминов «радикализм» и «экстремизм» подходит С. А. Сергеев [2011], который также указывает на частое употребление данных понятий в качестве взаимозаменяющих. Ведущим, объединяющим экстремизм и радикализм признаком, согласно профессору, является приверженность к крайним взглядам. Однако в отличие от экстремизма, радикализм не представляет собой переходящие за пределы правового пространства действия: это «теоретическое обоснование политического действия, а не само действие; экстремизм же проявляется в практической политической деятельности, использовании крайних, преимущественно насильственных, средств политической борьбы» [Сергеев, 2011, с. 11]. Из этого следует, что экстремизм выступает в качестве метода достижения тех или иных идеалов, когда на первый план выходят не цели, а сами средства их достижения, как правило, максимально агрессивные и

насильственные действия. В то время как для радикализма важна сама цель и её достижение.

На невозможность полного отождествления понятий «экстремизм» и «радикализм» указывает А. В. Ростокинский [2008], согласно которому «экстремизм, в отличие от радикализма предполагает конкретное систематическое нарушение прав определённых лиц для ограничения таким образом прав тех социальных групп, к которым принадлежат потерпевшие. То есть, экстремизм представляет совокупность уголовно наказуемых деяний частных лиц» [Ростокинский, 2008, с. 72].

Аналогично делению радикализма на правый и левый, американские исследователи, политологи Л. Уилкокс и Дж. Джордж [George, Wilcox, 1992] с точки зрения истории США выделяют правый и левый экстремизм. Так, приверженцам левого экстремизма свойственно стремление к социальной справедливости, они борются за права трудящихся, в то время как правые экстремисты исповедуют идеи межнациональных, межрасовых, межкультурных и др. противоборств.

Неоспоримым является тот факт, что политическая идеология фашизма в качестве базиса имеет диктатуру беспрекословного, абсолютного подчинения одному человеку, занимающему лидирующие позиции, а ведущими векторами формирования национального единства являются этнические, культурные и религиозные признаки сопровождающиеся отсутствием терпимости и многообразия. Ярким примером того является гитлеровская Германия времён Второй мировой войны. Американский политолог, профессор Йельского университета Хуан Линц [Linz, 1976] справедливо отметил, что «фашизм – это гипернационалистическое, антипарламентаристское, антилиберальное, антикоммунистическое, популистское и, следовательно, антипролетарское, частично антикапиталистическое движение, главной целью которого является национальное и социальное объединение посредством единой партии и корпоративного представительства»[Linz, 1976, p.14].

Среди учёных имеется мнение [Gelman, Ross, 2010], согласно которому экстремизму присущи характерные признаки таких политических режимов, как авторитаризм и тоталитаризм. Так, в частности при авторитаризме вся власть концентрируется в руках одного человека, навязывающего свою волю. При этом антиправовыми признаками наделяется идеологический аспект, когда общественно-правовые отношения оказываются разнонаправленными с законом, а права и свободы граждан подавляются, на фоне отсутствия демократии процветают деспотия и диктатура [Gelman, Ross, 2010]. А отличительными особенностями политического режима тоталитаризма, как известно, являются полное подавление оппозиции и контроль всех сфер общественной и лчной жизни.

Таким образом, экстремистская идеология представляет собой контаминацию характерных особенностей вышеуказанных политических режимов: радикализма, фашизма, авторитаризма, тоталитаризма. Так, экстремизму присуща критика государственного устройства, выражение протеста социуму, приверженность к радикальным реформам. Так же, как фашизм, экстремизм направлен на формирование идеологии нетерпимости по этническим, национальным и религиозным признакам с допустимостью использования крайних мер в целях достижения желаемых результатов. Однако в ряду вышеуказанных политических режимов экстремизм несёт особую опасность, поскольку он, как бы накладываясь на радикализм, фашизм, национализм, наделяет данные явления крайними формами их проявления, тем самым создавая реальные опасности [Кошкин, 2017].

Из вышесказанного очевидной оказывается непосредственная связь между становлением государственных институтов и противоречиями, перерастающими в борьбу, являющуюся не только двигателем исторического развития, но и причиной появления групп, отвергающих ценности и традиции данного социокультурного пространства, в котором она возникает, и утверждающих свою собственную систему норм и ценностей. Именно такие социальные группы оказываются наиболее подвержены влиянию экстремистской идеологии.

Для современных исследователей экстремизма характерной является позиция, согласно которой данное явление не связано с осуществлением активной деятельности, а имеет лишь прямую отнесённость к крайним взглядам. С точки зрения В. Ю. Голубовского [2006], «экстремизм как приверженность к крайним взглядам и мерам – это отрицание существующих общественных норм и правил поведения в государстве со стороны отдельных лиц или объединений (групп)» [Голубовский, 2006, с. 6]. Однако данная точка зрения является достаточно дискуссионной, т.к. «экстремизм не может выражаться только в приверженности к чему-либо и отрицании чего-либо, не являясь деятельностью, либо отдельно взятым действием.<…> В данной ситуации экстремизм не является деянием, а трансформируется в объект интеллектуального созерцания, что само по себе противоречит его сущности» [Корнилов, 2011, с. 22].

В отличие от понимания экстремизма только лишь как приверженности к крайним взглядам в научной литературе имеется и противоположное мнение, когда анализируемое социальное явление интерпретируется исключительно как деятельность. Среди учёных, придерживающихся данной исследовательской позиции, – К. В. Ханьжов [2006], А. Г. Хлебушкин [2007]. Так, согласно К. В. Ханьжову, «экстремизм – это крайняя форма поведения и деятельности граждан, групп, организаций и т.п., которая характеризуется применением насилия в различных формах, включая терроризм, использованием идей, концепций, теорий, проповедующих ультранационализм, расизм, бескомпромиссность; апелляцией к предрассудкам, предубеждениям, эмоциям толпы» [Ханьжов, 2006, с. 7]. А. Г. Хлебушкин описывает «экстремизм в качестве противоправной деятельности, осуществление которой причиняет или может причинить существенный вред основам конституционного строя или конституционным основам межличностных отношении» [Хлебушкин, 2007, с. 14].

В отличие от представленных крайних и достаточно узких пониманий экстремизма, отдельные исследователи придерживаются широкого подхода к толкованию данного социального явления, когда под экстремизмом понимается система идей и взглядов, проецирующих крайние формы деятельности. Среди исследователей, разделяющих данную точку зрения – Н. Н. Афанасьев [2002]: «Экстремизм – есть изначальное отрицание всякого чувства меры. Он оперирует искаженными, деформационными представлениями о действительности, по крайней мере, в той её части, где пытается реализовать свои цели, как ближайшие, так и более отдалённые. В языке это выражается в крайности суждений, безапелляционности, категоричности. В практической деятельности это неизбежно приводит к насилию» [Афанасьев, 2002, с. 231].

Как уже было отмечено, явление экстремизма имеет глубокие исторические корни. Однако в центре внимания международного научного сообщества он оказывается сравнительно недавно (вторая половина XX столетия). Действительно, во второй половине XX столетия, когда, казалось бы, после Второй мировой войны должно наступить стабильное мироустройство, человечество столкнулось с новой бедой в виде терроризма. С каждым годом происходило увеличение организаций террористического толка.

Рубеж столетий был ознаменован геополитическими сдвигами, породившими целый ряд противоречий – социальных, экономических, политических, духовных и т. д. Именно такие обстоятельства создают благоприятные условия для создания преступных группировок экстремистского толка.

В международно-правовом пространстве экстремизм запечатлён как не только отрицательного явления, но и представлен в качестве угрозы. Однако в ряде документов его сущностная дефиниция имеет отличия.

В международном праве понятие «экстремизм» впервые было закреплено в рамках Декларации о мерах по ликвидации международного терроризма, принятой Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 9 декабря 1994 г. № 49/60. Однако в ней само определение экстремизма не представлено, а имеется лишь указание на связь данного явления с терроризмом, причиной которому и является экстремизм: «Генеральная Ассамблея глубоко

озабочена тем, что во многих регионах мира всё чаще совершаются акты терроризма, в основе которых лежат нетерпимость или экстремизм» [Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма, 1994]. Согласно данной Резолюции, экстремизм понимается как угроза международного масштаба. А уже с началом нового столетия экстремизм как сложное, комплексное явление приобретает черты самостоятельной проблемы, стоящей перед лицом всего международного сообщества.

Считаем необходимым обратиться к Декларации о создании Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). В части 1 ст.1 Шанхайской конвенции представлено расширенное определение понятия «экстремизм», согласно которому, экстремизм – это «какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон» [Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, 2001, с. 30].

В Резолюции 1754 (2010 г.) «Борьба с экстремизмом; достижения, недостатки, неудачи» Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ) «самую большую озабоченность вызывают расизм и ксенофобия наряду с «мусульманским фундаментализмом», представляющим собой ещё одну опасность»[Резолюции 1754, 2010].

В результате проведённого исследования толкований экстремизма мы считаем, что имеющиеся на сегодняшний день концепции определения одного из самых сложных социально-правовых явлений являются недостаточными в целях максимального прояснения сущности и специфических особенностей экстремизма. Проблема определения «экстремизма» остаётся в достаточной степени непрояснённой. Это обостряется тем, что понимание данного социально-правового явления в свете отдельного национального законодательства обладает собственной спецификой. Нет единого подхода и с точки зрения его научного обоснования. Таким образом, в современном мире в условиях отсутствия чёткого определения «экстремизма» далеко не многие государства выступают за унификацию подходов к исследуемому явлению, основанную на общепризнанных принципах и нормах международного права.

Список литературы

1. Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма (одобрена резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 49/60 от 9 декабря 1994 г.). 1994. // ИПС «Гарант» (дата обращения: 20 октября 2019).

2. Резолюции 1344 (2003 г.) Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ). URL:http://www.coe.int/t/r/parliamentary_assembly (дата обращения: 16 октября 2019).

3. Резолюции 1754 (2010 г.) «Борьба с экстремизмом; достижения, недостатки, неудачи» Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ). URL: http://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/ (дата обращения: 16 октября 2019).

4. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Заключена в г. Шанхае 15.06.2001) // Бюллетень международных договоров. 2004. № 1.

5. Антонян Ю. М. 2008. Природа экстремизма // Уголовно-правовой запрет и его эффективность в борьбе с современной преступностью. Сборник научных трудов / под. ред. Н. А. Лопашенко. Саратов, 552.

6. Афанасьев Н. Н. 2002. Идеология терроризма // Социально-гуманитарные знания. 2002. № 1: 230–234.

7. Водовозов В. В. 1899. Радикализм и радикальная партия // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб, Т. XXVI: 73–75.

8. Голубовский В. Ю. 2006. О совершенствовании деятельности органов внутренних дел, других субъектов системы профилактики по предупреждению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних // Защита прав и профилактика правонарушений несовершеннолетних. Ма-

териалы международной научно-практической конференции (26-27 августа 2005 г.). М.: ВНИИ МВД России: 4–14.

9. Дворянов В. А. 2002. Политический экстремизм в Центральной Европе // Терроризм и политический экстремизм: вызовы и поиски адекватных ответов. М.: Институт политического и военного анализа: 47–48.

10. Дюркгейм Э. 1995. Социология: Её предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 349.

11. Крысин Л. П. 1998. Толковый словарь иноязычных слов: Ок. 25000 слов и словосочетаний. Москва: Рус. яз., 846.

12. Лунеев В. В. 2009. Российский экстремизм: политика и реалии // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. № 2: 29–37.

13. Мертон Р. 1992. Социальная структура и аномия // Социологические исследования. № 4: 91–96.

14. Овчинский В. С. 2008. Экстремисты: от фашистов до экологов // Огонек. № 51: 28–37.

15. Политический экстремизм: основные тенденции и причины эскалации: информационно-аналитический вестник / под ред. А. П. Кошкина. Вып. 8. Москва: ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова», 2017, 96.

16. Ростокинский А. В. 2008. Уголовная ответственность за экстремизм: проблемы законодательного регулирования. Саратов: Издательский центр «Наука», 287.

17. Сергеев С. А. 2011. Исследования экстремизма и радикализма в зарубежных и отечественных социальных науках // Конфликтология. СПб., № 3: 1–17.

18. Томалинцев В. Н. 2000. Сущность экстремизма. Особенности его явных и скрытых форм // Феномен экстремизма. СПб.: 16–23.

19. Торкунов А. В., Мальгин А. В. 2017. Современные международные отношения. М.: Аспект Пресс, 688.

20. Фасмер М. 2009. Этимологический словарь русского языка: в 4 томах. Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 4-е изд., стер. Том. 4: около 4500 слов. Москва: Астрель: АСТ, 861.

21. Ханьжов К. В. 2006. Организация органами внутренних дел противодействия экстремизму как фактору дестабилизации общественного порядка. Автореферат дис. ... кандидата юридических наук. Акад. упр. МВД РФ. Москва, 26.

22. Хлебушкин А. Г. 2007. Преступный экстремизм: понятие, виды, проблемы криминализации и пенализации: автореферат дис. ... кандидата юридических наук. Сарат. юрид. ин-т МВД РФ. Саратов, 27.

References

1. Deklaraciya o merah po likvidacii mezhdunarodnogo terrorizma (odobrena rezolyuciej General'noj Assamblei OON 49/60 ot 9 dekabrya 1994 g.). 1994 [Declaration on Measures to Eliminate International Terrorism (approved by UN General Assembly resolution 49/60 of December 9, 1994] // IPS «Garant» (data obrashcheniya: 20 oktyabrya 2019). (in Russian)

2. Rezolyucii 1754 (2010 g.) «Bor'ba s ekstremizmom; dostizheniya, nedostatki, neudachi» Parlamentskoj assamblei Soveta Evropy [Parliamentary Assembly of the Council of Europe. Resolution 1344. About threat for democracy from extremist parties and movements in Europe(2003)]. URL:http://www.coe.int/t/r/parliamentary_assembly (data obrashcheniya: 16 oktyabrya 2019). (in Russian)

3. Rezolyucii 1754 (2010 g.) «Bor'ba s ekstremizmom; dostizheniya, nedostatki, neudachi» Parlamentskoj assamblei Soveta Evropy (PASE). [Resolution 1754 (2010), "The fight against extremism; achievements, deficiencies and failures" of the Parliamentary Assembly]. URL: http://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/(data obrashcheniya: 16 oktyabrya 2019). (in Russian)

4. Shanhajskaya konvenciya o bor'be s terrorizmom, separatizmom i ekstremizmom (Zaklyuchena v g. SHanhae 15.06.2001) [Shanghai Convention for the Suppression of Terrorism, Separatism and Extremism (Concluded in Shanghai on 06/15/2001)] // Byulleten' mezhdunarodnyh dogovorov [Bulletin of international agreements]. 2004. № 1. (in Russian)

5. Antonyan YU. M. 2008. Priroda ekstremizma [Nature extremism] // Ugolovno-pravovoj zapret i ego effektivnost' v bor'be s sovremennoj prestupnost'yu. Sbornik nauchnyh trudov [Criminal legal prohibition and its effectiveness in the fight against modern crime. Collection of scientific works] / pod. red. N. A. Lopashenko. Saratov, 552. (in Russian)

6. Afanas'ev N. N. 2002. Ideologiya terrorizma [The ideology of terrorism] // Social'no-gumanitarnye znaniya [Socially-humanitarian knowledge]. 2002. № 1: 230–234. (in Russian)

7. Vodovozov V. V. 1899. Radikalizm i radikal'naya partiya [Radicalism and radical party] // Enciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]: v 86 t. (82 t. i 4 dop.). SPb, T. XXVI: 73–75. (in Russian)

8. Golubovskij V. YU. 2006. O sovershenstvovanii deyatel'nosti organov vnutrennih del, drugih sub"ektov sistemy profilaktiki po preduprezhdeniyu beznadzornosti i pravonarushenij nesovershennoletnih [On improving the activity of internal affairs agencies and other entities for the prevention of child neglect and juvenile delinquency prevention system] // Zashchita prav i profilaktika pravonarushenij nesovershennoletnih [Protection of rights and the prevention of juvenile delinquency]. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (26-27 avgusta 2005 g.).M.: VNII MVD Rossii: 4–14. (in Russian)

9. Dvoryanov V. A. 2002. Politicheskij ekstremizm v Central'noj Evrope [Political extremism in Central Europe] // Terrorizm i politicheskij ekstremizm: vyzovy i poiski adekvatnyh otvetov [Terrorism and Political Extremism: Challenges and the search for adequate responses]. M.: Institut politicheskogo I voennogo analiza: 47–48.(in Russian)

10. Dyurkgejm E. 1995. Sociologiya: Ee predmet, metod, prednaznachenie [Sociology: Its subject, method, purpose]. M.: Kanon, 349. (in Russian)

11. Krysin L. P. 1998. Tolkovyj slovar' inoyazychnyh slov: Ok. 25000 slov i slovosochetanij [The explanatory dictionary of foreign words: About 25,000 words and phrases]. Moskva: Rus. yaz., 846. (in Russian)

12. Luneev V. V. 2009. Rossijskij ekstremizm: politika I realii [Russian extremism: policy and reality] // Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava [Criminological magazine Baikal State University of Economics and Law]. № 2: 29–37. (in Russian)

13. Merton R. 1992. Social'naya struktura i anomiya [Social structure and anomie] // Sociologicheskie issledovaniya [Sociological studies]. № 4: 91–96.

14. Ovchinskij V. C. 2008. Ekstremisty: ot fashistov do ekologov [Extremists from the Nazis to environmentalists] // Ogonek [Spark]. № 51: 28–37. (in Russian)

15. Politicheskij ekstremizm: osnovnye tendencii i prichiny eskalacii: informacionno-analiticheskij vestnik [Political extremism: the main trends and factors of escalation: information-analytical bulletin] / pod red. A. P. Koshkina. Vyp. 8. Moskva: FGBOU VO «REU im. G. V. Plekhanova», 2017, 96. (in Russian)

16. Rostokinskij A. V. 2008. Ugolovnaya otvetstvennost' za ekstremizm: problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya [Criminal liability for extremism: Regulatory Problems]. Saratov: Izdatel'skij centr «Nauka», 287. (in Russian)

17. Sergeev S. A. 2011. Issledovaniya ekstremizma i radikalizma v zarubezhnyh i otechestvennyh social'nyh naukah [Extremism and radicalism in the study of foreign and domestic social sciences] // Konfliktologiya [Conflict]. SPb., № 3: 1–17. (in Russian)

18. Tomalincev V. N. 2000. Sushchnost' ekstremizma. Osobennosti ego yavnyh i skrytyh form [The essence of extremism. Especially its overt and covert forms of extremism] // Fenomen ekstremizma [The phenomenon of extremism]. SPb.: 16–23. (in Russian)

19. Torkunov A. V., Mal'gin A. V. 2017. Sovremennye mezhdunarodnye otnosheniya [Modern international relations]. M.: Aspekt Press, 688. (in Russian)

20. Fasmer M. 2009. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: v 4 tomah [Etymological dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. Per. s nem. i dop. O. N. Trubacheva. 4-e izd., ster. Tom. 4: okolo 4500 slov. Moskva: Astrel': AST, 861. (in Russian)

21. Han'zhov K. V. 2006. Organizaciya organami vnutrennih del protivodejstviya ekstremizmu kak faktoru destabilizacii obshchestvennogo poryadka [Organization of the internal affairs bodies of counteraction to extremism as a factor of destabilization of the social order.]: avtoreferat dis. ... kandidata yuridicheskih nauk : 12.00.11 / Akad. upr. MVD RF. Moskva, 26. (in Russian)

22. Hlebushkin A. G. 2007. Prestupnyj ekstremizm: ponyatie, vidy, problem kriminalizacii i penalizacii [Criminal extremism: concept, types, problems of criminalization and penalization]. Avtoreferat dis. ... kandidata yuridicheskih nauk : 12.00.08 / Sarat. yurid. in-t MVD RF. Saratov, 27. (in Russian)

23. Bell D. 1990. The radical right. 3rded. New Brunswick. URL: https://books.google.kz/books?id=Ve0qGUHW5tAC&printsec=copyright&hl=ru#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 19 сентября 2019).

24. Cohen A. K. 1955. Delinquent Boys: the culture of the gang. Glencoe, IL: The Free Press, 198.

25. Cloward R., Ohlin L. 1960. Delinquency and Opportunity. N. Y., 76.

26. Gelman V., Ross C. 2010. The Politics of Sub-National Authoritarianism in Russia. Burlington: Ashgate Publishing, Ltd. Ashgate, 229.

27. George J., Wilcox L. M. Nazis, communists, klansmen and Othersonthe Fringe: Political Extremism in America. Buffalo (N. Y.): Prometheus Books, 1992,523.

28. Linz J. 1976. Some notes toward a comparative study of fascism in sociological historical perspective // Fascisim: A Reader's Guide / ed. by W. Laqueur. Berkeley: University of California Press: 12–15.

29. Montesquieu.1977. David Wallace Carrithers (ed.). The Spirit of Laws: A Compendium of the First English Edition. Berkeley: U California P., 689.

30. Oxford English Dictionary. 2005 / ed. by C. Soanes, S. Hawker, J Elliot.10th ed. N. Y., 850.

31. Uwe Bac Ices. 2004. Extremismus in Deutschland: Erscheinungsformen und aktuelle Bestandsaufnahme / [Bundesministerium des Innern]. 1. Aufl. Berlin: Schiler, 302.

Ссылка для цитирования статьи
For citation

Жукова Н.А., Ярощук И.А. 2020. Экстремизм: понятие и генезис в контексте международной правовой науки. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 45 (1): 113–122.

DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-1-113-122

Zhukova, N.A., Yaroshchuk I.A. 2020. Extremism: concept and genesis in the context of international legal science. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law. 45 (1): 113–122. (in Russian).

DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-1-113-122

УДК 347.97
DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-1-123-132

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ СУДЕЙ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ В РАМКАХ СТАТУСА СУДЬИ

THE ISSUE OF PARTICIPATION OF JUDGES IN SOCIAL NETWORKS IN THE FRAMEWORK OF THE JUDGE STATUS

Л.Е. Факеева
I.E. Fakeeva

Амурский Государственный университет,
Россия, 675027, г. Благовещенск, ул. Игнатьевское шоссе, 21

Amur State University,
21 Ignat'evskoe shosse, Blagoveshchensk, 675027, Russia

E-mail: larisafakeeva@yandex.ru

Аннотация
В настоящее время существует огромное количество социальных сетей, в каждой из который зарегистрированы миллионы людей, в том числе и судьи. Отсутствие понимания того, что допустимо судьям на просторах интернета, а что несовместимо с их высоким статусом, свидетельствует об актуальности изучения этической стороны участия судей в социальных сетях и требует установления определенных ориентиров поведения судей в интернет-сообществе, где, как и при отправлении правосудия, формируется их имидж. Автором обосновывается, что социальные сети выступают средством информирования населения о работе судов и правового просвещения населения, поэтому создаваемый на просторах интернета образ судьи влияет на отношение граждан к правосудию в целом. Рассмотрены этические проблемы, возникающие в связи с участием судей в социальных сетях. Проанализированы пределы допустимого поведения судей в интернет-пространстве с учетом специального статуса и в условиях его продолжающейся модернизации. Освещены подходы к поведению судей в социальных сетях. С учетом характеристики последствий законодательно установленных ограничений статуса судьи сделаны выводы о необходимости помощи судьям в определении возможного поведения в интернете путем установления критериев такого поведения, в том числе через развитие и конкретизацию Кодекса судейской этики.

Abstract
Nowadays we have a huge number of social networks, there are registered millions of people including judges. The lack of understanding of what is allowed for judges on the Internet, and what is incompatible with their high status, indicates the relevance of studying the ethical side of judges` participation in social networks and requires the establishment of certain guidelines for judges' behaviour in the Internet community, where, as in the administration of justice, they form their image. The author substantiates that social networks act as a means of informing the population about the work of the courts and legal education of the population, therefore the created on the Internet image of a judge expands the attitude of citizens to justice in general. We will consider ethical issues that arise in connection with the participation of judges in social networks, will analyze the limits of the acceptable behaviour of judges in the Internet space, taking into account the special status and in the context of its ongoing modernization, will highlight approaches to the behaviour of judges on social networks. Given the characteristics of the consequences of legislatively established restrictions on the status of a judge, we will draw conclusions about the need to help judges in determining possible behaviour on the Internet by establishing criteria for such behaviour, including through the development and specification of a Code of Judicial Ethics.

Ключевые слова: статус судьи, этика судьи, модернизация, социальные сети.
Keywords: the status of the judge, ethics of the judge, modernization, social networks.

Введение

В России в 1991 году началось масштабное преобразование судебной системы, которое привело к модернизации – приведению в соответствие требованиям современности всех её элементов: судопроизводства, судоустройства и статуса судьи. Справедливым является мнение Туманова В.А. о том, что статус судьи занимает особое место в общественном сознании, отражает проблемы правосудия как особой сферы человеческой деятельности [Туманов и др., 1991, с. 6], и суждение Лукашевой Е.А., касающееся авторитета судьи – чем выше роль и авторитет судьи, тем выше в государстве уровень законности и демократии, тем больше защищены от посягательств права и свободы человека [Лукашева и др., 2009, с. 321].

Правовой статус судьи включает в себя профессиональную этику, прошедшую в своем развитии три периода: дореволюционный – с 1864 года (появление независимых профессиональных судей) по 1917 гг., советский – с 1917 года по 1993 год, современный – с 1993 года по настоящее время. И на каждом этапе развития этики к судьям и к их профессиональному и внеслужебному поведению предъявлялись все новые требования. В первый период были объявлены недостойными звания судьи все предосудительные и несогласные с нравственностью поступки. Второй период, связанный с Октябрьской революцией 1917 года, кардинально изменил предъявляемые к судье требования, указав главную задачу правосудия – борьбу с эксплуататорами и отрицая нравственные, этические начала судебной деятельности. С 60-х годов прошлого века появилось понятие «судебная этика», и к началу третьего периода выделилась профессиональная этика юриста, в том числе судейская этика [Лагутин, 2016].

Действующий в настоящее время Кодекс судейской этики 2012 года, устанавливающий нормы и принципы поведения судей, является результатом многолетней работы советских и российских ученых и юристов. Однако в период, когда положения Кодекса только обсуждались, интернет-ресурсы в России повсеместно еще не были развиты, что, вероятно, явилось причиной отсутствия в Кодексе критериев поведения судей в социальных сетях. Председатель Совета судей РФ Момотов В.В., говоря о судьях и социальных сетях, указал на то, что судьи должны самостоятельно определять и ограничивать свое присутствие в социальных сетях [Момотов, 2018]. Но виртуальный мир сейчас является неотъемлемой частью жизни, он участвует в социализации любого человека, в том числе судей [Хазиева, 2014]. По данным ВЦИОМ[1], свыше половины россиян практически ежедневно пользуются социальными сетями и мессенджерами по отправке сообщений. Нельзя не согласиться с тем, что в настоящее время формируется информационное общество, в котором средой сбора и обмена информацией являются телекоммуникационные сети, а правовую культуру общества наряду с правосудием формирует и интернет [Лебедева, 2004].

Учитывая наличие определенных ограничений во внеслужебной деятельности в силу специального статуса, возникает вопрос: могут ли судьи пользоваться социальными сетями? Ответ, безусловно, положительный, ведь к нарушению этических норм сам факт участия в социальных сетях не приводит. Также нельзя не учитывать, что социальные сети способствуют информированию населения о деятельности судебной системы, повышению прозрачности судов, могут использоваться для правового просвещения населения, и, вообще, стали частью мировой культуры, поэтому «изоляция» судей от участия в глобальной информационной среде невозможна и не имеет смысла.

[1] Пользование интернетом. ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/news/ratings /polzovanie _internetom/ (дата обращения 14.06.2019).

Поведение российских судей в социальных сетях до настоящего времени не регламентировано, и судьи, не имея каких-либо ориентиров в этой сфере, нередко одним неудачным постом наносят урон не только себе, но и авторитету судебной власти в целом. Несмотря на случаи прекращения полномочий судей вследствие их действий в социальных сетях, признанных органами судейского сообщества несовместимыми со статусом судьи, проблема участия судей в таких интернет-сообществах в России практически не изучена. Этическая сторона поведения судей на просторах глобальной сети пока не нашла большого интереса у ученых-правоведов и практикующих юристов, и каких-либо глубоких исследований на эту тему нет. Но поскольку интернет-пространство является одной из областей жизнедеятельности судьи, где формируется его имидж, вопрос о том, что следует считать уместным, и где для судьи в социальных сетях грань дозволенного, крайне актуален. Изучение этической составляющей участия судей в социальных сетях направлено на утверждение необходимости установления для судей критериев такого поведения.

Пределы допустимого поведения судей в социальных сетях

Судья не может и не должен находиться в социальном и правовом вакууме, но должен понимать, что его действия находятся под контролем, в рамках которого судья может быть подвергнут взысканиям вплоть до прекращения полномочий. В отличие от других пользователей социальных сетей, судьи в своем поведении ограничены не только правовыми, но и этическими проблемами, тогда как пределы этих ограничений и рамки допустимого поведения судей в глобальной сети могут пониматься по-разному – от публикации не соответствующих статусу судьи сведений до полного отказа от участия в социальных сетях. Общаясь в интернет-пространстве, в том числе через социальные сети, судья, согласно действующим положениям Кодекса судейской этики, должен самостоятельно определять, какие из опубликованных им сведений соответствуют, а какие – не соответствуют его высокому статусу. То есть, фактически критерии оценки пределов допустимого поведения судьи в социальных сетях отданы «на откуп» самим судьям. Судьи, как предусмотрено Кодексом судейской этики, Законом о статусе судей, должны избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти и достоинство судьи. Но каждый судья как отдельный человек имеет свои собственные этические представления, и в отсутствие нормативно установленных ориентиров оценка отдельным судьей своего участия в социальных сетях может не совпадать с ожидаемым от него поведением. Противоречия, возникающие в связи с имеющимися у судьи как личности нравственными правилами поведения на просторах интернета и профессиональными этическими установками, необходимо устранять. И здесь возникают вопросы: какую информацию сам судья считает возможной публиковать в интернете, и насколько его мнение о допустимости этой информации совпадает с мнением судейского сообщества?

Известна ситуация с отказом М. в назначении на должность судьи Арбитражного суда в 2014 году, когда обсуждалось размещение претендентом на странице в социальной сети фотографии в образе подвыпившего полуобнаженного пирата с подбитым глазом и татуировкой на левом плече, а также фото М. на сайте Pravotoday с высунутым языком и надписью «Никогда не предполагал, что надену судейскую мантию». Судейским сообществом в лице Высшей квалификационной коллегии судей РФ такое изображение личной фотографии и комментарий к ней в социальной сети и на юридическом портале признаны не соответствующими правилам поведения судейской этики. Это решение органа судейского сообщества было поддержано Верховным Судом РФ[1]. При этом М., давая объяснения в судебном заседании Верховного Суда РФ, указал, что не считает данные изображения умаляющими авторитет судебной власти, и пояснил, что они лишь отображают раз-

[1] Полуобнаженный пират не стал российским судьей : Право.ру. URL: https://pravo.ru/court_report/view/111935/ (дата обращения: 20.06.2019).

ные стороны его жизни; первый снимок был шуточным, сделан во время его участия в капустнике с женой и детьми и находился в закрытой группе, а второй – сделан еще в 2010 году, до назначения на должность судьи.

Примечательно, что к тому времени М. имел стаж работы в должности судьи более 11 лет, зарекомендовал себя грамотным и квалифицированным судьей, имел хорошую теоретическую подготовку и практический опыт работы, добросовестно исполнял свои обязанности, обеспечивал хорошее качество отправления правосудия, постоянно повышал свой профессиональный уровень и имел ученую степень кандидата юридических наук. Налицо явное противоречие в оценке допустимых пределов участия в социальных сетях у самого судьи (довольно опытного, имеющего высокий уровень теоретической подготовки, понимающего, что такое есть судейская этика), и у органов судейского сообщества.

Еще одно решение Дисциплинарной коллегии Верховного суда РФ состоялось в 2014 году и касалось судьи П., которая в свободном доступе на своей странице в социальной интернет-сети «Одноклассники» разместила фотографии, сделанные в зале судебного заседания на фоне герба РФ и флага РФ с надписью «Очень разная я, но ведь Женщина! И такую меня создал Бог! И, как ветер порой переменчива, видно, Черт тут немного помог», фото с похожим на молоток предметом в руке на фоне герба РФ и надписью «Как дам по лбу всем, кто будет на меня наезжать!», снимок со статуэткой Фемиды в руках на фоне герба РФ и подписью «Мне не важно, что вы обо мне думаете… Меня это не радует и не огорчает. Радует одно … что вы еще думать не разучились», фото с изображением П. в зале судебного заседания в кресле судьи с поставленными на стол ногами и надписью «Я, конечно, не совершенство, но шедевр еще тот!». Кроме того, личная стартовая страница П. содержала слова: «Как много тех, с кем можно лечь в постель… Как мало тех, с кем хочется проснуться… И утром, расставаясь, обернуться, И помахать рукой, и улыбнуться». Судья П., обжалуя решение региональной Квалификационной коллегии судей в Дисциплинарную коллегию ВС РФ, указала, что данные фотографии носят шутливый, сугубо личный характер, находились на личной странице, защищенной настройками приватности, а размещая на своей Интернет-странице выдержку из стихотворения Э. Асадова, она не причиняла ущерб авторитету судебной власти.

Действия П. были признаны игнорирующими требования Кодекса судейской этики и причинившими ущерб авторитету судебной власти. При этом не было отнесено к дисциплинарному проступку размещение П. в социальной сети фотографии на фоне флага РФ с надписью «Под знаменем России»» как не свидетельствующее о нарушении норм поведения судьи.

Следует отметить, что П. к тому времени имела стаж работы по юридической профессии 30 лет, а в должности судьи работала около 12 лет. Размещая ряд фотографий в социальных сетях, П., имея огромный опыт юридической и судейской работы, полагала все снимки соответствующими этическим нормам поведения судьи, тогда как по мнению органа судейского сообщества этим требованиям соответствовал только один снимок.

Что в приведенных случаях в частности, и вообще, в принципе является причиной таких разных оценок поведения судьи в социальных сетях самим судьей и органами судейского сообщества? Причин, безусловно, много. Но одной из них, возможно, является отсутствие критериев такого поведения судьи как специального субъекта права в социальных сетях; поведения, которое, соответствовало бы правомерным ожиданиям общества относительно статуса судьи и формировало основанный на доверии к судье авторитет [Орлова, 2017].

Формирование судьями социальных связей в интернете

Проблемы доверия к судьям могут возникать при формировании судьей социальных связей, в том числе через социальные сети, путем создания «списков друзей», в частности, из числа юристов. Выделяют три подхода относительно этической стороны добав-

ления пользователей в друзья юристов – жесткий, умеренный и либеральный[1]. Согласно жесткому подходу судья может добавлять в друзья других юристов при условии, что они не могут в будущем являться участниками судебных разбирательств у этого судьи. Умеренный подход к данному вопросу допускает возможность добавления судьей в друзья человека, который участником процесса по находящемуся в производстве судьи делу либо представителем участвующих лиц ранее не являлся и в настоящее время не является. В соответствии с третьим, либеральным подходом обозначение человека в качестве друга в социальных сетях само по себе свидетельством личных взаимоотношений с судьей не является и на отправление правосудия повлиять не может, а медиа-«дружба», как правило, не так значима, как традиционная.

Реализация на практике требований жесткого и умеренного подхода представляет большую сложность. Особенно это касается отдаленных населенных пунктов, где правосудие отправляют несколько судей районного суда и 2-3 мировые судьи, где еще меньшим может быть количество адвокатов и юристов, оказывающих юридические услуги. В таких условиях исключение участия юриста – виртуального «друга» судьи – в будущем рассмотрении судьей какого-либо дела не всегда осуществимо. При умеренном подходе вероятность участия такого юриста в рассматриваемом судьей деле в будущем значения не имеет, существенным является участие такого лица в рассмотрении судьей дела ранее или в настоящее время. Но и в этом случае вероятность участия адвоката, иного представителя участника процесса у судьи, «другом» которого в социальных сетях является такой юрист, особенно в небольших населенных пунктах, очень высока. Кроме того, работая в суде даже непродолжительное время, судьи не могут не знать многих адвокатов, юристов, и, поддерживая с ними профессиональное общение, пользуясь социальными сетями, вполне могут принять приглашение такого юриста на добавление в список виртуальных друзей. Поэтому наиболее верным представляется третий, либеральный подход формирования судьей социальных связей в социальных сетях, при котором, однако, оценивать виртуальную дружбу судьи с юристами следует с учетом всех фактов, в частности решения вопроса о том, следует ли судье информировать участников процесса о виртуальной дружбе с юристом, принимающим участие в рассмотрении дела. Данный подход, кроме того, не освобождает судей от осуществления контроля за своими страницами в социальных сетях, в том числе и в тех, которые закрыты от просмотра другими пользователями. Социальные сети предусматривают возможность закрывать свои страницы от просмотра других людей, однако размещаемая судьей информация остается доступной для добавленных в списки друзей, которые могут передать её другим лицам. Судье при участии в социальных сетях следует помнить, что в глобальной компьютерной сети, несмотря на усилия пользователей сохранить личные данные, нет ничего «частного». Все интернет-публикации, будь то тексты, фотографии, аудио- или видеозаписи, остаются на просторах интернета в течение длительного времени, даже когда пользователь о них уже забыл, поэтому судьи не должны ожидать никакой конфиденциальности от социальных сетей, в которых настройки приватности (как например, в Facebook) могут быть изменены в одностороннем порядке. Кроме того, как правило, все, что скрыто, уже само по себе вызывает подозрения, и, если тайное станет явным, может пострадать репутация судьи [Cooper, 2014].

Наиболее правильной представляется полная открытость страниц судей в социальных сетях, но с постоянным контролем над ними, поскольку, размещенная судьей в социальных сетях информация может быть «вырвана из контекста», и, являясь, например, шуткой, преподнесена другим пользователям в искаженном виде. Все опубликованные судьей материалы могут свободно распространяться без его разрешения, а проставленные

[1] Выступление Председателя Совета судей РФ В. В. Момотова на втором заседании клуба имени Замятнина по теме «Судья и социальные сети» : Совет судей Российской Федерации. URL: http://www.ssrf.ru/news/vystuplieniia-intierv-iu-publikatsii/28718 (дата обращения: 14.06.2019).

судьями в социальных сетях «лайки» и комментарии на страницах других пользователей могут расцениваться как одобрение их действий и поступков.

Интернет справедливо признается новым пространством человеческого самовыражения и общения, сферой социальной деятельности, а информационные отношения, возникающие с использованием сети интернет – существующими в электронной форме в киберпространстве, общественными отношениями [Рассолов, 2009]. Поэтому любая запись, сделанная судьей в социальной сети, особенно о применении или толковании той или иной нормы, равнозначна публичному выступлению, и высказывание судьей на просторах интернета своей позиции, в том числе по правовым вопросам, может привести к проблемам этического характера.

Этические «ловушки» для судей в социальных сетях

Социальные сети создают для судей уникальные этические «ловушки», о существовании которых судья может и не догадываться. Так, в социальных сетях зачастую участвуют родственники судей, страницы которых также являются «территорией ответственности» судьи. Думается, что родственникам судей не следует указывать в социальных сетях на свое родство с судьей, размещать фото- и видеоматериалы с указанием расположения жилья, идентификацией автомобилей, в частности из соображений безопасности, поскольку интернет открывает большие возможности для оказания давления на судью. Судья, в свою очередь, не должен позволять членам своей семьи неподобающим образом влиять на его действия, связанные с выполнением им полномочий судьи [Нешатаева, 2011]. Родственникам судей следует воздерживаться от публичной демонстрации в социальных сетях предметов роскоши, поездок на дорогие курорты, посещения престижных ресторанов и т.п., поскольку это умаляет авторитет судебной власти, даже если эти действия совершаются на законно полученные денежные средства [Момотов, 2018].

Нельзя не сказать и о будущих судьях. Судейский корпус все больше «молодеет» и формируется в новой ментальности – по данным Института проблем правоприменения, средний возраст кандидатов на должность судьи составляет 35,3 года, возраст 90 % кандидатов не превышает 42 лет [Дмитриева, Савельев, 2019]. В связи с повышением престижности работы судьи все больше будущих юристов задумываются о судейской карьере. В молодежной, в том числе студенческой, среде Всемирная глобальная сеть как особая реальность и часть информационного общества сформировала новые формы коммуникаций – через мессенджеры и социальные сети, поэтому участие будущих судей в социальных сетях задолго до облачения в судейскую мантию закономерно. Вполне возможно размещение ими в социальных сетях фото-, видеоматериалов об участии в праздниках, корпоративах, на отдыхе, в том числе с людьми, которые в будущем могут стать адвокатами, прокурорами, сотрудниками правоохранительных органов и т.п. В этом случае возникает вопрос оценки указанных сведений с точки зрения взаимоотношений судьи с этими людьми в последующем, в период отправления правосудия. Верным представляется разъяснять студентам юридических ВУЗов необходимость проявления осмотрительности и контроля за характером информации на своих страницах в социальных сетях в соответствии с требованиями профессиональной этики юриста уже в период обучения в ВУЗе.

Еще одна этическая «ловушка» для кандидатов на должность судьи и судей, в основном женщин, касается семейного положения судьи как важнейшего показателя психологического и социального благополучия человека. В России довольно много женщин-судей не состоят в браке – только в Архангельской области в 2007 году количество женщин – кандидатов на должность судьи, не состоящих в браке, составляло 63 %, и после вступления в должность увеличивалось на 13 %. В Ямало-Ненецком автономном округе в 2010 году около 50 % женщин-судей были незамужними, а 16 % из них никогда не состояли в браке.

И количество женщин-судей в судейской среде постоянно возрастает – если в 1994 году их доля среди кандидатов, назначенных на должность судьи, составляла 58,5 %, в 2010 году – 61,8 %, то в 2016 году – уже 73,6 %. При этом, согласно проведенным исследованиям, мир среднестатистической российской судьи (мирового или районного суда)

замкнут на работе и близких, а на общение с друзьями, путешествия, полноценный отдых, как правило, у судьи времени не хватает [Волков, 2015]. В условиях социальной изоляции, загруженности на работе, ограниченного времени на отдых, особенно в небольших населенных пунктах, судья может искать партнера для создания семьи в социальных сетях, в том числе на сайтах знакомств. Вопрос о соответствии такого способа поиска судьей семейного счастья требует обсуждения. В любом случае, судье не следует обозначать себя в социальных сетях как судью, поскольку, указание на занимаемую судейскую должность в социальных сетях с учетом определенных обстоятельств может привести к умалению авторитета судебной власти.

Пользователями социальных сетей могут являться и судьи в отставке, за которыми сохраняются звание судьи, гарантии личной неприкосновенности, принадлежность к судейскому сообществу и, следовательно, обязанность соблюдения требований Кодекса судейской этики. Поведение судей в отставке в социальных сетях, возможность добавления ими в друзья адвокатов, юристов, прокуроров, других лиц, которые принимали участие в уже рассмотренных ими делах, не регламентированы, пределы ограничений такого поведения, критерии его оценки (как вызывающее (не вызывающее) сомнение в объективности по уже рассмотренным делам и способное (не способное) повлиять на существо уже принятых судебных постановлений) не установлены.

Определение критериев этической стороны участия судей в социальных сетях

Интернет не имел аналога в прошлом, поэтому какая-либо законодательная регламентация правил информационного обмена в кибернетическом пространстве для лиц со специальным статусом отсутствует. И фактически в настоящее время происходит адаптация традиционных правовых норм к отношениям, связанным с использованием глобальных электронных сетей. Вопросы о том, должно ли поведение судей в электронных сетях регулироваться судейским сообществом, если да, то в каких пределах и каким путем, в России остаются открытыми.

Пути установления критериев поведения судей в социальных сетях могут быть разными – принятие новых нормативных актов, модернизация уже существующих, совмещение традиционных базовых установок с новыми правилами, разъяснения и комментарии действующих норм, обращение к международному опыту, тем более, что в ряде стран уже приняты рекомендации по использованию судьями социальных сетей. Так, в США, где социальные сети были впервые (в 1995 году) созданы в известном нам виде, уполномоченные органы 17 штатов уже приняли консультативные заключения по вопросам участия судей в социальных сетях [Дубровин, 2019]. Организацией Объединенных Наций создана Глобальная сеть обеспечения честности и неподкупности судебных органов как интернет-платформа, содержащая кодексы судейской этики стран, материалы практики, другие документы и предоставляющая возможность обмена информацией между судьями по правовым вопросам.

Нормативное определение ориентиров поведения судей в интернет-пространстве необходимо. После назначения на должность судьи человек не утрачивает право на общение с друзьями и знакомыми и не должен находиться в социальной изоляции, и именно социальные сети являются одним из способов поддержания общественной активности судей. Надлежащее исполнение судьей своих обязанностей не означает замкнутую и обособленную жизнь. Невозможно понять трансформацию социальных ценностей без знакомства с изменениями, которые происходят в обществе, в том числе в информационной среде. Социальные медиа сегодня составляют фундаментальную часть повседневной жизни, и судьи, чтобы избежать этических «интернет-ловушек», нуждаются в определении критериев их использования.

Исследователем Бурдиной Е.В. потребность решения этических проблем справедливо отнесена к основным проблемам судей, признана определяющей их наиболее важные интересы, направленные на укрепление гарантий независимости и самостоятельности судебной власти [Бурдина, 2013]. Кодекс судейской этики устанавливает право судьи на обращение в Комиссию Совета судей Российской федерации по этике за получением разъяснения в случае, если судья затрудняется определить, будет ли его поведение в конкретной ситуации отправления правосудия либо во внесудебной деятельности соответствовать требованиям профессиональной этики и статусу судьи. Но не всегда судья вынесет свои этические сомнения и переживания на публичное обсуждение. Поэтому выработка четких рекомендаций относительно пользования судьями социальными сетями необходима. Как отметил председатель Дисциплинарной коллегии судей Рудаков С.В., правила поведения судей, предусмотренные национальными кодексами судейской этики, являются центром внимания и отдельного государства, и всего мирового сообщества [Бурдина, 2013]. На первой встрече Глобальной сети судейской честности в апреле 2018 года представители различных международных и национальных правовых систем указали на необходимость оказания помощи судебным органам в проблемах, с которыми они сталкиваются, в том числе путем проведения программ обучения для судей по использованию социальных сетей; на интернет-платформе Глобальной сети обсуждаются вопросы проведения тренингов по этике судей, создания инструментов обучения судебной этике и включения вопросов использования социальных сетей судьями в учебные курсы для судей.

Заключение

В истории одни моральные принципы постоянно сменяются на другие, и в условиях глобальной информатизации общества только собственных этических представлений относительно поведения в социальных сетях судьям не хватает.

Одним из способов поддержки социальных связей являются социальные сети. Общих рекомендательных этических правил для формулирования поведения судей в социальных сетях уже недостаточно, поэтому в этой области требуется создание обязательных этических стандартов. Отсутствие критериев участия судей в социальных сетях мешает полноценному формированию профессиональной идентичности судей, и судьи все больше нуждаются в руководстве о том, как им следует вести себя в социальных сетях, им следует знать о последствиях, к которым могут привести безобидные, на первый взгляд, действия в интернете.

Сами по себе, без должного регулирования вопросы участия судей в социальных сетях не разрешатся. Формирование этических норм поведения судьи в условиях современности и глобализации информационного пространства не может не быть частью стратегического направления развития судебной системы в России, а принятие Кодекса судейской этики само по себе не завершает формирования правил этического поведения судей. Необходимыми представляются развитие и конкретизация Кодекса судейской этики в части определения критериев участия судьи в социальных сетях с учетом изменяющихся условий жизни и отечественного и зарубежного опыта.

Список литературы

1. Бурдина Е.В. 2013. Интересы судей как элемент нормативно-правовой конструкции судейского сообщества в Российской Федерации. Администратор суда, 1: 27–29.

2. Васильева Т.А., Карташкин В.А., Колесова Н.С., Колотова Н.В., Ледях И.А., Лукашева Е.А., Мизулина Е.Б., Нерсесянц В.С., Пчелинцев С.В., Савицкий М.В., Салищева Н.Г. 2009. Права человека. М., Норма, 321 с.

3. Волков В.В., Дмитриева А.В., Поздняков М.Л., Титаев К.Д. 2015. Российские судьи: социологическое исследование профессии. М., Норма, 272 с.

4. Дмитриева А., Савельев Д. 2019. Аналитическая записка «Источники пополнений судейского корпуса РФ и роль аппарата судов». Институт проблем правоприменения. URL: http://www.enforce.spb.ru/products/policy-memo/7123-analiticheskaya-zapiska-istochniki-popolneniya-sudejskogo-korpusa-rf-i-rol-apparata-sudov-dmitrieva-a-savelev-d (дата обращения: 25.06.2019).

5. Дубровин Е.В. 2019. Этика поведения судей в социальных сетях (опыт Соединенных Штатов Америки). Pressreader. URL: https://www.pressreader.com/ (дата обращения 26.06.2019).

6. Лагутин Д.С. 2016. К вопросу об истории судейской этики в России. Инновационная наука, 5: 239–242.

7. Лебедева В.А. 2004. Право. Личность. Интернет. М., Волтерс Клувер, 5–7.

8. Нешатаева Т.Н. 2011. Модернизация статуса судьи: современные международные подходы. М., Инфра-М, 336 с.

9. Орлова К.А. 2017. Теоретико-правовые аспекты статуса судьи. Дис. … канд. юрид. наук. Калининград, 241 с.

10. Рассолов И.М. 2009. Право и интернет. Теоретические проблемы. М., Норма, 383 с.

11. Апарова Т.В., Богдановская И.Ю., Егоров С.А., Крутоголов М.А., Крылова Н.С., Попов Н.Ю., Туманов В.А., Урьяс Ю.П. 1991. Судебные системы западных государств. М., Наука, 6 с.

12. Хазиева Н.О. 2014. Виртуальная реальность как пространство социализации: социально-философский анализ проблемы. Автореф… канд. фил. наук. Казань. 19 с.

13. Cooper B.P. 2014. Judges and Social Media: Friends with Costs and Benefits. SSRN (Social Science Research Network) Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2451094 (accessed 16 June 2019).

References

1. Burdina E.V. 2013. Interesy sudej kak jelement normativno-pravovoj konstrukcii sudejskogo soobschestva v Rossijskoj Federacii. [Interests of judges as an element of the legal structure of the judicial community in the Russian Federation]. Administrator suda, 1: 27–29.

2. Vasil'eva T.A., Kartashkin V.A., Kolesova N.S., Kolotova N.V., Ledyah I.A., Lukasheva E.A., Mizulina E.B., Nersesyanc V.S., Pchelincev S.V., Savickij M.V., Salishcheva N.G. 2009. Prava cheloveka [Human rights]. Moscow, Norma, 321 p.

3. Volkov V.V., Dmitrieva A.V., Pozdnyakov M.L., Titaev K.D. 2015. Rossijskie sud'i: sociologicheskoe issledovanie professii [Russian judges: a sociological study of the profession]. Moscow, Norma, 272 p.

4. Dmitrieva A., Savel'ev D. 2019. Analiti4eskaja zapiska «Istochniki popolnenij sudejskogo korpusa RF i rol' apparata sudov». Institut problem pravoprimenenija [Analytical note "Sources of replenishment of the Russian judiciary and the role of the court apparatus". Institute of law enforcement]. Available at: http://www.enforce.spb.ru/products/policy-memo/7123-analiticheskaya-zapiska-istochniki-popolneniya-sudejskogo-korpusa-rf-i-rol-apparata-sudov-dmitrieva-a-savelev-d (accessed 25 June 2019).

5. Dubrovin E.V. 2019. Jetika povedenija sudej v social'nyh setjah (opyt Soedinennyh 66tatov Ameriki). Pressreader [Ethics of judges ' behavior in social networks (experience of the United States of America)]. Available at: URL: https://www.pressreader.com/ (accessed 26 June 2019).

6. Lagutin D. S. 2016. K voprosu ob istorii sudejskoj jetiki v Rossii. [On the history of judicial ethics in Russia]. Innovacionnaya nauka, 5: 239–242.

7. Lebedeva V.A. 2004. Pravo. Lichnost'. Internet. [Right. Personality. Internet]. Moscow, Volters Kluver, 5–7.

8. Neshataeva T.N. 2011. Modernizacija statusa sud'i: sovremennye mezhdunarodnye podhody. [Modernization of the status of a judge: modern international approaches]. Moscow, Infra-M, 336 p.

9. Orlova K.A. 2017. Teoretiko-pravovye aspekty statusa sud'I [Theoretical and legal aspects of the status of a judge]. Dis. … PhD in law. Kaliningrad, 241 p.

10. Rassolov I. M. 2009. Pravo i internet. Teoreticheskie problem [Law and the Internet. Theoretical problems]. Moscow, Norma, 383 p.

11. Aparova T.V., Bogdanovskaya I.YU., Egorov S.A., Krutogolov M.A., Krylova N.S., Popov N.YU., Tumanov V.A., Ur'yas YU.P. 1991. Sudebnye sistemy zapadnyh gosudarstv [Judicial systems of Western States]. Moscow, Nauka, 6 p.

12. Hazieva N.O. 2014. Virtual'naya real'nost' kak prostranstvo socializacii: social'no-filosofskij analiz problem [Virtual reality as a space of socialization: socio-philosophical analysis of the problem]. Avtoref… kand. fil. nauk. Kazan'. 19 p. (in Russian)

13.Cooper B.P. 2014. Judges and Social Media: Friends with Costs and Benefits. SSRN (Social Science Research Network) Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2451094 (accessed 16 June 2019).

Ссылка для цитирования статьи
For citation

Факеева Л.Е. 2020. К вопросу об участии судей в социальных сетях в рамках статуса судьи. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 45 (1): 123–132.

DOI10.18413/2712-746X-2020-45-1-123-132

Fakeeva I.E. 2020. The issue of participation of judges in social networks in the framework of the judge status. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law. 45 (1): 123–132. (in Russian). DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-1-123-132

УДК 342.5
DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-1-133-140

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ «РЕГУЛЯТОРНОЙ ГИЛЬОТИНЫ»

SOME PROBLEMS OF THE «REGULATORY GUILLOTINE»

О.И. Чепунов
A.E. Chepunov

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Россия, 119571, г. Москва, проспект Вернадского, 82, стр.1

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
82 Vernadskogo Ave., Moscow, 119571, Russia

E-mail: chepunovoleg@yandex.ru

Аннотация
Реформирование государственного регулирования контрольно-надзорной деятельности, связанной с нарушением обязательных требований нормативных правовых актов, относится к одной из наиболее активно обсуждаемых тем как среди экспертного сообщества, так и среди представителей бизнеса и контрольно-надзорных органов. Автором рассмотрен механизм «регуляторной гильотины» при создании в сферах регулирования контрольно-надзорной деятельности новой системы понятных и четких требований к контрольно-надзорным органам и хозяйствующим субъектам с целью ликвидации избыточных административных требований, снижения уровня нагрузки и рисков причинения вреда (ущерба) субъектам экономических отношений и охраняемым общественным ценностям. Представлен зарубежный опыт применения регуляторной гильотины, элементы которого возможно применить в отечественной реформе государственного контроля и надзора. Уделено внимание рискам эффективной реализации механизма «регуляторной гильотины», в числе которых коррупция в органах государственной власти и местного самоуправления. Успешность процесса реализации контрольно-надзорной реформы автор связывает со способностями экспертного сообщества, рабочих групп и регулятивных органов обеспечить качественное и оперативное выполнение поставленных задач под руководством Министерства юстиции Российской Федерации.

Abstract
Reforming state regulation of control and supervision activities related to the violation of mandatory requirements of regulatory legal acts is one of the most actively discussed topics, both among the expert community and among representatives of business and regulatory authorities. Repeated attempts to optimize state control (supervision), reduce administrative barriers associated with it, and reduce excessive interference in the activities of business entities did not achieve the desired results, including due to insufficient attention and ambiguous understanding of the expected result of control and supervision activities, the compromise nature of decisions. One of the reasons for the low efficiency of past initiatives is the redundancy of mandatory requirements in regulatory legal acts regulating the function of control and supervision. The article considers the mechanism of the regulatory guillotine. It is used when creating a «new» system of clear and clear requirements for control and Supervisory authorities and business entities in the areas of regulation of control and supervision activities. The purpose of this mechanism is to eliminate excessive administrative requirements, reduce the level of load and risk of causing harm (damage) to the subjects of economic relations and protected public values. The author presents the foreign experience of using the regulatory guillotine, elements of which can be applied in the domestic reform of state control and supervision. Attention is paid to the risks of effective implementation of the «regulatory guillotine» mechanism, including corruption in state and local authorities. The author attributes the success of the process of implementing the control and supervision reform to the ability of the expert community, working groups and regulatory bodies to ensure high-

quality and prompt implementation of the tasks set under the leadership of the Ministry of justice of the Russian Federation.

Ключевые слова: регулятивная гильотина, система, требования, рабочие группы, хозяйствующие субъекты, органы государственной власти.

Keywords: regulatory guillotine, system, requirements, working groups, business entities, public authorities.

Введение

В любом государстве, в том числе и в России, периодически возникают проблемы пересмотра перечня действующих правовых актов, содержащих обязательные требования, соблюдение которых оценивается при проведении мероприятий по государственному контролю и надзору. Если в системе государственного управления нет постоянно действующего институционального механизма модернизации контрольно-надзорной системы, то через определенное время сложность и объем регулирования существенно возрастут вследствие противоречивости постоянно увеличивающихся норм данного института. Этот негативный процесс государственной контрольно-надзорной деятельности на всех властных этажах государственного аппарата многократно усугубляется высоким уровнем бюрократических процедур и системной коррупцией. Попытки внедрения антибюрократического и антикоррупционного «нового» наталкиваются на действующее и не желающее меняться «старое». Вследствие этого образуются глубокие системные противоречия в контрольно-надзорной деятельности, усугубляющие кризисные явления в государственном управлении. Все это негативно отражается на политико-правовых и экономико-социальных процессах позитивного государственного управления.

Для преодоления кризисных явлений появляется насущная необходимость создавать в сферах регулирования контрольно-надзорной деятельности «новую» систему понятных и четких требований как к контрольно-надзорным органам, так и к хозяйствующим субъектам для ликвидации избыточных административных требований, снижения уровня нагрузки и рисков причинения вреда (ущерба) субъектам экономических отношений и охраняемым общественным ценностям.

В отечественную юридическую науку исследованию проблем реформ в сферах регулирования контрольно-надзорной деятельности исследовали Р.Н. Аганина, Т.А Андронова [Аганина, Андронова, 2020], О.В. Александров [2019], Ю.Г Арзамасов [2013], А.А. Кармолицкий [2014], А.В. Кнутов [2015], Ю. Любимов [Любимов, Новак и др., 2019], С.В. Семенов и А.В. Чаплинский [2014], И.Ю. Синдеева [2014], С. Щербатова [2019] и другие.

Анализ научных исследований в сферах регулирования контрольно-надзорной деятельности указывает на то, что существует необходимость обоснования системы понятных и четких требований к контрольно-надзорным органам и хозяйствующим субъектам с целью ликвидации избыточных административных требований, снижения уровня нагрузки и рисков причинения вреда (ущерба) субъектам экономических отношений, то ест создания эффективного механизм «регуляторной гильотины».

Особенности реформ контрольно-надзорной деятельности

К настоящему времени в России сложилась непростая ситуация. С одной стороны, власть всячески пытается поддержать развитие экономики и бизнеса, с другой – наличествует множество факторов, активно этому препятствующих. По данным Правительства, сейчас в России существует 46 контрольно-надзорных ведомств, которые проводят около 220 видов проверок. Общее число требований, описанных на тысячах страниц нормативных актов, – 2 млн норм, в числе которых со времен СССР сохранилось свыше 9 тыс.

нормативных актов, устанавливающих обязательные требования к бизнесу при проверках. Многие из них давно устарели, соблюсти все из них не может ни один предприниматель. Такое положение в свете декларирования «российского экономического рывка» неприемлемо. Поэтому в рамках послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 15 января 2020 года Президентом поручено Правительству Российской Федерации обеспечить отмену с 1 января 2021 г. всех нормативных правовых актов, устанавливающих требования, соблюдение которых подлежит проверке при осуществлении государственного контроля (надзора), и введение в действие новых норм, содержащих актуализированные требования, разработанные с учетом риск-ориентированного подхода и современного уровня технологического развития в соответствующих сферах.[1]

По оценкам экспертов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) выделяется три способа разрешения данной проблемы:

– отмена «старого» регулирования и создание новых правил. Такой способ в масштабах всей страны применить не удавалось еще никому в мире вследствие невероятных финансовых, лоббистских и когнитивных издержек;

– подготовка заинтересованными субъектами списков основополагающих проблемных правовых актов и замена их на заново созданные, что является более приемлемым способом. При этом создание таких списков будет подвергаться серьезным лоббистским усилиям со стороны отрасли и регулятора. В своем конечном результате созданные списки будут в большой степени зависеть от субъективных влияний исполнителей, результаты могут совсем не отражать решение проблемы отраслевого регулирования;

– сплошной общесистемный пересмотр регулирования. В этом случае производится пересмотр всех действующих обязательных государственных требований специально созданной структурой по установленным объективным критериям. То есть метод масштабного нормативного анализа регуляторов и пересмотр действующих нормативно-правовых актов, которые будут одобрены, изменены или утратят силу.

Такой метод реформы контрольно-надзорной деятельности обозначается термином «регуляторная гильотина». Он был разработан международной консалтинговой компанией «Джейкобс, Кордова и Партнеры» (Jacobs, Cordova & Associates) на основе удачного опыта отсечения устаревших законодательных норм в 1980-е годы в Швеции и Южной Корее. Не везде в мире применяют именно «регуляторную гильотину» в чистом виде, какие-то страны разрабатывают свои собственные механизмы. Но суть их та же – снижение административной нагрузки на бизнес для обеспечения устойчивого экономического роста.

На сегодняшний день этот структурированный процесс был применен уже более 100 странами. Опыт Австралии, Великобритании, Вьетнама, Мексики, США и Хорватии показывает, что в этих странах удалось сократить от 15 до 50 % ненужных государственных требований в контрольно-надзорной деятельности. Это привело к тому, что бизнес сэкономил миллиарды долларов, а экономика избавилась от лишней нагрузки и стала расти намного быстрее. При этом были созданы миллионы новых рабочих мест, это способствовало повышению эффективности в борьбе с коррупцией.

Любая регуляция, необоснованная с точки зрения законности и необходимости для правительственных стратегий рыночной экономики, должна быть отменена. Любая регуляция, которая законна и необходима, но не является благоприятной для бизнеса, должна быть максимально упрощена.[2]

Работа по реализации концепции «регуляторной гильотины» в Российской Федерации проводится в соответствии с утвержденной Правительством Российской Федерации

[1] Перечень поручений по реализации Послания Президента Федеральному Собранию от 27.02.2019 г. № Пр-294.

[2] Пересмотр устаревших регуляций посредством Регуляторной Гильотины.

«дорожной картой»[1] с обязательным привлечением всех заинтересованных сторон – представителей предпринимательского, экспертного, научного сообществ – с применением разработанной Методики ее исполнения[2]. В целях реализации (п. 2) «дорожной карты» Минэкономразвитием разработан проект Федерального закона «Об обязательных требованиях в Российской Федерации».[3] Он призван определить понятие обязательного требования, а также регламентировать процесс разработки и принятия таких требований, установить цели и основные принципы их закрепления в законодательстве, обеспечить закрепление на законодательном уровне механизма отмены с 1 января 2021 года ранее действовавших обязательных требований. Также разработан проект Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»,[4] которым предусмотрено совершенствование такой деятельности. Принятие этого законопроекта позволит создать системное процессуальное регулирование контрольно-надзорной деятельности, которое должно минимизировать административное давление на бизнес.

В целях реализации реформы Подкомиссией по совершенствованию контрольных (надзорных) и разрешительных функций федеральных органов исполнительной власти при Правительственной комиссии по проведению административной реформы[5] утверждены составы 41 рабочей группы по реализации механизма «регуляторной гильотины». Деятельность рабочих групп будет направлена на участие в формировании новых структур регулирования, подготовке проектов нормативных правовых актов, содержащих обязательные требования, а также других документов в соответствующих сферах общественных отношений, негативно влияющих на общий бизнес-климат и регуляторную среду.

Результатом работы групп, ведение которой предполагается до конца 2020 года, должно стать создание новой системы контрольно-надзорного регулирования. Пересмотр предъявляемых к бизнесу обязательных требований планируется закончить к 2021 году. Установленный алгоритм работы «гильотины» состоит в том, что Правительством формируется реестр всех правовых регуляций, прямо или косвенно влияющих на бизнес, создавая тем самым базу данных правовых норм или административных процедур. Создание такого обоснованного реестра является большим прорывом в ликвидации негативного регулятивного влияния на общий бизнес-климат.

Каждая правовая норма или административная процедура должна будет пройти через фильтры и оцениваться на трех уровнях:

– государственными служащими в министерствах, высокая профессиональная деятельность которых должна быть залогом успеха;

– представителями бизнеса, как заинтересованными субъектами в ликвидации негативного регулятивного влияния на общий бизнес-климат;

– органом, который будет отвечать за реализацию «регуляторной гильотины» и принятие конкретных решений.

Включенные в конкретный процесс аналитики субъекты должны дать ответы на вопросы: имеется ли в законе необходимость регуляции; позитивна ли норма для бизнеса; необходимы и обоснованы ли финансовые выплаты, установленные этим законом.

После оценки экспертами правовой нормы или административной процедуры они распределяются в одну из трех групп: сохранить и занести в действующий реестр; упростить, после чего законодательная власть и Правительство предпримут необходимые шаги их оптимизации, упрощения запутанных нормативно-правовых актов; отменить, после че-

[1] План мероприятий («дорожная карта») по реализации механизма «регуляторной гильотины» от 29.05.2019 г. № 4714п-П36.

[2] План мероприятий («дорожной карты») по реализации механизма «регуляторной гильотины».

[3] https://sozd.duma.gov.ru/

[4] https://sozd.duma.gov.ru/

[5] Распоряжение Правительства РФ от 18.09.2012 г. № 1729-р.

го законодательными органами, Правительством будут сделаны необходимые шаги для устранения ненужных нормативно-правовых актов.

«Уцелевшие» оптимизированные нормы и административные процедуры, занесенные в действующий реестр, для представителей бизнеса и граждан страны будут является правовыми регуляторами экономических отношений в сфере контрольно-надзорной деятельности при ведении бизнеса.

Зарубежный опыт регулятивной гильотины

Международный опыт показывает, что количество стран, которым не удалось реализовать дерегуляционные изменения, составляют большинство по сравнению с теми странами, где удалось это сделать успешно. Несомненно, что осуществление реформы требует мощного и прозрачного политического руководства и поддержки общественности. Наиболее интересным и полезным может оказаться опыт США, где с 1993 г. действует подписанное Президентом США Правительственное распоряжение № 12866 «О планировании регулирования», в соответствии с которым проводилась реформа регулирования по улучшению качества планирования и обеспечения легитимности контрольно-надзорных мероприятий и их общественной прозрачности. С 2017 года действует подписанное Президентом США Правительственное распоряжение № 13771 «Сокращение регулирующих функций и контроль расходов на выполнение таких функций», где в целях повышения эффективности управления государственными расходами был введен принцип 2:1, т.е. при принятии одной новой нормы регулирования должны быть исключены две действующие нормы, при этом расходы на введение новой нормы должны полностью компенсироваться за счет отмены действующих норм. На 2018 г. уже была запланирована реализация принципа 3:1, т.е. отмена трех действующих норм для каждого нового регулятивного действия. В ходе первого года исполнения данного акта были отменены 244 действующие нормы, исключены из планов принятия 535 норм, перенесено на долгосрочную перспективу 700 норм, принято 67 актов по дерегулированию, принято 3 новых акта по регулятивным действиям (или 22:1) [Александров, 2019]. Вследствие этого произошел рост экономики США, где в первом квартале 2019 г. ВВП вырос на 3,1 %, во втором – замедлился до 2,1 % и сохранил этот показатель в третьем.

В России около 9 тыс. актов, устанавливающих обязательные требования. Сколько из них удастся изучить и после изучения представить под «гильотину» до 1 февраля 2020 г. – точно сказать никто не может. Но подготовка «дорожной карты» для работы «гильотины» на российской почве поручена аппарату Правительства. При этом результаты проведения большого объема изъятий полномочий и процедур из российского действующего правового регулирования не предсказуемы.

Например, в Южной Корее за 11 месяцев проанализировали свыше 11 тыс. актов, в Хорватии – около 1,4 тыс. Можно только надеяться, что сотрудники аппарата Правительства будут способны преодолеть бюрократические трения и борьбу за полномочия, которые неизбежно возникнут на этапе «отсекай, упрощай и сохраняй». При этом Российская Федерация – самобытная страна, поэтому есть ряд факторов, способных как принести пользу от «гильотины», но, как ни странно, и нанести вред. Важнейший фактор – определение задач для достижения цели «гильотины» – устранение лишних отраслевых нормативно-правовых актов, чтобы бизнесу стало проще работать.

Регуляторная гильотина в действии

Однако задачи регуляторной гильотины контрольно-надзорной деятельности со временем уточняются и изменяются. Например, в рамках обсуждения реформы контрольно-надзорной деятельности (КНД) над бизнесом Минтруд предложил ввести особый механизм государственного регулирования трудовых отношений, выйдя с инициативой не распространять положения реформы на трудовые отношения, а также изменить законо-

проект о госконтроле. Это вызвано необходимостью корректировок реформы существованием рисков для работников на фоне увеличения преимуществ для работодателей, что и было подтверждено профсоюзами. Уже в апреле 2019 г. стали появляться конфликты, когда регулятор предлагал сохранить существующие правила, а отрасль – отменить. Многие ведомства пытаются добиться для себя исключений (сейчас в списке 33 министерства и ведомства, включая МВД, МЧС, Минюст, Минздрав, Минкультуры, Минприроды, Минпромторг, Минстрой, Минтранс, Минтруд, ФАС России, Роспотребнадзор). Такие исключения нарушают логику и системность проводимых реформ контрольно-надзорной деятельности. Также появляются мнения о том, что Минэкономразвития может продлить деятельность по отмене устаревших нормативных правовых актов всех уровней до 2023 года. Это связано с тем, что необходимо больше времени для проверки региональных и муниципальных норм. До 1 января 2021 г. планируется в рамках «регуляторной гильотины» завершить проверку нормативно-правовой базы федерального уровня, до 2022 г. – проверить нормы субъектов РФ, до 2023 г. – муниципальные нормы[1].

Необходимость процедуры доказывания при введении, изменении, сохранении государственного регулирования обусловлена объективными характеристиками субъектов процесса принятия решений и спецификой самого процесса нормотворчества. Качественное регулирование должно основываться на наилучших доступных доказательствах, включая научные и экспертные данные. Но при этом следует учитывать и то, что в рабочей группе при обсуждении правового акта может возникнуть три конкурирующие позиции: позиция регулятора, который будет отстаивать сугубо свои интересы; позиция крупного бизнеса, отстаивающего свои интересы; позиция мелкого бизнеса, для которого позиция крупного бизнеса является нежизнеспособной.

В этой связи необходимо найти рациональное решение при различных точках зрения в экспертном сообществе. В этом случае необходима четко установленная процедура преодоления лоббистских устремлений в сторону государственного интереса. Эта ситуация может быть рассмотрена с принятием решения на «специальной согласительной» комиссии.

Также следует отметить решения рабочих групп различных отраслей по пересекающимся контрольно-надзорным полномочиям, когда по одному и тому же правовому акту при рассмотрении разными рабочими группами принимаются не совпадающие решения. В этой связи необходимо окончательное «надгрупповое» решение. Также следует обратить внимание на то, что под видом новых требований могут появиться старые правила вследствие лоббистских усилий со стороны отрасли и регулятора, а также на отсутствие объективных критериев пересмотра правовых регуляций, прямо или косвенно влияющих на бизнес, что может негативно повлиять на результаты реформы.

Реализация механизма «регуляторной гильотины» обусловливает необходимость оценки регулирующего воздействия (ОРВ) как одного из важнейших инструментов диалога власти и бизнеса для выработки эффективной государственной политики, что стимулирует органы-разработчики тщательно продумывать свои решения. Причины популярности института оценки регулирующего воздействия определяются особым правовым механизмом обсуждения проектов нормативных правовых актов, затрагивающих интересы бизнеса и инвесторов, до момента их вступления в силу [Арзамасов, 2013]. Также предполагается анализ социальных и экономических последствий принятия нормативного правового акта. В этом случае «насаждение сверху» таких правовых норм при использовании правил ОРВ невозможно.

Главную опасность для эффективной реализации механизма «регуляторной гильотины» несет коррупция в органах государственной власти и местного самоуправления.

[1] «Регуляторную гильотину» могут продлить до 2023 года. https://www.business.ru /news /12027-regulyatornuyu-gilotinu-mogut-prodlit-do-2023-goda

Отмена нормативных актов, особенно ГОСТов на промышленные изделия, продукты, в том числе и экологические, создает для человека затруднения в принятии решений и пользовании товаром. Отмену большого количества нормативных документов и ГОСТов нельзя компенсировать и возместить очень быстро. В этом случае возникнет правовой вакуум, а в таком правовом вакууме будут действовать и уже действуют коррупционные связи. Если говорить о российской коррупции, то она серьезно затрудняет нормальное функционирование всех государственных структур, препятствует проведению социальных преобразований и повышению эффективности национальной экономики, вызывает в российском обществе тревогу и недоверие к государственным институтам, в том числе и в вопросе реализации механизма «регуляторной гильотины».

Заключение

Следует констатировать, что процесс реализации контрольно-надзорной реформы зависит от способности экспертного сообщества, рабочих групп и регулятивных органов обеспечить качественное и оперативное выполнение поставленных задач под руководством Минюста. Но это только часть реформы государственного управления, основные сложности еще впереди. Следует согласиться с тем, что работу, проведенную в период административной реформы, требуется не просто провести заново, а поставить «на поток», создать механизм постоянного контроля за возникающими и перераспределяемыми полномочиями[1]. От того, как пройдет этап контрольно-надзорной реформы, будет зависеть эффективность системы российского государственного управления.

Список литературы

1. Аганина Р.Н., Андронова Т.А. 2020. Модернизация института государственного контроля предпринимательской деятельности. Право и политика. № 2. С. 36–47.

2. Александров О.В. 2019. «Регуляторные гильотины»: международный опыт устранения препятствий для бизнеса и инвестирования». Торговая политика. Trade policy. № 1/17. С. 107-118.

3. Арзамасов Ю.Г. 2013. Оценка регулирующего воздействия: понятие, функции, проблемы институализации. Право и образование. № 11. С. 4–17.

4. Кармолицкий А.А. 2014. К вопросу об административном надзоре в сфере исполнительной власти. Законодательство. № 1. С. 48–58.

5. Кнутов А.В. 2015. Обязательные требования к хозяйственной деятельности в России. Вопросы государственного и муниципального управления. № 1. С. 104–123.

6. Любимов Ю., Новак Д., Цыганков Д., Нестеренко А., Варварин А., Ибрагимов Р., Жаркова О., Москвитин О., Маслова Н., Верле Е. 2019. Регуляторная гильотина. Закон. № 2. С. 20–36.

7. Майоров В.И. 2019. Модернизация системы контроля и надзора: новая регуляторная политика. Административное право и процесс. № 11. С. 34–36.

8. Регуляторная политика в России: основные тенденции и архитектура будущего. А.Е. Голодникова, А.А. Ефремов, Д.В. Соболь. Москва: Центр стратегических разработок, 2018. 192 с.

9. Семенов С.В., Чаплинский А.В. 2014. О совершенствовании правового регулирования системы государственного и муниципального контроля в России. Вопросы государственного и муниципального управления. № 4. С. 118–135.

10. Синдеева И.Ю. 2014. Ответственность органов исполнительной власти при осуществлении государственного контроля. Государственная служба. № 5. С. 6−11.

11. Хачатуров А. Надзор на отсечение. URL: https://novayagazeta.ru/authors/45237 (дата обращения 20.01.2020 г.).

[1] Татьяна Нестеренко: без сокращения госслужащих не будет и повышения зарплат [электрес] https://ria.ru/20190923/1558915623.html

12. Щербатова С. 2019. Коснется ли "регуляторная гильотина" саморегулируемых организаций, выдающих компаниям допуски к производству работ в области строительства? Жилищное право. № 6. С. 5–16.

References

1. Aganina R.N., Andronova T.A. 2020. Modernization of the institute of state control of entrepreneurial activity. Law and Politics, 2:36–47.

2. Alexandrov O.V. 2019. “Regulatory Guillotines”: International Experience in Removing Barriers to Business and Investment. ” Trade policy. Trade policy, 1/17: 107–118.

3. Arzamasov Yu.G. 2013. Regulatory impact assessment: concept, functions, problems of institutionalization. Law and education, 11: 4–17.

4. Karmolitsky A.A. 2014. To the question of administrative supervision in the field of executive power. Legislation, 1: 48−58.

5. Knutov A.V. 2015. Mandatory requirements for economic activity in Russia. Questions of state and municipal government, 1: 104–123.

6. Lyubimov Yu., Novak D., Tsygankov D., Nesterenko A., Varvarin A., Ibragimov R., Zharkova O., Moskvitin O., Maslova N., Verle E. 2019. Regulatory guillotine. Law, 2: 20–36.

7. Mayorov V.I. 2019. Modernization of the control and supervision system: a new regulatory policy. Administrative law and process, 11: 34–36.

8. Regulatory policy in Russia: main trends and architecture of the future. 2018. Ed. A.E. Golodnikova, A.A. Efremov, D.V. Sable [et al.]. Moscow, Center for Strategic Research, 192 p.

9. Semenov S.V., Chaplinsky A.V. 2014. On improving the legal regulation of the state and municipal control system in Russia. Issues of state and municipal government, 4: 118–135.

10. Sindeeva I.Yu. 2014. Responsibility of executive authorities in the exercise of state control. State service, 5: 6−11.

11. Khachaturov A. Surveillance for clipping. URL: https://novayagazeta.ru/authors/45237 (date of appeal 01/20/2020).

12. Shcherbatova S. 2019. Will the “regulatory guillotine” affect self-regulatory organizations that issue companies approvals for construction work? Housing law, 6: 5–16; Administrative law, 3: 57–62.

Ссылка для цитирования статьи
For citation

Чепунов О.И. 2020. Некоторые проблемы «регуляторной гильотины». NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 45 (1): 133–140.

DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-1-133-140

Chepunov A.E. 2020. Some problems of the «regulatory guillotine». NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law. 45 (1): 123–130 (in Russian). DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-1-133-140

УДК 349
DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-1-141-147

О ПОНЯТИИ НАЛОГОВОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ

ABOUT THE CONCEPT OF TAX LAW OFFICE

Р. З. Юсупов
R. Z. Yusupov

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева,
Россия, 443086, г. Самара, Московское шоссе, 34

Samara National Research University named after Acad. S.P. Koroleva,
34 Moskovskoe highway, Samara, 443086, Russia

E-mail: r.yusupov@bk.ru

Аннотация
Финансово-правовая наука сравнительно недавно приступила к исследованию такой категории, как «налоговое правонарушение». Вопросы наказуемости и общественной опасности как признаки налогового правонарушения не подвергались разработке и вызывают в настоящее время оживленные дискуссии. В связи с этим автор исследует формирование понятия «налоговое правонарушение», на которое особое влияние оказала юридическая практика Конституционного Суда РФ. Акцентировано внимание на наиболее спорных вопросах дефиниции налогового правонарушения, а именно на общественной опасности и наказуемости. Особое внимание уделено соотношению понятий «налоговое нарушение» и «налоговое правонарушение». Сделаны выводы о том, что на законодательном уровне необходимо разграничить налоговые правонарушения и налоговые нарушения, обособив последние не в специальной главе, а в отдельном разделе НК РФ, а также дифференцировать ответственность банковских организаций в зависимости от трех состояний: умышленной формы вины; неосторожной формы вины; отсутствия вины. При этом в общих положениях о налоговой ответственности должна быть сделана специальная оговорка о возможности их привлечения к налоговой ответственности при отсутствии вины.

Abstract
Financial and legal science has recently begun to study such a category as"tax offense". The issues of punishability and public danger as signs of a tax offense have not been developed and are currently causing lively discussions. In this regard, the author examines the formation of the concept of "tax offense", which was particularly influenced by the legal practice of the constitutional Court of the Russian Federation. The attention is focused on the most controversial issues of the definition of a tax offence, namely, the social danger and the punishability. Special attention is paid to the relationship between the concepts of "tax violation" and"tax offense". It is concluded that at the legislative level it is necessary to distinguish between tax offenses and tax violations, separating the latter not in a special Chapter, but in a separate section of the tax code of the Russian Federation, as well as to differentiate the responsibility of banking organizations depending on three States: intentional form of guilt; careless form of guilt; lack of guilt. At the same time, the General provisions on tax liability must contain a special clause about the possibility of bringing them to tax liability in the absence of guilt.

Ключевые слова: юридическая ответственность; налоговая ответственность; финансово-правовая ответственность; налоговые правонарушения; налоговая наказуемость; вина; виновность.
Key words: legal liability; tax liability; financial and legal responsibility; tax offenses; tax penalties; wine guilt.

Введение

Финансово-правовая наука сравнительно недавно приступила к исследованию такой категории, как «налоговое правонарушение». Своеобразным толчком к этому послужил переход нашей страны к рыночной экономике и придание налогам и сборам совсем иной роли, так как без эффективной реализации функции налогообложения невозможно осуществление государством иных направлений его деятельности.

Следует отметить, что проблема понятия налоговых правонарушений ранее уже поднималась в юридических исследованиях, и по различным их аспектам защищены кандидатские [Рудовер, 2013; Тарло, 2013; Полякова, 2015] и докторские диссертации [Емельянов, 2005; Арсланбекова, 2009; Разгильдиева, 2011]. Однако в настоящей работе мы затронем вопросы, которые ранее или не подвергались разработке, или вызывают в настоящее время оживленные дискуссии. Особое внимание будет уделяться правовым позициям Конституционного Суда РФ, а также иных судов по наиболее спорным вопросам налоговых правонарушений. Особое внимание будет уделено наказуемости и общественной опасности как признакам налогового правонарушения.

О законодательной дефиниции налогового правонарушения

Принято считать, что впервые понятие налогового правонарушения было формализовано в части первой Налогового кодекса РФ (НК РФ) в 1998 году, что не совсем точно. Новейшие историко-правовые корни данного понятия находятся в Постановлении Конституционного Суда РФ от 17 декабря 1997 года № 20-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части первой статьи 11 Закона Российской Федерации от 24 июня 1993 года «О федеральных органах налоговой полиции»[1]. Известно, что решения КС РФ занимают особое место в системе источников права, не относясь к классическим судебным прецедентам, но и не являясь нормативным правовым актом. Тем не менее они носят общеобязательный характер на всей территории Российской Федерации.

В указанном Постановлении отмечается: «Налоговые санкции носят не восстановительный, а карательный характер и являются наказанием за налоговое правонарушение, то есть за предусмотренное законом противоправное виновное деяние, совершенное умышленно либо по неосторожности». Фактически КС РФ, опираясь на положения теории государства и права, принципы юридической ответственности, а также накопленный опыт в формулировании дефиниций различных разновидностей правонарушений, сформулировал признаки налогового правонарушения. В частности, из указанного Постановления следует, что к их числу относятся противоправность, виновность, деяние, наказуемость. Одновременно высшая судебная инстанция указала и на необходимость разграничения мер налоговой ответственности от иных мер государственного принуждения, которые не носят карательного характера, а осуществляют иные функции. Ввиду вышесказанного, встречающиеся в научной и учебной литературе утверждения о том, что впервые легальное определение и признаки налогового правонарушения были сформулированы в НК РФ, не соответствуют действительности. Постановления КС РФ носят легальный и формальный характер и на территории Российской Федерации обязательны для исполнения всеми субъектами общественных отношений.

В настоящее время законодательная дефиниция налогового правонарушения закреплена в статье 106 НК РФ и, за исключением добавления в нее новых видов субъектов, не претерпела существенных изменений с момента вступления в силу. Так, «налоговым правонарушением признается виновно совершенное противоправное (в нарушение зако-

[1] Собрание законодательства РФ. 1997. № 1. Ст. 197.

нодательства о налогах и сборах) деяние (действие или бездействие) налогоплательщика, плательщика страховых взносов, налогового агента и иных лиц, за которое настоящим Кодексом установлена ответственность». В статье 106 НК сформулирована классическая норма-дефиниция, но вызывает вопросы сфера распространения ее действия на главы и разделы НК РФ. Так, Раздел VI НК РФ носит название «Налоговые правонарушения и ответственность за их совершение». Согласно правилам толкования и юридической техники, для уяснения воли законодателя необходимо обращаться не только к содержанию текста статей, но и интерпретировать их названия, названия глав и разделов. Законодатель вполне логично сформулировал название Главы 16 НК, входящей в данный раздел, как «Виды налоговых правонарушений и ответственность за их совершение». Нормотворец дефинитивные нормы и нормы-принципы закрепил в Главе 15 НК РФ: «Общие положения об ответственности за совершение налоговых правонарушений». Однако название Главы 18 НК РФ «Виды нарушений банком обязанностей, предусмотренных законодательством о налогах и сборах, и ответственность за их совершение» вызывает недоумение. Суть в том, что как теория, так и юридическая практика исходят из того, что нарушение – это родовое понятие, а правонарушение является видовым понятием. В результате этого, юридическая практика пошла по пути привлечения банковских организаций к ответственности без вины, так как понятием «нарушение» охватываются все разновидности противоправных деяний, в том числе и объективно-противоправные. Между тем КС РФ в своих решениях, в том числе и связанных с вопросами налоговой ответственности, указывал, что ответственность без вины должна быть прямо предусмотрена в законе, то есть специально оговорена[1]. Налоговый кодекс РФ не содержит каких-либо исключений из общих правил и принципов юридической ответственности, как, например, Гражданский кодекс РФ.

В связи с этим можно утверждать, что законодатель нарушил правовые позиции высшей судебной инстанции. Законы диалектики гласят, что одно нарушение неизбежно порождает другое. Так, не выступая в принципе против возможности существования ответственности банков в налоговых отношениях без вины (при условии, что это должно быть специально оговорено в законе), нельзя не отметить, что нарушения банками обязанностей, предусмотренных законодательством о налогах и сборах, могут быть совершены умышленно, по неосторожности, а также без вины. Основополагающим началом юридической ответственности является ее индивидуализация. Между тем санкции в главе НК РФ о банковских нарушениях не носят дифференцированного характера и не зависят от умысла, или неосторожности, или отсутствия вины. В своих решениях КС РФ неоднократно указывал на необходимость соблюдения законодателем и правоприменителем принципов соразмерности и достаточности, а также обязательного учета всех обстоятельств совершенного правонарушения как при закреплении санкций, так и при их реализации[2]. К различным обстоятельствам совершенного правонарушения относится и

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 17 декабря 1996г. «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части первой ст. 11 Закона Российской Федерации от 24 июня 1993 года «О федеральных органах налоговой полиции». Собрание законодательства РФ. 1997. № 1. Ст. 197.

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 15 июля 1999 года № 11-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона РСФСР «О Государственной налоговой службе РСФСР и Законов Российской Федерации об основах налоговой системы в Российской Федерации и «Федеральных органах налоговой полиции». Собрание законодательства РФ. 1999. № 30. Ст. 3988. Постановление Конституционного Суда РФ от 17 января 2013 года № 1-П «По делу о проверке конституционности положения части 5 статьи 19.8 Кодекса РФ об административных правонарушениях в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Маслянский хлебоприемный пункт». Собрание законодательства РФ. 2013. № 4. Ст. 304; Постановление Конституционного Суда РФ от 27 апреля 2001 г. № 7 П «По делу о проверке конституционности ряда положений Таможенного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Арбитражного

вина, которой не придается какого-либо значения в НК РФ применительно к ответственности банков.

Нельзя не отметить и положительные тенденции, связанные с нормативным закреплением признаков противоправности и наказуемости налогового правонарушения. Из дефиниции налогового правонарушения следует, что противоправность понимается как «нарушение законодательства о налогах и сборах», а само понятие налогового законодательства раскрывается в ст. 1 НК РФ. При этом в п. 6 ч. 2 ст. 1 фактически закреплен принцип законности налоговой ответственности, заключающийся в ее установлении исключительно в НК РФ. В связи с этим наметилась положительная практика в решениях судов, заключающаяся в признании различных писем Минфина России ненормативными, а следовательно, не содержащими обязательных требований для субъектов налогового права[1].

Общественная опасность как признак налогового правонарушения

Вполне традиционно признак общественной опасности налогового правонарушения вызывает оживленные дискуссии в юридической литературе. Здесь можно отметить две диаметрально противоположные позиции. Так, одни авторы полагают, что общественная опасность присуща налоговым правонарушениям [Хачатуров, Ягутян, 1995; Липинский, Мусаткина, 2017], а другие считают, что данный признак характерен исключительно для налоговых преступлений [Крохина, 2013; Брызгалин, 1995]. Еще одна группа ученых полагает, что налоговым правонарушениям свойственна вредоносность, а не общественная опасность [Гогин, 2011]. Ученые приводят различные доводы как обосновывающие наличие указанного признака, так и исключающие его, которые сводятся к формальной стороне вопроса. Для верного разрешения данного спора необходимо обратиться к роли и социальному предназначению функции налогообложения современного государства, а также применить историко-правовой метод исследования.

Известно, что в период существования СССР экономика носила плановый и административный характер. Значение налогов было минимизировано ввиду государственной и общественной собственности на орудия и средства производства. Уплата налогов напоминала перераспределение бюджетных средств между государственными органами, предприятиями, учреждениями и организациями. Финансовому законодательству того периода в принципе не было известно понятие «налоговое правонарушение». В УК РСФСР 1960 года содержалась только статья 82, закрепляющая ответственность за уклонение от уплаты налогов, совершенное в военное время. Административно-командная система экономики и управления была выстроена так, что уклонение от уплаты налогов исключалось. И если не принимать во внимание подоходный налог и некоторые другие виды платежей, взымаемых с граждан, то вред в случае неверной уплаты налога той или иной организацией был минимальный, так как средства по-прежнему оставались в государственной или общественной собственности.

суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области, жалобами открытых акционерных обществ "АвтоВАЗ" и "Комбинат Североникель", обществ с ограниченной ответственностью "Верность", "ВитаПлюс" и "Невско-Балтийская транспортная компания", товарищества с ограниченной ответственностью "Совместное российско-южноафриканское предприятие "Эконт" и гражданина А.Д. Чулкова». Собрание законодательства РФ. 2001. № 23. Ст. 2409. *31.*

[1] Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 11 августа 2015 г. № ФО6 – 26227/2015. Интернет-версия СПС «Гарант» http://base.garant.ru/54196166/ (дата обращения 10.09.2016 г); Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 22.11.2012 № 09АП-33404/2012-АК. Интернет-версия СПС «Гарант» http://base.garant.ru/54196166/ (дата обращения 10.09.2019

Другое значение приобретает налог в условиях рыночной экономики, в которой преобладают организации с частной формой собственности, а также индивидуальные предприниматели. От полной и своевременной уплаты ими налогов зависит формирование бюджетов, а следовательно, и наличие возможности государством осуществлять присущие ему функции, реализовывать приоритетные проекты, выплачивать пенсии, обеспечивать национальную безопасность и так далее. Общеизвестно, что многие законы требуют и финансового обеспечения, но оно зависит от наполняемости бюджета страны. Не будет преувеличением утверждение о том, что функция налогообложения обеспечивает финансово эффективность реализации других функций. Если посмотреть глобально, то и реализация прав и свобод человека и гражданина зависит от наполняемости бюджета. Как известно, права и свободы человека и гражданина находятся в основе правового государства. Поэтому в широком смысле налоговые правонарушения тормозят построение правового государства и формирование гражданского общества. Примечательно, что в некоторых государствах с развитой рыночной экономикой налоговые правонарушения относят к деяниям, которые посягают на национальную безопасность. Естественно, непосредственным объектом налогового правонарушения выступают налоговые правоотношения, но они вплетены в целую систему социальных связей и объектов правовой охраны, поэтому налоговые правонарушения затрагивают различные сферы нормального функционирования государственно-организованного общества. В связи с изложенным выше полагаем, что признак общественной опасности характерен и для налоговых правонарушений.

На первый взгляд, признак наказуемости налогового правонарушения не вызывает каких-либо вопросов, так как сформулирован в дефиниции налогового правонарушения вполне ясно и недвусмысленно. Однако его практическая реализация в конкретных санкциях, предусмотренных НК РФ, не может не вызывать критики, существо которой состоит в нарушении принципов юридической ответственности. Мы вновь обращаемся к принципу индивидуализации, инструментом которого являются альтернативные и относительно определенные санкции. Между тем анализ санкций за налоговые правонарушения показывает, что подавляющее большинство из них сформулированы по типу безальтернативных и абсолютно определённых. С одной стороны, такие конструкции санкций являются ограничением для субъективизма правоприменителя и минимизируют коррупционные риски, а с другой – грубо нарушают принцип индивидуализации, так как правовых средств в виде обстоятельств, смягчающих налоговую ответственность, для этого явно недостаточно.

Рассматривая наказуемость как признак налогового правонарушения, нельзя не обратить вниманию на двойственность юридической природы пени. Так, о ней не говорится как о налоговом наказании в ст. 114 НК, а по факту в большинстве случаев осуществляется кумуляция санкции, предусмотренной конкретной нормой об уклонении от уплаты налогов и пени. Если проводить аналогию с административной ответственностью, а налоговая с ней связана глубокими генетическими корнями, то ее юридическая природа близка к дополнительному наказанию и не сводится только к компенсационному предназначению.

Заключение

Проведенное исследование развивает теории налоговой ответственности и налогового правонарушения, а в случае восприятия указанных нами предложений по совершенствованию законодательства оно может быть положено в основу ряда законопроектов, которыми должны быть внесены изменения в Налоговый кодекс РФ.

Кроме того, считаем необходимы отметить, что на законодательном уровне необходимо разграничить налоговые правонарушения и налоговые нарушения, обособив последние не в специальной главе, а в отдельном разделе, а также дифференцировать от-

ветственность банковских организаций в зависимости от трех состояний: умышленной формы вины; неосторожной формы вины; отсутствия вины. При этом в общих положениях о налоговой ответственности должна быть сделана специальная оговорка о возможности их привлечения к налоговой ответственности при отсутствии вины. Следует провести ревизию налоговых санкций, сформулировав их по типу относительно определенных, что позволит должным образом индивидуализировать налоговую ответственность правонарушителя.

Внесение подобного рода изменений будет способствовать повышению уровня правопорядка и законности. Выявленное нами игнорирование правоприменителем требований правовых принципов и принципов юридической ответственности в настоящее время негативным образом сказывается на качестве законности и правопорядка.

Список литературы

1. Арсланбекова А.З. 2009. Финансово-правовые санкции в системе мер юридической ответственности: Автореф. дис. …д-ра юрид. наук. Саратов, 20 с.

2. Емельянов А. С. 2005. Реализация охранительной функции финансового права: Автореф. дис. …канд. юрид. наук. Москва, 22 с.

3. Крохина Ю. А. 2013. Финансово-правовая ответственность – необходимый атрибут правового государства. Правовое государство: теория и практика, 2: 69–72.

4. Липинский Д.А., Мусаткина А.А. 2017. К вопросу о субъективной стороне налоговых правонарушений. Налоги и налогообложение, 2: 1–20.

5. Полякова С. А. 2015. Финансово-правовая ответственность за нарушение бюджетного законодательства: Автореф. дис. … канд. юрид. Наук, 20 с.

6. Гогин А.А. 2011. Правонарушение как конфликтное деяние. Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия Юридические науки, 1: 48–53

7. Хачатуров Р.Л., Ягутян Р.Г. 1995. Юридическая ответственность. Тольятти: Академия бизнеса и банковского дела: 220 с.

8. Саттарова Н.А. 2006. Принуждение в финансовом праве. М., Юрлитинформ, 392 с.

9. Брызгалин А.В. 1995. Уклонение от уплаты налогов: правонарушение или объективное явление? Закон, 4:110-113

10. Игнатьева С. В. 2010. Налоговые правонарушения как основание для привлечения к налоговой ответственности. Вестник Академии экономической безопасности МВД России, 3: 45–48.

12. Разгильдиева М.Б. 2011. Теория финансово-правового принуждения и сферы его применения: Автореф. дис. …д-ра юрид. наук. Саратов, 58 с.

13. Рудовер Ю.В. 2013. Финансово-правовое регулирование ответственности за нарушение законодательства о налогах и сборах: Автореф. дис. …канд. юрид. наук. Москва, 21 с.

14. Тарло А.Е. 2013. Ответственность казны: финансово-правовые аспекты: Автореф. дис. …канд. юрид. наук. Москва, 21 с.

References

1. Arslanbekova A.Z. 2009. Financial and legal sanctions in a portfolio of juridical responsibility measures: Doctor of Juridical Sceince thesis. Saratov, 20 p.

2. Emel'janov A.S. 2005. The realization of the security function of the financial law: Doctor of Juridical Sceince thesis. Moscow, 22 p.

3. Krokhina Ju.A. 2013. Finansovo-pravovaya otvetstvennost' – neobkhodimyi atribut pravovogo gosudarstva. [Financial and legal responsibility – a necessary attribute of a law-based State]. Pravovoe gosudarstvo: teorija i praktika. 2: 69–72.

4. Lipinskij D.A., Musatkina A.A. 2017. K voprosu o sub'ektivnoj storone nalogovyh pravonarushenij [Regarding the mental element of the tax offence] Nalogi i nalogooblozhenie. 2: pp. 1-20. DOI: 10.7256/2454-065X.2017.2.22116.

5. Poljakova S.A. 2015. Financial and legal responsibility for the budget legislation offence: Doctor of Juridical Sceince thesis. 20 p.

6. Gogin. A.A. 2011. Pravonarushenie kak konfliktnoe deyanie. [Offence as a conflict act]. Vector nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Yuridicheskiye nauki, 1: 48–53.

7. Khachaturov R.L., Yagutyan R.G. 1995. Yuridicheskaya otvetstvennost'. [Legal liability.] Togliatti, Akademiia biznesa I bankovskogo dela. 220 p.

8. Sattarova N.A. 2006. Prinuzhdenie v finansovom prave. [Coercion in terms of financial law.] Moscow, Jurlitin-form. 392 p.

9. Bryzgalin A.V. 1995. Uklonenie ot uplaty nalogov: pravonarushenie ili ob"ektivnoe yavlenie? [Paying taxes evasion: an offence or an objective phenomenon?]. Zakon, 4: 110–113.

10.. Ignatieva S.V. 2010. Nalogovye pravonarusheniya kak osnovanie dlya privlecheniya k nalogovoi otvet-stvennosti. Tax offence as a foundation for the tax liability. Vestnik Akademii ekonomicheskoi bezopasnosti MVD Rossii. 3. 45-48

12. Razgil'dieva M.B. 2011. Theory of financial and legal enforcement and its scope of application: Doctor of Juridical Sceince thesis. Saratov, 58 p.

13. Rudover Ju.V. 2013. Financial and legal regulation of the responsibility for the tax and duties law offence: Doctor of Juridical Sceince thesis. Moscow, 21 p.

15. Tarlo A.E. 2013. [Treasury responsibility: financial and legal aspects: Doctor of Juridical Sceince thesis]. Moscow, 21 p.

Ссылка для цитирования статьи
For citation

Юсупов Р.З. 2020. О понятии налогового правонарушения. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 45 (1): 141–147. DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-1-141-147

Yusupov R.Z. 2020. About the concept of tax law office. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law.45 (1): 141–147. (in Russian). DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-1-141-147

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ
THESIS

УДК 130.1
DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-1-148-157

ПРОЕКТИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕКА: ПРЕДЕЛЫ ВОЗМОЖНОГО И НЕВОЗМОЖНОГО

HUMAN PROJECTION: THE LIMITS OF POSSIBLE AND IMPOSSIBLE

А.С. Алехнович
A.S. Alehnovich

Институт философии РАН,
Россия, 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences,
12, building 1 Goncharnaya St, Moscow, 109240, Russia

E-mail: alehnovich.san@rambler.ru

Аннотация
В XXI веке антропологическая рефлексия сталкивается с проблемой онтологического разрыва между трансформацией современного человека и возможностями его самопознания соотносить мощь технологического гнозиса с условиями своего существования и проекциями сознания. Представлен экзистенциально-феноменологический анализ пределов антропологического проектирования с позиции возможного и невозможного. Автор предлагает концепты антропологической формы и антропологического содержания, которые образуют проективный круг: понимание своего бытия человеком неотделимо от самого бытия. Экзистенциалами этого круга оказываются рефлексивность, историчность, трансцендентность и трансгрессивность. Проективность человека – сложный феномен, который раскрывается на экзистенциальном и рефлексивном уровнях его существования. Первый уровень создает основу человеческой субъективности, второй – создает возможность для проектной деятельности. Сделан вывод, что в условиях радикальных трансформаций экзистенциальный способ бытийно-исторического устройства остается онтологическим проектом человеческого самопонимания.

Abstract
In the 21 century anthropological reflection faces the problem of an ontological gap between the transformation of modern man and the possibilities of his self-knowledge to correlate the power of technological gnosis with the conditions of his existence and the projections of consciousness. The article presents an existential-phenomenological analysis of the limits of anthropological design from the perspective of the possible and impossible. The author offers the concepts of anthropological shape and anthropological content, which form a projective circle: the understanding of one's being as a human being is inseparable from being itself. The existential structures of this circle are reflexivity, historicity, transcendence and transgression. Projectivity becomes a condition of human self-understanding. The human projectivity is a complex phenomenon that is revealed on the existential and reflexive levels of human existence. The first level creates the basis of human subjectivity, the second creates an opportunity for project activities. It is concluded that under the conditions of radical anthropological transformations, the existential way of the being-historical structure remains a renewable project of human self-understanding.

Ключевые слова: рефлексия, трансгрессия, проект, экзистенция, человек, трансценденция, сознание, субъект, возможное, невозможное.
Keywords: reflexion, transgression, project, existence, human, transcendence, consciousness, subject, possible, impossible.

Введение

Мир меняется ускоряющимися темпами, за которыми не успевает наше понимание себя самих. Стремительные инновации вне исторического контекста больших социокультурных проектов и вне контекста ясного образа будущего представляются результатом фрагментарных политических, социальных и маркетинговых технологий. Отсюда – ощущение затянувшегося «конца истории» и появление концептуальных пост- и трансобразований для артикуляции парадигмальных изменений в понимании условий существования человека и культуры (постистория, постфилософия, постгуманизм, постчеловек, трансчеловек и др.).

В условиях смысловой неустойчивости и поглощения техносоциальными проектами жизненного мира человека мы сталкиваемся с антропологическими и технологическими вызовами современности, связанными с проектами трансформации человека в качественно новые функциональные состояния. Биологическая и социальная жизнь все более приближается к бытию в качестве проекта, который ставит свои собственные задачи.

Проектная практика стала осознаваться как особая деятельность, направленная на переустройство человеческого существования в соответствии с возможным и желаемым образом бытия [Резник, 2016]. Проективное отношение к реальности уже сложилось в проектную культуру [Генисаретский, 2016]. Однако, чем выше уровень планирования и управления в проектировании, чем больше масштаб планируемых изменений, тем выше риск неосознавания человеком эффектов проектируемых состояний, открывающих постчеловеческую реальность.

Возникает вопрос, являются ли такие постконцепции событием самой человеческой реальности? Иными словами, являются ли эти попытки завершения человека новым способом рефлексировать переставшего понимать себя человека? Исходя из такой перспективы видения, мы будем анализировать два взаимосвязанных аспекта антропологического проектирования.

1) Перед тем, как переходить к трансформационным концепциям человека, имплицитно включающим концептуальные допущения о человеческой природе, необходимо постоянно прояснять, что именно трансформируется в человеке (рефлексивный аспект проектирования).

2) Современные обсуждения самопроектирования упускают из вида то, что изменения человека являются содержанием трансформационного процесса, который раскрывает онтологическое становление человеческой субъективности через постоянное соотнесение с пределами возможного и невозможного (исторический аспект проектирования).

Теоретической и методологической основой для анализа стал экзистенциально-феноменологический подход, присутствующий в работах М. Хайдеггера, Ж.-П-Сартра и современных исследователей. Такой анализ направлен не на поиски сущности, гарантирующей устойчивость существования в потоке трансформаций, но на раскрытие онтопроектного круга становящейся субъективности человека. Кроме того, для выявления экзистенциальных условий проективности и включения их в наше исследование применились философские дискурсы археологии М. Фуко и гетерологии Ж. Батая.

Рефлексивность предела возможного и невозможного

Взаимопроникающее влияние природы и культуры до Нового времени не осознавалось как возможность какого-либо проектирующего технологичного преобразования

«естественного» в «искусственное» состояние [Дескола, 2012]. Человек оставался частью единого космического универсума людей, зверей и вещей, божественного и социального порядков мира, в котором он не мыслил себя ничем иным, кроме человеческого существа. Опыты транса, медитации, экстаза, аскезы и другие духовные практики преобразующей работы со своими мыслями, чувствами и телесностью были направлены на соединение с запредельным миром и гармонизацию существования в телеологически заданных формах человеческой природы, понимание которой носило устойчивый характер, не подлежащий радикальным трансформациям.

Технологическая рациональность Модерна включила человека как субъекта и объекта в изобретательскую трансформационную работу над самим собой. Наступила эпоха антропологических проектов (И. Кант, «Антропология с прагматической точки зрения»), неразрывно связанных с социально-утопическим проектированием нормативных обществ в соответствии с рациональными принципами Просвещения и знаниями эмпирических наук. Современность впервые открывает положение человека как проекта для самого себя, включая рефлексивную критику отношения к самому себе, своему времени и своей субъективности [Хабермас, 2003]. Человек в буквальном смысле осознает себя экстремальным существом, которое стремится изменить себя и преодолеть свои неразумные ограничения.

По словам М. Фуко, современность «не освобождает человека в его собственной сути, она понуждает к выработке самого себя» [Фуко, 2002, с. 348]. Одним из следствий Просвещения является появление особого рода критической «установки на современность», которая проблематизирует отношение к своему настоящему, способы исторического бытия и конституирование себя как автономного субъекта [там же, с. 348]. Фуко рассматривает эпоху Просвещения как начало дискурса о человеке, который, с одной стороны, определяется новым способом конфигурировать объекты в эмпирических науках («язык», «жизнь», «труд»), а с другой стороны, обосновывается трансцендентальным априоризмом кантовской критической философии. Для антропологической рефлексии человек – это такая трансцендентально-эмпирическая действительность, в которой эмпирическое содержание (конечное живое тело) обуславливается историческими априорными формами культуры и всегда уже присутствует в самоудалении (временном разрыве) от собственного источника [Фуко, 1994]. Впрочем, такому способу мыслить человека и помещать его в оптику современной науки приходит конец во второй половине XX века. Структурализм, системный анализ и когнитивные науки не оставляют места для антропологического трансцендентализма.

Тем самым культура Модерна вместе с открытием критической установки человека к себе и своей историчности включает в себя как возможное проектирование нового человека и общества, так и критику этих проектов, претендующих быть радикальными и универсальными программами. Проект становится способом человеческого самопонимания и выстраивания самоидентичности в процессе социальной и персональной модернизации [Веряскина, 2015].

От наблюдения за ростом технологической рациональности мы подходим к рефлексии исторических пределов становления человеческого бытия в условиях непредсказуемости трансформаций, выходящих за доступные ценностно-смысловые горизонты человеческого мира. Каким образом мы можем мыслить антропологические пределы в контексте проективных нарративов современности? С чем в существе человека соотносятся происходящие изменения? Рефлексивно-практическое отношение к проектируемой идентичности человеческого опыта может затеряться на дорефлексивном уровне его субъективности. Под идентичностью мы понимаем не только количественное единство организма и качественное единство личности (план сущего), но и экзистенциальное единство человеческого существования, которое способно себя понимать (план бытия). Объяснение идентичности не сводится к той или иной модели, но понимание себя человеком неотделимо от его способа бытия [Jackson, Piette, 2015]

Критический компонент исторических и антропологических знаний артикулирует герменевтику «рефлексивного круга познания и бытия» [Смит, 2014, с. 107] – от самоинтерпретации к самоидентификации и наоборот. Данный круг обусловлен предположением, что в рефлексивном самопознании познающий субъект имеет непосредственный доступ к самому себе: «рефлектирующий о себе самом субъект еще до рефлексии знает о себе то, что он идентичен с предметом рефлексии» [Рябушкина, 2011, с. 137]. Представляется, что это не проблема порочного круга, но условие нашего самопонимания, в соответствии с которым человек познает в качестве себя не самого себя, а дорефлексивный набросок (проект) субъекта, замещающего самого познающего в качестве познаваемого [там же]. Самость уже всегда открыта для самой себя до всякой рефлексии и понимает себя из непосредственной обращенности (re-flexio) к разомкнутому миру [Хайдеггер, 2001]. Поэтому экзистенциальное устройство человеческого бытия-в-мире имеет «онтологическую структуру круга» [Хайдеггер, 2013, с. 153].

Следовательно, идентификация человека выступает из дорефлексивного процесса проектирования (набрасывания), а рефлексивные практики воплощают антропологический сдвиг к новым тематизациям человека из дорефлексивных структур проективной интерпретации. Иными словами, науки о человеке в качестве своих исходных предпосылок фундированы в нетематизируемый круг проектирования, рефлексии и идентификации.

Такой антропологической предпосылкой становится просветительская идея о человеке как самодеятельном существе (Гердер, Кант, Фихте, Гегель), вышедшим из природы, чтобы свободно создавать самого себя в согласии с принципами разума и морали. Под воздействием естественных наук развивается натуралистическая линия последующих размышлений, включая сюжет о продолжающемся эволюционном процессе (Ч. Дарвин), идею человека как «неустановившегося» (Ф. Ницше) или «недостаточного» животного (А. Гелен). Эта идея приводит к появлению в XX веке концепции антропопоэзиса – культурного производства человеком самого себя, или самосозидания человека посредством культуры [Смит, 2014]. В отличие от понятия антропогенеза, локализованного в дискурсе естественных наук, концепт антропопоэза отсылает к наукам о человеке и культуре, задействующим методологию рефлексивной теории познания.

В таком случае что остается от человека как субъекта экзистенции? Экзистенция субъекта (конкретное существование) может быть понята не как логическое *до* (subjectum), но как историческое *после*: не субъект экзистенции, но экзистенция субъекта [Nancy, 1991], неустранимое вот-бытие присутствия, встроенное в свою ситуацию (языка, дискурса, истории). В этом становится ясным путь, проложенный критикой (редукция, деструкция, деконструкция) классической метафизики субъекта у К. Маркса, Ф. Ницше, З. Фрейда, М. Хайдеггера, Ж. Батая, М. Фуко, Ж. Дерриды, которые, казалось, пытались исчерпать все «мыслимые» возможности экзистенции, всю полноту экзистенции как предоставленную своим возможностям. Этими философами предлагались иные конфигурации человеческой субъектности, воспроизводящие функцию субъекта в новых понятийных построениях в качестве альтернативы субстанциональному способу бытия субъекта и сознания.

Одной из таких стратегий выступает смена бытийно-смысловой перспективы дискурса о субъекте с трансценденции (тождества), задающей гомогенную модальность смыслов, на трансгрессию (различие), открывающую состояние бытийно-смысловой неопределенности и непредсказуемости пространства полимодальных смыслов и значений, что воспроизводит переход мышления от классической к неклассической парадигме философии и науки [Фаритов, 2016].

Однако, на наш взгляд, трансценденция и трансгрессия не две сменяющиеся эпистемы мышления, но два структурно развернутых уровня проектирующего сознания в

процессе своего исторического становления – рефлексивный и экзистенциальный. Понятие трансценденции в данной работе используется не для эпистемологической характеристики дискурса (стратегии познания), а для выявления онтологической особенности человеческого бытия-в-мире, характеризующей фундаментальную структуру интерсубъективности жизненного мира. Тем не менее поиски обусловленного и обуславливающего в рефлексивном круге проектирования требует своего дальнейшего анализа. Трансценденция и трансгрессия формируют экзистенциальную структуру проективности, открытой событию мира и субъективности. Экзистенциальное отношение проективности к возможному мы отделяем от онтического отношения проектности к преднамеренному, обусловленному деятельностью рефлексии. Поэтому проблему самобытия мы будем рассматривать на двух уровнях сознания – рефлексивном (проектном) и экзистенциальном (проективном).

Рефлексивное сознание осуществляет себя как тождество бытия и мышления, понимающее себя сознание, удостоверяющее себя в своем основании. По своей структуре и направленности оно является проектом самообоснования разума в рефлексивных формах, сложившихся в новоевропейской метафизике (эмпирическая, логическая, трансцендентальная, абсолютная рефлексия) [Савчук, 2012]. *Экзистенциальное сознание* проявляет себя в несовпадении с самим собой, как понимающее себя бытие и проект самобытия из перспективы инаковости к себе и миру.

Проект, основанный на научном производстве картин мира, организовывает совместный опыт людей в преобразующую деятельность, имеющую цель и пределы в будущем (в пределах конечного разума). Аккумуляция деятельности во времени становится возможной благодаря установлению принципа детерминизма в естествознании, когда предыдущее с необходимостью определяет и гарантирует то, что должно произойти, связывая поток сущего в каузальные связи. Проективная деятельность, необходимая для бытия представляющего свой мир субъекта, затребовала идентифицирующее устройство тождества (того же самого), сохраняющего единство основания в изменениях и различиях текучести жизни (план рефлексивного сознания). Таким основанием уже не выступает античная категория Единого или христианское понятие Бога, но таким основанием стал утверждаться принцип разума.

Трансгрессия обращается к оборотной стороне установления пределов и границ. Ее суть в невозможном переходе (отрицании) предела должного и возможного, раскрывающего опыт человеческой конечности через лиминальные состояния смерти, экстаза, эроса, игры и жизненной траты [Батай, 2006]. По своей цели трансгрессия является опытом невозможного, поскольку ей не к чему трансцендировать, и в этом смысле она целиком имманентна. В своем внутреннем опыте трансгрессия суверенна и безразлична к осуществлению трансцендирования, разворачивания в мирогоризонте смысловой явленности границ и пределов.

Трансгрессия размыкает возможный опыт существования невозможности предела путем трансформации тела и сознания, имеющих экстатически-горизонтную структуру бытия-в-мире, иначе говоря, всегда уже-понимания себя из наброска мира. Отрицая пределы языка, мышления, социальности, трансгрессия вновь и вновь оказывается перед новым пределом в горизонте непреодолимого. Выражаясь оксюмороном, присутствие невозможного возможно в пространстве воображаемого, пульсирующего между проектом и спонтанностью, означенным и непосредственным, самоограничением и самоотрицанием [Дорофеев, 2007].

Антропологический предел бытия по своей форме остается универсальной постоянной (трансценденции), отвечающей на универсальную переменную трансгрессии (имманенции). Универсальность в данном случае понимается не как всеобщее и необходимое условие познания, но в смысле фундаментального отношения к своему историческому

бытию. Постоянство формы обусловлено постоянством конститутивного формообразования: раскрытие и принятие мира требует преобразования своего существования из события невозможного, которое не вытекает из прошлого. Трансценденция учреждает абсолютность предела для бытийной определенности сообщества и возможности быть вместе из раскрытости выражению иного. Трансгрессия размыкает границы в безграничной самоявленности опыта, образуя перспективу инаковости (постоянства формообразования) там, где трансценденция отталкивается от иного к постоянству формы существования в мире. Иными словами, трансцендирование (бытие-к-пределу) выражается в трансгрессии (бытие-на-пределе), которая является испытанием опыта конечности своего существования и невозможности выйти за его пределы [Каштанова, 2016, с. 75].

За дискуссиями об изменении человеческой идентичности под влиянием нового образа жизни упускается из виду экзистенциальный характер бытия. Это означает, что трансценденция и трансгрессия, образуя экзистенциальную структуру проективности (экзистенциальное сознание), открывают возможность для самопроектирования (рефлексивное сознание) в историческом становлении антропопоэзиса (поэтика бытия). Такой способ субъективности мы называет антропологической формой (проект самобытия), раскрывающейся в способе своего понимания, который мы называем антропологическим содержанием (проект самопонимания). В содержании антропологической формы выявляются экзистенциалы самопонимания: историчность, рефлексивность, трансцендентность и трансгрессивность. Иными словами, понимание бытия неотделимо от самого бытия: самобытие конституирует самопонимание, а самопонимание человека раскрывает его бытие.

Историчность предела возможного и невозможного

Является ли современный человек субъектом проекта или проект сам является тотальным квазисубъектом современной культуры и общества? Этот вопрос получает смысл, если гипотетическую невозможность рассматривать как предел возможного для человека будущего. Конец самоотрицания («круговорота самости») означает, что человеческая реальность преодолеет принцип собственного ничто по ту сторону мира и совпадет с собой как со своей недостающей бытийной возможностью [Сартр, 2009]. Что будет с сознанием, которое перестанет отличаться от того, действующим отрицанием чего оно являлось, а именно вещной наличности, будь то органическое (естественное) или кибернетическое (искусственное) сущее? Иными словами, невозможный предел человека мыслится как такая возможность, которая отрицает все возможности, тем самым останавливая историчность существования через самоупразднение проекта (проект негативности).

Невозможное – это событие абсолютно иного, негативность, лишенная содержания, которую человек заполняет определенными образами своего воображения. Событие, возникающее из ниоткуда, не имеющее место в настоящем и не выводимое из прошлого, создает в человеческой реальности разрывы со своей возможностью, определяя безосновность его бытия-в-мире. Способность открываться событию и быть готовым к встрече с непредвиденным для человека является условием его трансформации. Событие возникает из ничто, как из своей собственной невозможности, не выводимой из никакой возможности и не обусловленной ею.

По словам А.В. Кожева, «человеку никогда не пережить жизни: его истина (Wahrheit) уходит вместе с ним, когда прекращается его животное существование. Но только отрицая это существование, он живет по-человечески». Человек как конечное и историческое существо отрицает в себе налично-данную реальность, его бытие определяется возможностью «быть чем-то большим и чем-то иным, нежели просто живое существо» [Кожев, 2003, с. 60]. Для Кожева конец истории означал отсутствие негативности и погружение человеческого в удовлетворение реальностью настоящего (природное настоящее удовлетво-

ренных желаний), а вместе с этим и действующего человеческого отрицания, уничтожения наличного настоящего исходя из проекта будущего. Человек существует в качестве проекта собственного отрицания (неантизации по Сартру). Отметим, что человек не проектирует свое будущее, но отрицает свое настоящее, осуществляя действия исходя из будущего посредством осуществленного прошлого, поэтому было бы вернее говорить о том, что человеческий проект существует дискурсивно (projet discursif) между настоящим и будущем в качестве смысла отрицаемого бытия [Там же, с. 682]. Таким образом, для Кожева реальность будущего заключается в отрицании настоящего, в котором человеку нет места по характеру его негативности.

В современном мире историчность человека подвергается сомнению, поскольку человек, переставая отрицать в себе животное существование, начинает производить нечеловеческое, не совпадающее со своим источником. Субъект, лишенный очевидности своего существования, останавливает отрицание путем конверсии человеческой недостаточности в технологическое удовлетворение желания и выпадения из истории. С другой стороны, к концу истории относятся ощущение утраты эсхатологического ожидания будущего как конечной цели, а значит осмысленности исторического движения, и смена ориентации на программирование стереотипов поведения, автоматизирующих бесконечное повторение желания и его удовлетворения [Ямпольский, 2007]. Считаем, что конец историчности не означает конца существования, но приносит неизвестное ранее состояние исторического времени, в котором проектирование будущего замыкается в настоящем. Будущее остается постоянным настоящим без возможности события.

Рассуждения о трансформации человека и ее последствиях утаивают способ его бытийно-исторического устройства, который можно признать онтологической константой человеческого самопонимания и самобытия. Проективность становится условием человеческого самопонимания: человек познает в качестве себя не самого себя, а дорефлексивный набросок, опережающий познающего в качестве рефлексируемого познаваемого. Из самотождественности, без участия в своем существовании, человек не может понять свое бытие, поскольку в тождестве нет события различения, из которого существующий подвержен своему существованию. Иными словами, только изменяясь, можно понимать самого себя в историчности своего становящегося бытия.

Заключение

Человеческая реальность включает в себя два аспекта проективности: рефлексивность и историчность бытия. Аспект рефлексивности разворачивается на двух уровнях сознания: экзистенциальном (проективном) и рефлексивном (проектном). На экзистенциальном уровне проективность – это экстатически-набрасывающий способ человеческого самопонимания, известный со времен архаических сообществ, на рефлексивном – целерациональная деятельность по преобразованию условий (но не способа) своего существования, характерная для эпохи Модерна.

Самопонимание и самосозидание человека являются частями рефлексивного круга антропопоэзиса, источником которого выступает проективное устройство человеческого существования. По способу своего бытия человек устанавливает пределы, чтобы их преодолевать в постоянном проектировании (набрасывании) к ускользающему горизонту исторического жизненного мира, меняя смысловую конфигурацию в своем самопонимании. Механизмом такого самопреодоления выступает трансгрессия, невозможный переход за пределы возможного мышления о самом себе. С другой стороны, механизм трансценденции фундаментальным образом обуславливает способность человека самоопределяться в отношении к своим границам.

Следовательно, мы можем говорить не о «природе» человека, но об *антропологической форме*, описывающей самобытие человека в мире, и об *антропологическом содержании,* раскрывающем феномен понимающего себя исторического бытия человека. Содержание и форма человеческого бытия образуют проективный круг: понимание своего бытия человеком неотделимо от самого бытия. Самобытие раскрывается в самопонимании, а самопонимание человека осуществляется в его бытии. Конститутивными экзистенциалами этого круга являются *рефлексивность, историчность, трансцендентность и трансгрессивность*.

В условиях радикальных трансформационных проектов человека представляется возможным утверждать, что экзистенциальный способ человеческого бытия остается условием (но не сущностью) человеческого самопонимания. Экзистенциальный проект не дает ответа, чем является человеческая «природа», но сохраняет открытым вопрос о субъекте человеческой жизни, который может удерживать себя в исторических формах своего понимания, стремясь к пределу самоинтерпретации.

Список литературы

1. Батай Ж. 2006. «Проклятая часть»: Сакральная социология. Пер. с фр. М., Ладомир, 742 с. (Bataille G. La Part Maudite. Paris, Minuit. 1999. 232 p).

2. Веряскина В.П. 2015. Трансформация человека в обществе модерна. М., ИФ РАН, 223 с.

3. Генисаретский О.И. 2016. Философия проектности: Из истории проектной культуры второй половины XX века. М., URSS; ЛЕНАНД, 400 с.

4. Дескола Ф. 2012. По ту сторону природы и культуры. Пер. с фр. М., Новое литературное обозрение. 584 с. (Descola P. Par-delà nature et culture. Paris, Gallimard. 2005. 623 p.)

5. Дорофеев Д.Ю. 2007. Суверенная и гетерогенная спонтанность. СПб.: Изд-во СПбГУ. 672 с.

6. Каштанова С.М. 2016. Трансгрессия как социально-философское понятие: дис. ... канд. философских наук: 09.00.11. СПб. 203 с.

7. Кожев А.В. 2003. Введение в чтение Гегеля. Пер. с фр. СПб.: Наука. 792 с. (Kojève A. Introduction a la lécture de Hegel. Paris, Gallimard, 1947. 714 p.

8. Резник Ю.М. 2016. Феноменология человека: бытие возможного. М.: Канон+. 632 с.

9. Рябушкина Т.М. 2011. Круг рефлексии: в поисках выхода. Философские науки. № 4: 128–142.

10. Савчук В.В. 2012. Топологическая рефлексия. М., Канон+, 2012. 416 с.

11. Сартр Ж.-П. 2009. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. Пер. с фр. М., АСТ. 925 с. (Sartre J.-P. L'être et le néant: Essay d'ontologie phénoménologique. Paris: Gallimard, 1943)

12. Смит Р. 2014. Быть человеком: историческое знание и сотворение человеческой природы. Пер. с англ. М., Канон+. 368 с. (Smith R. Being human: historical knowledge and the creation of human nature. New York, 2007. 288 p.)

13. Фаритов В.Т. 2016. Трансгрессия и трансценденция как онтологические перспективы дискурса: дис. … док. философских наук. Ульяновск. 317 с.

14. Фуко М. 1994. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. Пер. с фр. Спб., A-cad. 408 с. (Foucault M. Les mots et les choses. Une archéologie des sciences humaines. Paris, Gallimard, 1966. 400 p.)

15. Фуко М. 2002. Что такое Просвещение? В кн.: Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Пер. с фр. М., Праксис. С. 335–360. (Foucault M. Qu'est-ce que les Lumières? Dits et Ecrits, T. IV. Paris, 1984. Pp. 562-578).

16. Хабермас Ю. 2003. Философский дискурс о модерне. Пер. с нем. М., Весь Мир. 416 с. (Habermas J. Der philosophische Diskurs der Moderne. Frankfurt am Main, Suhrkamp Verlag. 1985. 450 p.)

17. Хайдеггер М. 2001. Основные проблемы феноменологии. Пер. с нем. СПб.: Высшая религиозно-философская школа. 446 с. (Heidegger M. Grundprobleme der Phanomenologie. Frankfurt am Main, Vittorio Klostermann Verlag. 1976. 273 p.)

18. Хайдеггер М. 2013. Бытие и время. Пер. с нем. М.: Академический проект. 460 с. (Heidegger M. Sein und Zeit. Tübingen, Max Niemeyer Verlag. 1967. 450 p.)

19. Ямпольский М. Настоящее как разрыв. Заметки об истории и памяти. НЛО, 2007. № 83. URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2007/83/ia6.html (Дата обращения: 28.12.2018).

20. Jackson M., Piette A 2015. What is Existential Anthropology? New-York: Berghahn Books,. 254 p.

21. Who Comes After the Subject? Ed. by E. Cadava, P. Connor, J.-L. Nancy. New York: Routledge, 1991. 258 p.

References

1. Batay Zh. 2006. «Proklyataya chast'»: Sakral'naya sotsiologiya [The Cursed Part: Sacred Sociology]. Moscow, Ladomir, 742 p. (Bataille G. 1999. La Part Maudite. Paris, Minuit, 232 p).

2. Veryaskina V.P. 2015. Transformaciya cheloveka v obshchestve moderna [Human Transformation in Modern Society] M., IF RAN, 223 p.

3. Genisaretskij O.I. 2016. Filosofiya proektnosti: Iz istorii proektnoj kultury vtoroj poloviny XX veka. [Project philosophy: From the history of project culture of the second half of the twentieth century] M., URSS; LENAND, 400 p.

4. Deskola F. 2012. Po tu storonu prirody i kul'tury [Beyond nature and culture]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 584 p. (Descola P. 2005. Par-delà nature et culture. Paris, Gallimard, 623 p.)

5. Dorofeev D.Yu. Suverennaya i geterogennaya spontannost [Sovereign and heterogeneous spontaneity] SPb.: Izd-vo SPbGU, 2007. 672 p.

6. Kashtanova S.M. 2016. Transgressiya kak socialno-filosofskoe ponyatie [Transgression as a socio-philosophical concept] Dis. ... cand. philosophical sciences: 09.00.11. SPb. 203 p.

7. Kozhev A.V. 2003. Vvedenie v chtenie Gegelya [Introduction to Hegel's Reading]. St. Petersburg, Nauka, 792 p. (Kojève A. 1947. Introduction a la lécture de Hegel. Paris, Gallimard, 714 p.)

8. Reznik Yu.M. 2016. Fenomenologiya cheloveka: bytie vozmozhnogo [Phenomenology of human: being possible] M., Kanon+. 632 p.

9. Ryabushkina T.M. 2011. Krug refleksii: v poiskah vyhoda [Circle of reflection: in search of a way out] Filosofskie nauki. № 4: 128–142.

10. Savchuk V.V. 2012. Topologicheskaya refleksiya [Topological reflection] M., Kanon+. 416 p.

11. Sartr Zh. -P. 2009. Bytie i nichto: Opyt fenomenologicheskoy ontologii [Being and Nothing: An Experience of Phenomenological Ontology]. Moscow, AST, 925 p. (Sartre J.-P. 1943. L'être et le néant: Essay d'ontologie phénoménologique. Paris: Gallimard)

12. Smit R. 2014. Byt' chelovekom: istoricheskoe znanie i sotvorenie chelovecheskoy prirody [Being human: historical knowledge and the creation of human nature]. Moscow, Kanon+, 368 p. (Smith R. 2007. Being human: historical knowledge and the creation of human nature. New York, 288 p.)

13. Faritov V.T. 2016. Transgressiya i transcendenciya kak ontologicheskie perspektivy diskursa [Transgression and transcendence as ontological perspectives of discourse] Dis. ... doc philosophical sciences. Ulyanovsk. 317 p.

14. Fuko M. 1994. Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk [Words and things. Archeology of the Humanities]. St. Petersburg, A-cad, 408 p. (Foucault M. Les mots et les choses. Une archéologie des sciences humaines. Paris, Gallimard, 1966. 400 p.)

15. Fuko M. 2002. Chto takoe Prosveshchenie? [What is Enlightenment?] V kn.: Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu [Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches, and Interviews]. Moscow, Praksis: 335–360. (Foucault M. 1984. Qu'est-ce que les Lumières? Dits et Ecrits, T. IV. Paris, Pp. 562–578.)

16. Khabermas Yu. 2003. Filosofskiy diskurs o modern [Philosophical Discourse on Modern]. Moscow, Ves' Mir, 416 p. (Habermas J. 1985. Der philosophische Diskurs der Moderne. Frankfurt am Main, Suhrkamp Verlag, 450 p.)

17. Khaydegger M. 2013. Bytie i vremya [Being and time]. Moscow, Akademicheskiy proekt, 460 p. (Heidegger M. 1967. Sein und Zeit. Tübingen, Max Niemeyer Verlag, 450 p.)

18. Khaydegger M. 2013. Bytie i vremya [Being and time]. Moscow, Akademicheskiy proekt, 460 p. (Heidegger M. 1967. Sein und Zeit. Tübingen, Max Niemeyer Verlag, 450 p.)

19. Yampolskij M. Nastoyashchee kak razryv. Zametki ob istorii i pamyati [Present as a gap. Notes on the history and memory] NLO, 2007. № 83. Available at: http://magazines.russ.ru /nlo/2007/83/ia6.html (accessed 28 December 2018).

20. Jackson M., Piette A. What is Existential Anthropology? New-York: Berghahn Books, 2015. 254 p.

21. Who Comes After the Subject? Ed. by E. Cadava, P. Connor, J.-L. Nancy. New York: Routledge, 1991. 258 p.

Ссылка для цитирования статьи
For citation

Алехнович А.С. 2020. Проектирование человека: пределы возможного и невозможного. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 45 (1): 148–157.

DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-1-148-157

Alehnovich A.S. 2020. Human projection: the limits of possible and impossible. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 45 (1): 148–157 (in Russian).

DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-1-148-157

УДК 170.2
DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-1-158-163

ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПЕРФОРМАНСА В ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

PHILOSOPHICAL-ANTHROPOLOGICAL ANALYSIS OF PERFORMANCE IN THE HISTORY OF EUROPEAN CIVILIZATION

Н.В. Бараниченко

N.V. Baranichenko

Белгородский государственный институт искусств и культуры
Россия, Белгород, 308033, Королёва ул., 7

Belgorod State Institute of Arts and Culture
7 Koroleva St, Belgorod, 308033, Russia

E-mail: fin@bgiik.ru

Аннотация
Реконструированы философско-антропологические смыслы перформанса в европейской культуре, основанные на имманентным противоречии между событием и игрой. Отмечается, что перформанс зарождается как игра, связанная с подражанием и мимикрией. Древнегреческий театр возникает на основе обрядовых игр и создает основу перформанса – связь игры и события. Избыточная жизненность игры в соединении с трансформирующим свойством события обусловили граничное положение актеров среди средневековых сообществ. В эпоху модерна перформанс погружен в социально-политическую и социально-экономическую систему координат, а в актуальном состоянии перформанс можно охарактеризовать через обращение к самому себе.

Abstract
The article reconstructed the philosophical and anthropological meanings of performance in European culture, based on the immanent contradiction between the event and the game. It is noted that performance is born as a game associated with imitation and mimicry. The ancient Greek theater arises on the basis of ritual games and creates the basis of performance - the connection of the game and the event. The excessive vitality of the game, combined with the transforming property of the event, determined the boundary position of the actors among medieval communities. In the modern era, the performance is immersed in the socio-political and socio-economic coordinate system, and in the current state, the performance can be characterized by referring to oneself.

Ключевые слова: игра, перформанс, европейская культура, театр, актер.
Key words: game, performance, european culture, theater, actor.

Современная философская антропология и философия культуры не часто обращают внимание на конкретные виды искусства. Традиционно они попадают в дисциплинарное поле эстетики, истории искусства, искусствоведения и культурологии. Вместе с тем часто занимая значимое место в культурной жизни города, являясь инициатором множества резонансных событий, театр ускользает от философской рефлексии. Погружение «в глубь» антропологии театра раскрывает междисциплинарное пространство серьезных академических проблем институционализации сообществ, онтологии события, труда, свободы, актуальные вопросы осмысления постмодернизма, субкультур, визуального, игры в

различных её интерпретациях и вариантах бытования, а также позволяет выявить ускользающий объект – актера и актерское сообщество, достаточно закрытое, занимающееся специфической деятельностью, говорящее на особом языке, сохраняющее собственную, давнюю мифологию. Подобная закрытость и автономность актёрских сообществ тем более удивительна на фоне эксплозивного роста кинематографа и феномена массмедиа. Размывание границ приватного мира зрителя и актерского сообщества, на первый взгляд, не оставляет неизученных и незримых территорий, подобных театру. Актеры охотно сами показывают свою профессиональную и частную жизнь. В этом контексте антропология театральной субкультуры является более чем актуальной и важной для осмысления современной культуры, самого актерского сообщества, понимания «режимов видимости» в тотально видимой современной культуре.

Под артистической субкультурой мы понимаем профессиональное сообщество людей, главной целью которого является производство перформанса (осуществление перформативных практик) как вида творческой художественно-игровой деятельности. Главный отличительный признак артистической субкультуры – наличие коллективного игрового перформанса и потребность в зрителе (воспринимающем субъекте). Мы также рассматриваем артистическую субкультуру как культурно-исторический феномен, в основе которого лежит перформанс реализующийся в ткани истории в перформативных практиках, имеющих свою историческую и культурную специфику.

К родовым понятиям перформанса можно отнести прежде всего игру. Феномен игры достаточно изучен в ранней истории человечества и соотносится с потребностями самоидентификации, принадлежности группе, реализации творческого начала, попытке контролировать эмоции. Зарождение первобытного искусства часто связывают с игрой как перевоплощением, с помощью которого древний человек пытался влиять на негативные явления окружающего мира, общаться с магическими силами.

Н.Э. Микеладзе отмечает, что европейская средневековая культура характеризовалась коммуникативностью, а общество, разделённое на сословия, пользовалось вертикально-горизонтальной коммуникативной структурой с преимуществом вертикали. Искусство позволяло эту вертикаль преодолеть. Автор пишет: «Вертикаль становится проницаемой и ломается в таких сферах средневековой жизни, как жизнь религиозная, средневековый карнавал и связанные с ним смеховые и пародийные жанры, а также общедоступный массовый театр» [Микеладзе, 2006, с. 32]. Театр в Англии служил распространению знаний о мире, новостей, информировал об исторических событиях. Так, в Ренессансной Англии вспыхивает интерес к прошлому, и в исторических пьесах В. Шекспира видится выполненный социальный заказ (об этом упоминали несколько отечественных исследователей).

Н.Э. Микеладзе продолжает: «Риторический топос о мире, который является театром, содержит в себе, допускает и даже провоцирует многозначительную инверсию: следовательно, и театр есть не что иное, как мир. Так представляла себе современный мир английская королева Елизавета, когда утверждала: "Мы, государи, выведены на подмостки на обозрение всему миру". Так воспринимал значение театра английский драматург Уильям Шекспир, когда называл свой театр "Земным шаром" (Globe)» [Микеладзе, 2006, с. 32]. Н.Э. Микеладзе пишет о том, что по мнению С. Гринблата, «в основе самой власти королевы лежал театральный эффект сопричастности»: «Как в театре аудитория мощно вовлекается в происходящее за счет видимого присутствия героя на сцене, сохраняя одновременно определенную уважительную дистанцию, так и власть Елизаветы держалась на ее привилегии постоянного (театрализованного во многом) присутствия и видимости (privileged visibility) для подданных» [Микеладзе, 2006, с. 32].

Соглашаясь с тем, что театр всегда нёс в себе, по крайней мере, две функции – коммуникативную и развлекательную, автор утверждает, что эти функции не были на

равном положении в разные времена, и одна брала вверх над другой [Микеладзе, 2006, с. 32]. Театральные труппы елизаветинского времени вынуждены были искать себе покровителей, что и заставляло их обращаться к правящим кругам, людям, близким двору.

Например, В. Шекспир «с 1594 по 1613 год был постоянным членом труппы лорда Камергера, с 1603 года удостоенной титула "слуг его величества"» [История западноевропейского театра, 1981, с. 424]. Это обращение было выражено как в просьбах, так и в творчестве (иногда в завуалированной и льстивой форме). Театр обращался к власти, а человек на сцене, «оборачивался» в её сторону. У монарха в этом периоде европейской истории возникает возможность получить, как бы мы сейчас сказали, общественную поддержку посредством искусства, присутствия своей персоны на театральных представлениях. Постепенно и широко начинает использоваться приём аллегории, когда монаршая особа выводилась в тексте пьесы в виде античной богини или бога. Так, уже более поздние попытки Петра I обустроить в России театр в период абсолютизма, включали представления с аллегорическим изображением самого императора. Завуалировано со сцены шёл призывы к реформам, демонстрировался блеск военных побед, подтверждающие и утверждающие всю политику императора.

Б.Н. Асеев приводит следующие сведения: «…уже в одном из первых представлений московского школьного театра – "Страшное изображение второго пришествия господня на землю" (1702) – наряду с аллегорическими изображениями Церкви, Милосердия, Гордыни и Ярости появился "торжествующий Марс роксоланский", олицетворяющий Петра и Россию, "до него же Фортуна и Победа пришедшие, знамения победы тому вручают"» [Асеев, 1977, с. 131]. Народная драма «Царь Максимилиан» перекликалась с историческими событиями – конфликтом Петра I и царевича Алексея [Асеев, 1977, с. 136], закончившегося трагично. Коронационные торжества Екатерины II включали аллегорическое действие в форме маскарада «Торжествующая Минерва» [Асеев, 1977, с. 247], где под видом древнеримской богини мудрости была изображена просвещённейшая императрица). Император, царь, монарх заменяют в пьесах собой фигуры святых, богов, размещаясь в центре сюжета.

Театр приобретает особое значение в период Великой французской революции – в нём бушуют страсти и споры, а представители публики часто вступает в серьёзный конфликт друг с другом. Можно сказать, что столкновение двух миров французского общества того времени существовало не только в пространстве социального и политического, но и в пространстве воображаемого и театрального. О творчестве представителя революционного классицизма М.Ж. Шенье и его трагедии «Карл IX, или урок королям», Дантон сказал так: «если "Фигаро" (пьеса П.О. Бомарше – *прим. Н.В.*) убил дворянство, то "Карл IX" убьёт королевскую власть» [Французский театр, 1957, с. 63].

Г.Н. Бояджиев пишет, что в период Французской буржуазной революции в театрах шли классические пьесы Корнеля, Расина, Мольера со значительными изменениями, «…которых требовал политический момент, – из пьес изымалось употребление феодально-аристократических титулов: вместо "мосье" и "мадам" говорилось "гражданин" и "гражданка" и т.д…. «Тартюф» заканчивался тем, что представитель революционной власти арестовывал лицемера со словами "Прошло то время, когда низкий клеветник мог распоряжаться жизнью настоящих патриотов. Следуйте за мной!" [История зарубежного театра, 1972, с. 20].

Европейский театр переживает, по сути, момент нового рождения в период Просвещения. Создаются новые сюжеты, профессионализм актёров постепенно растёт, открываются учебные заведения, подготавливающие исполнителей. Драматурги Ж.-Б. Мольер, Ф.М.А. Вольтер и П.О. Бомарше в своих произведениях представляют уже не развлекательные традиции, а воспитывающие общество идеи, остро-социально звучащие темы и повороты сюжетов. Гражданский пафос звучал в русском театре в 1812 году, когда на фоне исторических событий создавались и представлялись публике как специальные

постановки (патриотические балеты), так и интерпретированные публикой по-новому известные сюжеты.

Перформанс служил обществу и войне. Неслучайно, Наполеон Бонапарт, вступив в Москву, озадачил своих подданных распоряжением создать для своих войск театр, хотя бы из оставшихся в столице французских актёров. Интересно, что по сведениям М.И. Пыляева, французские актёры, отступая из России вместе с солдатами наполеоновской армии, испытали множество бед и несчастий, а одна из актрис, несмотря на своё бедственное положение, взяла на воспитание русскую девочку. Впоследствии этот благородный случай стал сюжетом драмы Э. Скриба «Ольга, русская сирота» (Пыляев).

В Санкт-Петербурге во время 1812 года ставились пьесы с сюжетами из русской истории «Пожарский», «Дмитрий Донской». А.К. Нарышкин писал: «…когда в последней пьесе вестник, вбегая на сцену, восклицал: "Россия спасена!" – театр стонал от избытка душевных потрясений. Тогда особенно сочувствовали пьесе Висковатого "Ополчение" и присоединенному к ней балету Кавоса под названием "Любовь к Отечеству". В балете одно появление знамени, с надписью: "За отечество", также доводило зрителей до громкого, одушевлённого восторга: кто плакал, кто кричал: "Браво, ура!", кто рукоплескал, одни вскакивали с мест своих, другие бросали на сцену кошельки с деньгами, крича: «"В пользу ополченцев, в пользу раненых!" Эти представления давали сряду несколько раз; многие после того спешили в комитет записываться в ополчение» (Нарышкин). В этот же период времени театральный перформанс удачно приобретает черты и функции карикатуры, политической сатиры.

П.П. Свиньин писал: «В Лондоне победы над французами доставили тамошнему Дрюриленскому театру много удачных представлений; Бонапарте в них являлся обыкновенно карликом, в арлекинском костюме, в ботфортах, с длинной косой и в высокой треугольной шляпе. Во всей Англии, в лубочных театрах, на ярмарках, для забавы черни выводили Наполеона на сцену по несколько раз и заставляли его карикатурно плясать. Иногда, забывая, что на сцене дурачится один из их единоземцев, а не сам Бонапарт, зрители бросали в него гнилыми яблоками. "Мы так много пьём за здоровье русских, – говорили англичане, – что у нас скоро вздорожает вино"».

И.Ф. Яцковская указывает: «В этот период укрепляется в своих правах буржуазный класс, возникают такие духовные ориентиры, как развитие личности, свобода, саморефлексия, капитал, благополучие. За рубежом танец модерн развивался в течение относительно короткого периода времени, его развитие в XX веке совпало с крупными историческими событиями (Первой и Второй мировыми войнами)...» [Яцковская, 2014].

Схожие культурные трансформации, искания и эксперименты происходят и в драматическом театре, но происходят они несколько позже. Подорванный войнами, растущим уровнем насилия, стремительным наступлением прогресса, ростом городов, индустриализацией и стремительной сменой ценностей, человек XX века стремился найти в себе новые духовные ресурсы, обращаясь к перформансу как к терапии искусством. Интересно, что в некоторых школах танца модерн присутствовала попытка придать движениям исполнителя подобие механичности, представить их похожими на автоматические движения машин и технических устройств; как будто сам исполнитель искал в себе машину, открывая новые стороны личности и возможности человека как «биомеханизма».

В Постмодерне театральный перформанс распространился далеко за театральные подмостки (представления устраиваются на заброшенных фабриках и заводах, на улицах, в лесу, на природе, в окружении древней архитектуры и т.д.). Парадоксальной ситуацией является то, что перформанс демонстрирует, что ему не нужен зритель, или по крайней мере, не важна зрительская реакция. Он репрезентирует, представляет без какой-либо конечной цели, без внимания на результат, без морального вывода в конце сюжета и остаётся без ясной концовки.

В театральных постановках режиссёров, ставящих постмодернистские эксперименты, можно увидеть и эпатаж, и попытку шокировать окружающих, использование непри-

стойностей, отсутствие желания придерживаться общепринятой этики. Конечно, такая практика хоть и скандальна, но иногда может быть оправдана из-за большого воспитательного воздействия на социум. Анекдотичными случаями выступают некоторые «новаторские» постановки, либо глубоко непонятные зрителю, либо принимаемые в культурном вакууме мегаполисной жизни (когда практически не существует свободного времени, а следовательно, и незначителен опыт приобщения к настоящему профессиональному искусству).

Напомним, что в перформансе важен исполнитель. Но он «частично исчезает» в Постмодерне или обладает какими-либо изъянами. Профессионализм современного актёра может заключаться в том, что он не выглядит профессиональным либо одухотворённым. Исследователи культуры заговорили о телесности и новом феномене современного искусства – «теле-без-органов». Как утверждают источники, «идея тел-без-органов» впервые была обозначена А. Арто: «Тело есть тело, // оно одно, // ему нет нужды в органах...» [Новейший философский словарь]. Идея «тела-без-органов» встречается и у других авторов, например, у Ж. Делёза. Н.В. Курюмова, изучая современный танец, выявила самые разные модели телесности и пришла к следующим выводам: «Культурологический анализ классического танца, рассматриваемого в качестве оппозиционного современному танцу, позволяет выявить… модель телесности "идеальное тело". Культурологический анализ раннего модернистского (свободного) танца позволяет выявить модель телесности "тело-порог". Культурологический анализ модернистского танца позволяет выявить… модели телесности: "тело-машина", "тело-симптом". Культурологический анализ танца постмодерн позволяет выявить… модели телесности: "повседневное тело", "феноменологическое тело", "тело-без-органов". Культурологический анализ так называемого "contemporary dance" позволяет выявить… модели телесности: "реальное тело" и "экстремальное тело"» [Курюмова, 2011]. Соответственно, исполнитель, дошедший до формы существования «тело», да ещё «тела без органов» существует не совсем так, как обычный человек, и диалог зрителя-человека с «телом» уже затруднителен.

Список источников

1. История западноевропейского театра. Т. I. 1981-1987. М., Просвещение, 471 с.
2. История зарубежного театра. Театр Европы и США XIX–XX вв. Ч. 2. 1972. М., Просвещение, 272.
3. История зарубежного театра. Театр Западной Европы. Ч. I. 1971. М., Просвещение, 360.
4. Тело без органов. Новейший философский словарь. Постмодернизм. URL: http://www.e-reading.club/chapter.php/1027780/225/Gricanov_-_Noveyshiy_filosofskiy_slovar. _Postmodernizm.html.
5. Тинина З.П. 2005. История европейского театра от Античности до Новейшего времени. Ч. I. Античность. Средневековье. Возрождение: Учебно-методическое пособие. Волгоград, ВолГУ.: С. 11-12.
6. Французский театр эпохи Просвещения. Т.1. 1957. М., Искусство, 453 с.
7. Пыляев М.И. 2008. Наш театр в эпоху Отечественной войны. Старое житье. http://coollib.com/b/318896/read.

Список литературы

1. Асеев Б.Н. 1977. Русский драматический театр от его истоков до конца XVIII века. М., Искусство, 576 с.
2. Курюмова Н.В. 2011. Современный танец в культуре XX века: смена моделей телесности: диссертация ... кандидата культурологии: 24.00.01. Екатеринбург, 176 с.
3. Микеладзе Н.Э. 2006. О чем трубят театральные трубы? (Публичный театр как среда и средство коммуникации века Шекспира). Шекспировские чтения. 2004. М., Просвещение: С. 32–49.
4. Нарышкин А.К. Заметки о театре времён Отечественной войны 1812 года. URL: http://www.museum.ru/museum/1812/Library /Borodino_conf/2013/article43.pdf
5. Яцковская И.Ф. 2014.Этапы развития танца модерн и его стилевое разнообразие. Культура и образование. № 2. URL: http://vestnik-rzi.ru/2014/02/1395.

References

1. Aseev B.N. 1977. Russkij dramaticheskij teatr ot ego istokov do konca XVIII veka. [Russian drama theater from its origins to the end of the XVIII century]. M., Iskusstvo, 576. (in Russian)

2. Kuryumova N.V. 2011. Sovremennyj tanec v kul'ture XX veka: smena modelej telesnosti: dissertaciya ... kandidata kul'turologii: 24.00.01 [Modern dance in the culture of the XX century: changing models of physicality: dissertation ... the candidate of cultural science: 24.00.01]. Ekaterinburg, 176 p. (in Russian)

3. Mikeladze N.E. 2006. O chem trubyat teatral'nye truby? (Publichnyj teatr kak sreda i sredstvo kommunikacii veka SHekspira). SHekspirovskie chteniya. 2004. [What do the theater trumpets sound about? (Public theater as a medium and means of communication of the age of Shakespeare). Shakespearean readings 2004]. M., Prosvesheniye: 32-49. (in Russian)

4. Naryshkin A.K. Zametki o teatre vremyon Otechestvennoj vojny 1812 goda. [Notes on the theater of the Patriotic war of 1812]. Rezhim dostupa: http://www.museum.ru/museum /1812/Library/Borodino_conf /2013/article43.pdf (in Russian)

5. YAckovskaya I.F. Etapy razvitiya tanca modern i ego stilevoe raznoobrazie. [Stages of development of modern dance and its style diversity]. Kul'tura i obrazovanie. Fevral' 2014. № 2 URL: http://vestnik-rzi.ru/2014/02/1395 (in Russian)

Ссылка для цитирования статьи
For citation

Бараниченко Н.В. 2020. Философско-антропологический анализ перформанса в истории европейской цивилизации. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 45 (1): 158–163. DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-1-158-163

Baranichenko N.V. 2020. Philosophical-anthropological analysis of performance NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 45 (1): 158–163. (in Russian).

DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-1-158-163

УДК 130.1
DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-1-164-171

ЦЕННОСТЬ ИНДИВИДУАЛЬНОГО (К ИСТОЛКОВАНИЮ ФЕНОМЕНОЛОГИИ М. ВЕБЕРА В ТРУДАХ А.Я. ГУРЕВИЧА)

THE VALUE OF THE INDIVIDUALITY (NOTES ON THE PHENOMENOLOGY OF M. WEBER IN THE LAST BOOK OF ARON Y. GUREVICH)

Д.И. Гладков
D.I. Gladkov

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod National Research University,
85 Pobedy St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: 443753@bsu.edu.ru

Аннотация
Предложены результаты исследования методологических постановок и решений проблемы индивидуальности в эпистемологии исторического знания А.Я. Гуревича. Внимание к феноменологической «понимающей» социологии М. Вебера является ключевым в исследованиях проблемы индивидуального в трудах А.Я. Гуревича. В связи с этим уточнены основные контексты и эпистемологическая семантика исследовательского восприятия и интерпретации Гуревичем веберовских познавательных установок. Обосновано, что когнитивные возможности веберовской эпистемологии обеспечивают историку свободу внутри избираемого им пространства теоретических предположений и первичных категоризаций; проблема индивидуальности для Гуревича является, прежде всего, проблемой экзистенциального выбора самого практикующего историка – упрочения историчности собственного мышления, несводимого к внешним оценкам, дающего себя знать через отнесение к ценностям, готового к новому самопостроению, усмотрению и фактической реконструкции «чужой» индивидуальности в собственно историографических практиках. Намечены перспективы исследования методологических установок А.Я. Гуревича в отношении проблемы индивидуального в их связи с современным состоянием исторической антропологии и в целом теоретических парадигм исторического познания.

Abstract
The article presents the main results of the study of methodological settings and solutions to the problem of individuality developed by A.Ya. Gurevich. Attention to M. Weber's phenomenological or “understanding” sociology as an epistemological key to research of the problem of individuality is acted in almost all the historical analyzes and writings of A. Ya. Gurevich; the article clarifies the main contexts and epistemological semantics of the research perception and interpretation of Gurevich's Weberian cognitive attitudes. It is proved that the cognitive capabilities of Weberian epistemology provide the historian with freedom within his chosen space of theoretical assumptions and primary categorizations; hence, the problem of individuality solved by Gurevich is rather the problem of personality or existential choice of the practicing historian himself to consolidate the historicity of his own thinking, not reducible to external assessments, making himself felt through attribution to values, ready for being in the personality of another, or discretion and actual reconstruction of the “alien” individuality in a lot of historiographic practices. The article outlines the prospects for the study of methodological settings A.Ya. Gurevich (in relation to the individual problem) in their connection with the current state of historical anthropology and some theoretical paradigms of historical knowledge.

Ключевые слова: историческое знание, индивидуальность, феноменология, идеальный тип, ценность, М. Вебер, А.И. Неусыхин, А.Я. Гуревич.
Keywords: historical knowledge, individuality, phenomenology, ideal type, value, M. Weber, A.I. Neusykhin, A.Ya. Gurevich.

Понятие индивидуальности относится к числу ключевых в истории европейского культурного самосознания. Его латинская этимология как некоего «не поддающегося дальнейшему делению ядра», характеризующего человека «в его неповторимости, интимной сущности» [Кнабе, 1990, с. 10] берет свое начало в древнегреческом речевом пространстве философского мышления, «старого как мир» [Баткин, 1989, с. 3]. Между тем только в возрожденческом и новоевропейском контекстах интеллектуальной истории, в которых доминирует cogito, ergo sum, становится возможным обособить индивидуальное – начать дорожить им, как некоторой ценностью, и, стало быть, начать относиться с некоторой исследовательской дотошностью к фактическим проявлениям индивидуального (мнению, образу жизни и т.д.) и понимать саму индивидуальность как некий дар быть собою. По словам Л.М. Баткина, «ярко своеобразные люди встречались, конечно, всегда и всюду… однако это не означает, что во всякую эпоху такие люди сами дорожили в себе – и общество в них – именно личной оригинальностью, или хотя бы признавали ее естественным человеческим свойством, или вообще замечали и знали, что это такое» [Баткин, 1989, с. 3].

Методологические постановки и решения проблемы индивидуальности в исторической науке интенсифицировались к исходу XIX столетия в общей обстановке смены познавательных парадигм, некоторого общего интереса к человеческому в истории, который, впрочем, получил довольно прихотливое развитие. Двадцатое столетие дало образцы заинтересованности историков в исторической индивидуальности как некотором ансамбле практик, ценностно консолидируемом обмене деятельностями, часто в рамках неких общих социальных заданий, в связи с массовыми общественно-политическими движениями. Предметное усмотрение и исследование индивидуального происходило на антропологических границах различных исторических практик (от различных форм интеллектуальной истории до истории правосознания, некоего права быть индивидуальным), однако во всех случаях при исследовании исторической индивидуальности давал себя знать ее социальный «другой», «чужое Я», которое проявлялось то в универсалиях исторического исследования, то через некоторые неопознаваемые в самом исследовании формы исторического самосознания [Ольхов, 2011]. Осмыслить эти границы, описать их, представить как жизненные формы индивидуального самосознания, свободные и ценностно конкретные поведенческие практики и др. – нелегкие задачи, которые решали и продолжают решать историки, ангажированные индивидуальным. Вопрос о методологическом ресурсе историографии индивидуального является вполне открытым и в ситуации нашего времени.

В России интерес к индивидуальному в истории уже в 20–30-е гг. XX в. был радикальным образом социологизирован – отведен на героико-биографические рубежи историографии крупных социальных революций, национально-освободительных движений, истории национальной науки и т. п. Преобразование социологизирующего подхода к индивидуальному систематическим образом началось в конце 80-х – 90-е гг. XX в. и первоначально имело характерно культурологическую направленность. В первом крупном сборнике статей-манифестов этого времени, посвященном человеку в истории, – альманахе «Одиссей» – не было ни одной статьи, в которой бы возобновлялась или ставилась под вопрос проблема индивидуального в ее специальной методологической или эпистемологической постановке, в связи с теми герменевтическими ключами, которые были созданы интеллектуалами конца XIX – начала XX вв. [Одиссей, 1990]. Доминировали культурологические формы рефлексии историографического опыта; отечественное историческое сообщество только налаживало диалог с собою, понимая его с некоторым контридеологическим усилием как альтернативную универсализирующей социологии марксизма

«форму *эпистемологического свободомыслия*» [Ольхов, 2018, с. 29]. Контекстуализировали эти первые систематические подступы к индивидуальному классические контексты философии истории (от Р. Декарта до Г.В.Ф. Гегеля и К. Маркса) и только еще осваиваемые в историческом сообществе труды М.М. Бахтина. Обширные свидетельства культурологического переоткрытия индивидуального в исторической науке содержатся в беспрецедентной «Истории историка» – исповеди-автобиографии крупнейшего отечественного медиевиста А.Я. Гуревича; в этой же книге – заметки о методологической уместности в исследовании индивидуального феноменологического наследия М. Вебера, в течение большей части XX в. отчужденного от исследовательских практик большинства отечественных историков.

Опыт А.И. Неусыхина

Уточняя основания своего познавательного интереса к индивидуальному, А.Я. Гуревич весьма внимательно исследует труды А.И. Неусыхина, решавшего вопрос индивидуальности историка, ценностных условий его возможности в идеологической ситуации историографии «без выбора», преимущественно марксистской. В конце 20-х годов, когда А.И. Неусыхину было 25–27 лет, на него огромное впечатление произвели работы М. Вебера: «Двадцатые годы прошли, условно говоря, “под знаком Макса Вебера”. После длительного молчания, в 40-е и последующие годы он писал “под знаком Энгельса”» [Гуревич, 2012, с. 90]. Изнутри маркистской традиции такая перемена может быть представлена историцистски: «Эти переходы ученого от конкретных исследований к обобщающим работам совершенно закономерны и связаны с самим пониманием задач и особенностей исторической пауки. Да и переходами их можно назвать лишь условно – в том смысле, что в разные периоды одно превалировало над другим, но всегда и та и другая стороны его исследовательской деятельности были теснейшим образом связаны и взаимно переплетались. У Александра Иосифовича (и это во всех сферах его жизни и творчества) был особый дар постижения индивидуального в соотнесении с целым, любовь к детализации, умение видеть важное и существенное в, казалось бы, незначительных мелочах» [Мильская, 1974, с. 13–14].

Позиция самого А.И. Неусыхина скорее холистична: «Так называемый "смысл жизни (или, точнее, объяснение целесообразности существования человеческого рода на земле", его "понимание", "созерцание", "сопереживание", сказал бы я, да еще распространив эти понятия на постижение и человечества, и космоса) может быть постигнут лишь как смысл своей жизни, применительно к отдельному субъекту» [Мильская, 1974, с. 13]. «Это не отказ от решения проблемы путем ее забвения, а единственно возможное ее решение путем ее "индивидуализации" (отнюдь не в смысле романтического "индивидуализма", а как раз наоборот – в смысле познания своей индивидуальности как части космического и всечеловеческого целого, но такого целого, постижение коего возможно лишь в данной, конкретной, несовершенной и преходящей индивидуальности, несмотря на все ее несовершенство). Закон целостности бытия и закон его индивидуализации… коррелятивны, т. е. необходимо дополняют друг друга и взаимно соотнесены» [там же, с. 18]. В такого рода холизме нет особых новинок, но он вполне соответствует исканиям того исторического целого, которое довольно широко давало себя знать в философии и методологии исторической науки (в том числе и фундаментальной «Методологии истории» А.С. Лаппо-Данилевского, старшего современника А.И. Неусыхина). Другое дело, что это холизм без последствий, метаисторически, идейно балансирующий между разнородными методологическими программами («Общее нам дано в истории только как индивидуальное, ибо оно никогда не выступает изолированно, а всегда входит в состав какого-нибудь индивидуального исторического целого» [Неусыхин, 1994, с. 675]).

А.Я. Гуревич уточняет экзистенциальное измерение опыта А.И. Неусыхина – одного из важнейших для него историков методологически переходного склада, –

обнаруживает в его трудах «отчетливую тенденцию подтянуть, приблизить Вебера к Марксу, сгладить очевидные противоречия между ними, сделать его приемлемым для историков-марксистов» [Гуревич, 2012, с. 112]. В более мягкой форме об этом писал Д.М. Петрушевский (из поколения учителей и старших современников А.И. Неусыхина): «При всем интересе и способностях к социологическим обобщениям, он (А.И. Неусыхин) всегда был ученым с ярко выраженным историческим мышлением (он и у Макса Вебера, через увлечение которым прошел, более всего ценил способность оставаться историком, его близость в некоторых аспектах к историческому мышлению Маркса, которую в своей увлеченности марксистским материалистическим пониманием истории он тогда в блестяще написанных статьях о Максе Вебере в известной мере преувеличил)» [Цит. по: Мильская, 1974, с. 15].

Сам же Гуревич, размышляя над веберовской феноменологией, движется в ином не холистском и нисколько не метаисторическом направлении. Он не стремится к логической изысканности в поисках индивидуального; собственно индивидуальное усматривается им как некое фактичное условие понимания социальных, неотчуждаемых от индивида сторон его жизни. Признаваясь, что не слишком заботится насчет поиска обособленных идеальных форм понятий «личность» и «индивидуальность» [Гуревич, 2012, с. 23], Арон Яковлевич стремится к постановке и решению проблемы индивида (личности) как несубстанциального, развивающегося в определенных общественных условиях исторического лица с неповторимыми социально-историческими очертаниями[1]. Историческое исследование, стало быть, стоит вести по эту, социальную сторону его антропологических границ, уточняя, «какие стороны человеческого Я приобретали в том или другом социально-культурном контексте особое значение» [Гуревич, 2012, с. 23]. В связи с этим оставляется без особого внимания и вопрос о корреспондирующих истинах философии и методологии исторического знания как вопрос другой, несобственно методологической природы («я не собираюсь сравнивать Маркса и Вебера, считаю, что один был выдающимся мыслителем второй половины XIX века, а другой – первой половины XX века» [Гуревич, 2012, с. 210]). Это характерное для А.Я. Гуревича остранение от холистичной заботы о сопряжении смыслов – поворот в сторону несубстанциальных смыслов индивидуального – нейтрализовало возможные страхи относительно идейной несовместимости Маркса и Вебера в советском историографическом мире (от чего не был свободен, скажем, теоретически основательный и идеологически осторожный М.А. Барг, современник А.Я. Гуревича, трактовавший Вебера ex cathedra как «не более, чем эклектика», а в кулуарах шепотно замечавший, что «Карл Маркс – пигмей по сравнению с Максом Вебером» [Гуревич, 2012, с. 210].

Методологическое движение А.Я. Гуревича связано с культурологическим контекстом, с самой категориальной инстанций культуры, которая нуждается в несубстанциальном понимании. «Я думаю, что личность представляет собой своего рода "средний член" между обществом и культурой. Поскольку существует общество, т.е. некоторая совокупность людей, организованных каким-то образом, и поскольку у этих людей существует определенное сознание и система ценностей, регулирующая их поведение, одним словом, некая"культура" (в том смысле, в каком это слово употребляют этнологи-антропологи), то член общества, обладающий характерной для данного общества культурой, тем самым является личностью» [Гуревич, 1998, с. 240]. Это методологическая установка, которая ищет выход за пределы тех объяснительных схем, которые требуют объективации исторической индивидуальности, ставят под вопрос собственно «объективную реальность» как неэффективную идеологическую инстанцию исторического знания; при этом речь нисколько не идет о профанировании объективного; больше и интенсивнее

[1] Ср.: «"Индивидуальность" – это такая человеческая личность, которая осознает не просто самое себя, а осознает свою специфичность, неповторимость, обособленность» [Гуревич, 1998, с. 238].

всего Гуревич ищет условий возможного обращения к познавательным универсалиям – в меру их феноменологической доступности (в «Истории историка» это предстает как попытка выявить собственную историчность – «и тем самым свою индивидуальность» [Щедрина, 2013, с. 140]).

Отнесение к индивидуальному

Заметки о М. Вебере в книге-исповеди А.Я. Гуревича немногочисленны и в самых содержательных своих частях насыщены оптимизмом. Веберовское социально-феноменологическое наследие осмысливается им как источник реалистичных смыслов исторического исследования – познавательно свободного действия без метаисторического априоризма и жесткой схематизации какой бы то ни было «идеи истории» или «объективной реальности» как таковой[1]. Это прежде всего этический эмпиричный реализм, который предполагает от историка максимума искренности в отношении собственных предпосылок и познавательных условий. Отбросить идеологический артистизм и уточнить насколько возможно историчность собственного мышления, его ценностно-индивидуального ядра, несводимого к внешним оценкам, дающего себя знать через *отнесение* к ценностям, готового к новому самопостроению, усмотрению и фактической реконструкции чужой индивидуальности и т. д., – так конкретно и профессионально жизненно принимает Гуревич «понимающую» социологию М. Вебера; веберианство – своего рода экзистенциальный лейтмотив его автобиографического *profession de foi*.

Место Вебера в мышлении А.Я. Гуревича не компенсируется ни кем, но легко совмещается с продуктивным методологическим участием историка в антропологическом движении так называемой новой исторической науки – с историками «Анналов», к примеру, с их готовностью трактовать ментальности, социально насыщенные, пластичные умовидения, недоступные схематике законополагающего историзма. По убеждению Гуревича, Вебер и эти позднейшие историки «с разных сторон… подходили к одному и тому – одни на уровне эпистемологии, другие на уровне конкретных исследований» [Гуревич, 2012, с. 111]. Категориальное пространство познавательных взаимодействий у Вебера задается понятием идеального типа [Вебер, 1990, с. 271], – «важнейшим» [Гуревич, 2012, с. 109], позволяющим продуктивно снять противоречие, которое возникает в ситуации несовпадения индивидуальности историка, его предварительно гипотезирующего мышления с теми сведениями, которые он получает, изучая документы. Семантика границы, которая содержится в самом понятии идеального типа, предполагает такое противоречие и затем преобразование, переплавку этого типа – обеспечивает историку свободу *внутри* избираемого им пространства теоретических предположений и первичных категоризаций. «Если собранный конкретный материал, проанализированный и систематизированный, противоречит идеальному типу, следует модифицировать этот идеальный тип. Значит, я начал с неверной предпосылки и ее следует в ходе исследования более или менее или даже коренным образом переработать. А если этот идеальный тип вообще не подходит, нужно набраться мужества, отбросить его и начать исследование, исходя из других предпосылок. Идеальный тип есть, следовательно, не схема, которой надлежит подчинить конкретный материал, а инструмент, при помощи которого его собирают, изучают, систематизируют и обобщают. Но этот инструмент должен знать свое место, и в случае обнаружения непригодности его следует отбросить» [Гуревич, 2012, с. 110].

[1] Ср.: «В трудах Виндельбандта, Риккерта и в особенности М. Вебера было показано, что постигнуть непосредственно так называемую объективную реальность нам не дано, не только потому, что уже прошла и ее нет, но и потому, что ее следы в источниках закамуфлированы; источники эти непрозрачны, нуждаются в расшифровке, а расшифровка их, проникновение через источники в то, что происходило в прошлом, возможны только в том случае, если мы займемся анализом понятийного аппарата, познавательных средств, которыми обладают историки» [Гуревич, 2012, с. 109].

Методология Вебера с «необычайной настойчивостью» [Гуревич, 2012, с. 110] признает инструментальное достоинство исторических понятий; познавательное настроение, с которым Гуревич пишет об этом, проясняется благодаря двум новеллам – о «прокрустовом ложе» марксизма, дедуцировавшим историзм исторического процесса (или, иначе, предложившим его неизменяемый идеальный тип) [Гуревич, 2012, с. 110], с которым было связано и от которого стремится освободиться, положительно изжить мышление самого Гуревича, и о первом парижском докладе Гуревича, который он решил посвятить М. Веберу и который был понят историками, его слушателями, как нечто академически неуместное или маргинальное – не был отнесен к социальной стороне индивидуальности самого А.Я. Гуревича. Парижский доклад, впрочем, с наибольшей выразительностью показывает и неповторимость веберовского настроения Гуревича, его исходно экзистенциальный статус: «На заседании присутствовала почти вся редколлегия журнала "Анналы", с которой я к тому времени давно сотрудничал. Я не нашел ничего лучшего, как прочитать им лекцию на тему о сходстве и различии между учением М. Вебера и других немецких неокантианцев, с одной стороны, и взглядами Февраля и Блока – с другой… Я кончил свой доклад, молчание, затем одна дама говорит: "Вы не учли, что у нас были и другие учителя – Дюркгейм, например". Дискуссии не возникает, красноречиво молчит Ле Гофф, и его молчание – не знак согласия. Да, Дюркгейм. Но мне неловко было говорить о нем в этой аудитории. Рядом с Францией находилась Германия, где работал Вебер как раз в те годы, когда туда в научные командировки приезжал Блок. Он, конечно, читал Вебера, но свидетельств того, что это произвело на него необходимое впечатление, по-видимому, не осталось. В "Апологии истории" не чувствуется, что он близко знаком с эпистемологией Вебера. Не чувствуется перекличка с двух берегов Рейна между французскими "аннали-стами" и немецкими неокантианцами» [Гуревич, 2012, с. 110]. Инстанцией этой переклички стала, надо полагать, методологическая, социально насыщенная индивидуальность самого А.Я. Гуревича[1].

***

Историческая антропология к исходу 10-х гг. XXI в. переживает немалые перегрузки – различного рода попытки возвращения к познавательным установкам и практикам, верифицируемым в рамках некогда состоявшейся культурно-исторической рациональности. Оставаясь с нами, А.Я. Гуревич, вероятно, смог бы поставить вопрос и об основаниях, на которых возможно наше возвращение: вернемся ли, минуя тот опыт отнесения к индивидуальному, который сосредоточивается в ближайших к нам по времени и все еще исторически, исследовательски неосвоенных методологических программах «понимающего» отношения к индивидуальности историка? Программа М. Вебера, «универсального ученого, игнорирующего границы дисциплин» [Ростиславлева, 2015, с. 129], трудно воспринимается практикующими историками, предпочитающими реализм «кафедры до суда» [Трубникова, 2004; Radkau, 2013; Dumoulin, 2014]. Впрочем, возвращение предполагает возвращение к истокам познавательного ремесла, к тем навыкам, которые позволят войти в цех мастеров историографии со своим шедевром, – и внятным, и восхищающим своей индивидуальностью. Ценность индивидуального – горизонт исторического мышления, насколько его можно усматривать «после послесовременности», когда историческое

[1] По предположению Арона Яковлевича, парижский доклад все же не остался без последствий: они опознаются в работе О. Демулена о М. Блоке, которую читали А.Я. Гуревичу во время подготовки «Истории историка»: «Из книги Демулена мне прочитали весьма важные в методологическом отношении высказывания Блока по некоторым коренным вопросам истории, которые не нашли отражения в его незавершенной "Апологии истории". Демулен высказывает некоторые соображения относительно сближения линии неокантианства в Германии и линии Блока во Франции, о которой я тогда говорил в Париже» [Гуревич, 2012, с.110–111]. Ср.: [Dumoulin, 2000] (в сквозном тезисе О. Дюмулена – искание М. Блоком некоего «осмоса», познавательного фильтра, который позволял бы очищать практические смыслы исторических исследований).

мышление остается наедине с историей своих понятий, порождает новые познавательные констелляции и как будто начинается заново. Указание на ценность индивидуального, которое содержится в работах А.Я. Гуревича, является драгоценным поводом для осмысления и освоения этого горизонта. «Дискуссия о личности и индивидуальности в истории нуждается в продолжении. Точку ставить рано» [Гуревич, 1990, с. 76].

Список литературы

1. Баткин Л.М. 1989. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М., Наука, 272 с.

2. Вебер М. 1990. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания. В кн.: Вебер М. Избранные произведения. М., Прогресс: 345–414.

3. Гуревич А.Я. 1990. Еще несколько замечаний к дискуссии о личности и индивидуальности в истории культуры. В кн.: Одиссей. Человек в истории. М., Наука: 76–89.

4. Гуревич А.Я. 2012. История историка. М.-СПб., Центр гуманитарных инициатив, 288 с.

5. Гуревич А.Я. 1998. Культура средневековья и историк конца XX в. (Фрагменты лекций). В кн.: Гуревич А.Я. История мировой культуры: Наследие Запада: Античность. Средневековье. Возрождение. М., Российск. гос. гуманит. ун-т: 238–317.

6. Кнабе Г.С. 1990. Изменчивое соотношение двух постоянных характеристик человека. В кн.: Одиссей. Человек в истории. М., Наука: 9–12.

7. Мильская Л.Т. 1974. А.И. Неусыхин – ученый, педагог, человек. В кн.: Неусыхин А.И. Проблемы европейского феодализма. М., Наука: 7–19.

8. Неусыхин А.И. 1994. Социологическое исследование Макса Вебера о городе. В кн.: Макс Вебер. Избранное. Образ общества. М., Юрист: 658–683.

9. Одиссей. Человек в истории: Личность и общество. 1990. Под ред. А.Я. Гуревича. М., Наука, 222 с.

10. Ольхов П.А. 2018. Историческая реконструкция как диалогический проект: категориально-речевые и нравственные доминанты А.Я. Гуревича. Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, 1 (43): 21–32.

11. Ольхов П.А. 2011. Проблема "чужого Я" в методологии истории А.С. Лаппо-Данилевского (кантианские мотивы). Кантовский сборник, 3(37): 59–66.

12. Ростиславлева Н.В. 2015. Концепция «идеальных типов» Макса Вебера как полидисциплинарный проект. Вестник РГГУ, 9: 122–129.

13. Трубникова Н.В. 2004. Марк Блок: образ идеального историка и вызовы современной Франции. Вестник Томского государственного университета, 281: 190–195.

14. Щедрина И.О. 2013. Культурно-исторический подход А.Я. Гуревича к литературному произведению как источнику исторических знаний о личности. Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, 4: 137–142.

15. Dumoulin O. 2014. Le Rôle social de l'historien: De la chaire au prétoire. Albin Michel, 350.

16. Dumoulin O. 2000. Marc Bloch. Presses de Sciences Politiques, 329 p.

17. Radkau J. 2013. Max Weber: Die Leidenschaft des Denkens. München, Carl Hanser Verlag, 924 p.

References

1. Batkin L.M. 1989. Ital'yanskoye Vozrozhdeniye v poiskakh individual'nosti [Italian Renaissance in search of individuality]. M., Nauka, 272 p.

2. Veber M. 1990. «Ob"ektivnost'» social'no-nauchnogo i social'no-politicheskogo poznaniya [The "objectivity" of socially-scientific and sociopolitical knowledge]. In: Veber M. Izbrannye proizvedeniya [Selected works.]. M., Progress: 345–414.

3. Gurevich A.Ya. 1990. Eshche neskol'ko zamechanij k diskussii o lichnosti i individual'nosti v istopii kul'tupy [A few more remarks on the discussion of personality and individuality in the history of culture]. In: Odissey. Chelovek v istorii: Lichnost' i obshchestvo [Odysseus. Man in History: Personality and Society]. M., Nauka: 76–89.

4. Gurevich A.Ya. 2012. Istoriya istorika [The history of the historian]. M.-SPb., Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 288 p.

5. Gurevich A.Ya. 1998. Kul'tura srednevekov'ya i istorik kontsa XX v. (Fragmenty lektsiy) [Medieval culture and historian of the late XX century. (Fragments of lectures)]. In: Gurevich A.Ya. Istoriya mirovoy kul'tury: Naslediye Zapada: Antichnost'. Srednevekov'ye. Vozrozhdeniye. [History of World Culture: Legacy of the West: Antiquity. Middle Ages. Revival] M., Russian State humanitarian Univ.: 238–317.

6. Knabe G.S. 1990. Izmenchivoye sootnosheniye dvukh postoyannykh kharakteristik cheloveka [The changing ratio of the two permanent characteristics of a person]. In: Odissey. Chelovek v istorii: Lichnost' i obshchestvo [Odysseus. Man in History: Personality and Society]. M., Nauka: 9–12.

7. Mil'skaya L.T. 1974. A.I. Neusykhin – uchenyj, pedagog, chelovek [A.I. Neusikhin – scientist, teacher, person]. In: Neusyhin A.I. Problemy evropejskogo feodalizma [Problems of European feudalism]. M., Nauka: 7–19.

8. Neusykhin A.I. 1994. Sociologicheskoje issledovanie Maksa Vebera o gorode [Max Weber's sociological study of the city]. In: Weber M. Izbrannoje. Obraz obshchestva [Selected works. The image of Society]. M., Yurist: 658–683.

9. Odissey. Chelovek v istorii: Lichnost' i obshchestvo [Odysseus. Man in History: Personality and Society]. Under the editorship A.YA. Gurevich. 1990. M., Nauka, 222 p.

10. Olkhov P.A. 2018. Istoricheskaja rekonstrukcija kak dialogicheskij proekt: kategorial'no-rechevye i nravstvennye dominanty A.Ja. Gurevicha [Historical reconstruction as a dialogical project: categorical-speech and moral dominants of A. Y. Gurevich]. Gumanitarnye issledovanija v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke, 1 (43): 21–32.

11. Olkhov P.A. 2011. Problema "chuzhogo Ja" v metodologii istorii A.S. Lappo-Danilevskogo (kantianskie motivy) [The problem of the "alien Self" in the methodology of A. S. Lappo-Danilevsky's history (Kantian motives)]. Kantovskij sbornik, 3(37): 59–66.

12. Rostislavleva N.V. 2015. Koncepciya «ideal'nyh tipov» Maksa Vebera kak polidisciplinarnyj proekt [Max Weber's concept of "ideal types" as a multidisciplinary project]. Vestnik RGGU, 9: 122–129.

13. Troubnikova N.V. 2004. Marc Bloch: obraz ideal'nogo istorika I vyzovy sovremennoi Frantsii [Marc Block: the image of the ideal historian and the challenges of modern France]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 281: 190–195.

14. Shchedrina I.O. 2013. Kul'turno-ictopicheckij podkhod A.Ya. Gurevicha k litepatyrnomy proizvedeniju kak istochniky ictoricheckikh znanij o lichnocti [Cultural-historical approach of A. Ya. Gurevich to literary work as a source of historical knowledge about the person]. Gumanitarnye issledovanija v Voctochnoj Sibiri i na Dal'nem Voctoke, 4: 137–142.

15. Dumoulin O. 2000. Marc Bloch. Presses de Sciences Politiques, 329 p.

16. Dumoulin O. 2014. Le Rôle social de l'historien: De la chaire au prétoire. Albin Michel, 350.

17. Radkau J. 2013. Max Weber: Die Leidenschaft des Denkens. München, Carl Hanser Verlag, 924.

Ссылка для цитирования статьи
For citation

Гладков Д.И. 2020. Ценность индивидуального (к истолкованию феноменологии М. Вебера в трудах А.Я. Гуревича). NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 45 (1): 164–171.
DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-1-164-171

Gladkov D.I. 2020. The value of the individuality (notes on the phenomenology of M. Weber in the last book of aron Y. Gurevich). NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 45 (1): 164–171 (in Russian). DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-1-164-171

УДК 37.013
DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-1-172-182

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА ЦЕЛОСТНОГО В ХРИСТИАНСКОЙ ФИЛОСОФИИ (К РАЗМЫШЛЕНИЯМ ЕПИСКОПА ФЕОФАНА (ГОВОРОВА))

CONCEPTUALIZATION OF A HOLISTIC MAN IN CHRISTIAN PHILOSOPHY (TO THE THOUGHTS OF BISHOP THEOPHANES (GOVOROV))

П.А. Ольхов, И.В. Гончаренко
P.A. Olkhov, I.V. Goncharenko

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: eigor1@yandex.ru, olkhov@bsu.edu.ru

Аннотация
Исследование трудов епископа Феофана (Говорова) в контексте интеллектуальной истории XIX в. позволяет характеризовать его стиль мышления как холистичный, дефрагментирующий философские, богословские и естественнонаучные суждения о человеке в общей связи с христианской традицией – патристическими представлениями, ученой премудростью и аскетической практикой христианского совершенствования. Авторы предполагают причастность епископа Феофана к пока что малоизученному в России антропологическому движению (teologia anthropologica), поддержанному в начале XIX в. в энциклопедическом круге митрополита Филарета (Дроздова). Проведенный анализ дает возможность трактовать антропологические установки епископа Феофана в связи с платоническими началами русского философско-религиозного самосознания, укорененного в доктринальном исповедании восточной христианской традиции. Отмечено, что представление о человеке целостном в трудах епископа Феофана дает себя знать в его толкованиях причастности человека к Божественному и Сверхъестественному (в теофании и теозисе). Человек целостный, в понимании епископа Феофана, не только онтологически возможен, но и вечно нов: мыслитель трактует его индивидуальность как принципиально неодинокую, личностную, возрождаемую и возрождающуюся в общности (экклезиально), собственным устремлением и в соединении с нетварными Божественными энергиями приобщающуюся к Логосу. Сделан вывод о том, что обстоятельные размышления епископа Феофана о человеке целостном продуктивно соотносятся с современными проблемами философско-религиозной (христианской) антропологии и перспективами их решения.

Abstract
The character of thinking of Bishop Theophanes is primarily practice oriented, integrated patristic ideas about a person, learned wisdom and the ascetic practices of Christian cultivation. A study of the works of the Russian thinker allows us to characterize his thinking style as conceptually holistic, defragmenting philosophical and anthropological reflections on a person in the context of the intellectual history of the XIX century as well as of Christian tradition. This makes possible to understand that the thought of Bishop Theophanes is involved in a little studied anthropological movement (*teologia anthropologica*) perceived in the encyclopedic circle of Metropolitan Filaret (Drozdov) at the beginning of the 19th century. The analysis allows us to interpret the anthropological attitudes of Bishop Feofan in connection with the holistic Platonism of Russian philosophical and religious identity rooted in the doctrinal confession of Eastern Christian tradition. The concept of a holistic man in the writings of Bishop Feofan is manifested in his interpretations of man's involvement in the Divine and Supernatural (theophany and

theosis). A holistic man is not only ontologically possible, but forever new: the thinker interprets his individuality as fundamentally unequal, personal, reborn in community (ecclesially) and communicating with the Logos by his own aspiration in conjunction with the uncreated Divine energies. The thorough thoughts of Bishop Feofan about a holistic man are productively correlated with the contemporary problems of philosophical and religious (Christian) anthropology and the prospects of their solutions.

Ключевые слова: философско-религиозная антропология, христианская философия, индивидуальность, личность, общение, кеносис, экклесия.
Keywords: philosophical and religious anthropology, Christian philosophy, individuality, personality, communication, kenosis, ecclesia.

Постановка и исследование антропологических проблем занимают существенное место в современной христианской (православной) философии [Дронов, 1998; Вальверде, 2000; Доброхотов, 2000; Новиков, 2000аб, 2001; Хоружий, 2001; Иоанн (Зизиулас), 2002; Корольков, 2005; Скола, 2005; Мефодий (Зинковский), 2014; Чурсанов, 2014; Yannaras, 2012]. В отечественном познавательном опыте это связано, прежде всего, с обращением к наследию мыслителей XIX – начала XX вв. Определяя содержательную специфику русской философии того времени, В.В. Зеньковский указывал на ее повсеместный антропоцентризм: «Русская философия не теоцентрична (хотя в значительной части своих представителей глубоко и существенно религиозна), …не космоцентрична (хотя вопросы натурфилософии очень рано привлекали к себе русских философов), – она больше всего занята темой о человеке, о его судьбе и путях…» [Зеньковский, 1991а, с. 16][1].

Актуализация антропологического достоинства русской христианской мысли предполагает внимание к ее холистической доминанте – установке на поиск «синтетического единства всех сторон реальности» [Зеньковский, 1991а, с. 17][2] – и, соответственно, означает необходимость интенсификации междисциплинарных исследований. Русская философия никогда не была замкнутой в себе, исключительной сферой интеллектуальной деятельности, но возникала и развивалась на границах различных дисциплин, в некотором открытом целом общего познавательного движения, – часто оказываясь «энергийной» или «синергийной антропологией»[3].

Специального исследовательского внимания здесь требует «богословское человекословие» (teologia anthropologica) XIX в., которое возникало и развивалось в принципиально междисциплинарной позиции и вместе с тем все еще является наименее изученным [Goncharenko et al., 2019]. Интегральной фигурой здесь является епископ Феофан (Говоров), оставивший после себя обширное интеллектуальное наследие, анализ и уточнение антропо-

[1] О наиболее существенных тематико-антропологических предпочтениях в истории русской философии см. [Зеньковский, 1991а, б, в, г; Ермичев, 2014, с. 686–708; Клеман, 1992; Гаврюшин, 1997].

[2] Ср.: «В восприятии тогдашних поколений религия опознавалась, прежде всего, именно как возврат к цельности, как собирание души, как высвобождение из того тягостного состояния внутренней разорванности и распада, которое стало страданием века» [Флоровский, 1991, с. 250]. Как отмечал О.В. Аптекман, один из участников «хилиастического похода» 70-х годов XIX в., «то была подлинная драма растущей и выпрямляющейся души, то были муки рождения больших дум и тревожных запросов сердца <…> я видел не раз как молодежь, отправлявшаяся уже в народ, читала Евангелие и горько рыдала над ним. Чего она искала в Евангелии?.. Какие струны ее души были так задеты "Благой вести" ?.. Крест и фригийская шапка!.. Но это было, было! У всех почти находим Евангелие» [Флоровский, 1991, с. 294].

[3] Одна из первых книг, где концептуально уточнялось понятие синергийной антропологии: С.С. Хоружий. «После перерыва. Пути русской философии» [1994].

логических смыслов которого далеки от завершения [Ширяев, 2001–2003; Тертышников, 2008; Хохлова, 2011; Алексенко, 2016; Корнилий (Зайцев), 2016; Никулина, 2016].

Тринитарная семантика христианской антропологии

Особого рода целостная антропологическая установка в русской философии появилась благодаря устремленности к опыту и доктринальным основаниям восточной христианской традиции, патристике и византийскому исихазму[1]. Эта установка означала несводимость проблемы человека в некий рациональный контур философского знания; как отмечает С.С. Хоружий, здесь прежде всего давало себя знать общее понимание уникальной внутренней жизни всякого человека и его непременной вовлеченности в жизнь общественную.[2]

В XIX веке, почти полным ровесником которого был епископ Феофан (1815–1894), установка на понимание человека в его деятельной полноте находит свое проявление в довольно интенсивном развитии диалога между академическим богословием и философией в общем пространстве христианской мысли.

Инициатором этого процесса в России стал один из самых крупных русских интеллектуалов первой половины XIX в., хорошо известный своими новаторскими, исследовательскими и издательскими проектами и ныне чтимый Русской Православной Церковью в качестве своего святителя митрополит Филарет Дроздов. Во многом благодаря его исследованиям происходит выведение концепта theologia naturalis (естественное откровение) из тандема с thelogia revelata (Божественное откровение) за рамки богословских наук[3]. Практики познания, характерные для theologia naturalis, уходят на второй план, но зато уточняются рациональный характер христианской мысли, мистико-аскетические восприятия Бога, мира и человека, практики личного общения, которые предполагают единство разума и веры в целостном опыте Богообщения. Благодаря познавательному подвижничеству епископа Иннокентия (Борисова), ректора Киевской духовной академии, начинается и активная разработка экклесиастических, общностных аспектов христианской антропологии [Сухова, 2010]. А.С. Хомяков, мыслитель вне клира, в исторически первой, свободной от заимствований и влияний как со стороны католического, так и со стороны протестантского богословий работе «Церковь одна» полагает необходимым рассматривать общность христиан как живой мистико-органический опыт[4] [Хомяков, 1995, с. 39–40]. Проблемати-

[1] «Патристика и византийский исихазм, … способствовали выработке основных антропологических положений в рамках метафизики веры, становлению нового типа духовного познания, основанного на вере, приводящего, в свою очередь, к формированию духовной личности» [Нижников, 2012, с. 245].

[2] См.: «Индивидуально-личное начало приемлется и допускается исключительно в рамках службы обществу» [Хоружий, 2003]. Ср.: [Зеньковский, 1991а, с. 16–17], Разумеется, человеческая личность не мыслится в разрыве от бытия Сверхъестественного: «…если нет Бога как Лица, а есть только "божественное", то нет … и лица в человеке» [Флоровский, 1922].

[3] Синтез концептов theologia naturalis – thelogia revelata разрабатывался на Западе протестантским богословом Иоганном Музеусом и получил дальнейшее развитие в трудах Дж. Локка и Х. Вольфа. В Россию связка этих терминов приходит через богословие митр. Платона (Левшина). Митр. Платон любил пользоваться латинской терминологией и потому часто обращался к ней. Митрополит Филарет (Дроздов), который также не был равнодушен к латинской терминологии, отделяет исследования theologia naturalis – thelogia revelata друг от друга: «…поскольку эта часть получила уже свое непременное место в круге наук философских… то, чтобы без нужды не умножались отрасли наук богословских, … наставник должен только по обстоятельствам обращаться к свету природы для того, чтобы тем утвердить веру в свет Откровения» [Святитель Филарет (Дроздов), 1885, с. 123].

[4] По слову Н. А. Бердяева, «вечно помнить будут Хомякова прежде всего за его постановку проблемы Церкви и за его попытку раскрыть существо Церкви. Церковь – прежде всего живой

зацию антропологических аспектов экклесиологии мы находим в работах «Чтения о Богочеловечестве» В.С. Соловьева [1989], «Столп и утверждение истины» П.А. Флоренского [2002] и многих других.

Постановка антропологических вопросов епископом Феофаном происходит в широком философско-богословском контексте. Труды «Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться», «Путь ко спасению», «Начертание христианского нравоучения» становятся ключевыми в предлагаемой разработке проблемы христианской индивидуальности, ее жизненного, духовного формирования и становления – раскрытия учения о Церкви в свете личного теозиса [Святитель Феофан, 2009]. Мерой здесь прежде всего оказывается молитвенное сосредоточение – первичный опыт обращения к Божеству, встречи с Ним. («Молитва – самое действенное средство в духовной жизни, и вместе мера ее» [Святитель Феофан, 1997, с. 78]). Человек, существо сотворенное и творящее, способен аккумулировать и утрачивать те Божественные, благодатные энергии[1], которые имманентны всему творению. «Дела любви, особенно в том смысле, как требует Господь, то есть чтобы являть любовь к врагам, требуют жертв – неизбежно. Как это может подрывать энергию нашу, слабую всегда, то для воодушевления нас Апостол выставляет жертву, которую Христос принес за нас» [Святитель Феофан, 2004, с. 480].

Экклесиология еп. Феофана имеет черты экзистенциального характера. «Мы, все верующие – тело Христово. Христос же Господь есть Глава сего тела. Как в теле всякий член живет не своею, а общею всему телу жизнью и, если отделится от тела, умирает и истлевает, так и ни один верующий не живет особняком, но живет общею всего сонма верующих, или всей Церкви, жизнью, и если отделится от них или обособится, замирает духовно и погибает» [Святитель Феофан, 2007a, с. 85]. Церковь – весьма устойчивое сообщество: христианская индивидуальность в этом сообществе проясняется и уточняется как личностно неповторимая, пребывающая в свободном и неразрывном, жертвенно возобновляемом «ядерном» синтезе с Тем, Кто посреди общности христиан: «Господь – глава Церкви. Церковь – тело Его. Одна глава, одно и тело. Кто не с телом, тот и не с главою. Это тело из всех верующих слагается, с собою живо соединенных» [Святитель Феофан, 2008b, с. 671]. Но устойчивость Церкви не есть ее автономное сущностное отличие; напротив, само ее предназначение может быть осмыслено и оправдано в жизненной перспективе человека, поврежденного в своей свободе, нарушившего или нарушающего свою исконную целостность в некотором опасном жизненном повторе. Это экзистенциальная установка умной веры[2] – «ума, покорного истине Божией» [Святитель Феофан, 2007b, с. 230], обретающего таким образом всецело жизненную, в том числе философскую устойчивость. «Совокупность истин веры есть самая стройная, возвышенная, утешительная и воодушевительная философия, система настоящая, какой не представляет ни одна система философии. Только до созерцания сей системы нельзя взойти вдруг. Надо принимать истину за истиною чисто, как преподается, без суемудрия, и слагать их в сердце… когда соберутся все истины, тогда сознание, молитвою изощренное, узрит строй их и будет ими наслаждаться. Эта премудрость от века сокровенная!» [Святитель Феофан, 2007b, с. 230–231].

Осмысление человеческой природы в трудах епископа Феофана имеет сложную тринитарную семантику. Несводимая к безличным закономерностям, человеческая природа дает себя знать в ситуациях энергийного сплочения людей, прокладывающих свой жизненный путь, находящихся в активном самопоиске – возвращении утраченной целост-

---

организм, единство любви, прежде всего свобода несказанная, истина веры, не поддающаяся рационализации» [Бердяев, 2007]. Ср. напр.: [Владимир (Сабодан), 1997].

[1] Общераспространенное понимание: «Благодать [древнегреч. χάρ ς], нетварная Божественная сила (δύναμ ς), в которой Бог являет Себя человеку, а человек с ее помощью преодолевает в себе греховное начало и достигает состояния обожения» [Иванов, 2000].

[2] Ср.: «Войдите, братие, умною верою вашею в созерцание сего порядка домостроительства Божия». [Святитель Феофан, 2010b, с. 18]

ности с Божеством, обожении (теозисе), которое требует соответствия триипостастному единству Божества, уверенно различимому только в ситуации единства, слитности с Ним. Возможность такой ситуации обеспечивается в опыте свободного и любящего участия человека в своем близком и Божественном прообразе. Для епископа Феофана антропологически важно различить этот опыт как искреннее и деятельное самопонимание человека в отзывчивом единстве умной *веры*, *мышления*, распознающего свою ограниченность, *заботы о другом.* Речь идет о семантике *«благодатного возрождения»* (курсив наш. – Авт.) [Святитель Феофан, 2008а, с. 192] – через активную перемену ума, обретение им сознания своей целостности, или иначе, перспективы рождения «совершенно новым… через приобщение ко Христу, единому истинному источнику истинно человеческой жизни, и через облечение в образ… нового родоначальника истинных людей» [Святитель Феофан, 2008а, с. 192–193]. Благодатное возрождение человека, его рождение от Бога, означает, что «он приемлет область быть чадом Божиим (Ин 1: 12-13) ради Господа Иисуса Христа преискренне приобщившихся плоти и крови и соделываюшего верующих причастниками Божеского естества (2 Пет 1:4), которые… водятся духом Его, суть сынове (Рим 8:14), принявшие духа сыноположения, ко которому вопиют: Авва Отче (Рим 8:14), – который спослушевает духу их, что они суть сынове (Рим 8:16)» [Святитель Феофан, 2008а, с. 193].

Экзистенциальные философско-богословские аргументы в антропологии епископа Феофана образуют некий практический сплав, выверяются и упрочиваются через систематическое пропедевтическое обращение к исихастическому опыту сосредоточения на общении как условии возможности человеческой природы[1]. Энергийные смыслы мистико-аскетической традиции позволяют очертить сущее человека как его деятельную субстантивность. Понимание отношений Бога и человека в категориях энергии есть особый вид философско-богословской рефлексии, характеризующий живой опыт общения между Богом и человеком, – своего рода уразумевание деятельной или встречной событийности Божественных и человеческих энергий. Индивидуальное и экклезиальное здесь не растворяется в Божественном, но сорастворяется Ему и опознает таким образом свой личностный предел.

Участь человека (альтернативы)

Новые горизонты человеческого существования открываются в Боговоплощении, самоумалении (кенозисе) Божества – событии, которое не сводимо к некоторому внешнему по отношению к живущему человеку сакрально-мифологическому прошлому. Жить ли в безучастном к Божеству мире познавательно опьяняющего, всепоглощающего историзма, «в ослеплении буйствующем», «преследующем все святое и всех святых» и при этом самохвальном, самосвятном мире, «одна любовь к которому есть вражда на Бога и друг коего есть враг Божий (Иак 4:4)» [Святитель Феофан, 2010а, с. 249]? Или предпочесть мир экзистенциального трезвения, историчной веры – «зародышевым» [Святитель Феофан, 2010а, с. 445] образом сохраняющегося в природе человека триипостасного Божества, воссоединяясь с Ним вплоть до личностно уникального и экклесийного, сугубо не овнешняемого события Божественной Евхаристии – предельного соучастия в жизни Христа, пребывающего «посреде нас» (Откр 3:20)? Для человека нового, возрожденного, принадлежащего области святых и Бога как прежде всего усыновленного выбор очевиден. «В чувстве сего сыновства они наслаждаются благоволением Божиим, исполняются любовию к Богу и из любви ревнуют о славе его. Все Божеское есть как бы их собственное»

[1] В.Н. Лосский о характере отношений Бога и человека посредством общения пишет: «Созерцание благ будущего века, божественных реальностей, нетварного света есть не цель исихаста, но выражение общения с Богом, Которого он непрестанно взыскует» [Лосский, 2003, с. 50].

[Святитель Феофан, 2010а, с. 251]. Именно в этой любви возрожденный человек исцеляется от травм неполноты своего существования, откликается на призыв: «Будте святы, яко же Я свят» (1 Пет. 1:16).

Особенностью нового, возрожденного Божественной благодатью человека является стремление постоянно творить доброе. Это добро направлено как по отношению к Богу, так и по отношению к ближнему. Своего рода энергийная формула – «хождение в делах благих»: «… по исполнении времен созданы во Иисусе Христе на дела благая, да в них ходят (Еф. 2:10) и действительно ходят в обновлении жизни, по подобию светлости воскресшего Господа (Рим. 6:4), как ревнители добрым делом (Тит. 2:14)» [Святитель Феофан, 2010а, с. 251].

Епископ Феофан указывает на то, что и человек, избегающий встречи со своей жизненной глубиной, не остается один, но это неодиночество глумления над другими и собою, неодиночество сумеречного, томительного сообщества людей, не сообщающихся в своем существе, не породненных в своей полноте, живущих по своей воле в «области сатаны мрачной» [Святитель Феофан, 2010а, с. 249]. Как раз этому мнимому сообществу альтернативна общность породнившихся с Богом – «род избран, царское священство, язык свят, людей обновления» [Святитель Феофан, 2010а, с. 251]; «… все созиждутся во храм духовен, …, созидаются в жилище Божие духом, в Церковь Святую о Господе (Еф. 2:21-22)» [Святитель Феофан, 1898, с. 239].

***

Являясь, без сомнения, мыслителем восточного (платонизирующего) христианского склада, епископ Феофан концептуализирует человека целостного в его экзистенциальной и деятельной, энергийной очевидности – через обращение к базовым феноменам человеческого существования (свободы, умной веры, любви, неодиночества и др.). Собственно человеческая природа, ее неповторимо индивидуальные и общные смыслы проясняются им в тринитарной семантике обретения человеком своего богосыновства, в мистико-рациональном единстве самоумаления и обожения. Толкуя возможности реализации энергийных начал человеческой природы, епископ Феофан трактует альтернативы жизненного пути принципиально свободного человека – входить в полноту устойчивого сообщества соделателей, экклесию, Церковь Божию либо избирать в качестве альтернативы неустойчивое сообщество не сознающих себя в своих границах индивидуально действующих. Епископ Феофан особенно отмечает несводимость этого выбора к рациональным теоретическим моделям. Дело идет о неподрасчетном в конечном счете единстве усилий человека, который стремится обрести себя в некотором искреннем максимуме самопонимания, самосознания, дающего себя отчет в единстве оснований своего духовного опыта, событийном или встречном характере своего самопознания как Богопознания – умной веры, отзывчивого мышления и заботы о другом.

Перспективным, думается, будет дальнейшее исследование концепции человека целостного как в дискуссионной перспективе русской христианской антропологии XX в., далеко не единомысленной в понимании целостности человеческого существования, так и в контекстах философско-антропологической герменевтики, часто предпочитающей холистической установке осмысление трансцедентальных, диалектико-онтологических или психологических смыслов жизненных альтернатив христианства[1]. Тем самым могут проясниться не только основания, преимущества или издержки энергийной антропологии, но, возможно, возникнет и иной познавательный эффект – большей ясности в отношении перспектив хри-

[1] Характерен диалектико-рационалистический поворот Л.П. Карсавина: «Тварь не личное бытие; но в своем Богопричастии, которое и есть ее бытие, в обожении своем лицетворится; в личном же бытии своем, т. е. в самом Логосе, тварь противостоит Богу» [Карсавин, 1992, с. 191].

стианского мышления нашего времени после «после истории», когда жизненные ресурсы христианской философии опознаются заново, и с особенным драматизмом – в России.

Список литературы

1. Алексенко О.В. 2016. Интерпретация свт. Феофаном Затворником антропологии св. апостола Павла. М., 215 с.
2. Бердяев Н.А. 2007. Алексей Степанович Хомяков. URL: https://www.litres.ru/nikolay-berdyaev/aleksey-stepanovich-homyakov/chitat-onlayn/page-4/ (дата обращения: 30 ноября 2019).
3. Вальверде К. 2000. Философская антропология. Пер. с исп. Г. Вдовиной. Под ред. Е. Гейнрихса. М., Христианская Россия: 412 с.
4. Владимир (Сабодан), митрополит Киевский и всея Украины. 1997. Экклезиология в отечественном богословии. К., 512 с.
5. Гаврюшин Н.К. 1997. Русская религиозная антропология. Том 1. URL: https://azbyka.ru/otechnik/antropologiya-i-asketika/russkaja-religioznaja-antropologija-tom-1/ (дата обращения: 18 декабря 2019).
6. Доброхотов А.Л. 2000. Философия и христианство. Сборник докладов конференции «Христианство и философия». М., Отдел религиозного образования и катехизации РПЦ: 5–21.
7. Дронов Михаил, протоиерей. 1998. Экзистенция и опыт в православном мышлении накануне XXI века. Альфа и Омега, 4: 255–271.
8. Ермичев А.А. 2014. Имена и сюжеты русской философии. СПб., Наука: 710 с.
9. Зеньковский В.В. 1991а. История русской философии. Т. 1. Ч. 1. Л., Эго.: 221 с.
10. Зеньковский В.В. 1991б. История русской философии. Т. 1. Ч. 2. Л., Эго: 280 с.
11. Зеньковский В.В. 1991в. История русской философии. Т. 2. Ч. 1. Л., Эго.: 256 с.
12. Зеньковский В.В. 1991г. История русской философии. Т. 2. Ч. 2. Л., Эго.: 269 с.
13. Иванов М.С. Благодать. В кн.: Православная энциклопедия. 2000. Под общей редакцией Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. М., Церковно-науч. центр «Православная энциклопедия». URL: http://www.pravenc.ru/ (дата обращения: 19 ноября 2019).
14. Иоанн (Зизиулас), митрополит Пергамский. 2002. Личностность и бытие. Перевод с английского С. Чурсанова. М., Православный Свято-Тихоновский богословский институт, 10: 22–50.
15. Карсавин Л.П. 1992. Религиозно-философские сочинения. Т.1. М., Ренессанс: 325 с.
16. Клеман О. 1992. Личность по учению русских философов XIX–XX веков. Православная община, 6 (12): 52–62.
17. Корнилий (Зайцев), иеромонах. 2016. Учение святителя Феофана, Затворника Вышенского, о душе человека в контексте православной антропологии. Сергиев Посад: 28 с.
18. Корольков А.А. 2005. Духовная антропология. СПб., Изд-во СПбГУ: 323 с.
19. Лосский В.Н. 2003. Боговидение. Перевод с французского В.А. Рещиковой М., Издательство АСТ: 64 с.
20. Мефодий (Зинковский), иеромонах. 2014. Богословие личности в XIX–XX вв. СПб., Издательство Олега Обышко: 320 с.
21. Нижников С.А. 2012. Метафизика веры в русской философии. М., ИНФРА-М: 313 с.
22. Никулина Е.Н. 2016. Антрополого-педагогические воззрения святителя Феофана Затворника: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук. М., 31 с.
23. Новиков Д.В. 2000а. Христианское учение о человеке. Человек, 5: 116–126.
24. Новиков Д.В. 2000б. Христианское учение о человеке. Человек, 6: 97–108.
25. Новиков Д.В. 2001. Христианское учение о человеке. Человек, 1: 119–127.
26. Святитель Феофан Затворник. 2008а. Воплощенное домостроительство. Опыт христианской психологии в письмах. М., Правило Веры: 462 с.
27. Святитель Феофан Затворник. 1997. Наставления в духовной жизни. М., Отчий дом: 104 с.
28. Святитель Феофан Затворник. 2010а. Начертание христианского нравоучения. М., Правило веры: 689 с.
29. Святитель Феофан Затворник. 2007а. Письма о разных предметах веры и жизни. Собрание писем. М., Правило веры: 592 с.
30. Святитель Феофан Затворник. 2007b. Письма о христианской жизни. М., Правило веры: 448 с.

31. Святитель Феофан Затворник. 2004. Послание святого апостола Павла к Ефесянам. М., Правило Веры: 644 с.

32. Святитель Феофан Затворник. 2005. Православие и наука. Руководственная книга изречений и поучений. Составил игумен Феофан (Крюков). М., Даниловский благовестник: 680 с.

33. Святитель Феофан Затворник. 2008b. Рукописи из кельи. М., Правило Веры: 700 с.

34. Святитель Феофан Затворник. 2010b. Слова на Господские, Богородичные и торжественные дни. М., Отчий дом: 424 с.

35. Святитель Феофан Затворник. 1898. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 2. М., Афонский русский Пантелеимонов монастырь: 240 с.

36. Святитель Филарет (Дроздов). 1885. Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. Т. 1. СПб., Синодальная типография: 531 с.

37. Скола А., Маренго Д., Лопес Х. П. 2005. Богословская антропология. М., Христианская Россия: 384 с.

38. Соловьев В.С. 1989. Чтения о богочеловечестве. Сочинения в двух томах. Философская публицистика. М., Правда: 736 с.

39. Сухова Н. Ю. 2010. Записки святителей Иннокентия (Борисова) и Филарета (Дроздова) о Духовных школах. Филаретовский альманах, 6: 53–54.

40. Тертышников Г., архимандрит. 2008. Симфония по творениям святителя Феофана, Затворника Вышенского. М., ДАРЪ: 640 с.

41. Флоренский П.А. 2002. Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. М., Лепта: 812 с.

42. Флоровский Г.В. 1922. В мире исканий и блужданий. Русская мысль, IV. URL: http://anthropology.rchgi.spb.ru/florovsky2.htm (дата обращения: 26 декабря 2019).

43. Флоровский Г.В. 1991. Пути русского богословия. Вильнюс (репринт: Париж, 1937): 599 с.

44. Хомяков А.С. 1995. Церковь одна. Сочинения богословские. Публикуется по изданию: Полное собрание сочинений Алексея Степановича Хомякова. Сочинения богословские. Издание пятое. СПб., Наука: 480 с.

45. Хоружий С.С. 2001. Антропология православия. В кн.: Новая философская энциклопедия (в 4 томах) под редакцией В.С. Стёпина. URL: http://philosophy.niv.ru/doc/encyclopedia/new-philosophical/articles/120/antropologiya-hristianskaya.htm (дата обращения: 25 декабря 2019).

46. Хоружий С.С. 2003. Богословие соборности и богословие личности: Симфония двух путей православного Богомудрия. URL: http://synergia-isa.ru/biblioteka /biblioteka-horuzhij/#H (дата обращения: 25 декабря 2019).

47. Хоружий С.С. 1994. После перерыва. Пути русской философии. СПб., Алетейя: 448 с.

48. Хохлова А.Б. 2011. Инновационно-эвристическое значение наследия Феофана Затворника для развития современного российского образования: диссертация ... кандидата педагогических наук. Курск: 218 с.

49. Чурсанов С.А. 2014. Лицом к лицу. Понятие личности в православном богословии XX века. М., Издательство ПСТГУ, 264 с.

50. Ширяев Г. 2001-2003. Антропология Святителя Феофана Затворника Вышенского. Русское самосознание. № 8: 142-162, № 9: 48-78, № 10: 163-175.

51. «Antropologia theologica»: rationality as a turning point of the Russian orthodox thought Igor Goncharenko, Aleksandr Litvinenko, Olga Nifontova, Irina Strakhova. APPSCONF. 2019. URL: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/abs/2019/13 /shsconf_appsconf2019_01001 /shsconf_appsconf2019_01001. html (дата обращения: 07.09.2019).

52. Yannaras Ch. 2012. Person, Essence, and Energies [Online] URL: http://synaxisstudy.blogspot.com/2012/04/dr-christos-yannaras-person-essence-and.html (дата обращения: 28 декабря 2019).

References

1. Aleksenko O.V. 2016. Interpretacija svt. Feofanom Zatvornikom antropologii sv. apostola Pavla [Bishop Theophan 's interpretation of St. Apostle Paul 's anthropology]. M.: 215 p.

2. Berdjaev N.A. 2007. Aleksej Stepanovich Homjakov [Alexey Stepanovich Homyakov]. URL: https://www.litres.ru/nikolay-berdyaev/aleksey-stepanovich-homyakov/chitat-onlayn/page-4/ (data obraschenija: 30 nojabrja 2019).

3. Val'verde K. 2000. Filosofskaja antropologija [Philosophical anthropology]. Per. s isp. G. Vdovinoj. Pod red. E. Gejnrihsa. M., Hristianskaja Rossija: 412 p.

4. Vladimir (Sabodan), mitropolit Kievskij i vseja Ukrainy. 1997. Jekkleziologija v otechestvennom bogoslovii [Ecclesiology in domestic theology]. K.: 512 p.

5. Gavrjushin N.K., 1997. Russkaja religioznaja antropologija [Russian religious anthropology]. Tom 1. URL: https://azbyka.ru/otechnik/antropologiya-i-asketika/russkaja-religioznaja-antropologija-tom-1/ (data obrashhenija: 18 dekabrja 2019).

6. Dobrohotov A.L. 2000. Filosofija i hristianstvo [Philosophy and Christianity]. Sbornik dokladov konferencii «Hristianstvo i filosofija». M., Otdel religioznogo obrazovanija i katehizacii RPC: 5–21.

7. Dronov Mihail, protoierej. 1998. Jekzistencija i opyt v pravoslavnom myshlenii nakanune XXI veka [Existence and experience in Orthodox thinking on the eve of the 21st century]. Al'fa i Omega. № 4: 255–271.

8. Ermichev A.A. 2014. Imena i sjuzhety russkoj filosofii [Names and stories of Russian philosophy]. SPb., Nauka: 710 p.

9. Zen'kovskij V.V. 1991a. Istorija russkoj filosofii [History of the Russian philosophy]. Vol. 1. Part 1. L., Ego: 221 p.

10. Zen'kovskij V.V. 1991b. Istorija russkoj filosofii [History of the Russian philosophy]. Vol. 1. Part 2. L., Ego: 280 p.

11. Zen'kovskij V.V. 1991v. Istorija russkoj filosofii [History of the Russian philosophy]. Vol. 2. Part 1. L., Ego: 256 p.

12. Zen'kovskij V.V. 1991g. Istorija russkoj filosofii [History of the Russian philosophy]. Vol. 2. Part 2. L., Ego: 269 p.

13. Ivanov M.S. 2000. Blagodat' [Grace] In: Pravoslavnaja jenciklopedija [Orthodox encyclopedia]. Under the General editorship of Patriarch Kirill of Moscow and all Russia. M., of Church-scientific center «Pravoslavnaja jenciklopedija». URL: http://www.pravenc.ru/ (data obrashhenija: 19 nojabrja 2019).

14. Ioann (Ziziulas), mitropolit Pergamskij. 2002. Lichnostnost' i bytie [Personality and being]. M., Pravoslavnyj Svjato-Tihonovskij bogoslovskij institute, 10: 22–50.

15. Karsavin L.P. 1992. Religiozno-filosofskie sochinenija [Religious and philosophical compositions]. Vol. 1. M., Renessans: 325 p.

16. Kleman O. 1992. Lichnost' po ucheniju russkih filosofov XIX–XX vekov [Personality by the teaching of Russian philosophers of the 19th-20th centuries]. Pravoslavnaja obshhina, 6 (12): 52–62.

17. Kornilij (Zajcev), ieromonah. 2016. Uchenie svjatitelja Feofana, Zatvornika Vyshenskogo, o dushe cheloveka v kontekste pravoslavnoj antropologii [The doctrine of Saint Theophan, The recluse of vyshensk, about the human soul in the context of Orthodox anthropology]. Sergiev Posad: 28 p.

18. Korol'kov A.A. 2005. Duhovnaja antropologija [Spiritual anthropology]. SPb., Izd-vo SPbGU: 323 p.

19. Losskij V.N. 2003. Bogovidenie [Vision of God]. M., Publ. AST: 64 p.

20. Mefodij (Zinkovskij), ieromonah. 2014. Bogoslovie lichnosti v XIX-XX vv. [Theology of personality in the XIX-XX centuries]. SPb., Publ. Olega Obyshko: 320 p.

21. Nizhnikov S.A. 2012. Metafizika very v russkoj filosofii: monografija [Metaphysics of Faith in Russian Philosophy: Monograph]. M., INFRA-M: 313 p.

22. Nikulina E.N. 2016. Antropologo-pedagogicheskie vozzrenija svjatitelja Feofana Zatvornika [Anthropological-pedagogical views of Saint Theophan the Recluse]: avtoreferat dis. ... kandidata pedagogicheskih nauk: 13.00.01. In-t srategii razvitija obrazovanija RAO. M., 31 p.

23. Novikov D.V. 2000a. Hristianskoe uchenie o cheloveke [Christian teaching of man]. Chelovek. 5: 116–126.

24. Novikov D.V. 2000b. Hristianskoe uchenie o cheloveke [Christian teaching of man]. Chelovek, 6: 97–108.

25. Novikov D.V. 2001. Hristianskoe uchenie o cheloveke [Christian teaching of man]. Chelovek, 1: 119–127.

26. Svjatitel' Feofan Zatvornik. 2008a. Voploshhennoe domostroitel'stvo. Opyt hristianskoj psihologii v pis'mah [Incarnate domostroitelstvo. Christian Psychology Experience in Letters]. M., Pravilo Very: 462 p.

27. Svjatitel' Feofan Zatvornik. 1997. Nastavlenija v duhovnoj zhizni [Instructions in spiritual life]. M., Otchij dom: 104 p.

28. Svjatitel' Feofan Zatvornik. 2010a. Nachertanie hristianskogo nravouchenija [Outline of Christian morals]. M., Pravilo very: 689 p.

29. Svjatitel' Feofan Zatvornik. 2007a. Pis'ma o raznyh predmetah very i zhizni. Sobranie pisem [Letters about different subjects of faith and life. Collection of letters]. M., Pravilo very: 592 p.

30. Svjatitel' Feofan Zatvornik. 2007b. Pis'ma o hristianskoj zhizni [Letters about the Christian life]. M., Pravilo very: 448 p.

31. Svjatitel' Feofan Zatvornik. 2004. Poslanie svjatogo apostola Pavla k Efesjanam [The Message of St. Paul to Ephesians]. M., Pravilo Very: 644 p.

32. Svjatitel' Feofan Zatvornik. 2005. Pravoslavie i nauka. Rukovodstvennaja kniga izrechenij i pouchenij [Orthodoxy and science. The Book of Words and Teachings]. M., Danilovskij blagovestnik: 680 p.

33. Svjatitel' Feofan Zatvornik. 2008b. Rukopisi iz kel'i [Manuscripts from a cell]. M., Pravilo Very: 700 p.

34. Svjatitel' Feofan Zatvornik. 2010b. Slova na Gospodskie, Bogorodichnye i torzhestvennye dni [Words on the Lord, Virgin and solemn days]. M., Otchij dom: 424 p.

35. Svjatitel' Feofan Zatvornik. 1898. Sobranie pisem svjatitelja Feofana [Collection of letters of Saint Theophan]. Release 2. M., Afonskij russkij Panteleimonov monastyr': 240 p.

36. Svjatitel' Filaret (Drozdov). 1885. Sobranie mnenij i otzyvov Filareta, mitropolita Moskovskogo i Kolomenskogo, po uchebnym i cerkovno-gosudarstvennym voprosam. [Collection of opinions and opinions of Filaret, Metropolitan of Moscow and Kolomna, on educational and Church-state issues]. Vol. 1. SPb., Sinodal'naja tipografija: 531 p.

37. Skola A., Marengo D., Lopes H.P. 2005. Bogoslovskaja antropologija [Theological anthropology]. M., Hristianskaja Rossija: 384 p.

38. Solov'ev B.C. 1989. Chtenija o bogochelovechestve [Lectures on Divine Humanity]. Sochinenija v dvuh tomah. Filosofskaja publicistika. M., Pravda: 736 p.

39. Suhova N.Ju. 2010. Zapiski svjatitelej Innokentija (Borisova) i Filareta (Drozdova) o Duhovnyh shkolah. Filaretovskij al'manah, 6: 53–54.

40. Tertyshnikov G., arhimandrit. 2008. Simfonija po tvorenijam svjatitelja Feofana, Zatvornika Vyshenskogo [Symphony on the creations of Saint Theophan, Zatvornik of Voshensky]. M., DAR: 640 p.

41. Florenskij P.A. 2002. Stolp i utverzhdenie istiny: Opyt pravoslavnoj teodicei v dvenadcati pis'mah [Pillar and Statement of Truth: The Experience of Orthodox Theodicea in Twelve Letters]. M., Lepta: 812 p.

42. Florovskij G.V. 1922. V mire iskanij i bluzhdanij [In a world of searching and wandering]. Russkaja mysl', IV: 135. URL: http://anthropology.rchgi.spb.ru/florovsky2.htm (data obrashhenija: 26 dekabrja 2019).

43. Florovskij G.V. 1991. Puti russkogo bogoslovija [Ways of Russian theology]. Vil'njus (reprint: Parizh, 1937): 599 p.

44. Homjakov A.S. 1995. Cerkov' odna. Sochinenija bogoslovskie [One church. Theological compositions]. SPb., Nauka: 480 p.

45. Horuzhij S.S. 2001. Antropologija pravoslavija [Orthodoxy anthropology]. (Stat'ja dlja jenciklopedii). Novaja filosofskaja jenciklopedija (v 4 tomah) pod redakciej V.S. Stjopina. URL:

http://philosophy.niv.ru/doc/encyclopedia/new-philosophical/articles/120/antropologiya-hristianskaya .htm (data obrashhenija: 25 dekabrja 2019).

46. Horuzhij S.S. 2003. Bogoslovie sobornosti i bogoslovie lichnosti: Simfonija dvuh putej pravoslavnogo Bogomudrija [Theology of Cathedral and Theology of Personality: Symphony of the Two Ways of Orthodox God]. URL: http://synergia-isa.ru/biblioteka /biblioteka-horuzhij/#H (data obrashhenija: 25 dekabrja 2019).

47. Horuzhij S.S. 1994. Posle pereryva. Puti russkoj filosofii [After a break. Ways of the Russian philosophy]. SPb., Aletejja: 448 p.

48. Hohlova A.B. 2011. Innovacionno-jevristicheskoe znachenie nasledija Feofana Zatvornika dlja razvitija sovremennogo rossijskogo obrazovanija [Innovation-heuristic significance of Feofan Zatvornik 's legacy for the development of modern Russian education]: dissertacija ... kandidata pedagogicheskih nauk. Kursk: 218 p.

49. Chursanov S.A. 2014. Licom k licu. Ponjatie lichnosti v pravoslavnom bogoslovii XX veka [Face to face. The Concept of Personality in 20th Century Orthodox Theology]. M., Publ. PSTGU: 264 p.

50. Shirjaev G. 2001-2003. Antropologija Svjatitelja Feofana Zatvornika Vyshenskogo [Anthropology of Saint Theophan the Zatvornik of Voshensky]. Russkoe samosoznanie. № 8: 142-162, № 9: 48-78, № 10: 163-175.

51. Goncharenko I., Litvinenko A., Nifontova O., Strakhova I. 2019. «Antropologia theologica»: rationality as a turning point of the Russian orthodox thought. APPSCONF. URL: https://www.shsconferences.org/articles/shsconf/abs/2019/13/shsconf_appsconf2019_01001/shsconf_appsconf2019_01001.html (data obrashhenija: 25 dekabrja 2019).

52. Yannaras Ch. 2012. Person, Essence, and Energies. URL: http: //synaxisstudy.blogspot.com/2012/04/dr-christos-yannaras-person-essence-and.html (data obrashhenija: 25 dekabrja 2019).

Ссылка для цитирования статьи
For citation

Ольхов П.А. Гончаренко И.В. 2020. Концептуализация человека в христианской философии (опыт еп. Феофана (Говорова)). NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 45 (1): 172–182. DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-1-172-182

Olkhov P.A. Goncharenko I.V. 2020. Conceptualization of man in Christian philosophy (experience St. Theophan the Recluse). NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 45 (1): 172–182 (in Russian). DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-1-172-182

УДК 130.2
DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-1-183-188

«ИДЕАЛЬНАЯ» БИБЛИОТЕКА. О СОХРАНЕНИИ ЗНАНИЯ СЕГОДНЯ

"PERFECT" LIBRARY. ABOUT KEEPING KNOWLEDGE TODAY

К.И. Черкесова, С.М. Шарабарин
K.I. Cherkesova, S.M. Sharabarin

Белгородский государственный институт искусств и культуры,
Россия, Белгород, 308033, Королёва ул. 7

Belgorod State Institute of Arts and Culture,
7 Koroleva St, Belgorod, 308033, Russia,

E-mail: fin@bgiik.ru

Аннотация
Развитие технологий сохранения информации в настоящий момент связано со сложными процессами унификации и специализации знания. Такая ситуация определяется использованием программного кода. Одной из главных причин кризиса современных механизмов сохранения знания является неограниченность объема информации, хранимой на цифровом носителе. Другой не менее важной причиной является все больший вывод информации из памяти человека в машинную память, что также дает возможность человеку создать собственный, гибридный механизм сохранения знания. Обратная сторона данного процесса заключена в динамичном развитии механизмов беспамятства.

Abstract
The development of information storage technologies, at most, is currently associated with complex processes of unification and specialization of knowledge. This situation is determined by the use of program code. One of the main causes of the crisis of modern mechanisms for maintaining knowledge is the unlimited amount of information stored on a digital medium. Another equally important reason is the increasing output of information from a person's memory to machine memory, which also enables a person to create his own mechanism for preserving knowledge. The reverse side of this process lies in the dynamic development of mechanisms of unconsciousness.

Ключевые слова: культура, знание, информация, современность, память, техника.
Key words: culture, knowledge, information, modernity, memory, technology.

Введение: философия и кибернетика

В 1966 году журнал Шпигель опубликовал интервью с Мартином Хайдеггером, в котором на вопрос, что сегодня приходит на смену философии, он дает достаточно интересный ответ – кибернетика. Вместо ожидаемых наук, возможно, менее ожидаемой литературы, мы сталкиваемся с наукой, изучающей информацию, её возникновение, сохранение и передачу. Причем неожиданно не кибернетика сама по себе, а то, что именно она сменяет (или меняет?) философию.

Для самого М. Хайдеггера такой ответ обоснован связью кибернетики и техники. Последняя необходима для удовлетворения потребностей человека, представляя из себя (здесь можно понимать эту фразу практически буквально), являя собой инструментальность. Инструментальность, в свою очередь, отсылает к причине и её пониманию Аристо-

телем и далее – к фундаментальной проблеме возникновения. М. Хайдеггер проблему про-изведения или по-явления, явленности чего-либо как результата соединения причин, основывает «на раскрытии потаенности», на которой и «стоит всякое про-из-ведение. Последнее, со своей стороны, собирает в себе четыре вида повода – всю причинность – и правит ими. К сфере причинности относятся цель и средства, относится инструментальное. Инструментальность считается основной чертой техники. Шаг за шагом спрашивая, что такое собственно техника как средство, мы придем к раскрытию потаенного… Итак, техника не простое средство. Техника – вид раскрытия потаенности. Если мы будем иметь это в виду, то в существе техники нам откроется совсем другая область. Это – область выведения из потаенности, осуществления истины» [Хайдеггер, 2007, с. 311]. Здесь становится ясна позиция М. Хайдеггера, который говорит о смене философии, имеющей дело с истиной, кибернетикой, имеющей дело с техникой, которая сегодня раскрывает истину.

Можно сказать, что философия, являясь сугубо человеческим делом на протяжении всей своей истории, впервые сталкивается с нечеловеческим в лице техники, и это, на наш взгляд, составляет основной предмет удивления в ответе М. Хайдеггера. При этом вопрос о человеке и технике можно отсчитывать от античного мифа о Прометее и Эпиметее, когда в западной традиции мысли, философской в последующем, оформляется связка, в которой присутствуют человек, знание, техника и память. Сегодня, беря во внимание ответ М. Хайдеггера, мы можем поставить несколько иной вопрос: действительно ли техника сохраняет знание? Он несколько отличается от вопроса о раскрытии истины, поскольку открытие и сохранение – не одно и то же, равно как не равнозначны истина и знание.

Однако эти вопросы связаны проблемой памяти. Открыть или раскрыть – еще не значит сохранить, но традиционно ценность имеет именно сохраненное знание, которое если и не является истинным, то стремится таковым быть. Сама философия как практика мысли, школа мысли и традиция более связана с сохранением, а не одномоментным раскрытием истины. Наконец, мы можем сформулировать наш вопрос о сохранении знания как вопрос о библиотеке, том месте, в котором знание хранится. Сегодня это вопрос о технике также, или даже преимущественно, о технике. Образно говоря, человек, знание, техника и память «встречаются» или должны встретиться в «идеальной» библиотеке.

Контексты

Отметим, что контекст обозначенной нами проблемы достаточно обширен. Проблема знания восходит к трудам софистов и Сократа, Демокрита, Платона и Аристотеля, а как более частная проблема культуры и знания, письменности и знания находит отражение в работах С.С. Аверинцева, И.Р. Блохина, Т.В. Васильева, Ю.С. Довженко, А.Б. Егорова, Ф.Х. Кессиди, М.А. Коростовцева, А.Ф. Лосева, А.С. Мельникова, А.В. Петрова. Исторический аспект сохранения знания можно найти в работах Х. Арендт, Р. Барта, П. Бурдьё, Ф. Гваттари, А. Грамши, Ж. Ле Гоффа, Ж. Делёза, И. Иллича, А. Де Либера, Б. Кларка, Б. Латура, Дж. Нидама, М. Полани, Д. Прайса, М. Сюриа, М. Фуко, У. Эко.

Дж. Агамбен, Ж. Бодрийяр, Ги Дебор, Г. Стэндинг, С. Жижек составляют необходимый (но, далеко не полный) перечень авторов для осмысления проблемы сегодня. Как и работы, посвященные проблеме языка и коммуникации, символа и знака, представленные трудами М. Бахтина, В. Беньямина, П. Верильо, В. Гриценко, Р. Дебрэ, Ю. Лотмана, В. Савчука, Ф. Киттлера, М. Куртова, Л. Мамфорда, Й. Хейзинги, Д. Хезмондалша, Р. Кайуа. Особо отметим исследования М.К. Петрова, который был первым из отечественных авторов, специально занимавшихся проблемой сохранения и передачи знания.

От «галактики Гутенберга» к галактике медиа

По меркам истории совсем недавно Маршал Мак-Люэн писал о закате «галактики Гутенберга», характеризуя современность через активное развитие медиа. Именно медиа

преодолевают границы человекоразмерности (понятие М.К. Петрова), связанные с книгой. При этом мы говорим о наиболее устойчивой из «машин» или сборок, позволяющих сохранять знание, которая успешно функционировала, начиная с античности, и в полной мере раскрылась в средневековье, представляя собой «мега-машину», объединяющую в себе человека – книгу – библиотеку и монастырь [Борисов, Черкесова]. Начиная с эпохи Нового времени, эта «сборка» или сеть (здесь мы достаточно близки к пониманию Ж. Делеза) [Борисов, Игнатов, Римский, 2017] сохранения знания трансформируется под влиянием целого комплекса факторов. Для нас важно то, что монастырские библиотеки заменяются национальным государством и публичной библиотекой. Возникшая «мега-машина» включает человека – книгу – библиотеку – государство. История трансформации «машин» сохранения знания показывает, что по мере их развития техника занимает в них все большее место. Печатная книга увеличивает эту долю по сравнению с рукописной книгой, и тем более техническое тотально присутствует в сохранении знания сегодня. Возможно, замечание М. Хайдеггера о том, что техника связана со знанием практически на генетическом уровне, греческие слова «технэ» и «эпистеме» оба означали знание и вели к раскрытию истины, сегодня верно как никогда.

С чем связана произошедшая «революция медиа»? Прежде всего с тем, что машина сохранения знания снова изменяется, библиотека все более трансформируется из государственной в частную (заявления о непопулярности чтения связаны именно с этим, с упадком библиотеки как значимого института, места локализации знания), перемещаясь в электронное устройство, виртуальное хранилище конкретного человека. Р. Дебрэ предлагает достаточно адекватное понятие «медиасфера», определяющим для которой будет смысл охвата, когда человек выстраивает собственные конфигурации информации и её источников, которые эту сферу формируют и наполняют [Дебрэ, 2010]. При этом стоит также уточнить, что человек становится как производителем информации (творцом библиотеки в непосредственном смысле), так и собирателем (коллекционером уже не книг, а информации), подчас достаточно активным центром, который «стягивает» информацию к себе или вокруг себя, образуя действительно сферу. И эта сфера объединяет уже не только человека и информацию (знание, контент), но и технику (этот последний пункт часто упускают из виду). Отчасти это ситуация демиурга, в которую поставлен современный человек, вынужденный творить собственный мир или даже миры (виртуальные реальности сетевого мира).

М.А. Игнатов пишет об ответственности человека в такой ситуации: «… в мире, основанном на нестабильности и созидательности, человечество опять оказывается в самом центре законов мироздания, а Вселенная представляет собой когерентное образование, где все события взаимосвязаны. Это значит, что первостепенной важности задачей для наших современников становится забота о глобальном, целостном взгляде на мир, открывая новые горизонты выхода человека за пределы современной сетевой цивилизации. Тем самым с необходимостью раскрывая перед человечеством возможность выбора, означающую предельную этическую ответственность» [Игнатов, 2018, с.132]. Здесь мы остановимся в развитии этической темы, указав на демиургичность человека сетевой культуры и его свободу.

Экран: показать скрывая

Виртуальные миры подобны полкам идеальной библиотеки, вход в которую осуществляется через достаточно интересное в философском плане устройство, представляющую собой поверхность (кстати, достаточно популярный концепт современной философии). На это указывает само слово, которым обозначается поверхность, отображающая то, что мы вводим в электронное устройство (компьютер, телефон) и то, что выводится – экран. Дж. Агамбен указывает на то, что этимологически слово «поверхность» восходит к древненемецкому skirmjan, имеющему значение «защищать, прикрывать, оборонять», и далее задает вопрос: «Как могло случиться, что слово, означающее «препятствие, прикры-

тие», приобрело смысл «поверхности, на которой появляются образы»?» [Агамбен, 2015, с. 128]. Агамбен находит ответ в том, что текст отрывается от страницы, своего материального носителя, и воспринимается как нечто самостоятельное. Экран скрывает не что иное, как свою собственную материальность, равно как и материальность машины: «Цифровое устройство не является нематериальным, но оно основано на стирании собственной материальности: экран «служит завесой» от самого себя, прячет страницу-носитель – материю – в странице-письменности, действительно ставшей нематериальной или, скорее, призрачной, если призрак является чем-то утратившим свое тело, но каким-то образом сохранившим свою форму» [Агамбен, 2015, с. 129]. Сокрытие материальности можно также рассматривать как одну из сторон работы машины сохранения знания в её модальности машины забывания, в данном случае – о себе самой как материальной.

Иными словами, то, что экран скрывает не только свою материальность, материальность машины, но само сокрытие в противоположность идее М. Хайдеггера о раскрытии машиной истины, играет здесь главную роль. Другой вопрос: что скрывает машина, помимо своей материальности? Если обратить внимание на проблему памяти и времени, можно отметить высказывание В.П. Римского о том, что «главным временем индустриализма… становится рабочее время, время труда» [Мельник, Римский, 2014, с. 143], и предположить, что время постмодерна становится временем вне труда или временем убегания от труда и тем самым временем забвения, а машины сохранения знания –машинами его забывания.

Многие ученые в своих исследованиях так или иначе затрагивали вопросы о времени игры и праздника. Характерную для игрового времени сиюминутность и повторяемость в своих трудах отражал и Й. Хейзинг. Особенность игры заключается в том, что она может быть сыграна непременно либо в любой другой момент времени, а также повторена сколько угодно раз. Следует уточнить, что в этот момент происходит прерывание текущего времени, а также возникает разрыв в его размеренном течении. Такая же ситуация наблюдается и с самим пространством игры, которое представляет собой некое специфическое образование среди привычных пространств: «Подобно тому как формально отсутствует какое бы то ни было различие между игрой и священнодействием, то есть сакральное действие протекает в тех же формах, что и игра, так и освященное место формально неотличимо от игрового пространства. Арена, игральный стол, магический круг, храм, сцена, киноэкран, судебное присутствие – все они по форме и функции суть игровые пространства, то есть отчужденная земля, обособленные, выгороженные, освященные территории, где имеют силу свои особые правила. Это временные миры внутри мира обычного, предназначенные для выполнения некоего замкнутого в себе действия» [Хейзинга, 2011, с. 34–35]. «Для человека, убежденного в культурной продуктивности игр и даже видящего в них один из главных факторов цивилизации, существование и популярность игровых автоматов неизбежно указывают на пробел в его системе. Отныне ему придется принимать их в расчет. Он уже определил, что игры не в равной мере плодотворны, что одни из них больше других способствуют счастливому развитию искусств, науки и морали, поскольку в большей степени обязывают к соблюдению правил, к добросовестности, самообладанию, бескорыстию или же требуют больше расчетливости, воображения, терпения, ловкости или силы. Но вот теперь перед ним какие-то пустые, ничтожные игры, не требующие от игрока ничего и представляющие собой просто бесплодное проведение досуга.

Такие игры буквально убивают время, не делая его плодотворным, тогда как настоящие игры подобны посеву, который принесет урожай еще нескоро, почти случайно, во всяком случае без заранее установленной цели и как бы прилагаясь к удовольствию» [Кайуа, 2007, с. 194].

Ги Дебор по существу этой связи критически пишет: «Вся жизнь обществ, в которых господствуют современные условия производства, выступает как огромное скопление спектаклей. Все, что раньше составляло прямой жизненный опыт, теперь отдалилось в

представление… Спектакль при его рассмотрении во всей полноте является одновременно итогом и проектом существующего способа производства. Он служит дополнением к реальному миру, добавленной к нему декорацией» [Ги Дебор, 2015, с. 98].

Время также рассматривается Ги Дебором как время-производство и время-товар. «Псевдоциклическое время – это время потребления современного экономического выживания, возросшего выживания, где в повседневной жизни по-прежнему отсутствует выбор, и оно подчинено уже не природному порядку, а псевдоприроде, сформировавшейся в ходе становления отчужденного труда. Такое время естественным путем восстанавливает старинный циклический ритм, который управлял выживанием доиндустриальных сообществ» [Ги Дебор, 2015, с. 126].

В. Мазин находит в этой схеме «человек – техника» также неожиданное место для языка. Он пишет: «Протезы деконструируют оппозицию искусственное / естественное, техне / фюсис. Природа человека вне природы. Технология как бы отчуждает человека от самого себя, от собственного смысла бытия, но именно она и придает ему этот смысл. Человек – между так называемым природным и так называемым техническим в себе. Он – в восполнительности; его живое присутствие всегда уже конструировано фантазматическим, протезирующим отсутствием. Зазор возникает в связи с работой дискурсивной машины письма» [Мазин, 2010, с. 232].

Заключение. «Идеальный» читатель

Возвращаясь к началу, высказыванию М. Хайдеггера о замене философии кибернетикой, можно согласиться с тем, что традиция (философская также), как память, заменена техникой отчасти уже сегодня, но «работает» техника и обратным образом, не только сохраняя, но и способствуя, стимулируя беспамятство. «Машин памяти» не существует без «машин беспамятства». Идеальная библиотека, которую мы попытались себе представить, дополняет столь же идеальный читатель, приходящий в нее каждый раз как в первый. И более того, перефразируя М. Хайдеггера, можно сделать предположение, что философия всегда и была кибернетикой, по крайней мере в том смысле, что указывала на пределы противостояния человека и техники, культуры и техники, природы и культуры, а также машин памяти и машин беспамятства. Через раскрытие мнимости этих оппозиций, откроется новая перспектива для развития человека. Она связана со свободой хранения знания в своей голове без внешних технических «протезов», в том числе и облачных, частных или коллективных.

Список литературы

1. Агамбен Дж. 2015. Костер и рассказ. М., Грюндриссе, 192 с.
2. Бахтин М.М. 1990. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., Худож. лит., 563 с.
3. Борисов С.Н., Игнатов М.А., Римский В.П. 2017. Сетевая парадигма в номадологии Ж. Делёз. В кн.: Культурная жизнь Юга России. № 3 (66): 13–16.
4. Борисов С.Н., Черкесова К.И. 2018. Социокоды и технологии хранения информации в первобытной культуре. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. Т. 43. № 3: 443–448.
5. Ги Дебор. 2015. За и против кинематографа. М., Гилея, 340 с.
6. Дебрэ Р. 2010. Введение в медиологию. М., Праксис, 368 с.
7. Игнатов М.А. 2018. Сетевая парадигма в культуре и науке. Белгород, НИУ «БелГУ», 158 с.
8. Кайуа Р. 2007. Игры и люди: Статьи и эссе по социологии культуры. М., ОГИ, 304 с.
9. Мазин В. 2010. Субъект Фрейда и Деррида. СПб., Алетейя, 256 с.
10. Мельник Ю.М., Римский В.П. 2014. Время жить и время созерцать… Экзистенциальные смыслы и философское понимание времени в классической европейской культуре. СПб., Алетейя, 184 с.
11. Хайдеггер М. 2007. Время и бытие. Статьи и выступления. СПб., Наука, 621 с.
12. Хейзинга Й. 2011. Homo ludens. Человек играющий. СПб., Изд-во Ивана Лимбаха, 416 с.

References

1. Agamben Dzh. 2015. Koster i rasskaz. [Bonfire and story]. M., Gryundrisse, 192 p.

2. Bahtin M.M. 1990. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa. [Creativity of Francois Rabelais and folk culture of the middle ages and Renaissance]. M., Hudozh. lit., 563 p.

3. Borisov S.N., Ignatov M.A., Rimskij V.P. 2017. Setevaya paradigma v nomadologii ZH. Delyoz. [Network paradigm in nomadology by J. Deleuze]. Kul'turnaya zhizn' YUga Rossii. In the book.: [Cultural life in the South of Russia]. № 3 (66): 13–16.

4. Borisov S.N., CHerkesova K.I. 2018. Sociokody i tekhnologii hraneniya informacii v pervobytnoj kul'ture [Sociology and technology information storage in a primitive culture]. Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Pravo. Vol. 43. № 3: 443–448. (in Russian)

5. Gi Debor. 2015. Za i protiv kinematografa. [For and against cinema]. M., Gileya, 340 p.

6. Debre R. 2010. Vvedenie v mediologiyu. [Introduction to mediology]. M., Praksis, 368 p.

7. Ignatov M.A. 2018. Setevaya paradigma v kul'ture i nauke. [Network paradigm in culture and science]. Belgorod, NIU «BelGU», 158 p.

8. Kajua R. 2007. Igry i lyudi; Stat'i i esse po sociologii kul'tury. [Games and people: Articles and essays on the sociology of culture]. M., OGI, 304 p.

9. Mazin V. 2010. Sub"ekt Frejda i Derrida. [Subject of Freud and Derrida]. SPb., Aletejya, 256 p.

10. Mel'nik YU.M., Rimskij V.P. 2014. Vremya zhit' i vremya sozercat'… Ekzistencial'nye smysly i filosofskoe ponimanie vremeni v klassicheskoj evropejskoj kul'ture. [Time to live and time to contemplate ... Existential meanings and philosophical understanding of time in classical European culture]. SPb., Aletejya, 184 p.

11. Hajdegger M. 2007. Vremya i bytie. Stat'i i vystupleniya. [Time and being. Articles and speeches]. SPb., Nauka, 621 p.

12. Hejzinga J. 2011. Homo ludens. CHelovek igrayushchij. [Homo ludens. A man playing]. SPb., Izd-vo Ivana Limbaha, 416 p.

Ссылка для цитирования статьи
For citation

Черкесова К.И., Шарабарин С.М. 2020. «Идеальная» библиотека. О сохранении знания сегодня. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 45 (1): 183–188.

DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-1-183-188

Cherkesova K.I., Sharabarin S.M. 2020. "Perfect" library. About keeping knowledge today. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 45 (1): 183–188. (in Russian).

DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-1-183-188

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ И КОММУНИКАЦИИ
SCIENTIFIC LIFE AND COMMUNICATION

УДК 349
DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-1-189-202

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ПРАВО: МОДЕЛИ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ (ОБЗОР ДОКЛАДОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ)

ENERGY LAW: MODELS AND TRENDS OF DEVELOPMENT (REVIEW OF REPORTS OF THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE)

А.В. Габов[1], Е.Е. Тонков[2], С.В. Тычинин[2], Л.Д. Туршук[2]

A.V. Gabov[1], E.E. Tonkov[2], S.V. Tychinin[2], L.D. Turshuk[2]

[1)]Института государства и права РАН,
Россия, 119019, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
[2)]Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

[1)]Institute of state and law of the RAS,
10 Znamenka St, 119019, Moscow, Russia
[2)]Belgorod National Research University,
85 Pobedy St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: etonkov@bsu.edu.ru, tychinin@bsu.edu.ru, turshuk@bsu.edu.ru

Аннотация
Представлен обзор докладов участников Международной научно-практической конференции «Энергетическое право: модели и тенденции развития», прошедшей 4–5 октября 2019 года в Белгородском государственном национальном исследовательском университете. На конференции были обсуждены следующие актуальные проблемы развития энергетического права: 1) является ли энергетическое право отраслью права или отраслью законодательства; 2) какие правоотношения являются предметом энергетического права; 3) совершенствование энергетического законодательства; 4) осуществление цифровой трансформации в энергетической отрасли; 5) является ли энергия товаром; 6) специфика построения конкурентных отношений на энергорынках; 7) проблемы ответственности в сфере энергетики; 8) состояние энергетического права Китая, Болгарии, Сербии, Белоруссии и др.

Annotation
The article is devoted to the review of the reports of the participants of the International scientific and practical conference "Energy law: models and trends of development", held on October 4 – 5, 2019 in Belgorod state national research University. The following topical issues of energy law development were discussed at the conference: 1) is energy law a branch of law or a branch of legislation; 2) what legal relations are the subject of energy law; 3) improvement of energy legislation; 4) implementation of digital transformation in the energy sector; 5) whether

the energy product; 6) specifics of developing competition on the markets; 7) issues of responsibility in the energy sector; 8) energy law of China, Bulgaria, Serbia, Belarus, etc. The article not only discusses the problems in the energy sector, but the discussion of these problems, suggests ways of their solution, as well as ways to improve energy legislation. The international scientific and practical conference "Energy law: models and trends of development" held by NRU "BelGU" provided its participants with an opportunity to exchange their experience and opinions on the prospects for the development of energy law, both in Russia and other countries, and in the world as a whole. It has become a platform for solving legal problems facing the energy sector.

Ключевые слова: энергетика, энергетическое право, энергетическое законодательство, энергорынки, предмет энергетического права, отрасль права, отрасль законодательства.

Keywords: energy, energy law, energy legislation, energy markets, subject of energy law, branch of law, branch of legislation.

Актуальные проблемы развития энергетического права стали предметом обсуждения Международной научно-практической конференции «Энергетическое право: модели и тенденции развития», прошедшей 4–5 октября 2019 года в Белгородском государственном национальном исследовательском университете. Организаторами конференции выступили НИУ «БелГУ», Китайский нефтяной университет (г. Циндао), Великотырновский университет имени Святых Кирилла и Мефодия (Болгария), «Россети Центр» (публичное наименование ПАО «Межрегиональная распределительная сетевая компания Центра».

В конференции приняли участие представители ведущих юридических центров Российской Федерации, в том числе академических, университетов и институтов: Института государства и права РАН, Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Московского государственного университета им М.В. Ломоносова, Воронежского государственного университета, Ульяновского государственного университета, Юго-Западного государственного университета, Института проблем экологии и недропользования Академии наук Республики Татарстан, а также других научных и образовательных организаций.

Важность обсуждаемых на конференции вопросов подтверждает участие представителей органов государственной власти, энергетических компаний и экспертных организаций.

Интерес к обсуждению проблем энергетического права проявили представители зарубежной научной общественности: юридического факультета Китайского нефтяного университета (г. Циндао), Великотырновского университета имени Святых Кирилла и Мефодия (Болгария), Белградского университета (Сербия), Американского университета (Эквадор), Белорусского государственного университета.

С приветственным словом к участникам конференции обратился ректор НИУ «БелГУ», председатель комитета Белгородской областной Думы по образованию, молодёжной политике и средствам массовой информации, доктор политических наук, профессор ***Полухин Олег Николаевич***. Он отметил важность энергетики и энергетического права, обратил внимание на существование таких проблем в этой сфере, как ограниченность ресурсов энергии и необходимость сбережения ресурсов (энергосбережение); комплексная модернизация энергетической отрасли с целью повышение ее эффективности и конкурентоспособности, особенно в условиях международных санкций; обеспечение энергетической и экологической безопасности; проблемы ответственности субъектов энергетического права и др. Полухин О.Н. предположил, что решению данных проблем наряду с другими факторами должно способствовать совершенствование энергетического законодательства.

Пленарное заседание открыл член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, главный научный сотрудник Института государства и права РАН ***Габов Андрей Владимирович.*** В своем выступлении он обратил внимание участников конференции, что в настоящее время сформировался целый ряд базовых федеральных законов, регулирующих отношения, которые можно обозначить как сфера энергетики, а также смежные отношения, важные для функционирования в этой сфере. Габов А.В. отметил, что рост объема правового материала, формирующаяся при его применении судебная и административная практика привели к появлению идеи об обособлении в правовой системе нового правообразования – энергетического права. Наблюдается значительный рост числа научных работ по соответствующей тематике., однако, несмотря на такое повышенное внимание правоведов, до сих пор нет ясности ни с предметной областью отношений, которые объединяются в рамках энергетического права, ни с отнесением соответствующих правовых норм к той или иной структурной части отечественного права [Габов, 2020].

Пленарные выступления продолжил заместитель генерального директора – директор филиала ПАО «МРСК Центра» – «Белгородэнерго» ***Демидов Сергей Николаевич.*** Он представил вниманию собравшихся Концепцию цифровой трансформации «РОССЕТИ» (публичное наименование ПАО «МРСК Центра»). Целью данной Концепции является изменение логики процессов и переход компании на риск-ориентированное управление на основе внедрения цифровых технологий и анализа больших данный. Задачами цифровой трансформации являются: адаптивность компании к новым задачам и вызовам; улучшение характеристик надежности электроснабжения; повышение эффективности компании; повышение доступности электросетевой инфраструктуры; развитие кадрового потенциала и новых компетенций; диверсификация бизнеса компании за счет дополнительных сервисов. Суть цифровизации электроэнергетики состоит в том, чтобы человек лишь анализировал, планировал и улучшал результаты работы сети, а основные операции (сбор цифровых сигналов, автоматический ввод данных в информационные системы, автоматическое формирование отчетных форм) осуществлялись без участия человека. Демидов С.Н. отметил, что для осуществления цифровой трансформации в энергетической отрасли необходимо устранение существующих пробелов законодательства в сфере энергетики.

Тему отраслевой принадлежности энергетических отношений продолжила заведующая лабораторией правовых проблем недропользования, экологии и топливно-энергетического комплекса, профессор Института проблем экологии и недропользования Академии наук Республики Татарстан, доктор юридических наук, заслуженный юрист РФ ***Салиева Роза Наильевна***. Она отметила, что регулирование общественных отношений в сфере энергетики осуществляется нормами разных отраслей законодательства. Достаточно сложно разделить отношения, возникающие по поводу получения и использования энергетических ресурсов, на группы отношений, которые регулируются нормами лишь предпринимательского, гражданского, природоресурсного и экологического, корпоративного, конкурентного законодательства или нормами других отраслей. В силу имеющейся специфики общественные отношения в сфере энергетики можно определить как энергетические отношения, возникающие по поводу получения, использования энергетических ресурсов. Соответственно эти отношения целесообразно рассматривать как группу отношений, регламентируемых нормами энергетического законодательства, и как предмет исследований энергетического права, являющегося самостоятельным направлением научного исследования [Салиева, 2020].

Салиева Р.Н. заметила, что для выявления круга энергетических отношений как предмета правового регулирования необходимо уяснить, что понимается под энергетикой и энергией. Исходя из общего определения энергии как продукции, являющейся средством труда для выполнения работы, оказания услуги либо предметом труда для выработки энергии другого вида. В зависимости от того, является энергия средством или предметом труда можно выделить две основные группы энергетических отношений: 1) энергетические отношения, в которых энергия является средством труда и используется для вы-

полнения работ, оказания услуг; 2) энергетические отношения, в которых первичная энергия (природные носители энергии) выступают предметом труда и используются для выработки других видов энергии – электрической, тепловой. Классификации можно продолжить по разным основаниям. Существующие особенности предопределяют также необходимость государственного регулирования экономической (хозяйственной) деятельности в энергетическом секторе и целесообразность системного законодательного обеспечения посредством формирования энергетического законодательства наряду с нормами других отраслей законодательства, регламентирующими рассмотренные выше хозяйственные (предпринимательские) отношения в энергетическом секторе экономики [Салиева, 2020].

Дискуссию о месте энергетического права в системе права России продолжил директор юридического института НИУ «БелГУ», заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор ***Тонков Евгений Евгеньевич***. Он отметил, что принципиально важно четко дифференцировать отрасли права от отраслей законодательства. Система права и система законодательства выстраиваются в соответствии с различными критериями. Так, система права основывается на качественной однородности отношений, регулируемых самостоятельными отраслями права (так называемое *предметное единство*), а система законодательства учитывает практическую целесообразность создания совокупности норм по признаку направленности правового воздействия на определенные сферы общественной жизни (*функциональное единство*). Если отрасль права традиционно формируется на основе единства предмета и метода правового регулирования общественных отношений, то отрасль законодательства представляет собой массив законов и подзаконных актов, которые вполне могут включать нормы нескольких отраслей права. В отличие от отраслей права отрасли законодательства не обладают самостоятельным методом и создаются исходя из предмета правового регулирования [Тонков, 2020].

По мнению Тонкова Е.Е., энергетическое право следует рассматривать как отрасль законодательства, а не как отрасль права. С фактом существования комплексных общностей не согласиться нельзя. Однако они могут существовать применительно только к сфере законодательства, система которого формируется с учетом несколько иных подходов, нежели система права. Вследствие этого такие «правовые общности», в том числе и энергетическое право, не стоит возводить в ранг отрасли права, пусть даже и комплексной [Тонков, 2020].

Профессор кафедры коммерческого права и основ правоведения юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук ***Варламова Алла Николаевна*** обратила внимание участников конференции на специфику построения конкурентных отношений в энергетических сферах. Энергорынки не зря считаются одними из самых сложных для формирования полноценной конкурентной среды. Специфика товара, система договоров, наличие «публичного интереса», значительное влияние государства и иные факторы приводят к тому, что конкурентные отношения на данных рынках до настоящего времени носят весьма фрагментарный характер. Важную роль в части построения конкурентных отношений на энергорынках играют специальные меры конкурентного права [Варламова, 2020].

В настоящее время учет отраслевых особенностей при регулировании конкуренции приобретает все большее значение. Согласно Национальному плану развития конкуренции, утвержденному Указом Президента РФ от 21.12.2017 «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции» № 618, утверждение планов развития конкуренции в отдельных отраслях экономики становится одним из основополагающих направлений конкурентного права.

Варламова А.Н. отметила, что среди специальных мер регулирования, которые могут наиболее широко применяться на энергорынках, можно выделить следующие: тарифное регулирование; создание правил «недискриминационного доступа»; лицензирование; контроль за качеством [Варламова, 2020].

Значительное влияние на конкурентные отношения на рынке электроэнергии, по мнению Варламовой А.Н., оказывает система договоров. Особенности договорных конструкций базируются еще на советской экономической системе, когда договор энергоснабжения был практически единственным договором и был направлен на защиту так называемой экономически слабой стороны – потребителей. Договоры на оптовом рынке, а именно сам договор присоединения к торговой системе, регулируемые договоры, ДПМы и договоры с вынужденной генерацией также определяющим образом сказываются на особенностях построения конкуренции на рассматриваемом отраслевом товарном рынке [Варламова, 2020].

С докладами о проблемах энергетического права Китая выступили представители юридического факультета Китайского нефтяного университета. Так, доцент **Тянь Госин** выделил проблемы нефтегазовой правовой системы Китая. Он отметил, что нефтегазовое законодательство фрагментировано и не отвечает современным требованиям, необходим единый Закон «О нефти и газе» [Tian Guo Xing, 2020]. Доцент **Чень Айхуа** предложила изменить закон Китая «Об электроэнергетике» в трех направлениях: защиты окружающей среды, социальной справедливости и энергетической демократии [Chen Aihua, 2020]. Доцент **Кан Лайшань** обратил внимание собравшихся на необходимость модернизации страхового законодательства в сфере энергетики, поскольку страхование новой энергетической отрасли Китая все еще находится в зачаточном состоянии, мало профессиональных страховых продуктов. В последние годы быстро развивалась новая энергетическая промышленность Китая, то есть использующая новые виды энергии, такие как солнечная, энергия ветра, биомассы, водорода, океана, геотермальная энергия, малая гидроэнергия, химическая и ядерная энергия. В качестве важнейшего направления предложено совершенствовать институт страхования: расширять перечень страховых рисков, подлежащих страхованию; уменьшать собственные риски за счет внедрения института андеррайтинга, опираясь на рыночно ориентированный способ перестрахования [Leishan Kang, 2020].

Анализ отдельных положений российского законодательства в сфере возобновляемой энергетики провела старший научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права ИГП РАН, кандидат юридических наук ***Редникова Татьяна Владимировна.*** Она рассмотрела как положительные, так и отрицательные стороны использования альтернативных источников энергии в целом. На примере гелиоэнергетики сделала анализ существующей практики реализации проектов, в том числе с позиции не только преимуществ, но и недостатков, связанных с негативным влиянием на состояние окружающей среды и ресурсозатратностью. Она отметила, что поскольку создание системы электроснабжения на основе использования солнечной энергии является для домовладельцев довольно затратным мероприятием, необходима разработка системы государственной финансовой поддержки таких проектов с помощью различного рода компенсационных механизмов. При этом важно учесть европейский опыт создания подобной системы [Редникова, 2020].

На проблемы правового регулирования доставки энергоресурсов обратил внимание собравшихся декан Юридического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Ульяновский государственный университет», доктор юридических наук, профессор ***Морозов Сергей Юрьевич.*** К числу таковых он относит разграничение понятий «доставка», «транспортировка» и «перевозка», систематизацию гражданско-правовых договоров, обоснование необходимости выделения в предмете гражданского права отношений управления наряду с организационными отношениями, правовое обеспечение цифровизации транспортной и энергетической отрасли, использование смарт-контрактов с применением блокчейн-технологии [Морозов, 2020].

В частности, С.Ю. Морозов обратил внимание на взаимосвязь энергетики и транспорта. Он указал на необходимость определения правового положения операторов, которые играют одну из ключевых ролей на рынке услуг по транспортировке и перевозке энергоносителей. К их числу следует отнести операторов мультимодальной перевозки и операторов железнодорожного подвижного состава, контейнеров, операторов магистраль-

ных нефтепроводов, системных операторов, коммерческих операторов оптового рынка. Их деятельность основывается на гражданско-правовых отношениях управления, которые занимают самостоятельное место в предмете гражданского права, наряду с организационными отношениями. Им была представлена структура системы договоров доставки энергоресурсов, включающая три подсистемы: 1) договоры транспортировки энергоресурсов; 2) договоры на передачу электроэнергии; 3) договоры транспортировки энергоресурсов. Кроме того, С.Ю. Морозов заметил, что логистика является той областью деятельности, в которой технология для хранения подтвержденных записей и передачи финансовых транзакций позволяет максимально сократить не только сроки документооборота, но и сроки доставки энергоресурсов. В связи с этим освещены проблемы, связанные с юридической силой смарт-контрактов и доказательствами их заключения, с переводом юридических норм на язык информатики [Морозов, 2020].

Рассмотрение проблематики правового регулирования энергоснабжения в России продолжил доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права Юго-Западного государственного университета, профессор ***Андреев Юрий Николаевич.*** В своем докладе он отметил, что современное энергетическое законодательство не отвечает вызовам сегодняшнего времени, нуждается в кардинальном содержательном и качественном изменении, устранении противоречивости и пробельности, в формировании эффективных механизмов правотворчества и правоприменения, усилении защиты энергетических прав и законных интересов участников энергетических правоотношений. По его мнению, необходимо усилить юридическую (гражданско-правовую) ответственность субъектов энергетического права за несоблюдение режима энергоснабжения и энергопотребления, экологических требований, стандартов и правил техники безопасности, более эффективно и экономно использовать энергетические ресурсы, повышать качество жизни населения страны и экологического состояния окружающей среды [Андреев, 2020].

Андреев Ю.Н. обратил внимание участников конференции на то, что до настоящего времени в цивилистической науке не нашли своего окончательного разрешения качественные характеристики, правовая природа, структура, виды и подвиды самого договора энергоснабжения по снабжению электрической и тепловой энергией, газом, водой, углеводородами с помощью присоединенной сети. По его мнению, необходимо более подробно урегулировать в параграфе 6 «Энергоснабжение» ГК РФ поставку (снабжение) электрической и тепловой энергии, нефти, нефтепродуктов, угля и воды с дополнительным (субсидиарным) применением иных (специальных) источников энергетического законодательства (федеральных законов, Правил, Положений, инструкций) с целью усиления прав и законных интересов участников энергоснабжения. Он также предложил переименовать договор энергоснабжения в договор купли-продажи энергетических ресурсов с присоединением к энергетической сети в производственных и жилищно-бытовых (потребительских) целях. Андреев Ю.Н. считает целесообразным рассматривать энергетические правоотношения, связанные с энергоснабжением, составной частью системы гражданских правоотношений (наряду с корпоративными и иными правоотношениями, перечисленными в п. 1 ст. 2 ГК РФ), унифицировать юридическое понятие «энергопотребитель», дополнить гл. 39 ГК РФ институтом энергетических услуг, направленных на передачу и потребление энергетических ресурсов через присоединенную сеть [Андреев, 2020].

Профессор кафедры уголовного права, процесса и криминалистики РУДН, доктор юридических наук, профессор ***Бертовский Лев Владимирович*** в своем докладе показал общественную опасность совершаемых преступлений в сфере энергетики. К таким уголовно-наказуемым деяниям можно отнести кражи, уклонение от уплаты налогов, превышение должностных полномочий, террористические акты и др. В ряде случаев эти преступления носят международный характер. При этом наиболее опасными по своим последствиям являются преступления, совершаемые с использованием высоких технологий (например, хакерские атаки). Привлечь к ответственности за подобные преступления, как показывает практика, оказывается очень непростым делом. Еще сложнее, когда хакеры

объединяются в международные сообщества. В этом случае пресечь их деятельность или хотя бы минимизировать причиненный ими ущерб становиться крайне затруднительно, при этом не менее проблемным становится последующее расследование таких преступлений. Как показывает практика, высокотехнологичных преступников могут поймать только высокотехнологичные полицейские. Таким образом, время и сама жизнь диктуют необходимость создания цифрового судопроизводства [Бертовский, 2020].

Рассмотрение проблем энергетического права продолжил ведущий научный сотрудник отдела гражданского законодательства и процесса Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук ***Символоков Олег Анатольевич.*** В своем докладе он затронул дискуссионные вопросы, связанные с выявлением правовой природы расчетного способа, применяемого для определения объема потребленного газа в случае отсутствия или неисправности средств измерений у принимающей газ стороны (потребителя). Высказываются различные мнения по этому поводу. Так, расчетный способ предлагают рассматривать в качестве санкции, поскольку этот способ отвечает признакам таких способов защиты нарушенного права, как взыскание неустойки, возмещение убытков и некоторых других (является последствием нарушения права; оказывает неблагоприятное имущественное воздействие на нарушителя). Символоков О.А. напротив считает, что по своему содержанию и правовой форме расчетный способ, как не содержащий признаков, характерных для способов защиты гражданских прав, представляет собой специальный механизм ценообразования, является способом осуществления, а не способом защиты гражданских прав (санкцией) [Символоков, 2020].

Проблемы правового режима единого недвижимого комплекса (ЕНК) в энергетической сфере рассмотрел в своем докладе заведующий кафедрой гражданского права и процесса юридического института НИУ «БелГУ», доктор юридических наук, профессор ***Тычинин Сергей Владимирович.*** Он отметил, что правовой режим ЕНК зависит от качества общих норм о недвижимом имуществе, которые в настоящее время являются несбалансированными, требуют очевидной унификации и соответствующей дифференциации. Принципиальной чертой ЕНК является его признание разновидностью неделимой вещи. Следовательно, ЕНК участвует в обороте как единый объект недвижимости, его невозможно разделить на отдельные объекты после регистрации в ЕГРН. Касаясь линейных объектов в области энергетики, при отнесении их к недвижимости за основу берется мощность передаваемой электроэнергии или давления (нефтепровод, газопровод), размер, проектная документация, функциональное назначение. Немало случаев, когда на линейный объект энергетики составляется технический кадастровый паспорт и этого, как правило, было достаточно для признания его объектом недвижимости, то есть за основу берутся не юридические, а технические критерии определения недвижимого имущества. В ряде случае простое внесение линейного объекта в единый государственный реестр недвижимого имущества признавался достаточным основанием для признания его недвижимым имуществом. Однако при определении недвижимого имущества на соответствие их критериям, установленным в законодательстве, выявляются многочисленные несостыковки [Тычинин, 2020].

Тычинин С.В. обратил внимание собравшихся на необходимость более четкого определения объекта недвижимого имущества, устранение неоднозначных характеристик и выработки универсальных признаков, которые будут способствовать определенности в том числе и таких объектов, как линейные объекты в области энергетики. Перспективной, по его мнению, выглядит концепция уточнения института «улучшения вещей». Временные строения и вспомогательные постройки следует считать улучшениями земельного участка или иных объектов недвижимости, выступающих как единое целое. В этой связи институт «единого недвижимого комплекса» должен «поглотить» такие виды объектов недвижимого имущества, как «предприятия» и «имущественные и производственно-технологические комплексы». Линейные объекты в области энергетики как составные части единого недвижимого комплекса должны иметь гибкие механизмы раздела и объеди-

нения его составных частей на различных стадиях их существования. При этом важно свести к минимуму совершения регистрационных действий в отношении таких объектов [Тычинин, 2020].

Рассмотрение проблем энергетического права продолжилось на панельных дискуссиях.

Вопросы содержания национальной безопасности в энергетической сфере осветили профессор кафедры административного права и процесса юридического института «БелГУ», доктор юридических наук ***Беляева Галина Серафимовна*** и профессор кафедры теории и истории государства и права Юго-Западного государственного университета, доктор юридических наук, профессор ***Беляев Валерий Петрович.*** В своем докладе они попытались соотнести определения национальной безопасности и энергетической безопасности как вида национальной безопасности, содержащиеся в официальных документах подзаконного характера, вывести их сходства, различия и противоречия в данных документах, проследить основные направления актуализации и модернизации нормативных установлений в энергетической сфере [Беляева, Беляев, 2020].

Проблемы энергетической безопасности в своих докладах рассмотрели также и другие участники. Так, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического института НИУ «БелГУ», кандидат юридических наук ***Кутько Виктория Васильевна*** обратила внимание на отсутствие четкого законодательно закрепленного понятия энергетической безопасности, что порождает множество трактовок данного термина. Она предложила свое определение: «обеспеченность (в независимости от обстоятельств) всевозрастающих потребностей потребителей в необходимых (приемлемых по цене, качеству и ассортименту) энергоресурсах» [Кутько, 2020]. Доцент кафедры гражданского права и процесса юридического института НИУ «БелГУ», кандидат юридических наук ***Ковтун Юрий Анатольевич*** в своем докладе проанализировал одну из обозначенных в доктрине энергетической безопасности Российской Федерации угроз – наращивание международных усилий по реализации климатической политики и ускоренному переходу к «зеленой экономике». Он обосновывает необходимость перманентного выявления возникающих пробелов и коллизий в российском и международном законодательствах для совершенствования нормативно-правовой базы по вопросам обеспечения безопасного, надежного и устойчивого функционирования инфраструктуры и объектов энергетики [Ковтун, 2020].

Участниками конференции были рассмотрены проблемы энергетического законодательства. Так, заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического института НИУ «БелГУ», доктор юридических наук ***Туранин Владислав Юрьевич*** привел примеры различного интерпретирования терминов, объединённых общим смыслом, в текстах законодательных актов; несоответствия термина и дефиниции; использования плеоназмов при конструировании терминов и их определений; латентности дефиниций. Он предлагает возможные пути преодоления выявленных проблем в контексте совершенствования законотворческой деятельности и модернизации образовательного процесса [Туранин, 2020].

Доцент кафедры «Теория и история государства и права» Тамбовского государственного технического университета, кандидат юридических наук ***Баранов Вячеслав Александрович*** в своем докладе рассмотрел систему источников энергетического права в сфере теплоснабжения. Он обратил внимание на отсутствие единого кодифицированного законодательного акта, который бы систематизировал и унифицировал нормы права, регулирующие общественные отношения в сфере энергетики. Источники энергетического права содержатся в различных правовых актах, многие из которых относятся к различным отраслям энергетики. Однако даже с учетом имеющихся проблем в систематизации правового регулировании в сфере энергетики на сегодняшний день можно говорить о существовании структурированных систем источников энергетического права, которые сложились по отдельным отраслям энергетики [Баранов, 2020].

Доцент кафедры конституционного и международного права юридического института НИУ «БелГУ», кандидат юридических наук ***Новикова Алевтина Евгеньевна,*** проанализировав современное российское энергетическое законодательство, представила вниманию участников конференции авторский подход к систематизации правозащитных рисков в технической сфере [Новикова, 2020].

Доцент кафедры уголовного права и процесса юридического института НИУ «БелГУ», кандидат юридических наук ***Безуглый Сергей Николаевич*** и доцент кафедры конституционного и международного права юридического института НИУ «БелГУ», кандидат юридических наук ***Минасян Анна Артуровна*** отметили, что современное развитие энергетического законодательства требует своевременного законодательного реагирования палат парламента на происходящие процессы. Участие палат в формировании правовой платформы энергетического законодательства выражается не только в принятии соответствующих федеральных законов, но и в ратификации соответствующих международных договоров. Активизация деятельности палат Федерального Собрания в процессе принятия законов в сфере энергетики связана с деятельностной ролью комитетов палат путем проведения совместных парламентских слушаний и иных мероприятий [Безуглый, Минасян, 2020].

Директор АНО «Центр Реализации Инициатив «РЕСУРС», кандидат юридических наук ***Згонников Андрей Петрович*** полагает, что в условиях увеличения объема нормативного регулирования отраслей теплоэнергоснабжения юридическая наука не сформировала целостной концепции оборота энергии, которая могла бы быть положена в основу действующего российского законодательства, регулирующего рынок энергии. Зачастую принимаемые нормативные акты страдают отсутствием доктринальной направленности, а нормы публичного и частного права нередко вступают в определенное противоречие, что порождает негармонизированность гражданского и энергетического законодательства. Названные аспекты негативным образом влияют на формирование и развитие энергетического права в России. Назрела потребность в разрешении проблем энергетического законодательства в рамках комплексного правового исследования системы отношений в сфере энергоснабжения [Згонников, 2020].

Дискуссионный вопрос о месте энергетического права в системе российского права и законодательства, поднятый еще на пленарном заседании, затронули заведующий кафедрой трудового и предпринимательского права, кандидат юридических наук, доцент НИУ «БелГУ» ***Синенко Владимир Сергеевич*** и заместитель директора юридического института НИУ «БелГУ», доцент кафедры гражданского права и процесса, кандидат юридических наук, доцент ***Цуканова Елена Юрьевна.*** Они определили правовую природу энергетического права как комплексного правового образования и на основе анализа соотношения системы права и системы законодательства сделали вывод, что энергетическое право как комплексное образование является элементом системы законодательства, но не права. Нормы, образующие энергетическое право, по их мнению, должны быть отнесены к различным отраслям российской правовой системы (гражданского, административного, уголовного и др.) [Синенко, Цуканова, 2020].

Проблемы деликтной ответственности в сфере энергетики рассмотрела доцент кафедры гражданского права и процесса юридического института НИУ «БелГУ», кандидат юридических наук ***Туршук Людмила Дмитриевна.*** Она отметила, что основной проблемой деликтной ответственности является установление причинно-следственной связи между повышено опасной деятельностью и причиненным вредом. Иногда она очевидна, а в некоторых случаях опосредована. Так, использование объектов энергетики может ухудшать экологическую обстановку, а вследствие этого причинять вред жизни или здоровью граждан. Эту взаимосвязь не всегда удается доказать, поскольку на здоровье человека могут оказывать влияние и другие факторы. Туршук Л.Д. предложила учесть зарубежный опыт и российскую судебную практику и в некоторых случаях законодательно возложить обязанность доказывания непричастности к причиненному вреду на энергоснабжающую организацию [Туршук, 2020].

Также вопросы ответственности энергосбытовой компании при поставке электроэнергии рассмотрели доценты кафедры гражданского права и процесса юридического института НИУ «БелГУ», кандидаты юридических наук ***Бочаров Вячеслав Анатольевич*** и ***Цуканов Олег Владимирович***. Они считают абсолютно оправданной ситуацию, когда абонент, заключивший договор энергоснабжения с гарантирующим поставщиком, в случае нарушения контрагентом договора предъявляет иск к энергоснабжающей организации, которая вне зависимости от вины привлекается к ответственности. Но поскольку работа электросетей и передача по ним электроэнергии находится в ведении сетевой компании, постольку при нарушении договора энергоснабжения из-за неполадок в электросети ответственность должна нести сама сетевая компания. Следовательно, действующая позиция законодателя, позволяющая гарантирующему поставщику в регрессном порядке взыскивать сумму материального ущерба, выплаченную потребителю ввиду нарушения договора по вине сетевой компании, вполне оправдана и не требует каких-либо изменений [Цуканов, Бочаров, 2020].

В конференции приняли участие также молодые ученые – аспиранты и магистранты. Так, магистр юридических наук, аспирант, ассистент юридического факультета Университета в Белграде (Сербия) ***Мишкович Маша*** в своем выступлении рассмотрела дискуссионный вопрос – являются ли разные виды энергии товаром. Она сравнила правила, которые существуют в российском, сербском праве и праве международной торговли, в частности в Венской конвенции 1980 года (Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров). Мишкович Маша проанализировала причины исключения применения Венской конвенции к продаже электрической энергии при ее применении к продаже других видов энергии. В результате она пришла к выводу, что исключение применения указанной Конвенции к продаже электроэнергии нельзя считать оправданным, так как у электроэнергии есть все характерные черты товара как предмета договора купли-продажи. Мишкович Маша предлагает в случае продажи электроэнергии договаривающимся сторонам выбирать Венскую конвенцию в качестве применимого права. Таким образом можно облегчить международное торговое сотрудничество, преодолеть разнобой и серьезные различия в национальных правах и достичь единообразия в правовом регулировании [Мишкович, 2020].

С докладами также выступили аспирант Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина ***Чиришьян Анджелика Рубеновна*** («Правовое регулирование использования возобновляемых источников энергии в России и зарубежных странах») и магистранты кафедры гражданского права и процесса юридического института НИУ «БелГУ» ***Скопенко Олег Романович*** («Особенности правового регулирования договора энергоснабжения в России») и ***Цзи Гуаньшэн*** («Особенности правового положения государственных энергетических компаний Китая»).

На конференции было рассмотрено и много других проблем энергетического права, заслушано и обсуждено множество интересных докладов, по которым написаны статьи, опубликованные в сборнике «Энергетическое право: модели и тенденции развития».

Проведенная НИУ «БелГУ» Международная научно-практическая конференция «Энергетическое право: модели и тенденции развития» предоставила ее участникам возможность продуктивного обмена опытом и мнениями по вопросам перспектив развития энергетического права как в России, так и других странах, и в мире в целом. Она стала площадкой для решения правовых задач, стоящих перед энергетикой. Несомненно, проведение подобных мероприятий необходимо продолжить, поскольку они оказывают позитивное влияние на развитие и совершенствование энергетического законодательства.

Список литературы

1. Андреев Ю.Н. 2020. О некоторых проблемах гражданско-правового регулирования энергоснабжения в России. В кн.: Энергетическое право: модели и тенденции развития: сборник

материалов Международной научно-практической конференции. Белгород, ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ»: 136–140.

2. Баранов В.А. 2020. Система источников энергетического права в сфере теплоснабжения. Энергетическое право: модели и тенденции развития: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Белгород, ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ»: 82–92.

3. Безуглый С.Н., Минасян А.А. 2020. Энергетическое законодательство как фокус взаимодействия палат Федерального Собрания России. Энергетическое право: модели и тенденции развития: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Белгород, ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ»: 93–95.

4. Беляева Г.С., Беляев В.П. К вопросу о понятии и содержании национальной безопасности в энергетической сфере. Энергетическое право: модели и тенденции развития: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Белгород, ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ»: 21–24.

5. Бертовский Л.В. Особенности судопроизводства по делам о преступлениях, совершаемых в сфере энергетики. Энергетическое право: модели и тенденции развития: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Белгород, ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ»: 141–146.

6. Варламова А.Н. 2020. Правовое регулирование конкурентных отношений на энергорынках. Энергетическое право: модели и тенденции развития: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Белгород, ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ»: 25–31.

7. Габов А.В. 2020. Энергетическое право: вопросы становления и развития. Энергетическое право: модели и тенденции развития: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Белгород, ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ»: 6–15.

8. Згонников А.П. 2020. Некоторые актуальные вопросы развития энергетического права в РФ. Энергетическое право: модели и тенденции развития: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Белгород, ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ»: 101–105.

9. Ковтун Ю.А. 2020. Проблемные аспекты правового обеспечения энергетической безопасности. Энергетическое право: модели и тенденции развития: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Белгород, ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ»: 106–108.

10. Кутько В.В. 2020. Энергетическая безопасность как элемент системы национальной безопасности государства. Энергетическое право: модели и тенденции развития: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Белгород, ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ»: 114–117.

11. Мишкович Маша. 2020. Являются ли разные виды энергии товаром? Энергетическое право: модели и тенденции развития: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Белгород, ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ»: 228–233.

12. Морозов С.Ю. 2020. Актуальные проблемы правового регулирования доставки энергоресурсов. Энергетическое право: модели и тенденции развития: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Белгород, ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ»: 151–159.

13. Новикова А.Е. 2020. Систематизация правозащитных рисков технического порядка. Энергетическое право: модели и тенденции развития: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Белгород, ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ»: 118– 121.

14. Редникова Т.В. 2020. Возобновляемая энергетика: перспективы развития отрасли и ее влияние на состояние окружающей среды. Энергетическое право: модели и тенденции развития: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Белгород, ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ»: 126–130.

15. Салиева Р.Н. 2020. Общественные отношения в сфере энергетики и энергетическое законодательство в современной России. Энергетическое право: модели и тенденции развития: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Белгород, ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ»: 64–70.

16. Символоков О.А. Расчетный способ определения объема газа: способ защиты гражданских прав (санкция) или способ ценообразования. Энергетическое право: модели и тенденции развития: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Белгород, ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ»: 199–204.

17. Синенко В.С., Цуканова Е.Ю. 2020. Место энергетического права в системе российского права и законодательства. Энергетическое право: модели и тенденции развития:

сборник материалов Международной научно-практической конференции. Белгород, ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ»: 131–135.

18. Тонков Е.Е. 2020. Энергетическое право как комплексная отрасль российского законодательства. Энергетическое право: модели и тенденции развития: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Белгород, ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ»: 16–20.

19. Туранин В.Ю. 2020. Интерпретация терминов в энергетическом законодательстве Российской Федерации: проблемные аспекты. Энергетическое право: модели и тенденции развития: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Белгород, ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ»: 71–74.

20. Туршук Л.Д. 2020. Проблемы деликтной ответственности в сфере энергетики. Энергетическое право: модели и тенденции развития: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Белгород, ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ»: 219–222.

21. Тычинин С.В. 2020. Проблемы правового режима единого недвижимого комплекса в энергетической сфере. Энергетическое право: модели и тенденции развития: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Белгород, ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ»: 163–172.

22. Цуканов О.В., Бочаров В.А. 2020. Некоторые вопросы ответственности энергосбытовой компании при поставке электроэнергии. Энергетическое право: модели и тенденции развития: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Белгород, ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ»: 223–227.

23. Chen Aihua. 2020. Three dimensions of the modification of electricity act: environment, democracy and justice. Energy law: models and trends of development: collection of materials of the International scientific and practical conference. Belgorod, ID «BelGU» NIU «BelGU»: 75–81.

24. Leishan Kang. 2020. Problems and Countermeasures: the Development Report of China New Energy Insurance. Energy law: models and trends of development: collection of materials of the International scientific and practical conference. Belgorod, ID «BelGU» NIU «BelGU»: 45–51.

25. Tian Guo Xing. 2020. Legislative studies on China's Oil and Gas Law. Energy law: models and trends of development: collection of materials of the International scientific and practical conference. Belgorod, ID «BelGU» NIU «BelGU»: 214–218.

References

1. Andreev Y.N. 2020. O nekotoryh problemah grazhdansko-pravovogo regulirovaniya energosnabzheniya v Rossii. [On some problems of civil law regulation of energy supply in Russia]. In: Energeticheskoe pravo: modeli i tendencii razvitiya: sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. [Energy law: models and trends of development: collection of materials of the International scientific and practical conference]. Belgorod, ID «BelGU» NIU «BelGU»: 136–140.

2. Baranov V.A. 2020. Sistema istochnikov energeticheskogo prava v sfere teplosnabzheniya. [System of sources of energy law in the field of heat supply]. In: Energeticheskoe pravo: modeli i tendencii razvitiya: sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. [Energy law: models and trends of development: collection of materials of the International scientific and practical conference]. Belgorod, ID «BelGU» NIU «BelGU»: 82–92.

3. Bezuglyj S.N., Minasyan A.A. 2020. Energeticheskoe zakonodatel'stvo kak fokus vzaimodejstviya palat Federal'nogo Sobraniya Rossii. [Energy legislation as a focus of interaction between the chambers of the Federal Assembly of Russia]. In: Energeticheskoe pravo: modeli i tendencii razvitiya: sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. [Energy law: models and trends of development: collection of materials of the International scientific and practical conference]. Belgorod, ID «BelGU» NIU «BelGU»: 93–95.

4. Belyaeva G.S., Belyaev V.P. K voprosu o ponyatii i soderzhanii nacional'noj bezopasnosti v energeticheskoj sfere. [To the question about the concept and content of national security in the energy sector]. In: Energeticheskoe pravo: modeli i tendencii razvitiya: sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. [Energy law: models and trends of development: collection of materials of the International scientific and practical conference]. Belgorod, ID «BelGU» NIU «BelGU»: 21–24.

5. Bertovskij L.V. Osobennosti sudoproizvodstva po delam o prestupleniyah, sovershaemyh v sfere energetiki. [Features of legal proceedings in cases of crimes committed in the energy sector]. In: Energeticheskoe pravo: modeli i tendencii razvitiya: sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. [Energy law: models and trends of development: collection of materials of the International scientific and practical conference]. Belgorod, ID «BelGU» NIU «BelGU»: 141–146.

6. Varlamova A.N. 2020. Pravovoe regulirovanie konkurentnyh otnoshenij na energorynkah. [Legal regulation of competitive relations in energy markets]. In: Energeticheskoe pravo: modeli i tendencii razvitiya: sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. [Energy law: models and trends of development: collection of materials of the International scientific and practical conference]. Belgorod, ID «BelGU» NIU «BelGU»: 25–31.

7. Gabov A.V. 2020. Energeticheskoe pravo: voprosy stanovleniya i razvitiya. [Energy law: issues of formation and development]. In: Energeticheskoe pravo: modeli i tendencii razvitiya: sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. [Energy law: models and trends of development: collection of materials of the International scientific and practical conference]. Belgorod, ID «BelGU» NIU «BelGU»: 6–15.

8. Zgonnikov A.P. 2020. Nekotorye aktual'nye voprosy razvitiya energeticheskogo prava v RF. [Some topical issues of energy law development in the Russian Federation]. In: Energeticheskoe pravo: modeli i tendencii razvitiya: sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. [Energy law: models and trends of development: collection of materials of the International scientific and practical conference]. Belgorod, ID «BelGU» NIU «BelGU»: 101–105.

9. Kovtun YU.A. 2020. Problemnye aspekty pravovogo obespecheniya energeticheskoj bezopasnosti. [Problematic aspects of legal provision of energy security]. In: Energeticheskoe pravo: modeli i tendencii razvitiya: sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. [Energy law: models and trends of development: collection of materials of the International scientific and practical conference]. Belgorod, ID «BelGU» NIU «BelGU»: 106–108.

10. Kut'ko V.V. 2020. Energeticheskaya bezopasnost' kak element sistemy nacional'noj bezopasnosti gosudarstva. [Energy security as an element of the state's national security system]. In: Energeticheskoe pravo: modeli i tendencii razvitiya: sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. [Energy law: models and trends of development: collection of materials of the International scientific and practical conference]. Belgorod, ID «BelGU» NIU «BelGU»: 114–117.

11. Mishkovich Masha. 2020. YAvlyayutsya li raznye vidy energii tovarom? [Are different types of energy a commodity?] In: Energeticheskoe pravo: modeli i tendencii razvitiya: sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. [Energy law: models and trends of development: collection of materials of the International scientific and practical conference]. Belgorod, ID «BelGU» NIU «BelGU»: 228–233.

12. Morozov S.YU. 2020. Aktual'nye problemy pravovogo regulirovaniya dostavki energoresursov. [Actual problems of legal regulation of energy resources delivery]. In: Energeticheskoe pravo: modeli i tendencii razvitiya: sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. [Energy law: models and trends of development: collection of materials of the International scientific and practical conference]. Belgorod, ID «BelGU» NIU «BelGU»: 151–159.

13. Novikova A.E. 2020. Sistematizaciya pravozashchitnyh riskov tekhnicheskogo poryadka. [Systematization of human rights risks of a technical order]. In: Energeticheskoe pravo: modeli i tendencii razvitiya: sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. [Energy law: models and trends of development: collection of materials of the International scientific and practical conference]. Belgorod, ID «BelGU» NIU «BelGU»: 118–121.

14. Rednikova T.V. 2020. Vozobnovlyaemaya energetika: perspektivy razvitiya otrasli i ee vliyanie na sostoyanie okruzhayushchej sredy. [Renewable energy: prospects for the development of the industry and its impact on the environment]. In: Energeticheskoe pravo: modeli i tendencii razvitiya: sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. [Energy law: models and trends of development: collection of materials of the International scientific and practical conference]. Belgorod, ID «BelGU» NIU «BelGU»: 126–130.

15. Salieva R.N. 2020. Obshchestvennye otnosheniya v sfere energetiki i energeticheskoe zakonodatel'stvo v sovremennoj Rossii. [Public relations in the energy sector and energy legislation in modern Russia]. In: Energeticheskoe pravo: modeli i tendencii razvitiya: sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. [Energy law: models and trends of development: collection of materials of the International scientific and practical conference]. Belgorod, ID «BelGU» NIU «BelGU»: 64–70.

16. Simvolokov O.A. Raschetnyj sposob opredeleniya ob"ema gaza: sposob zashchity grazhdanskih prav (sankciya) ili sposob cenoobrazovaniya. [Calculation method for determining the volume of gas: a method for protecting civil rights (sanction) or a method for pricing]. In: Energeticheskoe pravo: modeli i tendencii razvitiya: sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-

prakticheskoj konferencii. [Energy law: models and trends of development: collection of materials of the International scientific and practical conference]. Belgorod, ID «BelGU» NIU «BelGU»: 199–204.

17. Sinenko V.S., Cukanova E.YU. 2020. Mesto energeticheskogo prava v sisteme rossijskogo prava i zakonodatel'stva. [The place of energy law in the system of Russian law and legislation]. In: Energeticheskoe pravo: modeli i tendencii razvitiya: sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. [Energy law: models and trends of development: collection of materials of the International scientific and practical conference]. Belgorod, ID «BelGU» NIU «BelGU»: 131–135.

18. Tonkov E.E. 2020. Energeticheskoe pravo kak kompleksnaya otrasl' rossijskogo zakonodatel'stva. [Energy law as a complex branch of Russian legislation]. In: Energeticheskoe pravo: modeli i tendencii razvitiya: sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. [Energy law: models and trends of development: collection of materials of the International scientific and practical conference]. Belgorod, ID «BelGU» NIU «BelGU»: 16–20.

19. Turanin V.YU. 2020. Interpretaciya terminov v energeticheskom zakonodatel'stve Rossijskoj Federacii: problemnye aspekty. [Interpretation of terms in the energy legislation of the Russian Federation: problematic aspects]. In: Energeticheskoe pravo: modeli i tendencii razvitiya: sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. [Energy law: models and trends of development: collection of materials of the International scientific and practical conference]. Belgorod, ID «BelGU» NIU «BelGU»: 71–74.

20. Turshuk L.D. 2020. Problemy deliktnoj otvetstvennosti v sfere energetiki. [Problems of tort liability in the energy sector]. In: Energeticheskoe pravo: modeli i tendencii razvitiya: sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. [Energy law: models and trends of development: collection of materials of the International scientific and practical conference]. Belgorod, ID «BelGU» NIU «BelGU»: 219–222.

21. Tychinin S.V. 2020. Problemy pravovogo rezhima edinogo nedvizhimogo kompleksa v energeticheskoj sfere. [Problems of the legal regime of a single real estate complex in the energy sector]. In: Energeticheskoe pravo: modeli i tendencii razvitiya: sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. [Energy law: models and trends of development: collection of materials of the International scientific and practical conference]. Belgorod, ID «BelGU» NIU «BelGU»: 163–172.

22. Cukanov O.V., Bocharov V.A. 2020. Nekotorye voprosy otvetstvennosti energosbytovoj kompanii pri postavke elektroenergii. [Some issues of responsibility of an energy sales company for the supply of electricity]. In: Energeticheskoe pravo: modeli i tendencii razvitiya: sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. [Energy law: models and trends of development: collection of materials of the International scientific and practical conference]. Belgorod, ID «BelGU» NIU «BelGU»: 223–227.

23. Chen Aihua. 2020. Three dimensions of the modification of electricity act: environment, democracy and justice. In: Energy law: models and trends of development: collection of materials of the International scientific and practical conference. Belgorod, ID «BelGU» NIU «BelGU»: 75–81.

24. Leishan Kang. 2020. Problems and Countermeasures: the Development Report of China New Energy Insurance. In: Energy law: models and trends of development: collection of ma-terials of the International scientific and practical conference. Belgorod, ID «BelGU» NIU «BelGU»: 45–51.

25. Tian Guo Xing. 2020. Legislative studies on China's Oil and Gas Law. In: Energy law: models and trends of development: collection of materials of the International scientific and practical conference. Belgorod, ID «BelGU» NIU «BelGU»: 214–218.

Ссылка для цитирования статьи
For citation

Габов А.В., Тонков Е.Е., Тычинин С.В., Туршук Л.Д. 2020. Энергетическое право: модели и тенденции развития (обзор докладов международной научно-практической конференции). NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 45 (1): 189–202.
DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-1-189-202

Gabov A.V., Tonkov E.E., Tychinin S.V., Turshuk L.D. 2020. Energy law: models and trends of development (review of reports of the international scientific and practical conference). NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law.45 (1): 189–202. (in Russian).
DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-1-189-202

РЕЦЕНЗИИ

REVIEW

УДК 130.2
DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-1-203-204

НА ВЕСАХ «ГОРИЗОНТАЛИ» И «ВЕРТИКАЛИ». РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ М.А. ИГНАТОВА «СЕТЕВАЯ ПАРАДИГМА В КУЛЬТУРЕ И НАУКЕ»[1]

ON SCALES "HORIZONTAL" AND "VERTICAL". REVIEW OF THE MONOGRAPH BY M.A. IGNATOVA "NETWORK PARADIGM IN CULTURE AND SCIENCE"

Р.А. Дунаев, М.Б. Дунаева
R.A. Dunaev, M.B. Dunaeva

Белгородский государственный институт искусств и культуры,
Россия, 308033, г. Белгород, ул. Королева, 7

Belgorod State Institute of arts and culture,
7 Koroleva St, Belgorod, 308033, Russia

E-mail: dunaev_r@bk.ru

В настоящее время феномен сети достаточно заметен, он проговаривается в сетевом обществе, сетевом мышлении, различных сетях коммуникации и сетевых организациях и структурах. Кажется, что сеть поглотила все и стала всем. Необходимо понять, так ли это, в чем и помогает монография Михаила Александровича Игнатова «Сетевая парадигма в культуре и науке», изданная в 2018 году.

Автор монографии достаточно ожидаемо начинает свое исследование с анализа подходов к определению того, чем является сеть, называя это концептуализацией сетевой парадигмы. Парадигма действительно сложилась, причем М.А. Игнатов прослеживает её начало в «английском тумане европейской философии», возводя к работам Ф. Бэкона, Д. Дидро, Г. Тарда, и далее к этнометодологии Г. Гарфинкеля, номадологии Ж. Делеза, акторно-сетевой теории Б. Латура и сетевой социологии Л. Болтански. Общая линия, скрепляющая или соединяющая в концептуальную сеть (автор, исследуя сеть, сам реконструирует концептуальную сеть сетевой парадигмы) указанных авторов, включает несколько смыслов. Первый из них состоит в том, что сетевая парадигма является «особым видом, новым образом культуры, претерпевшей сложные метаморфозы» в европейской культуре. Второй заключается в определении сетевой парадигмы как «нового проекта социальных наук», а также, и это третье, в характеристике сетевой парадигмы как нового мышления, нового вида «нелинейных, горизонтальных связей, ассоциаций, состоящих из множества несоциальных сущностей».

Вывод, к которому приходит М.А. Игнатов в результате реконструкции сетевой парадигмы, состоит в том, что сеть является как исторически обусловленной формой связи,

[1] М.А. Игнатов. «Сетевая парадигма в культуре и науке» : монография. – Белгород : Белгород БелГУ : НИУ "БелГУ", 2018. 158 с.

M.A. Ignatov. «Setevaya paradigma v kul'ture i nauke» [Network paradigm in culture and science]. Belgorod. Belgorod BelGU : NIU "BelGU", 2018. 158 p.

так и специфической формой ментальности, особым мышлением, присущим сетевой культуре. Как форма связи сеть характеризуется через раскрытие оппозиций горизонтали и вертикали: «произведя сравнительную аналитику системных подходов с одной стороны, и сетевой парадигмы с другой, и уточнив качественную специфику обеих (вертикаль vs горизонтали), мы смогли заключить, что движение по вертикали предполагает только движение по прямой, тогда как движение по горизонтали может протекать по-разному. В этом смысле горизонталь – это образ «весов», где, в отличие от вертикали, единицей измерения выступает не масса и количество, а качество объекта или показатель эффективности процесса» [Игнатов, 2018, с.154]. И в культуре сосуществуют обе формы связи – и системная, и сетевая. Горизонталь и вертикаль сосуществуют и дополняют друг друга, как пишет Михаил Александрович, являясь в широком смысле парадигмами развития культуры: «Можно предположить, что в широком смысле "горизонталь" и "вертикаль" это две парадигмы развития культуры, каждая из которых двигает её эволюцию, вопрос должен ставиться не столько о прерогативах какой-то одной тенденции, сколько о возможностях их сопряжения в целостной системе культуры» [Игнатов, 2018, с.154].

Тип связей, именуемый автором «горизонталью», безусловно свойственен и самому мышлению, присущему носителям сетевой культуры. Сетевое мышление, или net-мышление, оценивается в работе неоднозначно, поскольку остро ставит проблему ответственности, но также открывает и новые перспективы. Они, в частности, раскрываются в возможности преодоления отчужденности человека. Сетевые виртуальные миры открывают практически неограниченные ресурсы для самореализации, равно как и проблематизируют ответственность за свои действия. Этика сетевого поведения остается за пределами данной работы, но её контуры очерчены проблемой виртуализации свободы человека в сетевом мире. Вслед за онтологией и антропологией сети, выстроенной М.А. Игнатовым, этика сети будет вполне логичной в качестве темы последующих изысканий.

Описание сетевых сообществ в контексте субкультурного подхода также представляет интерес и, прежде всего, в предлагаемом определении субкультур через коммуникацию: «… субкультуры, будучи специфическими подсистемными сообществами и группами с выраженными чертами и "опознающими" признаками своей "субкультурности" – это, прежде всего, коммуникация, в границах которой носители той или иной субкультурной принадлежности реализуют все свои коммуникативные акты, формируют свои "сакральные" специфические концепты и дискурсы, выраженные в языках "вторичных" знаково-символических форм и системах – от мифологических до интернет-дискурса» [Игнатов, 2018, с.157]. Сети, ставшие возможными с развитием медиа, делают коммуникацию ключевым фактором в анализе и самих сетей, и субкультур. Та самая горизонталь выстраивается между многими пользователями социальных медиа, формирует сообщества, объединенные вокруг какой-либо идеи, при этом оставляя открытым вопрос возможного «застывания» первоначально гибких и подвижных структур. Внутри горизонтали может «прорастать» также и вертикаль. Это становится понятно, когда автор пишет о том, что субкультуры приобретают корпоративный характер и характеризуются закрытостью и непрозрачностью, иерархичностью и строгой дисциплиной [Игнатов, 2018, с.139].

По мнению М.А. Игнатова, это говорит о том, что «социально-психологические механизмы формирования виртуальных сообществ во многом сохраняют универсальную логику, присущую и "досетевому" периоду. Сеть пока не очень серьезно трансформировала психику, скорее фантомы и фантазмы социальной психики обжили сеть» [Игнатов, 2018, с.139–140]. И это так, – сеть виртуального мира как место обитания человека достаточно новое явление. Однако можно добавить в соответствии с ранее высказанной в монографии идеей, что «вертикаль» всегда рядом с «горизонталью», она уже есть, и даже не всегда рядом, но и внутри. Поэтому её возникновение в новом сетевом мире не удивительно, а скорее закономерно. Весы, как пишет Михаил Александрович, могут качнуться в любую сторону.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ABOUT AUTHORS

Алехнович А.С.	–	аспирант кафедры философии Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Бараниченко Н.В.	–	аспирант кафедры философии, культурологи, науковедения Белгородского государственного института искусств и культуры
Брисов Ю.В.	–	магистр права, магистр американского права (American LL.M.), аспирант кафедры гражданского права, преподаватель факультета дополнительного профессионального образования Российского государственного университета правосудия
Габов А.В.	–	доктор юридических наук, член корреспондент РАН, заслуженный юрист РФ, главный научный сотрудник Института государства и права РАН
Гладков Д.И.	–	аспирант кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
Гончаренко И.В.	–	аспирант кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
Дунаев Р.А.	–	кандидат философских наук, доцент кафедры философии, культурологи, науковедения Белгородского государственного института искусств и культуры
Дунаева М.Б.	–	аспирант кафедры философии, культурологии, науковедения Белгородского государственного института искусств и культуры
Жукова Н.А.	–	кандидат юридических наук, заведующая кафедрой судебной экспертизы и криминалистики, доцент Белгородского государственного национального исследовательского университета
Колесников С.А.	–	доктор филологических наук, профессор Белгородского юридического института МВД РФ им. И.Д. Путилина, проректор по научной работе Белгородской духовной семинарии
Кошлаков Д.М.	–	старший преподаватель кафедры гуманитарных и социальных дисциплин Брянского государственного технического университета
Кузьменков В.А.	–	кандидат философских наук, преподаватель кафедры социально-философских дисциплин Орловского юридического института МВД РФ имени В.В. Лукьянова
Лебедева Л.Г.	–	магистр педагогических наук, старший преподаватель кафедры социологии и психологии Самарского государственного экономического университета
Лыткин В.В.	–	доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой религиоведения, социально-культурной антропологии и туризма Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского
Мархгейм М.В.	–	доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и международного права Белгородского государственного национального исследовательского университета
Михальцов Н.Н.	–	магистр богословия, старший преподаватель кафедры библеистики и богословия Белгородской православной духовной семинарии
Ольхов П.А.	–	доктор философских наук, профессор кафедры философии итеологии Белгородского государственного национального исследовательского университета

Осипова А.В.	–	аспирант кафедры религиоведения, социально-культурной антропологии и туризма Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского
Пенской В.В.	–	доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Белгородского государственного национального исследовательского университета
Пожарова Л.А.	–	кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Белгородского государственного национального исследовательского университета
Реутин М.Ю.	–	доктор философских наук, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Тонков Е.Е.	–	доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, директор юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета
Туранин В.Ю.	–	доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Белгородского государственного национального исследовательского университета
Туршук Л.Д.	–	кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Белгородского государственного национального исследовательского университета
Тычинин С.В.	–	доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Белгородского государственного национального исследовательского университета
Факеева Л.Е.	–	аспирант кафедры теории и истории государства и права Амурского государственного университета
Чепунов О.И.	–	доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Черенкова А.И.	–	студентка Юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета
Черкесова К.И.	–	старший преподаватель кафедры философии, культурологии, науковедения Белгородского государственного института искусств и культуры
Шарабарин С.М.	–	аспирант кафедры философии, культурологии, науковедения Белгородского государственного института искусств и культуры
Швырков А.И.	–	кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин Брянского государственного технического университета
Штомпель Л.А.	–	доктор философских наук, профессор кафедры теории культуры, этики и эстетики Южного федерального университета
Штомпель О.М.	–	доктор философских наук, профессор кафедры теории культуры, этики и эстетики Южного федерального университета
Юсупов Р.З.	–	кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процессуального и предпринимательского права Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева
Ярощук И.А.	–	кандидат филологических наук, доцент кафедры судебной экспертизы и криминалистики Белгородского государственного национального исследовательского университета